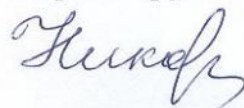

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.А. ДОБРЮЛЮБОВА»

На правах рукописи

НИКОНОВА ЖАННА ВИКТОРОВНА

**КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ИЛЛОКУТИВНОГО ДЕЙКСИСА
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Специальности: 10.02.19 – теория языка

10.02.04 – германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Нижний Новгород – 2016

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЛЛОКУТИВНОГО ДЕЙКСИСА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ..	25
1. Теоретические аспекты лингвистического анализа иллокутивной составляющей речевого акта.....	25
1.1. Иллокутивное значение речевого акта: постановка проблемы.....	25
1.2. Общие положения теории речевых актов.....	32
1.3. Речевой акт: проблема определения и лингвистического анализа.....	39
1.4. Иллокутивная составляющая речевого акта: проблема определения и основные подходы к описанию.....	50
1.4.1. Перформативный подход.....	52
1.4.2. Функциональный подход.....	64
1.4.3. Деятельностный подход.....	71
2. Проблематика лингвистического анализа иллокутивной семантики речевого акта.....	92
2.1. Ситуативная обусловленность и гетерогенный характер иллокутивной составляющей речевого акта.....	93
2.2. Иллокутивная составляющая речевого акта в когнитивном аспекте. Иллокутивные знания.....	100
3. Теоретические основания фреймового моделирования иллокутивной составляющей речевого акта.....	116
3.1. Фреймовый анализ как метод лингвистического исследования иллокутивной составляющей речевого акта.....	116
3.1.1. Фрейм в трактовке разных авторов.....	117
3.1.2. Основные типы фреймов.....	122
3.1.3. Фрейм и значение.....	127
3.2. Фрейм и значение речевого акта.....	138

3.3. Лингвокогнитивная природа фрейма	151
3.4. Иллокутивный дейксис: предпосылки к развитию теории.....	158
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	162
ГЛАВА 2. ИЛЛОКУТИВНЫЙ ДЕЙКСИС В ПАРАДИГМАТИКЕ И СИНТАГМАТИКЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА...	170
2.1. Компоненты плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта в свете теории фреймов и их дейктические проекции в парадигматике и синтагматике немецкого языка.....	170
2.1.1. Структура фреймов типовых иллокуций в языке. Дейксис типовых иллокуций в немецком языке.....	171
2.1.2. Парадигматическая организация перформативов-номинаторов иллокутивных актов в современном немецком языке	180
2.1.3. Фреймовая структура плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта в статичном (сетевом) представлении.....	204
2.1.3.1. Слоты «решение» и «прообраз перлокутивного эффекта». Речевые акты саморефлексии как средство иллокутивного дейксиса в немецком языке.....	205
2.1.3.1.1. Слот «решение».....	205
2.1.3.1.2. Слот «прообраз перлокутивного эффекта».....	217
2.1.3.2. Слоты «содержание иллокутивной силы» и «интенсивность реализации иллокутивной силы». Эскплицитные и имплицитные средства иллокутивного дейксиса в немецком языке.....	227
2.1.3.2.1. Слот «содержание иллокутивной силы».....	227
2.1.3.2.1.1. Метафрейм «Репрезентативная иллокутивная сила».....	231
2.1.3.2.1.2. Метафрейм «Директивная иллокутивная сила».....	238
2.1.3.2.1.3. Метафрейм «Комиссивная иллокутивная сила».....	245
2.1.3.2.1.4. Метафрейм «Экспрессивная иллокутивная сила».....	250
2.1.3.2.1.5. Метафрейм «Декларативная иллокутивная сила».....	255
2.1.3.2.2. Слот «интенсивность реализации иллокутивной силы».....	260

2.2. Фреймовая структура речевого акта в динамичном представлении. Иллокутивная структура дискурса как средство иллокутивного дейксиса...	267
2.3. Реализация принципов фреймового анализа иллокутивной составляющей речевого акта.....	287
2.4. Выявление дейктических проекций смысловых компонентов иллокутивной составляющей речевого акта в дискурсе (на примере речевого акта служебного поручения).....	300
2.4.1. Компоненты плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта служебного поручения.....	300
2.4.2. Экспликатеры иллокутивной семантики речевого акта служебного поручения в дискурсе.....	304
2.4.3. Иллокутивный дейксис в простых и сложных речевых актах служебного поручения.....	314
2.4.4. Взаимодействие средств иллокутивного и социального дейксиса в речевых актах служебного поручения.....	320
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	331
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	343
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	359
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	422
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	426
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	431
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	432
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	433
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	434
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	435
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.....	447
ПРИЛОЖЕНИЕ 6.....	448

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентризм, ставший ведущим направлением лингвистических исследований на рубеже XX – XXI веков, строится на положении о человеке как центре и высшей цели «всех совершающихся в мире событий» [ФЭС 2005: 25].

Принцип «человека в языке» [Бенвенист 1974], или антропоцентрический принцип, лежит в основе разграничения двух аспектов рассмотрения языковых явлений, обозначенных В.А. Звегинцевым как *язык в его состоянии* и *язык в его деятельности*: «Если быть до конца честным, то следует признать, что при изучении языка в его состоянии как замкнутой в себе структуры его отношение к человеку, когда оно и постулируется, обычно носит декларативный характер. ... перед исследователем остается лишь автономное и авторитарное образование – язык «в самом себе и для себя», человек же «оказывается за пределами языка» [Звегинцев 2001: 164].

Современный этап лингвистических исследований, ориентированный на рассмотрение языка в процессе его реализации, акцентирует внимание на изучении речевого произведения во всей совокупности его вербальных и невербальных составляющих, как результата акта коммуникативной деятельности человека, выступающего в роли познающего и деятельного субъекта.

Деятельностный подход при рассмотрении фактов функционирования языка предполагает обращение к различным внешним и внутренним условиям акта коммуникации, влияющим на выбор говорящим языковых средств при реализации им речевого акта (далее также – РА). Определяющей признается при этом иллокутивная функция высказывания или (фрагмента) дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА. В современных исследованиях процессов речевого общения постулируется, что иллокуция является неотъемлемой частью любого РА, определяя способ вербального воплощения (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т. Баллмер, В. Бреннестуль,

М. Бирвиш, В.В. Богданов, Д. Вандервекен, А. Вежбицка, З. Вендлер, Дж. Версурен, Т. ван Дейк, Ф. Кифер, И.М. Кобозева, В. Мотч, Дж. Остин, Г.Г. Почепцов, Дж. Сёрль, Ф. Реканати, Ю.С. Степанов, Ж. Фоконье и др.).

Иллокуция как составляющая РА наряду с его локуцией и перлокуцией (Дж. Остин, Дж. Сёрль и др.) обнаруживает широкий репрезентативный аспект. Она есть коммуникативная интенция РА, отражающая интенциональное состояние говорящего (И.М. Кобозева, И.П. Сусов, В.Н. Василина и др.). Иллокутивная функция лежит в основе формирования РА и предстает как использование высказывания для достижения определенной иллокутивной цели (Д. Вандервекен, Дж. Остин, Дж. Сёрль, Г.Г. Почепцов и др.), а также интенсивность проявления иллокутивной силы, которая обнаруживается в категоричности высказывания и в эмоциональной экспрессии и оценочности РА (А.С. Стаценко, В.А. Гамурар, С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривоносова, Т.Е. Янко и др.).

Разноуровневые языковые средства, формирующие иллокутивное значение РА, рассматриваются лингвистами в зависимости от их иллокутивной маркированности в речевом акте в рамках дихотомии «иллокутивная нейтральность» - «иллокутивность» (иллокутивная маркированность), однако в силу высокой ситуативной обусловленности иллокутивного значения РА и полиаспектности иллокуции речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА, их выявление и описание на современном этапе развития лингвистической прагматики представляет проблему теоретического и практического характера (З. Ведлер, Дж. Версунен, В. Мотч, О.Е. Поляк, А.А. Романов, Н.А. Трофимова, Л.П. Чахоян и др.).

Развитие в последние десятилетия когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике позволяет по-новому взглянуть на язык в его деятельностном аспекте и вскрыть функциональный потенциал единиц языка, репрезентирующих различные аспекты иллокутивной составляющей

речевого акта (далее также – ИСРА) и формирующих его иллокутивное значение.

Многими современными учеными подчеркивается, что иллокуция онтологически связана с когницией. Она является результатом иллокутивного акта в сознании говорящего, обеспечиваемым языковым фактором взаимодействия разноуровневых вербальных средств на функциональном уровне (М. Ариэль, А. Буркхардт, Р. Гётц, Дж. Грубер, Т. ван Дейк, Й. Дёллинг, Н. Ден, Ф. Дёрге, Ф. Кифер, Л. Коэн, А. Кэшер, С. Крэмер, С. Левинсон, Ф. Лидтке, В. Мотч, Ф. Реканати, Дж. Фодор, Р. Хадсон, Г. Харрас и др.). Данный факт полностью согласуется с результатами исследований проблем порождения речи в психолингвистике (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Ахутина, Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и др.) и проблем языковых категорий как особого формата знания и их роли в организации и функционирования языка, концептуализации и категоризации окружающего мира и языковых единиц, в когнитивной лингвистике (Н. Ден, Ч. Филлмор, Дж. Фодор, Дж. Грубер, Р. Лангакер, Дж. Лакофф, Н.Н. Болдырев, С.Д. Кацнельсон, Н.А. Кобрина, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова и др.).

Теоретической базой настоящего исследования послужили положения, разрабатываемые в лингвистической прагматике и когнитивной лингвистике, в целом, и в развиваемых в рамках данных направлений науки о языке теориях, а также в функциональной грамматике традиционного направления, в психолингвистике, в философии языка:

- об антропоцентризме языковой системы и языковой картины мира (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, Г.И. Богин, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Г.В. Степанов, В.Н. Телия, А.М. Шахнарович);
- о речевом акте как единице коммуникации и деятельностной природе речевого акта, отраженной в работах основоположников и представителей

теории речевых актов и психолингвистики (J. Austin, G. Harras, G. Helbig, G. Hinderlang, W. Motsch, J. Searle, D. Viehweger, D. Wunderlich, Л.С. Выготский, И.Н. Горелов, Н.И. Жинкин, В.А. Звегинцев, И.А. Зимняя, С.Д. Кацнельсон, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Л.В. Сахарный, А.М. Шахнарович, Л.В. Щерба);

- о простых и сложных речевых актах и дискурсе как последовательности речевых актов (Н.Д. Арутюнова, В.И. Карабан, В.В. Красных, И.П. Сусов);

- о перформативности речевого акта и перформативном глаголе как номинаторе иллокутивного значения речевого акта (Дж. Остин, Дж. Серль, Т.А. ван Дейк, Е.Г. Романова, О.А. Россолова, И.В. Четыркина, А.В. Шемякина);

- о языке как когнитивной способности человека (Ж. Фоконье, Н.Н. Болдырев, Н.А. Кобрин, У. Крофт, Е.С. Кубрякова);

- о взаимосвязи концептуального и языкового уровней (О.А. Алимуратов, Н.Н. Болдырев, С.Д. Кацнельсон, А. Кларк, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, А.А. Потенция);

- о процессах формирования и вербализации говорящим концепта и его видах (О.А. Алимуратов, Н.Н. Болдырев);

- о фрейме и фреймовом анализе феноменов языка (J. Andor, T.A. van Dijk, C.J. Fillmore, J.A. Fodor, S.J. Gruber, G. Harras, Th.R. Hofmann, R.W. Langacker, M. Mynsky, R.C. Schank, B. Katz, В.А. Звегинцев);

- о фреймах речевых актов (Т.А. ван Дейк);

- о динамичном характере категории «смысл» и многообразных связях между его компонентами и другими объектами (В. Адмони, А.В. Бондарко, М.Я. Блох, В.А. Звегинцев, А.Е. Кибрик, А.С. Кравец, Н.А. Трофимова, А.А. Худяков);

- о роли интенциональности в процессах порождения говорящим глобального смысла в акте коммуникации (О.А. Алимуратов, И.М. Кобозева);

- о разнонаправленности связей «знак–значение–смысл» (О.А. Алимуратов);
- о функциональном характере динамики процессов языковой концептуализации и категоризации (Л. Барсалоу, Н.Н. Болдырев, Т.А. Клепикова, Н.А. Кобринина);
- о лингвистических метарепрезентациях (Т.А. Клепикова);
- о языковом дейксисе и его связи с речевой ситуацией (W. Collinson, K. Lyons, S. Levinson, Ю.Д. Апресян, К. Бюлер, Е.Л. Ерзинкян, Ч. Пирс, Н.А. Сребрянская, Ч. Филлмор).

Теоретической предпосылкой настоящего диссертационного исследования выступила развиваемая в зарубежной лингвистике теория когнитивной прагматики, основные положения которой представлены в работах, посвященных разработке проблем когнитивных процессов формирования прагматического знания использования языка [Kasher 1989, 1991a, 1991b; Vanderveken 1990; Witczak-Plisiecka 2014 и др.] и теоретических проблем прагматики [Ariel 1990; Dijk van 1981; Dörge 2004; Doll 1979; Félix-Brasdefer 2006; Götz 1980; Handl 2003; Hansen 2008; Harras 1983; Krämer 2006; Levinson 2000; Motsch 1978; Motsch, Vieweger 1981; Sander 2002; Sperber, Wilson 1986; Wierzbicka 1972; Zecher 1999 и др.].

Основные положения данных исследований составляют основу для изучения и описания процессов формирования иллокутивного значения РА как отражения результатов концептуализации референтной ситуации общения в языковом сознании говорящего и осмысления феномена иллокутивного дейксиса как совокупности языковых средств, индексирующих константные и ситуативно обусловленные компоненты концептуального содержания ИСРА.

Разработка теоретических оснований исследования иллокутивного дейксиса в когнитивном аспекте становится возможной при обращении к фактору динамики концептуальной системы человека как субъекта РА, к

процессам оперирования говорящим знанием, обеспечивающим осуществление РА с заданной иллокутивной силой. В этой связи необходимым оказывается рассмотрение онтологической основы ИСРА, которая выступает базисом функционального потенциала иллокутивного дейксиса в языке и речи. Учитывая роль фреймовых структур в процессах хранения знаний о речевых актах, их основных типах, средствах и способах выражения, которая подчеркивается в работах зарубежных и отечественных ученых (Т. А. ван Дейк, В.В. Красных, Л.В. Правикова и др.), основным методом исследования когнитивных основ иллокутивного дейксиса в настоящей работе выступает фреймовый анализ.

Обращение в настоящей диссертации к исследованию феномена ИСРА в свете теории фреймов в полной мере отвечает потребностям современной лингвистической науки в связи с наметившейся в лингвистике тенденцией изучения языка на «принципах увязки внеязыковых факторов с языковой действительностью» [Костомаров 2005] и выдвижением на передний край его когнитивной функции (Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова). Исследование иллокутивного значения в свете теории фреймов отвечает также современным тенденциям развития лингвистической прагматики и её центральной концепции – теории речевых актов, рассматривающей РА как коммуникативный акт, имеющий «две структурные составляющие – ситуацию как фрагмент существующей реальности и дискурс как вербализованную речемыслительную деятельность в этой ситуации» [Красных 1999а: 413-414].

Выполненное исследование позволило смоделировать структуры иллокутивного знания, лежащие в основе иллокутивного значения речевого акта и получающие репрезентацию посредством разноуровневых единиц языка и речи. В работе выявлены когнитивные основы иллокутивного дейксиса, установлены концептуальные признаки, конституирующие инвариантные компоненты концептуального содержания иллокутивного акта, организованного в виде фрейма [Austin 1972, 1973; Grice 1989; Recanati

1987; Searle 1969 и др.], и построена прототипическая модель ИСРА, использование которой при фреймовом анализе РА дает возможность установить его иллокутивное значение в конкретной коммуникативной ситуации.

Актуальность исследования обусловлена *несколькими* факторами. Одним из главных факторов является *необходимость заполнения множества лагун* в исследовании иллокутивной семантики речевого акта, связанных с терминологической неопределенностью иллокутивного значения и необходимостью комплексного подхода к исследованию ИСРА, предполагающего проведение лингвистического анализа РА с учетом его концептуального содержания.

Тесная взаимообусловленность различных лингвистических теорий, объясняющих протекание акта коммуникации, предопределяет и другой немаловажный фактор **актуальности** настоящего исследования – проведение исследования *на пересечении нескольких активно развивающихся отраслей лингвистического знания* – функциональной грамматики, лингвистической прагматики и когнитивной лингвистики.

Процессы концептуализации и языковой категоризации в процессе акта коммуникации рассматриваются в последнее десятилетие в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, предполагающей многофакторный анализ каждого изучаемого явления в языке и речи с точки зрения его роли в осуществлении как познавательных, так и коммуникативных процессов [Ирисханова 2004; Лузина 2006 и др.], «на пересечении когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004: 325], в равной степени детерминирующих специфику языка и его устройство [Лузина 2006: 44].

Применение в настоящей работе фреймового анализа как метода исследования ИСРА, т.е. рассмотрение предмета исследования на пересечении теории прагматики и теории фреймов, подтверждает данный тезис.

Однако на современном этапе развития когнитивной науки теория фреймов в лингвистике характеризуется рядом нерешенных проблем.

В частности, в научной литературе отсутствуют исследования, раскрывающие специфику фрейма РА как структуры представления знаний, соотносящейся со значением не отдельных вербальных единиц (лексическим, грамматическим, фразеологическим, стилистическим, прагматическим), а со значением высказывания/ дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА.

Разработка положений фреймового анализа РА осложняется также тем, что в современной лингвистике не представлено четких параметров фреймового анализа феноменов языка и речи, требующих, в свою очередь, уточнения имеющихся в научной литературе дефиниций фрейма в практических целях лингвистических исследований.

Тем самым **актуальность** настоящего исследования продиктована *значимостью разработки принципов и положений фреймового анализа применительно к речевым актам как методологической основы для комплексного анализа иллокутивной составляющей речевых актов и необходимостью дальнейших исследований речевого акта как единицы коммуникации в когнитивном аспекте.*

Выбор в качестве материала исследования современного немецкого языка продиктован не только *отсутствием подобных работ в германистике*, но и другими чисто *языковыми* и *неязыковыми* причинами.

К первым можно отнести тот факт, что современный немецкий язык отличается, по мнению различных исследователей (А.Н. Богданова, Р.А. Газизов, С. Мартен-Клеф, Д.Р. Низеева, Е.В. Руди и др.), достаточно развитой системой коммуникативных форм и стратегий реализации отдельных иллокутивных типов речевых актов (в частности, этикетных речевых актов). Изучение причин, лежащих в основе формирования в немецком языке плана содержания и плана выражения иллокутивной составляющей речевых актов, позволит наилучшим образом выявить и

описать механизмы вербализации иллокутивного значения речевого произведения, поскольку «язык представляет собой по сути экстериоризованное знание; и, следовательно, лингвистика как наука о языке помогает проникнуть в интериоризованные процессы, протекающие в сознании» [Гришаева 1999: 11].

В качестве причины неязыкового плана хотелось бы назвать тот значительный опыт, который накопила германистика в последние десятилетия в изучении языковых единиц в немецком языке, служащих, в том числе, для обозначения и реализации различных типов речевых актов. В данном случае следует назвать исследования, посвященные: выявлению глаголов речи и речевой деятельности ([Ветюгова 2004], [Минина 1979] и др.), глаголов социальных отношений ([Мосейчук 1973], [Сухарева 2005] и др.), глаголов поведения ([Гришаева 1999] и др.), глаголов власти ([Красильникова 2007] и др.), перформативных, в частности, перлокутивных, глаголов ([Кирьякова 2009] и др.); выявлению коммуникативных концептов, имеющих наименования с помощью глагольных лексем в системе языка, плана содержания и плана выражения отдельных коммуникативных концептов ([Ballmer, Brennenstuhl 1981] и др.); установлению концептуального содержания и лингвокультурной специфики реализации отдельных типов речевых актов ([Благий 1994]; [Авдосенко 2003]; [Сковородина 2004]; [Низеева 2010]; [Руди 2011] и мн. др.).

Имеющийся опыт германистов и разработчиков проблем лингвистической прагматики и когнитивной лингвистики мотивировал осмысление феномена иллокутивного дейксиса и применение фреймового анализа к исследованию ИСРА в предлагаемом исследовании.

Научная новизна работы заключается в том, что в диссертации впервые в научной практике разработана *концепция* иллокутивного дейксиса, в рамках которой предложены *теория* фреймового моделирования ИСРА и *прототипическая фреймовая модель* ИСРА. Кроме того, научная новизна исследования заключается в следующем:

- *выявлены и систематизированы* компоненты плана содержания ИСРА;
- *предложены трактовки* понятий ИСРА, иллокутивного дейксиса, фрейма, фрейма речевого акта в рамках когнитивной прагматики;
- *предложена* новая трактовка корреляции различных аспектов иллокутивного акта и их дейктических проекций в дискурсе;
- *доказана* роль фреймового анализа как объективного метода лингвистического анализа плана содержания ИСРА;
- *выявлены и систематизированы* на материале немецкого языка универсальные смысловые компоненты, формирующие план содержания ИСРА;
- *предложена* на материале немецкого языка объяснительная модель фрейма ИСРА в деятельностном аспекте РА;
- *разработан* алгоритм фреймового анализа ИСРА;
- *разработана* на материале немецкого языка типологизация средств иллокутивного дейксиса, актуализирующих в дискурсе различные смысловые компоненты ИСРА.

Предметом изучения в настоящей работе является дейктическая составляющая иллокутивного акта в совокупности универсальных смысловых компонентов, облигаторно представленных в любом речевом произведении, выступающем вербальным коррелятом речевого акта, и актуализируемых в речи посредством различных языковых средств.

Объектом исследования выступают разноуровневые языковые средства, имеющие в речевых актах дейктическую функцию по отношению к различным аспектам иллокутивного акта.

Цель работы заключается в выявлении дейктических проекций универсальных смысловых компонентов иллокутивной составляющей речевого акта в парадигматической и синтагматической системах языка и построении на материале современного немецкого языка прототипической фреймовой модели иллокутивной составляющей речевого акта.

Осуществление данной цели предполагает решение следующих конкретных задач:

- 1) сформировать теоретические основы иллокутивного дейксиса посредством выявления и описания ментальных оснований интеграционных процессов при формировании концептуального пространства РА и референциальных связей между компонентами плана содержания ИСРА и их дейктическими проекциями в парадигматической и синтагматической системах языка;
- 2) представить теоретическое обоснование прагматической категории «иллокутивная составляющая речевого акта» и показать её роль в формировании иллокутивной структуры (фрагмента) дискурса, выступающего вербальным коррелятом речевого акта;
- 3) обосновать фреймовое моделирование как методологию исследования плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта;
- 4) уточнить понятие фрейма применительно к исследованию речевого акта;
- 5) определить понятие иллокутивного дейксиса и его роль в установлении компонентов плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта;
- 6) выявить в современном немецком языке класс единиц, осуществляющих дейктическую функцию по отношению к различным аспектам иллокутивного акта в парадигматической и синтагматической системах языка;
- 7) выявить на материале современного немецкого языка универсальные смысловые компоненты ИСРА;
- 8) построить и описать на материале современного немецкого языка прототипическую фреймовую модель ИСРА;
- 9) разработать принципы фреймового анализа ИСРА.

Решение поставленных задач осуществляется в рамках разработанной в настоящем исследовании теории иллокутивного дейксиса. Она позволяет доказать, что иллокутивное значение представлено в РА совокупностью значений разноуровневых языковых средств, выступающих дейктиками по

отношению к константным и ситуативно обусловленным компонентам концептуального содержания ИСРА.

Данная теория основана на выдвигаемом положении о том, что, выполняя функцию репрезентации акта деятельности говорящего посредством языка, иллокутивный дейксис РА формируется на основе аналогичных принципов внутрикатегорильного объединения элементов ИСРА. Это является основанием для установления концептуальных связей между объектами разных категорий, обеспечивающим осмысление объектов и событий, попадающих в фокус интерпретирующей деятельности сознания говорящего, и использование им средств языка при формировании и совершении РА. Развиваемая в настоящей работе теория иллокутивного дейксиса опирается на понятие иллокутивного знания (В.З. Демьянков, А.А. Романов и др.), которое применительно к феномену иллокутивного дейксиса понимается как знание, заложенное в его концептуальном основании и получающее актуализацию в РА в процессе интерпретирующей деятельности сознания говорящего, лежащей в основе формирования и совершения им акта деятельности по преобразованию мира посредством языка. Подход, применяемый в работе к исследованию когнитивного основания иллокутивного дейксиса РА, позволяет трактовать его как совокупность признаков иллокутивного знания, которые определяют концептуальное содержание ИСРА, отвечают за внутрикатегориальную организацию её элементов и выступают в качестве когнитивных ориентиров осмысления говорящим своей роли как субъекта РА.

Методологическим основанием исследования выступает метод прогностического моделирования когнитивных структур (фреймов), который позволяет выявить совокупность универсальных смысловых компонентов иллокутивной составляющей речевого акта, облигаторно представленных посредством дейктических проекций в любом речевом произведении, выступающим вербальным коррелятом речевого акта.

Исследование эмпирического материала проводилось с использованием **комплекса методов** научного наблюдения и лингвистического описания, включающего методы дефиниционного анализа, контекстуального анализа, систематизации, классификации материала и его объяснительного описания в статике и динамике, методы когнитивного моделирования, концептуального, семасиологического, контекстуального, трансформационного, сопоставительного, интерпретативного, перформативного и дискурсивного анализа.

В качестве основного **материала** исследования использовались корпусные базы данных немецкого языка (COSMAS), а также произведения современной немецкоязычной художественной, публицистической литературы, научной прозы. База данных для анализа составила более 10 тысяч примеров. Дополнительно в качестве языковых иллюстраций привлекались примеры из справочной и художественной литературы на русском языке.

Результаты проведенного исследования дают основание сформулировать **основные положения** представленной в работе концепции, **выносимые на защиту**:

1. Иллокутивная составляющая речевого акта представляет дейктическую составляющую иллокутивного акта в совокупности универсальных смысловых компонентов, облигаторно представленных в любом речевом произведении, выступающем вербальным коррелятом речевого акта, и актуализируемых посредством различных языковых средств в парадигматической и синтагматической системах языка.

2. Иллокутивный дейксис включает указание на иллокутивный акт и его аспекты как значение или функцию языковой единицы, выражаемую посредством разноуровневых языковых средств. Средства иллокутивного дейксиса объективируют различные аспекты иллокутивного акта в парадигматической системе языка и в дискурсе.

3. Дейктические проекции иллокутивного акта в его деятельностном аспекте обнаруживаются в речевых актах саморефлексии, в которых раскрывается ментальное и эмоциональное состояние говорящего в момент осуществления им речевого акта с заданной иллокутивной силой.

4. Дейктические проекции содержания иллокутивной силы говорящего представлены в компонентах значения разноуровневых средств языка и речи.

Дейктические проекции целевых показателей иллокутивной силы в немецком языке представлены:

– в системе современного немецкого языка в компонентах значения перформативного глагола, выступающего номинатором соответствующего типа речевого акта в системе и иллокутивного концепта в языковом сознании носителей немецкого языка; его семантических эквивалентов; грамматических форм предложений; дискурсивных моделей;

– в дискурсе в компонентах иллокутивной семантики конкретного речевого акта, указывающих в глубинной структуре речевого акта на его интенциональный аспект, представленный в его поверхностной структуре разноуровневыми средствами языка, используемыми говорящим.

Дейктические проекции интенсивности иллокутивной силы представлены в немецком языке в компонентах значения просодических, лексических, морфологических, синтаксических и фразеологических средств, используемых говорящим в конкретной речевой ситуации.

5. Фрейм речевого акта представляет совокупность иерархически организованных смысловых компонентов (слотов), лежащих в основе значения речевого акта, и включает иллокутивную и пропозициональную составляющие. Ядерным компонентом фрейма речевого акта, определяющим его функциональную предназначенность и вербальное воплощение в дискурсе, выступает иллокутивная составляющая.

6. Фреймовая модель иллокутивной составляющей речевого акта в статичном представлении включает инвариантные компоненты плана содержания иллокуции каждого речевого акта, в динамичном представлении

– также ситуативно обусловленные смысловые компоненты иллокутивного значения высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом речевого акта в конкретной речевой ситуации.

7. Основа построения фреймовой модели иллокутивной составляющей речевого акта – функционально возникающая специфическая конфигурация концептуальных смыслов иллокутивного акта, инвариантные слоты которой устанавливаются на основе регулярности их активации в схожих ситуациях взаимодействия индивида со средой.

8. Инвариантные смысловые компоненты плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта, формирующие его фреймовую структуру, представлены слотами «решение», «прообраз перлокутивного эффекта», «содержание иллокутивной силы», «интенсивность реализации иллокутивной силы». Каждый из слотов фреймовой структуры иллокутивной составляющей речевого акта имеет дейктическую проекцию в дискурсе, выступающем его вербальным коррелятом, и является его обязательным признаком, формируя прагматическое значение речевого произведения и коррелируя с остальными категориями дискурса, релевантными для вербального и невербального текста.

9. Концептуальное содержание слота «содержание иллокутивной силы» детерминируется категориальным/субкатегориальным планом иллокутивной силы определенного типа в рамках соответствующего метафрейма.

Когнитивный признак, определяющий содержание иллокутивной силы метафрейма, задает функциональную предназначенность всему речевому произведению, выступающему вербальным коррелятом речевого акта, и представлен перформативной матрицей, соотнесенной в языке с компонентами содержания иллокутивной силы каждого типа.

10. Перформативные матрицы каждого из типов иллокутивных сил в современном немецком языке являются когнитивными сущностями, лежащими в основе формирования глубинной структуры высказывания/

дискурса, выступающего вербальным коррелятом речевого акта, и инварианта иллокутивного значения речевых актов с соответствующей иллокутивной силой. Иллокутивным фокусом в перформативной матрице выступает глагол, иллокутивное значение которого может детерминироваться в дискурсе от более абстрактного к более конкретному в рамках заданной иллокутивной силы в зависимости от выраженности типовых характеристик речевого акта.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что её результаты вносят вклад в развитие когнитивной прагматики, обогащая её разработкой концепции когнитивного основания иллокутивного дейксиса, значимой для решения теоретических и практических проблем лингвистического анализа ИСРА, разработкой когнитивного алгоритма анализа и прототипической фреймовой модели иллокутивной составляющей речевого акта, а также системным описанием плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта в когнитивном аспекте.

Вклад проведенного исследования в развитие лингвистической прагматики и германистики определяется разработкой типологизации иллокутивного дейксиса в современном немецком языке и описанием специфики плана содержания иллокутивной составляющей речевых актов в немецкой лингвокультуре.

Вклад настоящей работы в развитие когнитивной лингвистики обусловлен разработкой принципов фреймового анализа ИСРА с опорой на теорию иллокутивного дейксиса.

Практическая ценность работы состоит в получении результатов, значимых для практики выявления и описания иллокутивной семантики речевых актов, а также моделировании фреймовой структуры и разработке принципов и положений фреймового анализа иллокутивной составляющей речевого акта. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практике преподавания теоретических и практических лингвистических дисциплин, в подготовке курсов лекций по когнитивной

прагматике, а также при разработке частных научных проблем по теории речевых актов в рамках бакалаврских, магистерских и кандидатских научных исследований.

Научная достоверность и обоснованность полученных результатов и выводов диссертационного исследования обеспечивается систематизацией научных подходов к проблеме иллокутивного значения РА, доказательностью теоретической базы, аргументированностью изложенных научных положений, позволяющих последовательно и полно решать поставленные задачи; анализом репрезентативного практического материала, использованием комплекса современных методов исследования.

Апробация результатов исследования.

Результаты исследования представлялись в качестве пленарных и секционных докладов на Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (С.-Петербург, 2015); на ежегодных съездах Российского Союза германистов (Н. Новгород, 2004, 2010; Казань, 2011, 2013; Москва, 2012); на многочисленных международных научных и научно-практических конференциях в том числе: «Политический текст в истории культуры Центральной и Восточной Европы» (Краков, 2013); «Гуманитарные науки и современность» (Москва, 2014); «Герценовские чтения» (С.-Петербург, 1998, 2012); «Поливановские чтения» (Смоленск, 1996, 2001, 2003, 2005); «Современное общество, языки и межкультурная коммуникация» (Чебоксары, 2006); «Research Journal of International Studies» (Москва, 2013); «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (Москва, 2013); «Культура и мир: Восток и Запад» (Н. Новгород, 1995, 1996); «Нормы человеческого общения» (Н. Новгород, 1997); «Общее и особенное в региональной культуре Нижегородского края» (Н. Новгород, 1997); «Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы» (Н. Новгород, 2013, 2014); на международной научной конференции германистов (Н. Новгород, 2000), межвузовской конференции

по проблемам лингвистики текста (Уфа, 1998), межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых-лингвистов (Саранск, 2006).

Диссертация прошла апробацию в выступлениях на заседаниях кафедры немецкой филологии (с 2014 г. – кафедры теории и практики немецкого языка) НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (2004–2015 гг.), при проведении мастер-классов для молодых ученых в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (2006, 2007), для членов научного сообщества (2006, 2007) и участников ежегодных Скрбневских чтений (2008) Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Основные положения и выводы по данной работе изложены в 70-ти публикациях по теме исследования, в том числе в двух авторских монографиях (28,3 п.л.), в шестнадцати статьях в изданиях из перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследований (9 п.л.), а также в двух учебных пособиях (19,9 п.л.).

Структура работы отражает последовательность этапов проведенного исследования и состоит из Введения, двух Глав, Заключения, Списка использованной научной литературы, Списка использованных словарей, Списка источников фактического материала и Приложений.

Во **Введении** дается общая характеристика проблемы исследования, определяются научная новизна и актуальность, ставятся цель и задачи исследования, обосновываются разработанные теория и методология научного поиска, приводятся основные положения, выносимые на защиту, освещаются теоретическая и практическая значимость, научная достоверность, языковой материал и методы исследования, структура работы.

В **Главе 1** «Теоретические основы исследования иллокутивного дейксиса в когнитивном аспекте» выделяется круг проблем, связанных с разработкой теории иллокутивного дейксиса в когнитивном аспекте.

Рассматриваются теоретические и методологические предпосылки исследования, представленные такими областями, как: теория лингвистической прагматики (Г.В. Колшанский, Р.И. Павлинис, Р.О. Якобсон), теория речевых актов (Г. Фреге, Э. Стениус, Дж. Остин, Дж. Серль, А. Вежбицкая, И.П. Сусов, В.И. Карасик, П.В. Зернецкий, В.В. Красных), теория иллокутивных актов (Дж. Остин, Дж. Серль, О.Г. Почепцов, Н.И. Формановская), теория перформативности (Дж. Серль, Т.А. ван Дейк, Ю.Д. Апресян, И.П. Сусов, В.В. Богданов, И.М. Кобозева), теории функционирования языка (К. Бюлер, Я. Мукаржовский), теории порождения высказывания (Л.С. Выготский, И.Н. Горелов, Н.И. Жинкин, В.А. Звегинцев, И.А. Зимняя, С.Д. Кацнельсон, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Л.В. Сахарный, А.М. Шахнарович, Л.В. Щерба), семантическая теория иллокутивных сил (Дж. Л. Коэн, Дж. Остин, Дж. Серль, Д. Вандервекен, С.К. Левинсон, Г.В. Карпов, А. Егоров), теория коммуникации (Р.О. Якобсон, А.Р. Лурия, И.П. Сусов), теория смысла (Р.И. Павлинис, В.А. Звегинцев), теория оценочной концептуализации и оценочной категоризации (Н.Н. Болдырев), теория фреймов (Дж. Андор, Т.А. ван Дейк, Ч. Филлмор, Дж. Грубер, Дж. Фодор, У. Найсер, М. Минский, В.А. Звегинцев, Н.Н. Болдырев, С.А. Жаботинская, О.А. Алимуратов). Обосновывается прагматическая категория «иллокутивная составляющая речевого акта». Излагаются теоретические основы концепции иллокутивного дейксиса.

Глава 2 «Иллокутивный дейксис в парадигматике и синтагматике современного немецкого языка» посвящена анализу компонентов плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта в свете теории фреймов и выявлению их дейктических проекций в парадигматике и синтагматике немецкого языка. Выявляются структура фреймов типовых иллокуций и их дейктические проекции в языке в статичном и динамичном аспектах; фреймовая структура плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта в статичном (сетевом) и динамичном

представлении. Разрабатываются принципы фреймового анализа иллокутивной составляющей речевых актов. На примере речевого акта служебного поручения в немецком языке выявляются дейктические проекции смысловых компонентов иллокутивной составляющей речевого акта в дискурсе. Устанавливается иллокутивный дейксис в простых и сложных речевых актах служебного поручения, проводится анализ взаимодействия иллокутивного и социального дейксиса в речевых актах указанного иллокутивного типа.

В **Заключении** приводятся результаты проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшей разработки проблемы.

Список использованной научной литературы включает 617 наименований, из них – 170 на иностранных языках.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЛЛОКУТИВНОГО ДЕЙКСИСА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

1. Теоретические аспекты лингвистического анализа иллокутивной составляющей речевого акта

1.1. Иллокутивное значение речевого акта: постановка проблемы

Понятие иллокутивного значения неотъемлемо в современной науке о языке от понятия РА.

Впервые на существование речевых актов указал в 1891-1892 гг. Г. Фреге, рассуждая об их отличии от констативных высказываний, которое заключается, по его мнению, в наличии у РА в качестве денотата не значения в его классическом понимании, а приказа, просьбы и т.д.

Появление в середине XX века работы английского логика и философа Дж. Остина «*How to do things with words*» привлекает к феномену РА пристальное внимание многих лингвистов. Лингвистика обращается к описанию языка «в его деятельности» (В. Звегинцев). В практику лингвистического анализа вводятся так называемые перформативные высказывания, семантической детерминантой которых является перформативный глагол, служащий в языке для выражения иллокутивной силы РА и выступающих для многих лингвистов аналогом самого РА.

Большое влияние в дальнейшем на развитие науки о языке оказала семантическая теория иллокутивной логики Дж. Серля. Его доктрина иллокутивных сил дала возможность языковедам по-новому взглянуть на доктрину значения. Истинность, равно как и успешность, признаются на современном этапе развития лингвистики двумя важнейшими категориями функционального анализа языка, поскольку локутивная и иллокутивные составляющие речевого акта связаны неразрывно. Невозможно совершить

локутивный (пропозициональный) акт и не совершить при этом акта иллокутивного; истинно и обратное. Однако принятие лингвистикой постулата о неотделимости пропозиционального содержания высказывания от его иллокутивной составляющей (далее также – ИС) породило непрекращающуюся дискуссию среди языковедов о значении иллокутивного акта.

Первым к определению иллокутивного значения РА обратился британский философ Джонатан Л. Коэн. Пытаясь устранить неясность определений иллокуции Дж. Остина, в работе [Cohen 1964] он делает попытку реконструкции теории значения для иллокутивных актов и определения отношений, имеющих место между ИС высказывания, его смыслом и денотатом. При этом он исходит из тезиса о том, что РА заключается в реализации говорящим локутивного акта, обладающего значением, и иллокутивного акта, обладающего силой, которую невозможно свести к значению иллокуции. В результате своих попыток дать определение смыслу и денотату локутивного действия и, вместе с тем, сохранить смысл понятия иллокутивной силы он приходит к выводу о том, что иллокутивная сила есть лишь один из аспектов значения, который может быть эксплицирован в РА при использовании определенной вербальной формы. При этом понятия иллокутивного акта и иллокутивной силы оказываются для него пустыми, поскольку иллокутивная сила РА тождественна его значению, то есть композиции смыслов и денотатов слов, конституирующих поверхностную структуру данного РА. Вопрос о значении иллокутивного акта Дж. Л. Коэн оставляет, тем не менее, открытым, считая, что он требует дальнейшего обсуждения.

В современной науке о языке вопрос о значении иллокутивного акта остается также дискуссионным. До настоящего времени в зарубежной и отечественной лингвистике отсутствует однозначный ответ на вопрос о том, обладает ли иллокутивный акт значением, отличающимся от значения локутивного (ретического) акта (пропозиционального содержания), и если да,

то каким образом это находит отражение в поверхностной структуре РА. Данный факт обусловлен, как считают многие лингвисты, отсутствием четкого соответствия видов и типов иллокуций и системно закрепленных языковых средств для их выражения, а также высокой степенью ситуативной обусловленности РА и взаимозависимостью различных компонентов при формировании и вербализации его иллокутивного значения.

Недостаточно четко представлено в современной лингвистической литературе и само понятие иллокутивного значения РА.

В зарубежном и отечественном языкознании сложилось несколько подходов к его рассмотрению.

В рамках первого подхода иллокутивное значение РА ассоциируется со значением высказывания, в определённых прагматических условиях равного выполнению обозначаемого говорящим действия. Данный подход традиционно связан с изучением перформативных высказываний и перформативности как категории, которая позволяет представить речевое действие, реализующееся в конкретном коммуникативном контексте, в его отождествлении со словом, «когда словом репрезентируется не описание действия, не сообщение о нём, а непосредственно его совершение» [Россолова 2008: 4]. Перформативные высказывания изучаются в противопоставлении дескриптивным (или констативным) высказываниям на основании различных критериев (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.В. Богданов, А. Вежбицка, З. Вендлер, П. Коул, Дж. Лич, Дж. Остин, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов, Ф.Р. Палмер, Е.Г. Романова, Дж. Серль и др.). Семантическим фокусом перформативности ученые признают перформативный глагол.

В рамках второго подхода иллокутивное значение РА рассматривается в непосредственной взаимосвязи со значением коммуникативной интенции высказывания (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, И.М. Кобозева и др.), определяющей типовое значение перформатива. В основе многочисленных таксономий РА, представленных в современной лингвистической литературе

(Ю.Д. Апресян, Т. Баллмер и В. Бреннштуль, М. Бирвиш, В.В. Богданов, Д. Вандервекен, А. Вежбицка, З. Вендлер, Дж. Версурен, Ф. Кифер, В. Мотч, Г.Г. Почепцов, Ф. Реканати, Ж. Фоконье и др.), лежит критерий разграничения коммуникативной интенции РА, непосредственно связанной с его иллокутивной целью.

Поскольку иллокутивная цель является одним из центральных компонентов иллокутивной силы РА, данный подход сближается с третьим подходом к рассмотрению иллокутивного значения РА, в рамках которого иллокутивное значение РА ассоциируется со значением его иллокутивной силы (Дж. Остин, Дж. Сёрль и др.), и признается многими исследователями максимально ориентированным на основные понятия и принципы теории речевых актов (далее также – ТРА) и в силу этого наиболее перспективным для решения целого спектра задач, связанных с проблемой лингвистического анализа иллокутивного значения РА в деятельностном аспекте.

Понятийная неопределенность иллокутивного значения РА предопределяет и терминологическую «размытость» иллокуции, что приводит к смешению многих понятий, относящихся к данному терминологическому полю. Необходимость уточнения и комплексного освещения ИСРА диктует также интердисциплинарный характер ТРА.

В последние годы в связи с тем, что широкое распространение в мировой лингвистике получил анализ дискурса как совокупность ряда течений, отличающихся своим динамизмом от статичной лингвистики текста [Кузнецова 2010: 49], языковеды обратились к рассмотрению организующей роли иллокутивного значения РА в рамках различных направлений исследования дискурса, понимаемого как связная последовательность речевых актов, некое единство, включенное в коммуникативно-прагматический контекст (Н.Д. Арутюнова, И.П. Сусов и др.). Большое внимание к семантической теории иллокутивных актов уделяется и со стороны последователей теории речевой коммуникации, поставившей на место РА более широкое понятие акта коммуникации (Ю.Г. Прохоров, И.А.

Стернин и мн. др.), включающее максимально возможный спектр параметров, влияющих на его протекание.

Однако феномен ИСРА не получил до настоящего времени комплексной, многоаспектной характеристики в специальном лингвистическом исследовании. Имеющиеся на сегодняшний день описания ИСРА разрознены и представлены в общих и частных лингвистических исследованиях фрагментарно: либо как некий общеизвестный факт, используемый для объяснения других лингвистических феноменов (например, в случае с иллокутивными функциями РА, которые используются языковедами для объяснения явлений полифункциональности или контекстуальной обусловленности тех или иных вербальных средств, а также для детерминации их значения в конкретном РА), либо как часть объекта исследования в работах, посвященных общим лингвистическим проблемам, например, при описании интенциональной направленности высказывания, просодических характеристик РА или грамматических типов предложения. В лингвистических трудах зарубежных ученых, посвященных более узким проблемам, обращение к ИСРА осуществляется исследователями вскользь, либо в свете общепринятых теорий (как правило, классификаций иллокутивных актов Дж. Остина, Дж. Серля и др.). В силу полигональности и сложности лингвистического анализа иллокутивного значения РА внимание отечественных лингвистов концентрируется, в основном, на отдельных аспектах данного феномена. На материале различных языков изучаются лишь некоторые иллокутивные типы и виды РА, их функционирование в различных типах дискурса, лингвистические и экстралингвистические способы реализации типовых иллокуций, в том числе в рамках научных школ И.П. Сусова в Твери (И.Н.Аксенова, О.Д. Белецкая, Ю.Н. Варзонин, О.И. Герасимова, Т.А. Жалагина, Н.А. Комина, С.В. Крестинский, А.С. Недобух, А.А. Романов, Л.П. Рыжова, С.А. Сухих, Р.В. Шиленко и др.), В.В. Богданова и Л.П. Чахоян в Санкт-Петербурге, Г.Г.

Почепцова в Киеве, В.И. Карасика в Волгограде, В.В. Лазарева в Пятигорске и Л.А. Азнабаевой в Уфе. Имеются также отдельные исследования, раскрывающие специфику вербализации ИС отдельных типов РА (например, [Трофимова 2008]) и дискурса (см., например, [Поляк 1998], [Фанян 2000] и др.).

Многими исследователями подчеркивается, что при изучении онтологической природы ИСРА необходимо обращение к концептуальной системе субъекта РА.

Исследование когнитивных основ РА представляется закономерным, поскольку когнитивная теория употребления языка, по мнению Т.А. ван Дейка, не только освещает процессы речемыслительной деятельности и различных видов когнитивной обработки предложения/высказывания, но и объясняет производство, планирование и понимание РА [Дейк ван 1989: 12]. Достаточно подробно данные факты рассматриваются в работах по проблемам речепорождения (например, [Арутюнова 1972, 1976, 1977, 1999; Ахутина 1985, 1989; Величковский 1982; Выготский 1982, 1984; Жинкин 1958, 1964, 1982; Залевская 1977, 1980, 1981, 1999; Калентьева 1998; Караулов 1987; Красиков 1990; Кубрякова 1986, 1991; Леонтьев А.А. 1968, 1969а, 1969б, 1976, 2005; Леонтьев А.Н. 1974, 1977, 1983; Лурия 1974, 1975; Михайлов 1992; Норман 1983; Пассов 1975; Ревзин 1978; Ушакова 1985] и др.).

Достижения когнитивной лингвистики в разработке проблем языковых категорий, как особого формата знания, и их роли в организации и функционирования языка, концептуализации и категоризации окружающего мира и языковых единиц [Dehn 1984; Fillmore 1975, 1982, 1986; Fodor 1983; Gruber 1986; Halliday 1970; Hofmann 1985, 1986; Langacker 1982, 1984, 1986, 1987, 1988а, 1988б; Болдырев 1994, 1995а, 1995б, 1999, 2000, 2001а, 2001б, 2003, 2006, 2007, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014; Кацнельсон 1972, 1986; Кобрин 2001, 2009; Колшанский 1979, 1984, 1985; Кубрякова 1997, 2009; Лакофф 1988 и др.] позволяют подойти к рассмотрению процессов

формирования значения ИСРА как отражения результатов процесса концептуализации референтной ситуации общения в языковом сознании говорящего.

Разработка теоретических оснований исследования концептуального содержания ИСРА становится возможной также благодаря достижениям современной когнитивной прагматики – одного из направлений когнитивной лингвистики, посвященного разработке проблем прагматического знания использования языка.

Само понятие когнитивной прагматики введено в практику лингвистических исследований в середине 1980-х гг. (см. [Kasher (ed.), 1989], предисловие), но исследования ведутся фактически с конца 1960-х - начала 1970-х гг. и связываются с теоретическими моделями философов языка [Austin 1972, 1973; Grice 1989; Recanati 1987; Searle 1969, 1971, 1975, 1979 и др.], исследователей когнитивных процессов его использования [Kasher 1991a, 1991b; Vanderveken 1990; Witczak-Plisiecka 2014 и др.] и теоретических проблем прагматики [Ariel 1990; Dijk van 1981; Dörge 2004; Doll 1979; Félix-Brasdefer 2006; Götz 1980; Handl 2003; Hansen 2008; Harras 1983; Krämer 2006; Levinson 2000; Motsch 1978; Motsch, Vieweger 1981; Sander 2002; Sperber, Wilson 1986; Wierzbicka 1972; Zecher 1999 и др.]. Исследования проводятся языковедами с применением различных методов, наибольшую популярность среди которых приобрел метод фреймового анализа.

Фрейм признается центральной фигурой представления знаний и опыта человека, характеризующейся максимальной формализованностью и энциклопедичностью (А.П. Бабушкин, А.Н. Баранов, Р.М. Желтухина и др.), одним из типов концепта (Н.Н. Болдырев и др.), способом «его мыслительного структурирования» [Желтухина 2003: 117]. Фреймы содержат основную типовую и потенциально возможную информацию и обеспечивают доступ к раскрытию механизмов категоризации и

концептуализации вербализованных понятий. Роль фреймовых структур в процессах хранения знаний о РА (их типах, видах, характеристиках, способах выражения, условиях и правилах осуществления в естественном языке) подчеркивается в работах зарубежных и отечественных ученых (Т. А. ван Дейк, В.В. Красных, Л.В. Правикова и др.).

Целесообразность и перспективность исследования концептуального содержания ИСРА методом фреймового анализа диктуется тем самым практикой актуальных направлений научного поиска в современной лингвистике и требует, прежде всего, обращения к рассмотрению онтологических характеристик ИСРА, являющейся центральным понятием ТРА.

1.2. Общие положения теории речевых актов

Вопросы лингвистического анализа ИСРА, являющейся объектом настоящего исследования, не могут рассматриваться без обращения к общим вопросам лингвистического описания РА, которое базируется на деятельностном подходе к его рассмотрению и представлении о том, что «речи ... суть действия, происходящие между людьми» (Г. Гегель).

В лингвистике деятельностный подход к описанию и анализу вербальных единиц постулируется лингвистической прагматикой. Как междисциплинарная проблемная область науки о языке она изучает и объясняет языковые факты, основываясь на результатах различных лингвистических, социологических, логико-философских, психологических, этнографических и других направлений научных исследований. Подобная полигональность прагматориентированных исследований дает возможность наиболее полно рассмотреть характеристики, присущие главному объекту исследования всех гуманитарных наук – человеку как субъекту коммуникативной деятельности, носителю языка и представителю определенной лингвокультуры.

Становление лингвистической прагматики как науки непосредственно связано с теми изменениями, которые происходили в языкознании в 1970-х гг. и «характеризовались переходом от изучения языка как формальной системы, абстрагированной от условий его использования, к рассмотрению языка как средства коммуникативного воздействия, осуществляющегося в социальном контексте¹» [Безменова, Герасимов 1984: 6].

Опираясь на европейскую традицию классической риторики [Ottmers 1996; Ueding 2000 и др.], своими истоками лингвистическая прагматика уходит в семиотические концепции Ч. Морриса и Ч. Пирса. Многими учеными подчеркивается, что риторика и лингвистическая прагматика имеют между собой в семиотическом понимании много общего, поскольку представляют ту сферу теории языка, которая затрагивает условия и правила его функционирования в отношении к коммуникантам (Т. ван Дейк).

И в этой связи теория речевого имплицирования Г.П. Грайса – одно из центральных направлений современной лингвистической прагматики – может, без сомнения, рассматриваться как приложение канонов классической риторики к современным воззрениям на процесс коммуникации.

Однако в то время как риторика больше позиционируется как искусство речи, лингвистическая прагматика выступает в самом широком смысле «наукой о речевой деятельности» [Четыркина 2006: 95]. В прагмаориентированных работах исследуется «язык в действии» [ЛЭС 1990: 389]².

Прагматический аспект языка Г.В. Колшанский ассоциирует с его коммуникативной функцией, выделяя два основных подхода к его определению: «1) использование языкового знака как средства формирования мысли с последующим достижением результата (т.е. функция

¹ Этот процесс был во многом подготовлен, в частности, идеями К. Бюлера [Linke 2004: 194].

² Прагматика базируется на трех основных идеях: ключевым для понимания признается деятельностный аспект речевой коммуникации [Почепцов 1986: 4]; функционирование средств языка обусловлено речевой ситуацией и общим контекстом [Дейк ван 1989: 21]; язык выступает средством воздействия на человека и его поведение [Киселева 1978: 98].

языка как средства воплощения мышления); 2) воздействие вербальной формы в поведении человека, в физическом и интеллектуальном плане (в соответствии с интенцией автора)» [Колшанский 1984: 145-146].

Значение языковых знаков непосредственно связано в свете данного тезиса не только с пропозициональным, но и с интенциональным аспектом речи. Г. Паррэ, рассуждая о пересечении прагматики и семантики, считал необходимым рассматривать их «как две метатеории значения – референциальную и интенциональную» [Parret 1976: 54].

Референциальное и интенциональное значения получают более детальное описание в недрах аналитической философии. В частности, Ф. Вайсман, развивая идеи Л. Витгенштейна, акцентирует внимание на том, что значение слова есть, прежде всего, «способ его употребления» [Вайсман 1998: 64].

Подобное рассмотрение вербальных единиц во многом определило становление и развитие лингвистической прагматики и её основных направлений к исследованию феноменов языка и речи, основным из которых по праву считается прагматический подход.

Прагматический фактор непосредственно определяет всю речевую деятельность, «где тесно переплетаются узкопрактические цели, потребности повседневной жизни и крупномасштабные социальные акции» [Колшанский 1990: 100]. Через язык оказывается воздействие. В нём закрепляются оценки и взгляды определенных социальных групп [Дридзе 1980]. Прагматический фактор определяет и формирование в сознании носителей языка концептуальных систем, под которыми понимается совокупность бытовых, научных, квазинаучных, эстетических, этических и других представлений носителей языка о мире [Павиленис 1981; Якобсон 1985].

Вышесказанное ставит перед исследователем речевое произведение во всем переплетении многочисленных факторов, влияющих на его план содержания и план выражения в акте коммуникации. Высказывание/дискурс,

выступающее вербальным коррелятом РА, демонстрирует в данном случае свою главную особенность – быть не столько объектом лингвистического описания, но, прежде всего, действием. Такой статус речевого проишествия сформировался в лингвистической прагматике в рамках теории речевых актов (ТРА) – одного из фундаментальных направлений, во многом предопределившего её развитие [Hinderlang 1994; Scherner 1984; Schwarz 1988; Speech Act and Sachverhalt 1987; Staffeldt 2008; Wunderlich 1977; Zilling 1982; Zur Theorie der Sprechakte 1972; Кобозева 1986а].

Как целостная теория ТРА сформировалась в недрах лингвистической философии и восходит к идеям Г. Фреге, Л. Витгенштейна и Э. Стениуса.

Готлоб Фреге первым (1879) среди языковедов указал на различие между мыслью, выражаемой в предложении (–Ф) (например: [*Peter vermutet*] *dass die Hauptstadt von Australien Sydney ist*/ [*der Gedanke*] *dass die Hauptstadt von Australien Sydney ist* - [*Петер предполагает*] *что столица Австралии – Сидней* / [*Мысль о том*] *что столица Австралии – Сидней*) и суждением, выражаемом посредством предложения: (|— Ф, где суждение обозначено знаком |) (например: *Die Hauptstadt von Australien ist Sydney* - *Столица Австралии – Сидней*).

Как считал Г. Фреге, суждение может быть истинным или ложным. Мысль служит для выражения суждения, которое представлено в языке, как правило, утверждением (|—Ф), например: *Eine Gerade ist die kürzeste Verbindung zwischen zwei Punkten.* – *Прямая есть кратчайшая соединительная линия между двумя точками.* Обозначив различие между мыслью и тем, как она выражается в языке, Г. Фреге ограничился рассмотрением этого процесса лишь на примере утверждения, не распространяя свой анализ на другие типы РА.

Огромное влияние на становление лингвистической ТРА оказал Людвиг Витгенштейн, выдвинув в своих поздних философских работах идею о взаимодействии языка и жизни в виде бесконечного множества языковых игр (приказы, вопросы, рассказы, театральные представления,

загадки, шутки, клятвы, молитвы и мн. др.) [Wittgenstein 1958], опирающихся на определенные социальные регламенты. Некоторые из языковых игр имеют дело с практическим использованием знаков и открывают вопросы об условиях, при которых практическое использование знаков действительно выражается в использовании языка [Витгенштейн 1985]. Л. Витгенштейн подчеркивает, таким образом, те способы, в которых язык фигурирует в нашей жизни. Наше понимание использования выражений в языке предполагает именно такое знание (Л.В. Блинников), где язык предстает как подвижная система контекстов, «языковых игр», подверженная возникновению противоречий, связанных с неясностью смыслов используемых слов и выражений, которые должны устраняться путём их прояснения. Прояснение правил употребления языковых единиц и устранение противоречий, согласно Л. Витгенштейну, и составляет задачу философии.

Идеи Л. Витгенштейна о РА как употреблении слов и выражений в рамках тех или иных языковых игр были положены в основу последующих концепций, составляющих современную ТРА.

В частности, финский философ Эрик Стениус, развивая в работе [Stenius 1967] идеи раннего Витгенштейна о природе языка в контексте его употребления, указывает на тот факт, что каждое предложение имеет двухчастную структуру «sentence radical» (Satzradikal) / «mood» (Satzmodus). Её компоненты указывают соответственно на содержание пропозиции, рассматриваемое с точки зрения истинности/ложности обозначаемого им факта реальной действительности, и сам РА. В свете данного тезиса Э. Стениус различает 3 речевых модуса (Satzmodi) [Krifka 2004: 3]:

1. Декларатив (Indikativ), например, в немецком языке: *Du liest dieses Buch.*

Es ist der Fall, dass du dieses Buch liest.

[Satzmodus] [Satzradikal]

2. Императив (Imperativ): *Lies dieses Buch!*

Mach, dass es der Fall ist, dass du dieses Buch liest.

3. Интеррогатив (Interrogativ): *Liest du dieses Buch?*

Ist es der Fall, dass du dieses Buch liest?

Ученый показывает, что речевой модус (Satzmodus) и пропозициональное содержание (Satzradikal) предложения в контексте его употребления существенно отличаются друг от друга. Пропозициональное содержание (Satzradikal) описывается им в рамках функциональной семантики истинности/ложности обозначаемого предложением факта реальной действительности, например:

dass du dieses Buch liest:

die Menge der Situationen, in denen du dieses Buch liest.

Речевой модус (Satzmodus) он представляет в рамках определенных языковых игр и их правил, например:

a. Das Report-Spiel: Produziere einen deklarativen Satz nur wenn das Satzradikal wahr ist.

b. Das Frage-Spiel: Beantworte eine Ja-Nein-Frage mit ja, wenn das Satzradikal

wahr ist, sonst mit nein.

c. Das Befehls-Spiel: Reagiere auf einen Imperativsatz, indem du so handelst, dass das Satzradikal wahr wird [Там же].

Признавая, что описание правил языковых игр очевидно нуждается в дальнейшем совершенствовании, Э. Стениус считает истинным тот факт, что в основе РА лежит действие – то, что коренным образом отличает РА от суждений, рассматриваемых с позиции истинности/ложности соотносимых с ними фактов реальной действительности и что характеризует каждый из имеющихся в языке речевых модусов:

– каждое утверждение есть действие; оно может быть уместным или неуместным, но не может, подобно суждению, быть истинным или ложным;

– каждый вопрос есть действие; он может быть уместным или неуместным, но не может, подобно суждению, быть истинным или ложным;

– каждый приказ есть действие; оно может быть уместным или неуместным, но не может, подобно суждению, быть истинным или ложным [Krifka 2004: 3].

Деятельностный характер РА становится центральным тезисом лингвистической ТРА, сформулированной Дж. Остином (1962) и его последователями [Grewendorf 1976; Smith 1990].

Английский логик Джон Л. Остин по праву считается основоположником ТРА. В своих лекциях во второй половине 1950-х гг.¹ он впервые обратил внимание языковедов на тот факт, что высказывания помимо сообщения о чем-либо являются совершением речевых действий. С их помощью мы отдаем приказы, порицаем, даем обещания, т.е. используем язык для осуществления самых различных действий.

Согласно Дж. Остину, совершение РА предполагает произнесение членораздельных звуков, принадлежащих общепонятному языковому коду; построение высказывания из слов естественного языка по правилам его грамматики; придание ему смысла и референции (т.е. соотнесение с действительностью) посредством речения (англ. *locution*); придание речению целенаправленности, превращающей его в иллокутивный акт (англ. *illocutionary act* (термин Дж. Остина)); вызывание искомых последствий (англ. *perlocution*), т.е. воздействий на сознание или поведение адресата, создающих новую ситуацию (например, объявление войны) [Austin 1973]. Функции РА получили в теории Дж. Остина название иллокутивных сил (англ. *illocutionary forces*), а соответствующие им глаголы - иллокутивных [ЛЭС 2002: 412].

Понятие РА самым тесным образом связано в концепции Дж. Остина с его иллокутивной функцией, которая, в отличие от цели высказывания, имеет прагматическую природу и не всегда предполагает исключительно языковую репрезентацию.

¹ опубликованных посмертно в виде книги *How to do things with words* в 1962 г.

Наблюдения и выводы Дж. Остина о том, что минимальной единицей языковой коммуникации выступает не предложение, а РА как осуществляемое посредством языка действие, сыграли большую роль в дальнейшем развитии как теории, так и философии языка, обнаружив, что «не язык и не текст сам по себе является действительным предметом нашего теоретического рассмотрения и до теоретического интуитивного восприятия» [Павилёнис 1986: 380].

Существенные изменения в ТРА Дж. Остина внёс Дж. Р. Серль (1969), продолжив труд своего учителя. Они касаются не только внутренней и внешней структуры РА, условий, правил успешности и таксономии иллокутивных актов, но и процедуры интерпретации косвенных (небуквальных) РА.

Большинство современных концепций ТРА восходят к идеям Дж. Серля или строятся на предложенных им принципах.

Он подчеркивал, прежде всего, деятельностный характер данного феномена, отмечая, что реализация определенного предложения в конкретных условиях является иллокутивным актом – минимальной единицей коммуникации посредством языка [Searle 1971, 1975, 1982, 1985]. Дж. Серль утверждал, что, совершая акт речи, говорящий не только «приводит в движение речевой аппарат, произносит звуки. В то же время он совершает другие акты: информирует слушающих, либо вызывает у них раздражение или скуку...» [Серль 2004: 56].

1.3. Речевой акт: проблема определения и лингвистического анализа

Современная ТРА накопила богатый опыт в описании деятельностного потенциала и составляющих РА, в том числе в лингвистике. Однако до настоящего времени среди языковедов ведутся дискуссии относительно понятийного содержания базовых терминов ТРА и соотношения РА с

традиционными единицами языка и речи – предложением/высказыванием, текстом/дискурсом.

В междисциплинарном контексте РА рассматривается как вид социального действия (см., например, [Вайчук 2000] и др.). Участниками РА являются адресант и адресат¹, выступающие коммуникантами в рамках определенной социальной интеракции и обладающие некоторым фондом общих речевых навыков, знаний и представлений о мире. Неотъемлемой частью РА являются параметры речевой ситуации.

В современных лингвистических энциклопедических источниках речевой акт предстает как «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Основными чертами речевого акта являются: намеренность (интенциональность), целеустремленность и конвенциональность. Речевые акты всегда соотнесены с лицом говорящего. Последовательность речевых актов создает дискурс» [ЛЭС 2002: 412].

Анализ теоретической литературы по вопросам лингвистического описания РА позволяет выделить два основных направления в его определении языковедами.

Для одних лингвистов РА является, прежде всего, элементарной единицей сообщения [Сусов 1984: 5], актом говорящего [Стронсон 1986: 11, 136–137; Грайс 1985: 218–223], речевым поступком, коммуникативным ходом/шагом [Макаров 1997: 159], минимальной единицей речевого поведения [Антонова 2006:12], элементарной единицей речи [Забавников 1984: 119], реализуясь в виде предложения/высказывания [Harris 1961: 14; Аругтюнова 1972: 372; Вардуль 1967: 119; Дегтярев 1973: 140; Левицкий 1995:

¹ Особенности деятельностного аспекта акта коммуникации фиксируются в различных терминах, используемых в ТРА для обозначения участников коммуникации: говорящий/пишущий – слушающий/читающий (акцентируется канал действия/восприятия); адресант – адресат (акцентируется направленность действия), эмитент – реципиент (акцентируется роль в речевом акте) [Винокур 1993].

159; Слюсарева 1981: 35; Солдатова 2004: 52; Шмелева 1982: 25]. Высказывание выступает одновременно и как продукт РА, и как инструмент для достижения определенной цели.

В соответствии с пониманием иллокутивной цели основоположниками ТРА, имеется в виду *не любая (прагматическая) цель*, на достижение которой направлен РА, *а только та, которая открыта для распознавания адресатом*.

Рассмотрение РА как некоторого высказывания даёт при этом определенные преимущества при исследовании и описании типов иллокутивных функций и соотношения составляющих РА [Linke 2004: 210-218], т.к. наиболее четко иллокутивные функции РА прослеживаются в отдельном высказывании. Однако в целом подобное узкое представление РА приводит зачастую к неспособности ТРА полноценно решать задачи, стоящие перед исследователями¹.

Имеющиеся противоречия пытаются преодолеть ученые, рассматривающие РА как синоним коммуникативного акта, который характеризуется потенциальной диалогичностью, участием в нём коммуникантов [Богданов 1984: 14; Муратова 1986: 79] и признается единицей речевого взаимодействия [Литвиенко 1997: 52], единицей коммуникации. Вербальным коррелятом РА может выступать при этом не только предложение/высказывание, но и текст/дискурс [Боженкова 2006; Карабан 1989а, 1989б, 1989в; Хващевская 2009].

В частности, А. Вежицкая рассматривает РА в его различных реализациях в виде коротких однофразовых форм (вопросов, приказов и пр.), средних форм (манифестов, заявлений и пр.), больших форм (бесед, дискуссий и пр.) и совсем больших форм (трактатов, биографий и т.д.) [Вежицкая 1996].

¹ Подробнее об этом см. [Франк 1986].

Также Е.В. Падучева, говоря о двух основных значениях термина «высказывание»¹, фактически указывает на способность РА выступать в дискурсе в разных коммуникативных формах – от простого высказывания до сложного дискурсивного единства, состоящего из отдельных высказываний.

Акцентируя внимание на интерактивной, социальной природе РА, лингвисты, рассматривающие речевые действия с этой точки зрения, настаивают на обязательном учете при анализе РА экстралингвистических факторов и параметров речевой ситуации [Богданов 1984; Вежбицкая 1999; Звегинцев 1976; Кобозева 1986а; Ромашко 1984; Франк 1986 и др.].

Однако рассмотрение дискурса как вербального коррелята РА не дает оснований для отождествления понятий «речевой акт» и «дискурс». В этой связи представляется возможным привести мнение Е.А. Красиной, указывающей, что «дискурс – это поле, в котором могут существовать речевой акт и высказывание. Одновременно дискурс – это сложная система знаний, которую могут репрезентировать речевой акт и высказывание. Будучи включенным в состав дискурса, высказывание становится его интегральной составляющей и является единственной областью существования речевого акта, оформляя и давая значение речевому акту посредством пропозиционального содержания» [Красина 2001: 21–25]. Здесь просматривается главное различие высказывания и РА, которое заключается в том, что РА участвует в формировании дискурса² в коммуникативном, но не в формальном плане, т. е. он непосредственно задействован в производстве дискурса с позиции смены структурирующих его иллокутивно-перлокутивных инициатив и интенциональных смыслов.

Очевидность данного факта была продемонстрирована в лингвистических исследованиях, ориентированных на смысловую сторону текста и позволивших выявить признаки другого уровня, которые

¹ «(1) как синоним термина «речевой акт»; 2) как обозначение для речевого произведения, созданного в ходе речевого акта и рассматриваемого в контексте речевого акта» [Падучева 1997].

² Дискурс рассматривается в настоящей работе вслед за Н.Д. Арутюновой как связный текст в совокупности с различными экстралингвистическими и лингвистическими факторами, как «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136–137].

соответствуют не сочетанию предложений, а их «смысловому образованию» (см. [Колшанский 1984], [Дридзе 1980] и др.). Внимание к связям, отражающим коммуникативные функции, дало возможность исследователям выделить дискурсивные единицы на основе анализа иллокутивной семантики взаимосвязанных высказываний – сначала с ориентацией на конкретные типы взаимодействий, а затем и в отвлечении от особенностей частных текстов.

В частности, в работе [Карабан 1989а] указывается, что единицей речи как деятельности может быть только акциональная единица с заданным значением иллокутивной функции – РА, создающий условия для других РА в системе речевой деятельности и актов других форм деятельности [Там же: 10]. Дискурс является в свете изложенного вербальным коррелятом РА в тех границах, где заканчивает своё действие заданная в РА иллокутивная функция, выступая в качестве структурной единицы языковой коммуникации, дискретно выделяемого такта, кванта дискурса [МЯДИС 1987: 10, 17, 41].

В этом отношении наблюдается некоторое сближение понятий РА и речевого жанра (далее также – РЖ) в отечественном языкознании.

Однозначной точки зрения в отношении корреляции данных понятий в лингвистической литературе не имеется.

Некоторые языковеды придерживаются мнения, что термины «речевой акт» и «речевой жанр» соотносятся друг с другом на основе родо-видовых отношений. РЖ предстает в данном случае как некоторая сложная совокупность многих и разных РА, выбранных и соединенных говорящим «по соображениям некоей особой целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно», а через РЖ в целом [Дементьев 1997: 112]. То есть, РЖ структурируется определенной, более или менее стандартной, последовательностью РА, выступающих «как единицы нижележащего уровня» [Долинин 1998: 43]. О подчиненной роли РА в

реализации «модели» РЖ говорится также в работах [Боргер 2004; Шмелева 1990].

Многие лингвисты рассматривают понятия РА и РЖ как синонимы¹, допуская их недифференцированное употребление (см., например, [Арутюнова 1990], [Булыгина 1994], [Гловинская 1992, 1993], [Дорошенко 1989], [Ревина 1999], [Федосюк 1997] и др.). Для многих РЖ выступает аналогом РА.

«Для выхода из тупика необыкновенно важной для языкознания (а также для многих других гуманитарных наук) теории речевых актов» [Вежбицкая 1996: 101] А. Вежбицкая предлагает перенести акцент «с понятия «речевой акт» на бахтинское понятие «речевой жанр» [Там же].

Тем не менее, говоря о соотношении понятий РА и РЖ, отметим, что в отличие от ТРА, теория речевых жанров концентрирует свое внимание на типах текстов, а не действий. Пытаясь разграничить понятия РА и РЖ, многие отечественные лингвисты подчеркивают, что РА рассматривается как реальная форма высказывания² [Ревина 1999: 120] или дискурс, тогда как в качестве РЖ постулируются тематически, композиционно и стилистически устойчивые типы текстов [Федосюк 1997: 104].

Суммируя сказанное о границах вербального коррелята РА, отметим, что они определяются, прежде всего, характеристиками и содержанием действия, осуществляемого говорящим посредством языка в конкретном акте коммуникации. Поэтому РА может выступать:

- в форме предложения как формальная единица лингвистического анализа;
- в форме высказывания как осуществление говорящим речевого действия с заданной иллокутивной функцией;

¹ В частности, М.Н. Кожина считает, что «построение типологии РЖ и многие аспекты их изучения ориентированы на ТРА» [Кожина 1999: 52].

² Реальная форма высказывания предстает как речевое действие во всей совокупности исторических, культурных и социальных факторов коммуникации [Почепцов 1986: 50].

- в форме текста/дискурса в рамках заданной иллокутивной цели¹ как осуществление говорящим сложного (макро)речевого акта, структурированного простыми (микро)речевыми актами в виде отдельных высказываний.

В подобном представлении РА максимально сближается со всеми обозначенными выше понятиями и соотносится с терминосистемами различных лингвистических направлений, занимающихся исследованием предложения, высказывания, текста и дискурса. При этом многие терминологические единицы становятся взаимозаменяемыми, что наблюдается, например, в работах Т.Г. Винокур, Г.М. Кучинского, Л.П. Чахоян, Д.Г. Богушевич и др. Выбор конкретного термина фокусирует внимание исследователя при изучении речевого произведения на искомой стороне научного поиска в контексте того опыта, который был накоплен соответствующей теорией, и, конечно же, тех основных понятий, которые составляют её концептуальный аппарат.

Возможность исследовать РА во всех его ипостасях на основе данных смежных наук обеспечивает интегративный подход, наиболее отвечающий потребностям современной лингвистической прагматики.

Некоторыми лингвистами РА описывается не только и не столько как часть коммуникативного акта, сколько как непосредственно сам коммуникативный акт, выступающий функционально цельным фрагментом коммуникации, «ядром которого является текст² как единица дискурса (монолог, диалог или полилог)» [Красных 1999а: 413–414]. Он имеет,

¹ В данном случае текст/дискурс, выступающий вербальным коррелятом РА, понимается как «единица речевой деятельности, выражающая межличностное речевое взаимодействие и обладающая объединяющей коммуникативной функцией и единой темой» [Зернецкий 1987: 89].

² По мнению В.В. Красных, текст, выступая основной единицей дискурса и рассматриваемый в данном случае в качестве вербального коррелята РА в широком смысле слова, предстает как «вербальный и знаково зафиксированный продукт речемыслительной деятельности, являющийся «реакцией на ситуацию и опосредованным её отражением, обладающий содержательной завершенностью и информационной самодостаточностью, а также тематическим, структурным и коммуникативным единством, как нечто объективно существующее, материальное, поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств и самим фактом своего существования изменяющее окружающий мир, как некая особая предикативная единица» [Красных 1999а: 414–415].

согласно данному подходу, две структурные составляющие: ситуацию, под которой понимается фрагмент существующей реальности, частью которой может быть и вербальный акт, и дискурс, «понимаемый как вербализованная речемышлительная деятельность, совокупность процесса и результата, обладающая собственно-лингвистическим и лингво-когнитивными планами» [Там же].

Такое представление РА является, на наш взгляд, наиболее соответствующим современному пониманию данного коммуникативного феномена¹, поскольку позволяет подойти максимально близко к пониманию многих дискуссионных вопросов лингвистического анализа РА.

Центральным из них является вопрос о принципах выявления и описания иллокутивного значения речевого акта (далее также – акторечевого значения), которое представляется многим языковедам «ускользающим, меняющимся» [Сковородина 2004].

Действительно, в отличие от референциальных и прагматических значений, передающих связь в естественном языке с конкретными предметами, понятиями, ситуациями и отношение к ним (Н.Д. Арутюнова, Л.С. Бархударов В.В. Виноградов, И.М. Кобозева, и др.), значение РА объединяет в себе весь спектр отношений между языковыми знаками и речевой ситуацией.

Следует отметить, что набор данных отношений существенно превосходит количество традиционно выделяемых отношений между языковыми знаками и речевой ситуацией (семантика vs. синтактика vs. прагматика)². Если исходить даже из минимального набора составляющих ситуации общения – говорящий (Г), слушающий (С), акт речи (АР), действительность (Д), их число явно больше. На этот факт указывает, в частности, А.Н. Баранов, анализируя указанный минимальный набор компонентов речевой ситуации на примере акта аргументирования (АА):

¹ ТРА рассматривает РА в качестве минимальной единицы человеческой коммуникации [НЗЛ, №№ 6–17].

² См. [Моррис 1983: 63].

1. АА \longleftrightarrow Д – семантика;
2. АА \longleftrightarrow АА – синтактика;
3. Г \longleftrightarrow АА – лингвистическая прагматика;
4. Г \longleftrightarrow Д – прагматика (в собственном смысле);
5. Г \longleftrightarrow С – прагматика коммуникантов;
6. АА \longleftrightarrow С – лингвистическая прагматика слушающего;
7. Д \longleftrightarrow С – прагматика слушающего (в собственном смысле);
8. Г \longleftrightarrow Г – синтактика говорящего (говорящий в отношении к самому себе, ср: «аниматор» – лицо, произносящее высказывание; «принципиал» – лицо или сторона, чьи представления положены в основу высказывания);
9. С \longleftrightarrow С – синтактика слушающего (слушающий в отношении к себе и другим слушающим);
10. Д \longleftrightarrow Д – синтактика действительности (конечно, только через восприятие коммуникантов) [Баранов 1990: 9-10].

Подавляющая часть приведенных и других видов отношений, возникающих при осуществлении говорящим РА, отражаются в значении его иллокутивной функции. Она выступает показателем производимого говорящим иллокутивного акта (далее также – ИА) и непосредственно связана с функционально-деятельностной стороной РА – его перформативными свойствами, интенциональностью, интеракциональностью и конвенциональностью. Поэтому для большинства современных разработчиков ТРА значение РА ассоциируется, прежде всего, со значением его иллокутивной функции. Пропозициональное содержание РА признается при этом подчиненным его ИС, напрямую связанной с дискурсивной (текстовой) функцией речевого произведения [Brinker 1988; Eggs 2000; Gloning 1997; Gülich 2000; Hoffmann 2000; Jahr 1992; Kneip 1979; Liedtke 1998; Morgan 1979; Schmidt 1973; Дейвисон 1986; Остин 1986; Серль 1986а, Стронсон 1986 и др.].

В свете сказанного лингвистический анализ РА, направленный на выявление и описание акторечевого значения, предполагает, прежде всего, выявление и описание его ИС. Несмотря на то, что в современной лингвистике имеется большое количество работ, посвященных иллокутивным актам, в том числе выявлению и описанию языковых средств выражения типовых иллокуций в разных языках [Lewandowski 1985; Liedtke 1988; Формановская 1989 и др.] и систематизации лингвистических данных об иллокутивной функции [Василина 2005], природа ИСРА остается не до конца изученной.

Результаты анализа теоретической литературы показывают, что до настоящего времени у лингвистов не сложилось единого взгляда на само понятие ИСРА. Отсутствуют в научной литературе и указания на методологию исследования значения ИА.

Лингвистами отмечается, что выявление иллокутивной семантики РА, опирающееся, чаще всего, на методы контекстуального и дискурсивного анализа, затрудняется отсутствием однозначных соответствий иллокутивных функций вербальным средствам выражения, поскольку на формирование значения ИА влияют разнообразные факторы (см., например, [Арутюнова 1992; Богин 1984; ван Дейк 1989; Варгина 2004; Горелов 1985, 1987; Гришина 1989; Дорошенко 1989; Исследование речевого мышления в психолингвистике 1985; Карандеева 2006; Красных 1999а, 1999б; Кочетова 1999; Пospelова 1992; Романов 1986; Солдатова 2004; Теория речевых актов: начальный этап 2001; Хельбиг 1978; Худснурьяр 1998; Hindelang 1976] и мн. др.).

Многие лингвисты связывают процессы формирования и осуществления иллокутивных актов с особенностями речевого поведения коммуникантов (см., например, [Азнабаева 1998], [Безменова 2001], [Голышкина 2000], [Золотова 1998], [Петрова 2004], [Хомякова 2005] и мн. др.). Исходя из того факта, что речевое поведение определяется принадлежностью к культуре [Бгажноков 1978: 82, 139], лингвисты особо

указывают на систему факторов – языковых, психолингвистических и общепсихологических, обеспечивающих процессы общения на разном уровне их организации и обусловленных, прежде всего, характеристиками языковой личности [Национально-культурная специфика речевого поведения 1977: 9].

Результаты типологических исследований РА [Карабан 1989а, 1989б, 1989в; Нгуен 1984; Шевченко 2003 и др.], свидетельствующие об универсальном составе компонентов плана содержания иллокутивного значения РА и дифференциальном плане его выражения в различных языках, указывают на этнокультурную специфику концептуализации типовых ситуаций общения [Нгуен 1984: 7-8], а, следовательно, на необходимость рассмотрения процессов формирования значения РА в свете процессов концептуализации и категоризации.

Данный тезис подтверждается и результатами современных исследований РА в рамках психолингвистики, раскрывающих закономерности восприятия и порождения речи и ее социальной роли (см., например, [Auvera 1981], [Greenbaum 1973], [Богданов 1977, 1990], [Доброва 2004], [Жура 1990], [Колшанский 1984], [Чахоян 1989] и др.), обусловленность речи и речевого поведения национальными обычаями и традициями (см., например, [Арутюнова 1992], [Ахутина 1985, 1989], [Выготский 1984], [Жинкин 1958, 1964, 1982], [Залевская 1977], [Калентьева 1998], [Караулов 1978, 1987, 1989], [Леонтьев А.А. 1969а, 1969б, 2005], [Леонтьев А.Н. 1977], [Лурия 1974], [Норман 1983], [Пассов 1975], [Ревзин 1978], [Ушакова 1985] и др.), а также выраженность в речи индивидуальных характеристик субъекта как языковой личности (см., например, [Крупнов 1990, 1997], [Лейтес 1960], [Чеботарева 1996, 1998] и др.).

Предпосылки изучения ИСРА в настоящей работе определяются тем самым исследованиями в области механизмов формирования значения иллокутивных актов, неизбежно связанных с фактором концептуальной

системы носителя языка, и обуславливают когнитивно-дискурсивное направление настоящего исследования.

1.4. Иллокутивная составляющая речевого акта: проблема определения и основные подходы к описанию

Современное представление об иллокутивном акте восходит, как указывалось ранее, к идеям основоположников ТРА о речевом акте как совокупности нескольких (под)актов [Вульфманн 1990: 727] (см. Таблицу 1):

Структура речевого акта					
Симультанные (под)акты (составляющие)					
Дж. Остин [1962]	Произнесение звуков	Произнесение слов (вокабул) в определенной грамматической форме	Использование слов (вокабул) с некоторыми более или менее определенным и смыслом и референцией	Перформативное употребление пропозиции	Воздействие, возникшее вследствие осуществленного речевого акта
	→ Фонетический акт	→ Фатический акт	→ Ретический акт	→ Иллокутивный акт	→ Перлокутивный акт
Дж. Сёрль [1969]	Акт произнесения (→ Локуция)		Пропозициональный акт (→ Пропозиция)	Иллокутивный акт (→ Иллокуция)	Перлокутивный акт (→ Перлокуция)
<div style="text-align: center;"> </div> → Референция → Предикация Соотнесение с «миром» Суждение о «мире»					

Таблица 1. Симультанные составляющие речевого акта

Термины «иллокуция», «иллокутивный» (от *lat. il-* ‘в’, *loqui* ‘говорить’, т.е. ‘действие, совершаемое посредством говорения’) появились в лингвистической литературе благодаря работам Дж. Остина, который подчеркивал центральную роль ИС в общей структуре РА и противопоставлял иллокутивный акт актам референции и предикации. Практику использования данных терминов продолжил впоследствии в своих трудах Дж. Сёрль, доказывая особый статус иллокуции и ее отличие от пропозиции. В качестве аргумента он приводил тот факт, что одно и то же

содержание пропозиции, являющейся результатом соответствующих актов референции и предикации, может быть выражено в разных по своему иллокутивному значению РА. Он писал: «Остин дал этим различающимся по своему значению речевым актам название «иллокутивные акты», я буду также впредь пользоваться этим термином» [Searle 1969: 39].

Термин «иллокутивный акт» (illocutionary act/ illokutionärer Akt) был с легкостью воспринят и другими исследователями. На сегодняшний день теория иллокутивных актов Дж. Остина и Дж. Серля применяется для объяснения различных фактов человеческой коммуникации не только в философии языка и лингвистике, но и в социологии, культурологии, методике и других гуманитарных науках.

Исходя из своих онтологических характеристик, ИА тесно связан с другими составляющими РА. С одной стороны, все аспекты в реальном высказывании слиты воедино. В этом отношении РА демонстрирует факт реализации всех своих составляющих посредством конкретного речевого произведения. С другой стороны, в результате даже неглубокого анализа и наблюдения можно выделить в РА его составляющие, отличные друг от друга. Очевидными для пользователей и исследователей языка являются такие факты, когда различным иллокутивным актам может соответствовать один и тот же пропозициональный акт (ср. *Он идет в школу. Идет ли он в школу? Пусть идет в школу! Er geht in die Schule. Geht er in die Schule? Er gehe in die Schule!*), в то время как различным локутивным актам могут соответствовать один и тот же пропозициональный и иллокутивный акты (ср. *Обещаю быть примерным учеником. Даю обещание быть примерным учеником. Ich verspreche weiter fleißig zu lernen.*), а одна и та же иллокуция может быть реализована в РА с различным значением пропозиции (ср. *Открой окно! Делай уроки! Отдай мне мою книгу! Mach' das Fenster auf! Mach' deine Hausaufgaben! Gib mir mein Buch zurück!* и пр.).

Однако несмотря на кажущуюся легкость такого разделения аспектов РА, выявление и описание его иллокутивной составляющей представляет

собой на сегодняшний день серьезную проблему, как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Анализ теоретических источников позволяет выделить три основных подхода к определению и описанию ИСРА.

1.4.1. Перформативный подход

Данный подход основан на традиционном представлении лингвистов о способности иллокутивного значения РА к перефразированию посредством перформативного глагола.

Современная ТРА обращается к описанию перформативных глаголов в разных языках с двух основных позиций: как номинатора того или иного (типа) РА в системе языка и как номинатора иллокутивной функции конкретного РА при его реализации в дискурсе.

В первом случае перформативные глаголы описываются в составе глаголов речи [Бабенко 1980; Болотнова 1986; Гловинская 1992, 1993; Ушакова 2005 и др.], глаголов поведения [Гришаева 1999; Старостина 2004 и др.]; как речевые (перформативные, иллокутивные) глаголы [Сыркина 2004; Натяженко 2008; Низеева 2010 и др.], как номинативные единицы иллокутивных [Ossner 1985] и коммуникативных концептов в языке [Harras 2004, 2007]. Различными исследователями указывается при этом на многообразие и лингвокультурную специфику семантики и парадигматической организации перформативных глаголов в системе конкретного языка (подробный обзор трудов представлен в более ранних работах [Никонова 2007], [Никонова 2012]).

Точка зрения, согласно которой перформативный глагол является языковым знаком, выступающим номинатором иллокутивной функции конкретного РА, восходит к основоположникам ТРА. В частности, Дж. Серль считал, что с семантической точки зрения в предложении можно различать

пропозициональный показатель и показатель иллокутивной функции [Серль 2004: 62].

Данные составляющие можно достаточно легко выделить в глубинной структуре (ГС) каждого высказывания как вербального коррелята РА, например (1):

ПС: *Я уверяю, что сделаю это/ Ich versichere, dass ich es tue.*

ГС: Я уверяю → я сделаю это/ Ich versichere → ich tue es.

Номинатор иллокутивной функции может выражаться при этом эксплицитно, будучи представленным в поверхностной структуре (ПС) РА (как в указанных случаях), либо имплицитно, как например:

ПС: *Я сделаю это!/ Ich tue es!*

ГС: Я уверяю → я сделаю это/ Ich versichere → ich tue es

То же можно сказать и о показателе содержания пропозиции РА. В случае отсутствия экспликации пропозиции в поверхностной структуре РА, этот компонент обязательно поддерживается общим контекстом и представлен в глубинной структуре РА, например:

ПС: *Уверяю! / Ich versichere!*

ГС: Я уверяю → я сделаю это/ Ich versichere → ich tue es

По Дж. Серлю, любой РА может быть представлен формулой $F(p)$ ¹, где F – показатель иллокутивной функции, p – показатель пропозиционального содержания.

Подобное разграничение между показателями, как считает исследователь, дает возможность при анализе РА обсуждать правила для выражения суждения в РА независимо от правил указания его функции [Там же: 62–63].

Приведенную формулу речевого акта Дж. Серль, основываясь на идеях Дж. Остина, называет перформативной, по аналогии с теми глаголами, которые способны выступать в языке номинаторами иллокутивного типа РА и служить экспликатором в поверхностной структуре РА его главного

¹ Данная формула получила в ТРА название канонической.

свойства – перформативности¹. В случае, когда иллокутивная функция высказывания выражается в поверхностной структуре РА непосредственно глаголом в 1 л. ед. ч. изъявит. накл. акт. залога несоверш. вида, говорят о перформативном высказывании (или также перформативе). Перформативы, построенные по приведенной (канонической) формуле, Дж. Остин называет эксплицитными. Это *Я*-высказывания с перформативным глаголом, которые имеют в своей основе парадигматический набор допустимых реализаций канонической формулы в соответствии с грамматическими нормами языка (И.П. Сусов).

Вариативность возможных форм реализации перформативных высказываний связана, в том числе, с тем, что не все типы перформативных высказываний могут быть выражены посредством экспликации перформативного глагола: *Ты у меня еще увидишь!* является угрозой, но вряд ли кто-то скажет «*Я угрожаю тебе*». Это справедливо в отношении фраз с глаголами типа *угрожать, насмехаться, льстить, ругать, лгать, похваляться*, которые получили название *иллокутивного самоубийства* [Вендлер 1985], так как в случае экспликации перформативного глагола, соответствующего иллокутивному типу высказывания и коммуникативному намерению, в его семантику закладывается элемент, делающий невозможным их успешную реализацию, т.к. одним из условий успешности в данных РА является сокрытие говорящим своего коммуникативного намерения.

Согласно мнению Ю.Д. Апресяна, при реализации РА перформативная формула имеет приоритет перед перформативным глаголом [Апресян 1995: 203].

¹ Термин «перформативность» был впервые употреблен Дж. Остином, применявшем его по отношению к высказываниям, которые не только выступают в качестве описаний некоторых действий. По его мнению, перформативные высказывания, или перформативы, предназначены не для описания, а для преобразования реальной действительности. В отличие от высказываний-констативов, перформативы сами по себе уже являются действиями, что непосредственно отражается в термине «перформативность» (И.П. Сусов). Текст должен пониматься, прежде всего, с позиции, какие действия посредством него производятся, лишь только потом, о чем в нем высказывается [Гаспарян: 2].

Перформативность рассматривается многими лингвистами в этой связи как альтернатива дискриптивности [Grewendorf 1980: 287 - 288].

Перформативный глагол рассматривается лингвистами в качестве основного маркера иллокутивной функции РА наряду с другими иллокутивными индикаторами, в качестве которых, например, в немецком языке, выделяются:

- грамматические типы предложений – (Aussage/Frage/Aufforderung/Ausruf);
- порядок слов в предложении (Wortfolge);
- наклонение глагола (Indikativ/Konjunktiv/Imperativ);
- просодические средства (Tonhöhenführung, Satzakzent, Pause usw.);
- модальные частицы (doch, mal u.a.) [Lewandowski 1985].

Исследования перформативного глагола как семантического фокуса перформативной формулы РА явились основанием для всестороннего изучения в современной лингвистике перформативности как основополагающей категории РА (Е. Fischer-Lichte, F. Liedtke, Ю.Б. Грязнова, А.А. Красина, Е.Л. Липская, О.Г. Почепцов, И.В. Четыркина, и др.).

В частности, Е.Л. Липская, основываясь на результатах анализа теоретической литературы и языковых фактов, доказывает характер перформативности как *лингвистической* многоаспектной семантико-прагматической категории, средствами реализации которой в дискурсе являются эксплицитные, эксплицитно-модифицированные (грамматически-модифицированные, модализированные, номинативные, партиципальные) и имплицитные (императивные высказывания, устойчивые лексико-грамматические структуры, идиомы-перформативы) перформативные высказывания, которым присущи определенные структурно-семантические и когнитивно-прагматические особенности в разных языках. Как основное средство реализации перформативности в языке называется при этом перформативный глагол в перформативном употреблении, поскольку он является точным показателем иллокутивной функции высказывания [Липская 2010].

Языковедами выделяются следующие перформативные свойства РА (ср., например, [Россолова 2008: 20-24]):

1. Эквивалентность РА, понимаемая как равнозначность высказывания действию, которое может быть описано при помощи перформатива.

Данное свойство позволяет РА, как и любому действию, производить определенные изменения в мире, в котором существуют коммуниканты. Произнося, например, высказывание (2): „*Ich schwöre, ich sage niemandem*“ (Клянусь, я никому не скажу!), говорящий совершает РА клятвы, связывая себя клятвой не раскрывать никому тайну собеседника. Простой фразой (3): «*Ich habe dich gerne! – Я тебя люблю!*» говорящий совершает акт признания в своих чувствах. И тот, и другой РА, как и многие другие речевые акты, так или иначе приводят к изменению реальности, в которой существуют адресант и адресат: нарушение клятвы может привести к негативным последствиям, которые способны самым серьезным образом повлиять на дальнейшую судьбу того, кто ее нарушил; признание в любви может также навсегда изменить дальнейшую жизнь адресанта и адресата. Повернуть ход событий вспять бывает потом очень трудно, зачастую просто невозможно. РА как действия посредством языка являются в этом смысле неповторимыми и невозпроизводимыми.

Эквивалентность РА непосредственно связана с такими его свойствами как направленность речевого действия и переходность (переносимость) содержания (В. Мацкевич, А. Егоров и др.).

2. Неверифицируемость как невозможность оценить иллокутивное значение РА с позиции критерия истинности/ложности.

Иллокутивное значение РА, репрезентируемое перформативным глаголом – номинатором РА, не может быть ни истинным, ни ложным, «потому что истинными или ложными могут быть слова, высказывания (содержание), но не поступки, не действия (т.е. не иллокутивная сила высказывания)» [Богданов 1990: 59].

Свойство неверифицируемости РА обуславливает тот факт, что перформатив, выступающий номинатором РА в его глубинной структуре, не сопровождается отрицанием (Ю.Д. Апресян, В.В. Богданов и др.), поскольку любое действие, в том числе и речевое, не знает отрицания.

3. Автореферентность как способность РА указывать на субъекта выполняемого им действия.

Данное свойство РА самым тесным образом связано с эквивалентностью РА и эксплицировано в антропоцентрическом фокусе перформативной формулы РА «Я + перформативный глагол».

Я прошу... Я называю... Ich bitte um Verzeihung... Ich nenne ... - производство действия посредством языка, которое в процессе коммуникации становится тождественным с речевым произведением, координируется и репрезентируется в каждом РА его субъектом.

4. Автономинативность как способность РА к номинации его иллокутивной функции с помощью перформатива.

Свойство автономинативности наиболее ярко прослеживается в перформативных высказываниях, например: (4) «*Es zieht hier. Ich habe Angst, ich erkälte mich. Kannst du mal das Fenster schließen? Ich **bitte** dich...*» [Hufeisen 2001: 19]. (*Здесь дует. Я боюсь, я могу простудиться. Не мог бы ты закрыть окно? Я **прошу** тебя...*). Оно позволяет в процессе восприятия РА адекватно идентифицировать его иллокутивную функцию:

(5) *Gute Nacht!*

Спокойной ночи!

ГС : Ich wünsche – dir eine gute Nacht Я желаю – тебе спокойной ночи

5. Эквитемпоральность как совпадение времени, обозначаемого в РА перформативным глаголом – номинатором его иллокутивной функции, с моментом речи.

Данное свойство также обусловлено эквивалентностью РА и определяет его морфологическую форму актуального настоящего времени. В свою очередь, оно связано с таким неотъемлемым свойством речевого действия, как однократность.

Однократность РА не сводится в этом случае к точности и моментальности, «поскольку время перформативного высказывания – это период, ограниченный рамками реализации акторечевого значения, а не момент» [Россолова 2008: 22]. Продолжительность этого периода, как свидетельствуют языковые факты, может быть разной в зависимости от объема речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА.

Например, в немецком языке РА поздравления может быть реализован в разные временные отрезки с помощью а) отдельного высказывания: (6) «*Meine Glückwünsche zum Geburtstag!*» (*Мои поздравления с днем рождения!*), б) развернутого высказывания: (7) «*Ein streßfreies, frohes Weihnachtsfest nach der hektischen Vorweihnachtszeit und einen fröhlichen Rutsch in ein erfolgreiches neues Jahr, das, lieber Herr Jaspersen, wünscht Ihnen und Ihrer ganzen Familie Ihre Firma*» [Manekeller, Reinert-Schneider 1989: 321]. (*Спокойного, счастливого Рождества после беспокойной предрождественской суеты и веселого Нового года желает Вам, дорогой господин Ясперсен, и всей Вашей семье Ваша фирма*) и в) текста/дискурса (8) (см. Приложение 6, Text № 5).

Иллокутивная функция поздравления в приведенных примерах (6), (7), (8), несмотря на различия в структуре, наборе языковых средств и дискурсивных особенностях РА, реализована однократно. В РА (6) она выражена с помощью семантического эквивалента перформатива (прагматического клише); в РА (7) наблюдается усложнение иллокутивной структуры РА за счет включения говорящим микроречевого акта обращения, подчиненного главной иллокутивной функции поздравления; в примере (8) иллокутивная функция поздравления выражена посредством достаточно объемного дискурсивного текста, представленного последовательностью простых РА, представленных отдельными высказываниями.

Временной период реализации РА в каждом представленном случае разный, однако границы каждого речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА поздравления, обусловлены однократной реализацией основной иллокутивной функции.

Все перечисленные перформативные свойства РА – эквиакциональность, неверифицируемость, автореферентность, автономинативность и эквитемпоральность – демонстрируют деятельностьную (акциональную) природу РА и являются, таким образом, атрибутами его иллокутивной составляющей в антропоцентричном аспекте.

Выражение категории перформативности в РА, по данным исследователей [Богданов 1985: 19; 1990: 59-61], непосредственно связано, помимо прочих, и с такими свойствами РА, как *компетентность* (наличие полномочий у говорящего) и определенная *лексическая и грамматическая выраженность* (перформативный глагол должен быть в первом лице единственного числа настоящего времени, первый актанта — выражаться дейктическим элементом первого лица единственного числа и т. п.).

Компетентность рассматривается языковедами не только в связи с перформативными свойствами РА, но и в общем контексте дискуссии о перформативных высказываниях. В частности, для Э. Бенвениста первостепенным значением при признании высказывания перформативным обладает условие правомочности говорящего. К перформативным он относит в данном случае высказывания лица, обладающего властными функциями. При этом он не считает перформативами (т.е. действиями) ни императивные конструкции (*Откройте дверь!*), ни назывные предложения (*Огонь!*). По его мнению, в них отсутствуют глаголы, именующие производимый говорящим РА [Сусов 2006].

Дискуссионный характер перформативности высказываний связан в лингвистике, прежде всего, с определением роли и статуса перформативного глагола в экспликации иллокутивного значения РА (подробнее см. [Никонова 2007]).

Современные лингвисты обращают внимание, прежде всего, на связь перформативного глагола с иллокутивной функцией РА. При этом можно выделить два основных подхода к рассмотрению данного явления.

расширительную интерпретацию, нивелирующую различие между коммуникативным актом и социальной акцией» [ЛЭС 2002: 372-373].

Перформативная гипотеза подверглась в дальнейшем существенной критике со стороны лингвистов в плане описания всех возможных перформативных реализаций предложения, которая связана, в основном, со вторым подходом к определению статуса перформативного глагола, основанном на отрицании абсолютной роли перформативного глагола в экспликации иллокутивного значения РА. Например, мнения о том, что классификация речевых актов и глаголов, обозначающих соответствующие РА, совершенно независимы друг от друга, придерживается автор работы [Meibauer 1999]. Речевые акты различаются в данном случае по типовым признакам иллокутивных сил, и попытки их классификации представляют собой разнообразные уточнения классификации РА по типам иллокутивных сил Дж. Серля (см, например: [Ballmer 1979; Ulkan 1993; Wunderlich 1976a, 1976; Богданов 1990; Почепцов 2008] и др.).

Некоторые современные лингвисты придерживаются интегративного подхода, полагая, что классификация речевых актов не сводится к классификации перформативных глаголов, но её необходимо строить с учетом глагольных единиц, служащих в языке для их обозначения. Пример такой классификации РА встречается в работе [Vach 1975].

По мнению В.И. Карасика, пересечение классификационных аспектов – индуктивно-эмпирического, позволяющего рассматривать классификацию перформативных глаголов как основание для классификации РА, и дедуктивного, направленного на разграничение видов и типов РА, не сводимых к глаголам, обозначающим соответствующие РА – позволяет выделить три области описания: 1) РА, имеющие глагольные корреляты-названия; 2) РА, не имеющие особых глагольных коррелятов-названий и обозначаемые развернутыми описаниями; 3) поведенческие акты, имеющие глагольные корреляты-названия и выходящие за пределы собственно речевых актов [Карасик 2004].

Подобное представление о способности перформативного глагола эксплицировать (иллокутивное) значение РА свидетельствует о несостоятельности перформативного подхода к его описанию. Данный вывод указывает на тот факт, что следует, в свою очередь, различать понятия перформативности и иллокуции речевого акта, хотя очень часто оба термина употребляются языковедами как взаимозаменяемые для объяснения феномена иллокутивного значения речевого акта.

Понятие перформативности имеет в современном толковании самое широкое значение «как акциональный процесс исполнения, посредством которого ситуационно и неповторимо осуществляется в процессе коммуникации социокультурное событие» [Четыркина 2006: 5]. Концепция перформативности, возникнув в рамках ТРА, охватывает сегодня не только разграничение констативных и перформативных высказываний в ТРА, но и перформативность системы Ж.-Ф. Лиотара, а также различных направлений и течений в искусстве, где перформативность постулируется, прежде всего, как перформанс - коммуникативное требование для самопонимания и самоутверждения (Ю. Хабермас).¹ Здесь мы наблюдаем расширение перформативной гипотезы и её переход в универсально-культурную концепцию, демонстрирующую акциональный характер перформативных практик и акцентирующую внимание на перформативности как конститутивном признаке культуры. Перформативность текста/ дискурса рассматривается в данном случае в том ракурсе, «что силу и значимость оно получает, прежде всего, в РА и через него» [Там же].

В лингвистической литературе, как отмечает И.М. Кобозева, представлены две точки зрения на интерпретацию перформативности.

Представители первой из них (в частности, Е. Бенвенист, А. Вежбицкая, Дж. МакКоли и др.) считают, что перформативность есть, прежде всего, свойство РА, отличающее его от констативных высказываний.

¹ О перформативности и перформансе как формально деятельностном проявлении перформативности в виде исполнительской реализации определенных, реализуемых по сценарию интеракций, см., например, в работах [Романов, 2003; Романов, Романова 2007].

Для них наиболее существенным является отличие высказываний типа «Я утверждаю, что S есть P» (констативных) от высказываний типа «Я клянусь, что S есть P» (перформативных), а не то, что их объединяет.

Сторонники второй традиции, к которым И.М. Кобозева причисляет и себя, отказываются от дихотомии, растворяя её в общем учении о РА, который всегда представляет собой совершение действия, точнее, целого ряда одновременных действий. При таком подходе понятие перформативности связывается не с противопоставлением типов высказываний, а с противопоставлением языковых выражений, актуализируемых в составе речевого акта. Здесь выделяются категории «перформативного употребления выражения, которое равносильно выполнению обозначаемого этим выражением действия» [Кобозева 1986б: 1].

Таким образом, перформативность трактуется в лингвистических исследованиях в широком и узком понимании.

В широком смысле перформативность описывается как семантико-прагматическая категория, «коммуникативная фактуализация явления» [Горбачева 2015: 8]. В узком смысле перформативность есть «значение высказывания, в определенных прагматических условиях равно выполнения обозначаемого им действия» [Россолова 2008: 4].

И в том, и в другом случае перформативность характеризуется, тем не менее, как свойство РА в целом [Сковородина 2004: 7], не зависящее непосредственно от его отдельных компонентов, и сближает понятия иллокуции и перформативности, которые зачастую употребляются в современной лингвистической литературе как синонимы. Однако их следует разграничивать по нескольким причинам.

Первая заключается в разных ассоциативных связях, возникающих при употреблении приведенных терминологических лексем. Употребление термина «иллокуция» предполагает его рассмотрение и использование в рамках трихотомии «локуция»—«иллокуция»—«перлокуция» как

симультанной составляющей речевого акта. Употребление термина «перформативность» характеризует его как относительно самостоятельное понятие, связанное с характеристиками речевого акта как действия субъекта речи.

Вторая проистекает из онтологии анализируемых феноменов. Иллокуция есть составляющая РА наряду с локуцией и перлокуцией, перформативность – свойство РА, иллюстрирующее его антропоцентрический характер, акцентирующее внимание на деятельностном потенциале речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА. В этом отношении перформативные свойства РА выступают атрибутом его ИС и аккумулируются в семантическом фокусе иллокутивного акта – перформативном глаголе. Третья причина, позволяющая разграничить понятия «иллокуция» и «перформативность», связана с интенциональностью иллокуции. В то время как при описании перформативных свойств РА акцент языковедами, как показано выше, делается на его антропоцентрических характеристиках, при употреблении термина «иллокуция» лингвистами фокусируется интенциональное состояние субъекта речи (см., например, [Maas 1972], [Бахтин 1979], [Бондарко 1984, 2003], [Кобозева 2003], [Клюев 2002], [Леонтьев А. А. 2005], [Чахоян 1986], [Шакирова 2003] и др.). Поскольку оно во многом определяется иллокутивной целью РА и предопределяет иллокутивные функции его вербального коррелята, данное направление можно обозначить как функциональный подход к рассмотрению ИСРА.

1.4.2. Функциональный подход

Понятие иллокутивного акта как **акта осуществления одной из языковых функций** - вопроса, оценки, приказа и т.п. [Блинов 1996] является на сегодняшний день достаточно распространенным среди лингвистов. В этом отношении ИСРА сводится к иллокутивной функции

речевого произведения – интегральной, т.е. обобщенной и целостной характеристике высказывания как средства осуществления иллокутивного акта [ТРА-ЭК: 2]. В фокусе внимания находится тот факт, что в отличие от перлокутивной функции РА, ориентированной на внешние последствия РА, иллокутивная функция (illocutionary function / illokutive Funktion) РА нацелена на внутренние последствия [Ossner 1985: 123] и может быть перефразирована с помощью перформативного глагола [Roulet 1985: 11]. В современной научной литературе имеются многочисленные упоминания об иллокутивной функции речевого произведения.

В синтаксической теории иллокутивная функция признается одним из основных признаков высказывания и представляется соотносящей высказывание с одним из типов (монологическим или диалогическим) дискурса наряду с его формальными признаками, структурными характеристиками и признаками.

Схематичное представление данного факта находим, в частности, у В. Лемана [Lehmann 2003: 18-19]:

внутренняя структура

Высказывание, выраженное с помощью двусоставного предложения		Высказывание, выраженное без помощи двусоставного предложения	
1 элементарное (простое) предложение (1 сказуемое)	Сложное предложение (несколько сказуемых)	Назывное предложение	Предложение, выраженное междометием
с/без (речевого) вкрапления (элемента)			только речевой элемент

Тем самым иллокутивная функция рассматривается как константная характеристика любого высказывания, связанная с его функциональной природой.

В лингвистической прагматике под иллокутивной функцией высказывания традиционно понимается функция, выполняемая высказыванием как некоторым типом РА [Bunt, Katwijk 1980: 277]. При этом подчеркивается её ориентация на внутренние последствия РА в отличие от перлокутивной функции речевого произведения, нацеленной на его внешние последствия [Ossner 1985: 123].

Внутренние последствия связываются лингвистами с различными факторами осуществления РА как минимальной единицы речевой коммуникации, определяющими типовые характеристики иллокутивных функций РА. Некоторые языковеды считают главным из таких факторов *социальную цель* установления и поддержания ровных отношений между людьми. В частности, Дж. Лич выделяет в зависимости от названного фактора четыре типа иллокутивных функций, первые два из которых существенно связаны вежливостью:

- конкуренция (имеет место тогда, когда иллокутивная цель конкурирует с социальной целью, например: приказ, вопрос, просьба);
- совпадение (имеет место тогда, когда иллокутивная цель совпадает с социальной ролью, например: приглашение, приветствие, благодарение, поздравление);
- сотрудничество (имеет место тогда, когда иллокутивная цель безразлична по отношению к социальной цели, например: утверждение, сообщение, объявление, инструкция);
- конфликт (имеет место тогда, когда иллокутивная цель находится в конфликте с социальной целью, например: угроза, обвинение, проклятие, упрек) [Leech 1983: 104].

В качестве другого фактора называется *акциональная природа* иллокутивной функции. По мнению П. Майера, иллокутивная функция в тексте есть то, что отвечает на вопрос «How to do things with texts» (как добиваться своих целей с помощью текстов) [Meyer 1983: 102]. Иллокутивные функции, которые представлены в тексте, по мнению автора, тремя крупными классами – семантико-топиковыми, каузальными и аргументативными – позволяют интерпретировать и переинтерпретировать уже воспринятые фрагменты текста [Там же: 104]. Данный подход к описанию иллокутивной функции речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА, тесно связан с традицией определения иллокутивного акта в трудах современных лингвистов как **выполнения действия посредством речи**: побуждения (просьбы, приказа), вопроса, сомнения, утверждения, обещания [И-ПЗ]. При таком рассмотрении понятие ИА сближается с понятием РА, поэтому термины «иллокутивный акт» и «речевой акт» часто употребляются исследователями как синонимы. В фокус научного описания иллокутивной составляющей РА ставится при этом антропоцентрический фактор и связь ИА не только с другими составляющими РА, но и с его внутренними и внешними параметрами.

Третьим фактором выступает *интеракциональный характер* иллокутивной функции, который подчеркивается в работе [Roulet 1985], где автором выделяются инициативная (нацеленная на то, чтобы вызвать реакцию у собеседника) и реактивная иллокутивные функции [Там же: 25].

Подавляющее большинство ученых связывают внутренние последствия РА с его *интенциональной природой*. В данном случае в лингвистических исследованиях подчеркивается непосредственная связь иллокутивной функции РА с *коммуникативной функцией языка*. Коммуникативный подход к описанию иллокутивной функции связывается в лингвистике с понятием ИА как акта, характеризующего **«коммуникативную направленность (интенцию) речевого высказывания**: утверждение, вопрос, приказ, просьба и т.д.» [Нелюбин 2003: 60]. И.П. Сусов, относящий феномен иллокутивных

актов к коммуникативному вектору функционального использования языка, направленного на передачу тех или иных сообщений от одного человека другому (или же другим) в форме коммуникативных, прежде всего, речевых актов, подчеркивает ведущую роль иллокутивной составляющей в структуре речевого акта, в силу чего он может характеризоваться как иллокутивный акт [Сусов 2006].

До настоящего времени в лингвистике ведется оживленная дискуссия о количестве и составе коммуникативных функций языковых знаков.

Минимальный набор таких функций представлен в семиотической модели функционирования языка К. Бюлера, который, развивая мысль Платона «Язык есть *organum*, служащий для того, чтобы один человек мог сообщить другому нечто о вещи», подчеркивает три необходимых реляционных компонента акта коммуникации «один человек – другому человеку – о вещи» и выделяет три функции языковых знаков [Бюлер 1993]:

- 1) репрезентативную, как функцию представления предметов, положений дел и событий (*Darstellung*);
- 2) экспрессивную, как функцию выражения внутреннего состояния, эмоций и позиций отправителя (*Ausdruck*);
- 3) апеллятивную, как функцию, при помощи которой отправитель обращается к реципиенту и хочет побудить его к определенной реакции (*Appell*).

К. Бюлер, подчеркивая главенствующую роль в этом единстве репрезентативной функции и возможность доминирования каждой из представленных выше функций, приходит к выводу о том, что любое из трех рассмотренных отношений, любая из трех смысловых функций языкового знака открывает и очерчивает свою область лингвистических феноменов и фактов [Бюлер 1993].

Трем «практическим» функциям, выделяемым К. Бюлером, Я. Мукаржовский противопоставляет четвертую функцию – поэтическую или

эстетическую, которая заключается в способности знака сосредоточивать внимание не на сообщаемом, а на самом себе [Мукаржовский 1994].

Коммуникативные функции языка в теориях Дж. Остина и Дж. Серля получают название иллокутивных функций, а также иллокуций. Каждая из типовых иллокуций соответствует в ТРА одному из типов иллокутивных сил, представляемых в виде категории (подробнее см. [Levinson 2000; Searle 1969] и др.): репрезентативную функцию выполняют в речи высказывания, к которым применим критерий истинности/ложности (например, утверждения, доклады, рассказы). Директивным высказыванием (таким, например, как просьба, приказ, запрет) адресант побуждает адресата к определенному действию или отказу от него. Декларативное высказывание (например, приговор) изменяет социальный статус коммуникантов в рамках институциональной ситуации общения. Высказывание с комиссивной функцией эксплицирует обязательства, которые накладывает на себя говорящий (например, когда обещает или заключает договор). Экспрессивную функцию имеют, например, такие высказывания как приветствие, пожелание, соболезнование, а также крик от боли или ужаса, посредством которых осуществляются этикетные или чисто эмоциональные речевые акты [Lehmann 2003]. Иллокутивная функция речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА, признается, таким образом, проекцией на высказывание соответствующей иллокутивной силы или нескольких иллокутивных сил.

Предлагаемая основоположниками ТРА типология иллокуций позволяет, по мнению сторонников данной теории, объяснить коммуникативное предназначение любого осмысленного РА, осуществление и интерпретация иллокутивной функции которого осуществляется в акте коммуникации в соотнесении посредством языковых средств с центром или периферией указанных категорий, включая зоны их пересечения [Searle 1975a].

В современной лингвистической прагматике представлены и другие типологии РА по иллокутивной цели, подробный обзор которых представлен в работах различных исследователей (см., например: [Почепцов 1986], [Богданов 1989], [Карасик 1992], [Формановская 1998], [Сусов 1999], [Милосердова 2001] и др.).

Однако значение иллокутивной функции РА, отражающей его иллокутивную цель, не в полной мере отражает иллокутивную семантику РА.

Очень часто иллокутивная семантика оказывается в реальной речевой ситуации более широкой или другого качества, чем это демонстрируется через иллокутивную цель речевого произведения.

Прежде всего, это касается ситуаций, когда иллокутивная цель РА передает только определенную часть коммуникативного намерения говорящего, т.е. является более узкой по отношению к общей иллокутивной семантике РА, например:

(9) „*Die Mutter ist tot*“. – *In seiner Stimme klang alles: Verzweiflung, Schmerz, Vorwurf, Zorn, Frage und bittere Tatsache, dass er seine Mutter nie mehr umarmt* (M. Walser) – «Мама умерла», - в его голосе прозвучало всё: разочарование, боль, упрёк, гнев, вопрос и горькая правда. Здесь иллокутивная цель репрезентативного РА, которую можно перефразировать перформативными глаголами «утверждать», «информировать», является более узкой по сравнению с общей иллокутивной семантикой РА, раскрытой в словах автора, и включающей семантические компоненты других типов иллокуций (упрёка (*Vorwurf*), вопроса (*Frage*)) и психологических состояний говорящего, влияющих на интенсивность реализации иллокутивной силы (разочарования (*Verzweiflung*), боли (*Schmerz*), гнева (*Zorn*)).

Иллокутивная семантика РА также не сводится к показателям его иллокутивной функции в тех ситуациях, в которых общая иллокутивная семантика РА включает не только компоненты, отражающие иллокутивную цель, но и показатели, отражающие интенсивность реализации говорящим иллокутивной цели, например:

(10) “*Halt, hab ich gesagt!”* (SD) – «Стойте, я сказал!»

Наряду с показателями иллокутивной функции приказа (форма повелительного наклонения; форма побудительного высказывания), в РА имеется интенсификатор директивной иллокутивной силы говорящего “*hab ich gesagt*” – «я сказал», который, не модифицируя интенциональной направленности РА, усиливает его воздействие.

Особенно ярко проявляется асимметрия плана содержания и плана выражения иллокуции в косвенных РА. В таких ситуациях общения действительная иллокутивная семантика РА не соответствует, как правило, демонстрируемой иллокутивной цели РА и детерминируется социокультурными, речевыми и языковыми конвенциями [Searle 1975b]. В частности, в примере (11): „*Es zieht hier*“ – *behauptete sie leise und dies bedeutete für ihn eine laute Aufforderung, die Tür zuzumachen* (M. Walser) («Здесь дует», – сказала она тихо и это значило для него громкое требование открыть дверь) при помощи слов автора эксплицирована иллокутивная семантика директивного РА „*Es zieht hier*“(Aufforderung) («Здесь дует»), осуществляемого посредством РА *Behauptung* (утверждение) с репрезентативной иллокутивной силой (по классификации Дж. Серля).

Приведенные и другие примеры указывают на то, что функциональный подход к описанию иллокутивной семантики РА также оказывается порой слишком узким, чтобы адекватно учесть все факторы, влияющие на формирование и вербализацию иллокутивного значения РА.

В этой связи следует обратить внимание ещё на одну традицию в исследовании ИСРА, которая фокусирует внимание исследователя на понятии иллокутивной силы РА как неотъемлемом атрибуте говорящего и феномене ИСРА в деятельностном аспекте.

1.4.3. Деятельностный подход

Рассмотрение РА как действия посредством речи осуществляется лингвистами традиционно в рамках общей теории деятельности в

психолингвистике и семантической теории иллокутивных сил в лингвистической прагматике.

В теории речевой деятельности внимание исследователей фокусируется на процессах порождения и осуществления акта речи в его операциональном аспекте (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, С.Д. Кацнельсон, Г.В. Колшанский, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Л.В. Щерба и др.).

Речевое, как и любое другое, действие человека представляет соотнесимый с целью структурный компонент деятельности и единицу анализа деятельности индивида (Б.А. Душков, А.В. Королев, Б.А. Смирнов и др.). Основными видами действий человека выступают управляющие, исполнительные, утилитарно-приспособительные, перцептивные, мнемические, умственные, коммуникативные действия, в каждом из которых происходит использование как усвоенных, так и индивидуально выработанных средств и орудий [Кондаков 2000]. При этом действия могут быть как внешними, выполняемыми в развернутой форме с участием двигательного аппарата и органов чувств, так и внутренними, выполняемыми в уме [Конюхов 1992]. Соответственно, речевое (или внутриречевое) действие относится к коммуникативным действиям человека и определяется в психолингвистике как «социальное действие, выполняемое на основе произнесения (например, обещание, приветствие, просьба, согласие, проклятие)» [Жмуров 2012], которое определяется в интенциональном аспекте речевого действия с иллокутивным актом [Там же].

В семантической теории иллокутивных сил осуществление ИА рассматривается как реализация говорящим в акте коммуникации некоторой иллокутивной силы (*illocutionary force*, *illokutive Kraft*) по отношению к заданному пропозициональному содержанию, **акт переноса говорящим содержания со сказываемого (мысль, замысел) на сказываемое (РА)** [Conrad 1988].

Исходя из того, что само понятие ИА возникло в недрах английской аналитической философии, оно генетически связано с логико-философской

концепцией использования языка как средства передачи некоторого содержания посредством иллокутивной силы.

Логико-философская концепция иллокутивных актов, и, прежде всего, её семантическая теория, восходящая к идеям Дж. Остина и Дж. Сёрля, связывает между собой два направления в их исследовании. Первое дало основание для междисциплинарной ТРА, занимающейся вопросами функционирования языка с позиции иллокутивных функций РА. Второе – для иллокутивной логики, которая предлагает пути решения различных дискуссионных вопросов теории иллокутивных актов методами переложения «основных положений этой теории на формальный язык, и выведением из них следствий в соответствии с логическими законами» [Карпов 2009: 70]. Такой подход к решению проблем лингвистического анализа восходит к трудам Г. Фреге, Б. Рассела, Дж. Буля, Р. Карнапа, А. Тарского и Р. Монтегю и является одним из возможных способов описания отношений, существующих между языком и внеязыковой действительностью.

Ядро логико-философской концепции иллокутивных актов, изложенное в трудах Дж. Остина, Дж. Сёрля и Д. Вандревенкена, составляет описание онтологической природы иллокутивной силы, подразумевающее формальное, теоретико-множественное представление её компонентов и прояснение отношений, существующих между иллокутивной силой и значением предложения, посредством которого она выражается. Исходным постулатом признается тот факт, что «всякий ИА, выраженный говорящим в некотором контексте произнесения при помощи предложения, наделенного определенным значением, состоит из пропозиционального содержания P и иллокутивной силы F , несводимой к этому значению, которая в свою очередь, может быть описана посредством учета нескольких основных (цель, способ достижения цели) и дополнительных (интенсивности цели и способа достижения, условия искренности и т.п.) её характеристик» [Карпов 2009: 72].

Согласно канонам логико-философской теории иллокутивных актов, осуществление ИА как реализация некоторой иллокутивной силы посредством заданного пропозиционального содержания происходит благодаря его главному свойству – направленности. Направленность присуща любому ИА, осуществление которого посредством языка совпадает с действием, совершаемым в ходе произнесения, и «предполагает переход (переносимость) содержания сказываемого на то, о чем сказывается (на то, на что направлено)» [Егоров: 1-2]: см. Схему 1.

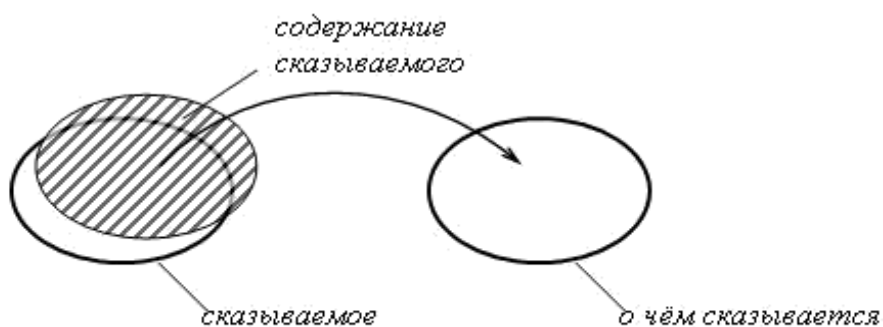

Схема 1.

Качества направленности и переносимости содержания присущи ИА благодаря его иллокутивной силе, которая концентрируется при осуществлении РА, согласно данным целого ряда ученых, в его семантическом фокусе – перформативе.

Иллокутивная сила реализуется в РА через его вербальный коррелят (высказывание, текст, дискурс) как совокупность составляющих её сил – ноэмогенной силы, консенсогенной силы и оказиикреативной силы.

Ноэмогенная сила осуществляет направленность и переход содержания РА на его вербальный коррелят.

Консенсогенная сила дает направленность РА на реципиента, как и на самого эмитента. При переходе содержания того, что сказывается, на адресата и на адресанта сказывания РА способен менять статус эмитента и реципиента, их отношение друг другу, к высказыванию, к ситуации, побудить коммуникантов к совершению каких-либо действий и пр.

Оказиокреативная сила выступает как направленность РА на ситуацию «со-бытия» адресанта и адресата, в том числе на обстоятельства времени, места, образа и способа осуществления речевого действия в сочетании с переходом содержания того, что сказывается, на саму речевую ситуацию и ее обстоятельства, благодаря чему РА способен менять ситуацию и события.

Направление и действие сил, составляющих иллокутивную силу РА и предопределяющих коммуникативные свойства РА – персональность, интеракциональность и перлокутивность, представлены на схеме 2 [Егоров: 1-2].

- I. Нозмогенная сила
- II. Консенсогенная сила
- III. Оказиокреативная сила

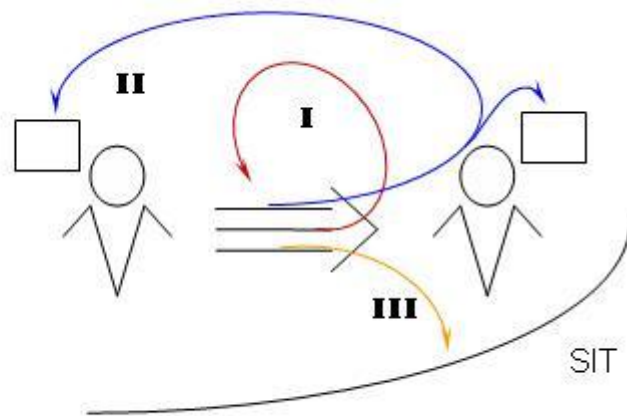
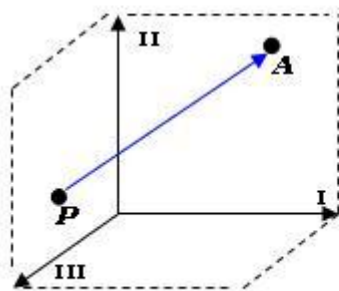

Схема 2.

Идея силы высказывания восходит к работе Г. Фреге «Мысль. Логическое следование», в которой автор различает на уровне содержания предложения мысль и утверждающую силу, посредством которой осуществляется процесс вербализации как «овеществления» данной мысли. Процесс утверждения не оценивается при этом как истинный или ложный, но влияет на истинностную оценку всего предложения в целом. «Если кто-то произносит некоторое предложение шутя, делает это с театральной сцены, или осуществляет акт произнесения без соответствующей серьезности, то утвердительная сила подобным образом осуществленного предложения теряется, и оно не может быть оценено как истинное или ложное» [Фреге 2000: 330].

По мнению Г.В. Карпова, «фрегеанское понятие утверждающей силы, обобщенное и переработанное Дж. Остином, в сочетании с введенными им понятиями локуции и перлокуции, выступают в качестве мощного инструмента анализа способов использования языка» [Карпов 2009: 35]. Каждый РА рассматривается в свете присущей ему иллокутивной силы, причем это отождествление «имеет место вне зависимости от конкретных способов выражения в языке. Иллокутивная сила в этом смысле есть особая языковая функция, аргументом которой является локуция, а значением – перлокутивный эффект» [Там же].

Специфику ИА, как считает Дж. Остин, определяют два главных свойства, которые отличают его от локутивного и перлокутивного актов. К ним относятся интенциональность и конвенциональность. Интенциональность ИА предполагает его направленность на достижение некоторой цели, конвенциональность – то, что достижение данной цели осуществляется говорящим по заданным правилам [Остин 2006].

Конвенциональный характер РА достаточно широко обсуждается в современной лингвистике. Наряду с общим языковым кодом в данном случае подразумеваются лингвокультурные конвенции, которые охватывают социальные нормы, традиции, коммуникативные практики, ритуалы, базируясь на ценностях, свойственных носителям конкретного языка, и различаются от культуры к культуре, и языковые, а также речевые конвенции, распространяющиеся на систему языка и речевые практики в конкретной лингвокультуре. В данной связи многие лингвисты указывают на роль лингвокультурных сценариев речевого общения как стереотипных ситуаций, связанных в конкретном языке с осуществлением РА того или иного типа и характеризующихся более или менее стандартным языковым обеспечением (см., например, [Кобозева 1995]; [Никитина 2006]; [Белякова 2007]; [Шалина 2009] и мн. др.). Речевое поведение в соответствии с имеющимися в данной лингвокультуре конвенциональными образцами

реализации типовых речевых интенций облегчает говорящему достижение требуемой иллокутивной цели.

Кроме того, типовые характеристики реализации иллокутивной силы также связаны в языке с определенными конвенциями. По мнению Дж. Сёрля, осуществление ИА становится возможным только при осуществлении ряда условий, или «конститутивных» правил. Определенные фразы, произносимые носителем языка, имеют определенный иллокутивный смысл только в конкретных коммуникативных ситуациях, где они могут быть эффективными (успешными) для совершения задуманных действий. Так, например, для иллокутивного акта просьбы лингвистами описывается обязательное наличие в РА следующих условий (правил): «1) Правило пропозиционального содержания: *Содержание высказывания P относится к действию X, которое должно быть совершено слушающим*; 2) Подготовительные правила: а) *слушающий способен выполнить действие X, и говорящий уверен в этом*; б) *для обоих участников интеракции очевидно, что слушающий не осуществил бы действие X, если бы его об этом не просили*; 3) Правила искренности: *Говорящий желает, чтобы действие X было выполнено слушающим*; 4) Существенное правило: *Произнесение высказывания P является попыткой побудить слушающего совершить действие X*» [Рябинская 2002: 81].

Конститутивные правила иллокутивного акта, на которые обращает внимание Дж. Сёрль, напрямую соотносятся с его конвенциональными характеристиками. Они указывают на типовые признаки иллокутивной силы, открытой говорящим к распознаванию. Отметим, что при этом осуществление РА с заданной иллокутивной силой может соответствовать принятым нормам речевого общения, но может и входить с ними в противоречие. Однако нарушение хотя бы одного из конститутивных правил реализации иллокутивной силы ведет к изменению её конвенциональных характеристик и, как следствие – демонстрации

говорящим иллокутивной силы другого типа, либо неуспешности РА, в целом. Успешность/неуспешность речевого акта не следует рассматривать в этом случае в связи с его перлокутивным эффектом, а только в связи с его способностью делать открытой для распознавания иллокутивную силу речевого акта. Покажем это на конкретных примерах, используя терминологию Дж. Серля.

Например, осуществление ИА пожелания маркируется в языке не только соответствующим перформативом в форме 1 лица, наст. времени, ед. ч., изъявит. накл., активн. залога, но и соответствием следующим конститутивным правилам:

- пропозиционального содержания: *Содержание высказывания Р должно относиться к будущей жизнедеятельности Х и стать его частью или свойством. Р имеет положительный характер для жизнедеятельности Х.*
- подготовительные правила: *Для обоих участников интеракции очевидно, что Р может стать частью или свойством жизнедеятельности Х.*
- правила искренности: *1) говорящий заинтересован в том, чтобы Р стало частью или свойством жизнедеятельности Х; 2) говорящий уверен в том, чтобы Р стало частью или свойством жизнедеятельности Х.*
- существенное правило: *Произнесение высказывания Р является попыткой проинформировать Х в том, что говорящий желает и убежден в том, что Р станет частью или свойством жизнедеятельности Х.*

Соблюдение говорящим данных правил при осуществлении РА делает открытым к распознаванию для адресанта иллокутивную силу РА пожелания, несмотря на то, что его вербальная репрезентация в дискурсе может быть очень разной, например, выраженной:

- эксплицитно при помощи перформатива и его семантических эквивалентов:

(12) „*Der Lachumer Musikverein wünscht Ihnen für die Zukunft alles Gute, Glück und Schaffenskraft!*“ [Manekeller 1989: 394]. (*Лакхумский музыкальный союз желает Вам на будущее всего хорошего, счастья и творчества!*);

(13) „*Ich danke Ihnen für Ihr Kommen und **wünsche** Ihnen im Namen des Vereins viel Spaß!*“ [Manekeller 1989: 395]. (*Я благодарю Вас за то, что Вы к нам приехали, и от имени Союза **желаю** Вам насладиться (Вашим пребыванием здесь)*);

(14) „*Mein größter **Wunsch**, dass du glücklich bist*“ [Gier 2010: 61]. (*Мое самое большое **желание**, чтобы ты был счастлив*);

- имплицитно посредством прагматического клише:

(15) „*Viel **Erfolg bei der Arbeit!***“ [Manekeller 1989: 398]. (*Больших успехов в работе!*);

(16) „*Friede sei mir **Dir!***“ (*Да пребудет с тобой мир!*);

(17) „*Mögen alle deine **Wünsche in Erfüllung gehen!***“ (*Пусть сбудутся все твои желания!*);

(18) „*Sei **gesund!***“ (*Будь здоров!*);

- совокупностью вербальных и невербальных средств:

в дискурсивных текстах (19) см. Приложение 6, текст № 2-1;

(20) см. Приложение 6, текст № 2-2.

Однако в РА (21): „*Ich wünsche Dir, dass du unglücklich wirst...*“ [Hagn 2013: 204] (*Я желаю тебе, чтоб ты был несчастлив...*) пропозициональное содержание не соответствует нормам речевого этикета и максима́м речевого общения, которые предписывают осуществление ИА пожелания в интересах адресанта. Его произнесение в особых условиях указывает на осуществление говорящим РА проклятия, правила пропозиционального содержания которого ориентированы именно на то, чтобы содержание пожелания стало частью или свойством жизнедеятельности X, нанеся ему, тем самым определенный вред. В приведенном примере четко прослеживается тот факт, что изменение конститутивного правила влечёт за собой изменение типовых характеристик иллокутивной силы и иное «прочтение» формальной (поверхностной) структуры РА.

Тот же самый процесс наблюдаем и при анализе иллокутивной семантики РА (22): „*Danke, dass ich Dir soviel bedeute, dass Du dich nicht mal*

Richtung Festnetz bewegst. Wie lang ist die Reihe der „Väter“ beim V-Test? Ich lache ...“ [Yalom 2012: 379] (Спасибо, что я значу для тебя так много, что ты не можешь сподвигнуть себя даже позвонить. Велика ли очередь «отцов» на тест на отцовство? Мне просто смешно...), где, несмотря на присутствие в поверхностной структуре семантического эквивалента перформатива *danken* (благодарить), реализована иллокутивная сила РА другого иллокутивного типа. На это указывает несоответствие пропозиционального содержания данного РА конвенциональному правилу РА *danken*, согласно которому речевой акт благодарности осуществляется как бенефактивное действие адресата, предполагающее использование лексем с положительной коннотацией. Использование вербальных средств иронии и сарказма, а также ненормативной лексики в совокупности с другими маркерами иллокутивной силы (просодические средства, в т.ч. интонация, ударение, а также грамматические средства, в т.ч. грамматическая форма предложения, порядок слов и пр.) указывает на эмотивный характер РА и конвенциональные характеристики иллокутивной силы, свойственной репрезентативным РА. Таким образом, в РА (22) «прочитывается» конститутивное правило пропозиционального содержания, свойственное типовым характеристикам класса РА, отличного от класса экспрессивов, к которому относится РА *danken*.

Приведенные и другие многочисленные языковые факты реализации речевых актов показывают, что иллокутивная сила, будучи выраженной в РА эксплицитно или имплицитно, но открытой к распознаванию, свидетельствует об успешности иллокутивного акта. В противном случае, если при реализации РА видовые или типовые признаки иллокутивной силы в поверхностной и/или глубинной структуре РА не представлены, иллокутивный акт является неуспешным или просто не осуществляется, например (23): „*Wa...t...e...*“ – *murmelte er und niemand verstand, was er sagen wollte.*“ [Fink 2011: 216]. («*Wa..t..e...*», - *пробормотал он и никто не понял, что он хотел сказать*).

Типовые характеристики РА связаны, прежде всего, с типами иллокутивных сил, первые классификации которых, основанные на различии иллокутивных целей РА, зародились также в недрах английской философии.

Кроме интенционального компонента, Дж. Серль и Д. Вандервекен в работах [Searle 1969] и [Searle, Vanderveken 1985] выделили и другие компоненты иллокутивной силы¹. Следующие компоненты иллокутивной силы признаются ими характеристиками ИА и основаниями для его классификационного описания:

1) Иллокутивная цель. Её толкование предлагается учеными через перечисление: иллокутивная цель описания или утверждения заключается в констатации реального положения дел; обещание имеет иллокутивной целью обязать говорящего к совершению определенного действия; иллокуция приказа направлена на побуждение слушающего к совершению некоторого действия (или линии поведения), желаемого для говорящего. Тип цели соответствует определенному типу РА.

Общим для всех иллокутивных целей выступает свойство их неотъемлемости от типов РА, которым они соответствуют: успешность РА свидетельствует о достижении субъектом РА заданной иллокутивной цели. Другие компоненты иллокутивной силы рассматриваются как вторичные по отношению к иллокутивной цели РА и выводятся из неё.

Иллокутивная цель не тождественна иллокутивной силе РА. Цель находится внутри иллокутивной силы, как компонент её сложной структуры.

2) Степень интенсивности достижения иллокутивной цели. Предполагает способ достижения субъектом РА иллокутивной цели, связанный с различной степенью интенсивности её реализации. В частности, просьба является ИА с меньшей степенью интенсивности реализации иллокутивной цели, чем, например, приказ, хотя и тот, и другой ИА имеют одну и ту же иллокутивную цель.

¹ Схематично компоненты иллокутивной силы по Дж. Серлю представлены в Приложении 1.

Степень интенсивности достижения иллокутивной цели РА во многом определяет успешность его реализации.

3) Способ достижения иллокутивной цели. Является дополнительной характеристикой иллокутивной силы, акцентируя внимание на тех условиях, выполнение которых является существенным для достижения иллокутивной цели РА. Чаще всего, они предполагают особое положение или статус говорящего.

4) Условия пропозиционального содержания. Предполагают специфические условия, которые задают параметры пропозиционального содержания иллокутивной силой конкретного типа. Например, если иллокутивная сила относится к классу комиссивов, то содержание пропозиции ИА подразумевает референцию к субъекту РА и предикацию ему определенного свойства, которым он будет обладать в будущем. Наполнение РА пропозициональным содержанием другого рода приведет к его неуспешности.

Однако существуют случаи, когда ИА, даже достигнув иллокутивной цели, может обладать некоторым несовершенством (*defectiveness*) при его осуществлении. Например, если говорящий вкладывает в содержание своего ИА обещания значение определенного действия, в осуществлении которого не заинтересован адресат РА. В этом случае обещание не имеет смысла, поскольку обещать можно только то, что может выполнить говорящий, и в чем заинтересован его партнер по акту коммуникации. Такие и подобные этим условия, затрагивающие все типы ИА и описывающие успешный и совершенный (*nondefectiveness*) иллокутивный акт, объединены Дж. Серлем и Д. Вандервекенем в группу предварительных условий.

5) Предварительные условия иллокутивного акта. Они могут быть представлены в виде некоторых пресуппозиций, истинность которых составляет необходимую основу успешной реализации ИА. Разделение РА на две части – иллокутивную силу и пропозициональное содержание – имеет своим следствием выделение двух видов предварительных условий: первые

(как в случае с иллокутивным актом обещания) накладывают ограничения на пропозициональное содержание, исходя из специфики иллокутивной силы, сопряженной с данным содержанием, вторые накладывают ограничения на содержание пропозиции вне зависимости от типа иллокутивной силы.

В отличие от условий пропозиционального содержания, соблюдение которых предполагает успешное осуществление ИА, предварительные условия при их соблюдении гарантируют успешное и совершенное осуществление РА определенной иллокутивной силы.

б) Условия искренности осуществления иллокутивного акта. Предполагают ряд условных зависимостей, существующих между осуществлением иллокутивного акта конкретного типа и тем психологическим состоянием, которым должен обладать говорящий для его успешного и совершенного осуществления. Данная характеристика иллокутивной силы позволяет различать искренние и неискренние иллокутивные акты.

Условие искренности, сопоставляемое некоторыми исследователями с понятием пропозициональной установки (например, [Карпов 2009: 76-77]), дифференцируется Дж. Серлем по аналогии с интенсивностью достижения иллокутивной цели.

По мнению Дж. Серля, иллокутивная сила каждого РА может быть полностью охарактеризована при помощи указанных компонентов. Полное совпадение характеристик некоторых двух иллокутивных сил свидетельствует об их тождественности ($F=F_1$). В случае, если хотя бы одна характеристика у двух иллокутивных сил не совпадает, их нельзя признать тождественными ($F_1 \neq F_2$). Один речевой акт может быть осуществлен посредством нескольких иллокутивных сил.

Представленные компоненты иллокутивной силы были использованы Дж. Серлем наряду с другими критериями для построения классификации типов иллокутивных актов (см., например, [Searle 1985]).

Таким образом, он обращает внимание на тот факт, что все перечисленные условия могут определять особенности и, соответственно, тип иллокутивного акта. Тем не менее, при построении своей классификации иллокутивных актов Дж. Серль использует только несколько из них и выделяет 5 основных типов иллокутивных актов в соотнесении с основными типами иллокутивных целей, применяя для схематического изображения действия иллокутивной силы знаки, предложенные Г. Фреге:

1. *Репрезентативы*. Иллокутивная цель РА данного типа заключается в констатации (фиксации) некоторого положения в реальной действительности, поэтому их необходимо рассматривать с позиции истинности/ложности их пропозиционального содержания.

Дж. Серль представляет репрезентативный иллокутивный акт следующим образом: $\downarrow B(p)$,

где \downarrow обозначает направление реализации соответствия РА от слов к миру; $B(p)$ – убежденность субъекта РА в том, что пропозициональное содержание p имеет место.

2. *Директивы*. Их иллокутивная цель направлена на побуждение слушающего реализовать некоторую, желаемую для говорящего, линию поведения.

Используя в качестве символа директивной иллокутивной силы восклицательный знак, Дж. Серль обозначает класс директивных иллокутивных актов следующим образом:

$$! \uparrow W (H \text{ совершает } A),$$

где \uparrow указывает на направление реализации от мира к словам, W – психологическое состояние наличия у говорящего H некоторого желания, содержание которого обозначается в круглых скобках после W . Содержание пропозиции директивного ИА всегда включает слушающего H , который, как предполагается, должен совершить в дальнейшем действие A . Следуя остиновской традиции, Дж. Серль использует для обозначения директивных иллокутивных актов глаголы, с помощью которых их можно также

осуществить: приказывать, командовать, просить, спрашивать, задавать вопрос, умолять, молить, упрашивать, приглашать, разрешать, советовать и др.

3. *Комиссивы*. Иллокутивная цель комиссивных иллокутивных актов заключается в побуждении субъекта РА к реализации в будущем некоторого действия (некоторой линии поведения). Данный тип ИА имеет в представлении Дж. Серля следующий вид:

$$C \uparrow I (S \text{ совершает } A),$$

где C обозначает комиссивную иллокутивную силу, \uparrow есть направление реализации соответствия РА от мира к словам, I служит обозначением для условий искренности выражения психологического состояния намерения, содержание которого обозначено в круглых скобках: S – говорящий, A – некоторое действие.

Дж. Серль подчеркивает, что несмотря на одно и то же направление реализации соответствия (от мира к словам) у директивов и комиссивов, их иллокутивные цели всё же различны и предполагают разный объект (у директивных ИА – слушающий, у комиссивных ИА – говорящий). Хотя, если строго следовать критериям, их можно в зависимости от иллокутивной цели рассматривать в рамках одного класса комиссивно-директивных иллокутивных актов, состоящим из двух групп комиссивных и директивных ИА.

4. *Экспрессивы*. Их иллокутивная цель заключается в выражении психологических состояний, указание на которые содержится в условиях искренности, связанных с пропозициональным содержанием иллокутивного акта. В качестве примеров экспрессивов приводятся: благодарить, поздравлять, извиняться, выражать соболезнование, сожалеть, приветствовать. Экспрессивы не имеют такого свойства, как направление реализации соответствия. Истинность пропозиции, выраженной в экспрессиве, как бы предполагается и слушающим, и говорящим по

умолчанию. Символически экспрессивный иллокутивный акт предстален Дж. Серлем следующим образом:

$$E\phi(P)(S/H + \text{свойство}),$$

где E – обозначение для экспрессивной иллокутивной силы, ϕ – знак отсутствия направления реализации соответствия, P – переменная, указывающая на психологическое состояние субъекта РА, выражаемое в данном ИА; S – говорящий, H – слушающий. В пропозициональном содержании экспрессивного иллокутивного акта говорящему или слушающему приписывается некоторое свойство, которое соотносится со слушающим или говорящим.

5. *Декларативы.* Иллокутивная цель данного класса иллокутивных актов заключается в том, чтобы установить определенное соответствие между содержанием пропозиции и положением дел в реальной действительности. Их успешное осуществление гарантирует наличие такого соответствия: если, например, субъект РА совершает успешный декларативный РА, назначив того, к кому он обращается, губернатором, этот человек действительно становится губернатором. Иллокутивная сила декларативов, как правило, не выражена при помощи слов и осознается слушающим в результате анализа соответствующих контекстуальных характеристик произнесения. Дж. Серль указывает в данной связи на то, что для успешного осуществления декларатива конститутивных правил языка оказывается недостаточно, необходимо соблюдать также внелингвистические конститутивные правила, имеющие своим источником различные институты общества, государства, частной собственности и положение в них говорящего и слушающего. Символически декларативные иллокутивные акты обозначаются следующим образом:

$$D\updownarrow\phi(p),$$

где D – обозначение декларативной иллокутивной цели, \updownarrow – знак двойного направления реализации соответствия – от слов к миру и от мира к словам. Особых психологических состояний или условий искренности для

декларативов Дж. Серль не описывает, однако отмечает, что некоторые декларативы имеют пересечение с классом репрезентативов и предлагает для них следующую символическую запись:

$$D_r \downarrow \uparrow B(p),$$

где D_r – обозначение иллокутивной цели, состоящей в реализации репрезентативного ИА с иллокутивной силой декларатива, \downarrow – знак направления реализации соответствия, свойственного репрезентативам, \uparrow – направление реализации соответствия, свойственного декларативам, p – содержание пропозиции ИА.

Схематично выделенные Дж. Серлем типы иллокутивных сил выглядят следующим образом (Таблица 2):

	Репрезентативы	Директивы	Комиссивы	Экспрессивы	Декларативы
Иллокутивная Цель	Констатация (фиксация) некоторого положения дел в реальной действительности	Побуждение слушающего к осуществлению некоторого действия (линии поведения)	Побуждение говорящего к реализации в будущем некоторого действия (линии поведения)	Выражение психологических состояний	Установить определенное соответствие между содержанием пропозиции и положением дел в реальной действительности
Направление реализации соответствия	От слов к миру	от мира к словам	от мира к словам	Отсутствует	двойное: от слов к миру и от мира к словам
Психологическое состояние	Убежденность	Желание	Намерение	Состояние	Право на (ответственность за) совершение действия
Примеры РА (на материале немецкого языка)	behaupten, mitteilen, berichten	bitten, befehlen, raten	versprechen, vereinbaren, anbieten, drohen	danken, grüßen, beglückwünschen, klagen	ernennen, entlassen, taufen

Таблица 2. Типы иллокутивных сил по Дж. Серлю.

Представленная классификация иллокутивных актов Дж. Серля до настоящего времени не претерпела существенных изменений¹ и остается базовой для исследователей при описании системы речевых актов, иллокутивных функций и условий успешности речевого произведения не только в рамках логико-философской концепции иллокутивных актов, но при описании способов функционирования языка в рамках других гуманитарных наук, прежде всего, в лингвистической прагматике (см., например, [Bach 1975; Leech 1983; Wunderlich 1972, 1979, 1980; Богданов 1990; Мендыгалиева 2009] и др.).

Таким образом, деятельностный подход ставит понятие иллокутивной силы в центр исследования РА, акцентируя внимание на том, что всякий осмысленный и целенаправленный акт говорения есть одновременно и иллокутивный акт [Остин 1986: 87-116; Серль 1986а: 139, 151-169, 170-194]. Реализация иллокутивной силы в РА предполагает: 1) перенесение содержания иллокутивной силы по отношению к референтной ситуации на дискурс, выступающий вербальным коррелятом РА; 2) то, что иллокутивная сила речевого акта открыта к распознаванию. Учитывая последний факт, каждый актуализированный РА демонстрирует типовые характеристики иллокутивной силы, позволяющие участникам акта коммуникации адекватно выразить и распознать иллокутивную цель РА. Однако на практике выявление иллокутивного значения РА представляет собой серьезную проблему, которая усложняется терминологической размытостью исследуемого феномена, предопределенной в том числе наличием нескольких подходов к изучению ИСРА.

¹ Постулаты семантической теории иллокутивных сил Дж. Серля служат основой для многих современных исследований в рамках различных гуманитарных наук, фокусирующих внимание на антропоцентрическом факторе, – социологии, культурологии, литературоведении и методике и др. Не вдаваясь здесь в подробное освещение прикладных аспектов теории иллокутивных актов в указанных науках, которое приводится в более ранней работе [Никонова 2009], укажем, что для решения научных проблем ученые обращаются, в основном, к классификационным характеристикам иллокутивных актов, которые ставятся в зависимость от различных социальных, культурных и ситуативных факторов. В лингвистике иллокутивные силы Дж. Серля рассматриваются с различных сторон, в основном, в рамках прагмаориентированных исследований.

В качестве **иллокутивного компонента РА** в настоящее время постулируются:

– **коммуникативная интенция РА**, отражающая в процессе речевого общения интенциональное состояние говорящего (В.Н. Василина, И.М. Кобозева, И.П. Сусов и др.), например:

(24) *Gib mir bitte das Buch!* – *Дай мне, пожалуйста, книгу!*

(25) *Könntest du mir bitte das Buch geben?* – *Не мог бы ты дать мне книгу?* (иллокуция – просьба дать книгу);

– **иллокутивная функция**, которая выступает в РА проекцией иллокутивной силы (Дж. Остин, Дж. Серль и мн. др.). Иллокуция рассматривается в данном случае как использование высказывания или текста/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА, для достижения заданной в РА иллокутивной цели. В частности, применительно к РА (24) и (25) иллокутивная функция просьбы в данных РА делает открытой для распознавания коммуникативную интенцию просьбы, предполагающую побуждение слушающего к совершению определенного действия;

– **интенсивность проявления иллокутивной силы**, проявляющаяся в степени категоричности, а также в оценочности и эмоциональной экспрессии РА (А.С. Стаценко, В.А. Гамурар, С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривоносова, Т.Е. Янко и др.). Разноуровневые языковые средства рассматриваются тем самым в зависимости от их иллокутивной маркированности в РА в рамках дихотомии «иллокутивная нейтральность»-«иллокутивность (иллокутивная маркированность)». Признаком последней признается, как правило, наличие в семантической структуре языковых единиц коннотативных и эмоционально-экспрессивных компонентов значения, репрезентирующих в акте коммуникации компоненты иллокутивного смысла. Подобный подход к рассмотрению языковых единиц, конституирующих РА, акцентирует внимание на том, что иллокутивный компонент РА эксплицируется в речевом произведении не только посредством соответствующего

перформативного глагола, его семантических эквивалентов и специальных иллокутивных индикаторов, но и единицами пропозиционального смысла.

Иллокуция конкретного РА описывается в современной лингвистической литературе не только в связи с его отдельными компонентами, но и в целом, как коммуникативная, или функционально-прагматическая, категория РА, детерминируемая через подкатегории иллокутивных типов РА, имеющие регулярные средства для выражения типовых иллокуций (см., например, Abraham 2008). Категориальный статус иллокуции связывается здесь, прежде всего, с абстрактным представлением иллокутивного значения, реализуемого в конкретном РА посредством одной из типовых иллокуций, которые связаны в языке с определенной системой разноуровневых средств для выражения иллокутивной функции речевого произведения. Основными среди них признаются иллокутивные типы предложений и иллокутивные индикаторы.

Понятийная полигональность ИСРА отражается, в свою очередь, на том факте, что для её обозначения лингвистами используются различные термины: иллокутивный акт, иллокуция, иллокутивная функция, иллокутивная составляющая. Несмотря на их синонимичность, между ними имеются очевидные различия.

Терминологические единицы «иллокутивный акт», «иллокуция» и «иллокутивная функция» соотносятся с разными феноменами, имеющими место в процессе осуществления РА. Их описание по Дж. Серлю дается, например, в работе [Linke 2004: 213] (Таблица 3):

	РЕЧЕВОЙ АКТ			
(Под)акты	Акт произнесения	Пропозициональный акт	Иллокутивный акт	Перлокутивный акт
Результат (под)акта	Высказывание	Пропозиция	Иллокуция	Перлокуция
Чем представлено	Звуки Слова Предложение	Суждение о мире	Функция	Цель/ целенаправленная реакция слушающего
Критерии описания	Грамматическая оформ-	Истинно/ Ложно	Осуществлена/ не осуществлена	Успешность/ неуспешность

	ленность/ граммати- ческая неоформлен- ность			
--	--	--	--	--

Таблица 3. Характеристики симультанных составляющих РА

В Таблице 3 наглядно разграничиваются понятия «иллокутивный акт» и «иллокуция», соотносимые друг с другом как процесс и результат процесса осуществления речевого действия с определенной иллокутивной силой и придания речевому произведению функциональной направленности.

Принимая во внимание описанные выше характеристики иллокутивной силы, приходим к выводу, что иллокутивная функция РА выступает основным, но не единственным маркером иллокутивной силы РА. Иллокуция, будучи представленной как результат иллокутивного акта в иллокутивной функции РА, включает и другие семантические компоненты, указывающие на различные аспекты иллокутивной силы, помимо иллокутивной цели, – интенсивность, искренность и пр.

Тем самым максимально ёмким по отношению ко всем анализируемым понятиям является термин «иллокутивная составляющая РА», под которой в настоящей работе понимается дейктическая составляющая иллокутивного акта в совокупности смысловых компонентов, облигаторно представленных в любом речевом произведении, выступающем вербальным коррелятом речевого акта, и актуализируемых в речи посредством различных языковых средств.

Семантическая сфера данной терминологической единицы включает компоненты, обозначающие как процесс формирования иллокутивного содержания речевого акта, так и результат его вербального выражения.

Данная способность анализируемого термина представляется нам крайне важной, поскольку при выявлении и описании иллокутивной семантики речевого акта в фокусе внимания исследователя оказывается не только дискурс, выступающий коррелятом РА, но и сам процесс формирования и осуществления иллокутивного акта, рассматриваемого в

контексте других составляющих РА, его внутренних и внешних параметров (Схема 3):

Схема 3. Семантический объем термина «Иллокутивная составляющая РА»

Именно в виду его способности максимально отразить свойства изучаемого феномена в зависимости от ракурса научного описания в настоящей работе для обозначения исследуемого феномена используется, в основном, именно этот термин. Это оказывается немаловажным в условиях крайне высокой проблематики вопросов, касающихся лингвистического анализа иллокутивного значения речевого акта.

2. Проблематика лингвистического анализа иллокутивной семантики речевого акта

Выявление и описание компонентов иллокутивного значения РА в конкретной речевой ситуации осложняется рядом проблем не только теоретического, но и практического плана.

Последние обусловлены асимметрией плана содержания и плана выражения ИСРА, на которую во многом оказывают влияние гетерогенный характер ИСРА и высокая степень ситуативной обусловленности иллокутивного значения речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА.

2.1. Ситуативная обусловленность и гетерогенный характер иллокутивной составляющей речевого акта

Большинство последователей ТРА подчеркивают, что иллокутивная семантика РА детерминируется, как правило, в конкретной речевой ситуации. Какое-либо высказывание вне ситуативного контекста не имеет определенной иллокутивной силы, его иллокутивные функции можно определить только гипотетически, «погружая» его в определенный коммуникативный контекст.

Покажем это на примерах (25)–(28), в которых предложение-высказывание *Mein Mann ist müde* (Мой муж устал) имеет различные иллокутивные функции (ИФ) в зависимости от речевой ситуации:

(25): *Mein Mann ist müde.*

Ich stelle fest: Mein Mann ist total erschöpft.

Я утверждаю: мой муж полностью опустошен / без сил.

(Прагматическое значение РА).

Ich beantworte die Frage meines Freundes.

Я отвечаю на вопрос моего друга.

(Значение ИФ и пропозициональное содержание РА).

Nach dem Befinden meines Mannes hat sich gerade mein Freund erkundigt.

О самочувствии моего мужа только что осведомился мой друг.

(Речевая ситуация).

(26): *Mein Mann ist müde.*

Ich stelle fest: Mein Mann ist müde. - Я утверждаю: Мой муж устал.

(Прагматическое значение высказывания)

Ich lehne den Vorschlag ab (sage ab), indem ich höflich ausweiche.

Я отказываюсь от сделанного мне предложения, из вежливости не называя действительной причины.

(Значение ИФ и пропозициональное содержание РА)

Ich möchte nicht. – Я не хочу. (Действительная причина)

Jemand, dem ich lieber aus dem Weg gehe, fragt mich, ob wir mit meinem Mann ins Kino mitgehen möchten. – Некто, с кем я избегаю встречи, приглашает нас с мужем пойти с ним в кино. (Речевая ситуация)

(27):

Mein Mann ist müde.

↑

Ich stelle fest: mein Mann ist davon müde.

Я утверждаю: мой муж от этого устал.

(Прагматическое значение высказывания).

↑

Ich frage/ fordere auf: Können wir das Thema ändern?

Я спрашиваю/побуждаю к действию: Можем ли поменять тему обсуждения?

↑

(Значение ИФ и пропозициональное содержание РА)

Ich möchte in der Anwesenheit meines Mannes was Anderes besprechen.

Я хотела бы в присутствии моего мужа обсудить что-либо другое.

(Субъективная причина)

↑

Mein Mann und ich haben Besuch. – Мой муж и я принимаем гостей. (Речевая ситуация).

(28):

Mein Mann ist müde.

↑

Ich stelle fest: mein Mann ist müde / es ist spät.

Я утверждаю: мой муж устал / уже поздно.

(Прагматическое значение высказывания).

Ich ordne an: ihr sprecht leiser. – Я требую: говорите тише.

(Значение ИФ и пропозициональное содержание РА).

Ich reagiere auf das laute Gespräch meiner Nachbarn. – Я реагирую на громкий разговор моих соседей. (Макроречевая ситуация).

Es ist spät und mein Mann will schon schlafen gehen.

Уже поздно, а мой муж хочет пойти спать. (Причина).

Анализ примеров показывает, что коммуникативная форма предложения/высказывания *Mein Mann müde.* – Мой муж устал (простое повествовательное предложение с прямым порядком слов), предполагающая в системе немецкого языка осуществление речевого акта с репрезентативной иллокутивной силой *Ich stelle fest.* – Я утверждаю, используется в разных речевых ситуациях для осуществления ИА различных типов: *Ich lehne den Vorschlag ab.* – Я отказываюсь от предложения; *Ich frage / fordere auf* – Я спрашиваю / побуждаю; *ich ordne an / Я требую.* Очевидно, что перечень иллокутивных функций РА, которые могут быть совершены с помощью высказывания, демонстрирующего иллокутивную функцию *Ich stelle fest / Я утверждаю*, здесь далеко не конечный. В реальных жизненных ситуациях он может быть пополнен самыми неожиданными вариантами.

Вышесказанное позволяет утверждать, что иллокутивная цель находится в подчиненном отношении к общей иллокутивной семантике конкретного РА. Часто встречаются в коммуникативной практике случаи, когда иллокутивная семантика оказывается в реальной речевой ситуации более широкой или другого качества, чем это демонстрируется через иллокутивную цель речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА. В качестве примера здесь можно привести, в частности,

косвенные речевые акты и ситуации, когда иллокутивная цель РА передает только определенную часть коммуникативного намерения говорящего, т.е. является более узкой по отношению к общей иллокутивной семантике речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА, например, в РА (18). В этом случае, как и в примерах (25) – (28), иллокутивную семантику РА формируют неоднородные компоненты ситуативного значения разноуровневых языковых средств, эксплицирующие соответствующие семантические компоненты иллокутивной составляющей РА в конкретной речевой ситуации.

Обращение к анализу языковых практик показывает, что гетерогенность иллокутивной семантики РА заключается не только в неоднородности иллокутивных компонентов его значения, но и в случаях сопряжения однородных компонентов иллокутивной семантики речевого акта. Особо распространенным следует признать в этой связи явление синкретизма иллокутивных функций речевого акта, когда в конкретном акте коммуникации речевое произведение, выступающее вербальным коррелятом РА, имеет две и более иллокутивные функции, например (29): *Daß du mir rechtzeitig nach Hause kommst!* / *Чтобы ты домой мне пришел вовремя!* (приказ-предупреждение).

Би- и полифункциональные речевые акты противопоставляются в этой связи монофункциональным РА, которые встречаются, например, в немецком обиходном дискурсе в каждом из иллокутивных типов:

(30) *Die Katze ist ein Haustier.* – *Кошка – домашнее животное* (репрезентатив);

(31) *Komm her!* – *Иди сюда!* (директив);

(32) *Herzliche Glückwünsche zum Neujahr!* – *Наилучшие пожелания к Новому году!* (экспрессив);

(33) *Hiermit erkläre ich öffentlich meinen Rücktritt vom Erwachsensein.* – *Настоящим я официально заявляю о том, что возвращаюсь в детство* (декларатив);

(34) *Ich verspreche morgen zu kommen.* – *Обещаю прийти завтра* (комиссив).

Иллокутивная функция РА может быть при этом идентична типу иллокутивной силы, либо выступать её детерминантом, например:

(35) *Geben Sie mir bitte dieses Buch!* – *Дайте мне, пожалуйста, эту книгу* (директив: просьба).

При определении типовых характеристик би- и полифункциональных РА исследователями берется за основу, как правило, доминирующая иллокутивная функция РА или, при отсутствии таковой, формальное выражение РА, соотносимое в соответствии с нормами конкретного языка и в зависимости от речевой ситуации с определенным типом иллокутивной силы.

Как указывалось ранее, характеристики речевой ситуации, формирующие внешние параметры РА, являются фактором, непосредственно влияющим на процесс формирования говорящим РА с заданным иллокутивным значением.

Внешняя структура РА признается лингвистами не просто внешней оболочкой, сферой, в границах которой совершается акт коммуникации, а совокупностью условий, определяющей содержание и форму речевого произведения (А.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Э.П. Шубин, Н.И. Формановская и мн. др.).

При этом речевая ситуация, провоцирующая речевую деятельность коммуникантов, рассматривается языковедами в двух плоскостях: 1) как ситуативный контекст, фрагмент реальной действительности, в которой совершается коммуникативный акт и 2) как ситуация общения – набор характеристик ситуативного контекста, релевантных для речевого поведения участников речевого события, влияющих на выбор ими речевых стратегий, приёмов, средств [Педагогическое речеведение: 267].

С.К. Левинсон рассматривает коммуникативный акт как ситуативную конфигурацию компонентов речевой ситуации в соотнесении с четырьмя сферами (мирами) реальной действительности:

1. Физический мир (участники речевой ситуации (говорящий и слушающий); все предметы физического мира, являющиеся составной частью речевой ситуации; пространство речевой ситуации; время речевой ситуации; неречевая активность участников коммуникации; канал и средство коммуникации (устная или письменная коммуникация).

2. Социальная среда (социальные роли и статус участников коммуникации; формальные признаки речевой ситуации (регистр, стиль).

3. Концептуальный мир (концептуальное пространство участников коммуникации (сознание и установки участников коммуникации); тематика речевого общения, фоновые (в т.ч. энциклопедические) знания участников коммуникации.

4. Языковая среда (языковые компетенции участников коммуникации, языковой контекст) [Levinson 2000: 22].

Каждая речевая ситуация представляется как пересечение всех четырех миров. Включенная в акт коммуникации, она проходит через призму сознания говорящего и получает отражение под давлением «совокупности условий в акте деятельности, заключающих в себе противоречие, ставящее перед участниками диалога проблему – задачу действия» [Изаренков 1986: 15-16]. В сознании говорящего оформляется субъективный образ объективно существующей ситуации, в котором отражаются только те её компоненты, которые: 1) являются константными для осуществления любого речевого акта и 2) являются значимыми для говорящего [Levinson 2000].

Константными компонентами, или признаками, речевой ситуации многими лингвистами признаются: 1) участники (адресант, адресат, аудитория); 2) предмет речи; 3) обстоятельства (место, время, используется устная или письменная речь, условные знаки и пр.); 4) код (язык, диалект, стиль); 5) речевой жанр (например, проповедь); 6) событие (например,

церковная служба, одной из ситуаций которой является ситуация проповеди); 7) оценка эффективности речи (например, тронула ли проповедь сердца); 8) цель – то, что, по мнению участников, могло бы быть результатом речи в данной ситуации (см., например [Виноградов 1975; Гак 1994; Ерзинкян 1988; Золотова 1973; Лайонз 1978; Падучева 1985; Падучева, Крылов 1984; Сребрянская 2004; Стернин 1973; Федяшина 1986] и мн.др.).

Помимо инвариантных составляющих, в структуру коммуникативного акта могут включаться самые разнообразные компоненты ситуативного контекста, который служит отправной точкой для представления речевой ситуации в акте коммуникации. Данный факт, обуславливающий включение любых компонентов ситуативного контекста в качестве партиципантов идентификационных характеристик референтной ситуации общения в структуру акта коммуникации [Levinson 2000], предопределяет непрекращающуюся до настоящего времени дискуссию среди лингвистов о количестве, составе и взаимодействии компонентов речевой ситуации (В.Г. Гак, Т.К. Донская, Е.И. Пассов, И.П. Сусов, О.Д. Митрофанова, Н.И. Формановская и мн. др.)¹.

В структуру РА лингвистами включается, не считая участников, целый спектр экстралингвистических факторов. Неотъемлемыми компонентами речевой ситуации признаются фоновые знания коммуникантов и их сформированность их коммуникативной компетенции [Коваль 2006].

В частности, В.В. Красных выделяет четыре аспекта РА: экстралингвистический аспект – условия и участники РА (т.е. кто, где, когда); семантический аспект – имплицитно или эксплицитно выраженные в РА смыслы; когнитивный аспект – как необходимая пресуппозиция, зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств (фондов знаний)

¹ Всего же, например, Г.Г. Почепцов описывает в работе [Почепцов 2008] более 10 различных моделей коммуникации, выделяемых на сегодняшний день представителями гуманитарного знания.

О кодовой, инференционной и интеракционной моделях коммуникации см., например: [Сусов 1980, 2006], [Лурия 1975], [Якобсон 1975]. Обзор моделей см. также [Коваль 2006; Макаров 1998; Федорова 2003] и др.

участников РА; лингвистический аспект - вербальный продукт РА [Красных 1999а: 126].

Таким образом, формирование иллокутивного значения РА осуществляется говорящим на пересечении двух континуумов в его языковом сознании. С одной стороны, вербальное выражение иллокутивной силы осмысленного РА строится им в соответствии с языковыми, речевыми и социокультурными конвенциями той лингвокультуры, частью которой он является или не является, но в рамках которой строит коммуникацию. С другой стороны, говорящий каждый раз по-своему использует предлагаемые речевой ситуацией возможности, фокусируя внимание на самых разнообразных её компонентах и формируя пространственно-временную прагматику своего речевого акта. Она является когнитивной основой для последующего вербального оформления РА с помощью тех лексических, грамматических, синтаксических, прагматических и фонетических средств языка, которые говорящий считает наиболее подходящими для реализации своего речевого действия. Соответственно, в процессы формирования и декодирования речевых актов вовлечены в том числе знания особого рода, позволяющие осуществлять носителю того или иного языка речевые акты с заданным иллокутивным значением, – иллокутивные знания.

2.2. Иллокутивная составляющая речевого акта в когнитивном аспекте. Иллокутивные знания.

Многими исследователями отмечается, что процесс формирования иллокутивной семантики РА является ведущим в общем процессе речемыслительной деятельности человека. Особая роль отводится в вербальной репрезентации РА как конкретного акта субъективно-индивидуальной концептуализации особым концептуальным категориям в системе языка – категориям модусного типа [Болдырев 2005а; 2005б]. «Актуализируя систему объективно выделяемых характеристик, которые

необходимы говорящему как субъекту познания» и активному деятелю для объяснения мира и осуществления речевого акта, они «позволяют осуществлять концептуализацию реального мира относительно таких субъективных параметров восприятия, как, например, ориентация на стереотипное знание (категории аппроксимации и отрицания), включенность в личное пространство субъекта познания (категория детерминации), отношение субъекта познания к концептуализируемому пространству (категория модальности) и др. Более того, в процесс осмысления включается оценка как неотъемлемое свойство видения мира человеком (оценочная концептуализация и оценочная категоризация)» [Болдырев 2009: 15-16].

Н.Н. Болдырев также отмечает, что «формирование конкретного смысла и его оформление конкретными моделями языковой конфигурации знаний осуществляются в соответствии с несколькими факторами. К ним относятся: 1) особенности восприятия ситуации, 2) объем имеющихся у субъекта познания знаний о ней и в определенной степени 3) система языка, в рамках которого осуществляется интерпретация или оценка. Особенности восприятия определяют выбор тех или иных элементов и аспектов концептуализируемого пространства, а также акцентировку внимания на их определенных характеристиках» [Болдырев 2009: 14].

Ранее подчеркивалось, что как таковая речевая ситуация осознается субъектом РА на основе имеющихся у него на данный момент энциклопедических и фоновых знаний, языковых и коммуникативных компетенций, мировоззренческих и личностных установок, психического и физического состояния. Это значит, что в сознании говорящего формируется когнитивная доминанта, представляющая собой совокупность концептуальных признаков отражаемой ситуации реальной действительности, вызывающих в памяти субъекта РА соответствующий концепт типовой ситуации речевого общения. С точки зрения алгоритма их дискурсивной реализации подобные концепты описываются лингвистами как культурные (этикетные) скрипты – кванты знания о нормативных

предписаниях, определяющих выбор коммуникативного поведения в рамках определенной лингвокультуры и воплощенные в речевых формулах ([Вежбицкая 2007; Карасик 2007 и др.]). При этом выделяются три стороны культурного скрипта: стереотипность – поведение по заданному образцу, сценарность – алгоритмизация коммуникативного события и прескриптивность – выбор определенных поведенческих ходов в соответствии с ценностями и нормами культуры. Эти стороны соотносятся с тремя сторонами концепта – понятийной, образной и ценностной [Карасик 2007]. Роль фоновых знаний, заключенных в культурном скрипте как кванте знания о ситуации речевого акта определенного типа и нормах речевого поведения в такой ситуации, является основополагающей при представлении в сознании говорящего речевой ситуации и формировании речевого акта.

Совершенно очевидно, что речевая ситуация, предполагающая, например, осуществление говорящим речевого акта приказа, имеет разные когнитивные признаки и предполагает разные нормы речевого поведения для представителей разных лингвокультур. Например, в то время как носитель русского языка чувствует себя вправе осуществить акт речи с иллокутивной функцией приказа в ситуациях довольно широкого спектра социально-статусных взаимоотношений коммуникантов, то для носителей немецкого языка спектр подобных ситуаций ограничен, в основном, социальным правом субъекта речевого акта. Нормы речевого поведения в ситуациях указанного типа для японцев ещё жестче – приказывающий должен обладать, как правило, не только социальным, но и моральным правом для реализации речевого акта со значением приказа.

Фоновые знания, заключенные в скрипте типовой ситуации общения в той или иной лингвокультуре, составляют также основу для интерпретации субъектом РА иллокутивной функции речевого акта собеседника и формирования реактивного РА [Бердникова 2005]. Учитывая данный факт, формирование концепта РА представляется как когнитивное событие, возможное при совпадении в сознании говорящего концептуальных

признаков отражаемой речевой ситуации и активируемого в памяти скрипта типовой ситуации общения. При этом образ отражаемой ситуации сопоставляется говорящим с имеющимися в его памяти образами типичных ситуаций общения. Основные когнитивные признаки этих ситуаций, описанные в теории Дж. Серля как конститутивные правила речевого акта, и воспринимаемые субъектом речевой деятельности в совокупности с фоновыми знаниями об условиях их осуществления, «примеряются» им к условиям текущей коммуникативной ситуации. Их совпадение означает для говорящего возможность воспринимать отражаемую ситуацию как речевую, соотносимую с определенным спектром иллокуций.

Такой вид знаний получил в современной лингвистике название «иллокутивных» (см.: [Демьянков 1988, Демьянков 1989: 73-80; Романов 1988: 101; Романов 1989а: 259], находящихся в определенной взаимосвязи с другими разновидностями знаний. Как справедливо отмечает А.А. Романов, если языковые знания представляются на уровне грамматической и – шире – языковой компетенции, т.е. только на уровне одной из составляющей коммуникативной компетенции говорящего субъекта (о коммуникативной компетенции и ее уровнях см.: [Романов 1989б: 130-131], а энциклопедические знания указывают лишь на принципы и условия соединения смысловых комплексов в горизонтальном и вертикальном ракурсах типового текста, то иллокутивные знания призваны раскрывать целевые параметры использования речевых произведений. Другими словами, иллокутивные знания представляют собой такой вид информации о речевых произведениях, который указывает на знания о целях, достигаемых определенными речевыми и иллокутивными действиями, на знания о коммуникативно-социальных последствиях, связанных с реализацией речевых и иллокутивных действий, на знания, положенные в основу образования иллокутивных комплексов в тексте и формирования в нем иллокутивной доминанты [Романов 1986: 12-14].

Иллокутивные знания актуализируют языковые и энциклопедические знания в рамках той (глобальной или же типовой для конкретного акта общения) цели, которую собеседник стремится достичь при помощи своей коммуникативной деятельности. Поэтому можно считать, что каждая из составляющих комплекса интерактивных знаний реализуется (оформляется и конституируется) на фоне других разновидностей знаний. Причем любая из указанных разновидностей знания манифестируется определенным образом в структуре самого текста, построенного в результате коммуникативной деятельности собеседников для достижения глобальной цели [Романов 2006]. Как отмечалось ранее, иллокутивные знания организованы в языковом сознании носителей языка в виде фреймов.

Идеи о том, что за каждым РА стоят знания особого рода, лежащие в основе их конвенциональности и позволяющие носителю языка строить речевые акты адекватно целям коммуникации, высказывались многими основоположниками и последователями теории речевых актов [Austin 1972, 1973; Grice 1989; Recanati 1987; Searle 1969; Wilks 1985; Zvegincev 1985 и др.].

Достижения исследователей когнитивных процессов использования языка [Alba 1983; Barlett 1932; Kasher 1991a; 1991b; Mandler 1994; Sanford 1985; Vanderveken 1990-91 и др.] и разработчиков теоретических проблем прагматики [Ariel 1990; Bergner 1992; Sperber, Wilson 1986; Levinson 2000 и др.] позволили заложить основы когнитивной теории прагматики и непосредственно подойти к изучению ИСРА в когнитивном аспекте.

Выход в концептуальную сферу носителей языка при выявлении и описании значения РА является закономерным, поскольку традиционные лингвистические методы не дают ответа на вопросы о закономерностях языкового выражения акторечевого значения. Исследования в рамках ТРА показали, что практически нет оснований «отождествлять осмысленность языкового выражения с правильностью его употребления, понимание смысла

– со знанием правил его употребления. Такая редукция делает необъяснимым как усвоение языка, так и его использование для обретения новой информации, возможность осмысленного использования одних и тех же языковых средств в разных (новых) ситуациях и контекстах для выражения разных, в том числе несовместимых, представлений носителей языка о мире» [Павиленис 1986: 387]. Насущной необходимостью при анализе РА становится его рассмотрение с учетом полного контекста его употребления. «К факторам, обуславливающим актуальный смысл высказывания (= иллокутивная функция + пропозициональное содержание), добавляются два чрезвычайно важных – знания коммуникантов о принципах общения и их «энциклопедические» знания» [Кобозева 1986а: 19-20]. В этой связи современные лингвисты, как было показано выше, обращаются к понятию иллокутивных знаний.

Исследователями отмечается, что «наша вербальная способность базируется на способности восприятия – идентификации и различения объектов и состояний мира. (...) Язык может использоваться и используется для социализации «картин мира», содержащихся в индивидуальных концептуальных системах, для приближения их к «картине», разделяемой членами языкового сообщества и отвечающей их ориентационным и экзистенциальным (физическим, духовным, технологическим, этическим, эстетическим и др.) потребностям в мире. Благодаря этой, представляемой языком возможности перехода от индивидуального, субъективного, к интерсубъективному и в этом смысле объективному (то есть к интерсубъективно проводимым различиям, артикуляциям мира посредством общего кода) можно рассматривать усвоение правильного употребления языковых выражений как усвоение соответствующих различий (классификаций) в мире – как предпосылку социальной коммуникации носителей языка» [Павиленис 1986: 383-386].

В современной лингвистической прагматике при описании РА во внимание принимаются «не только типичные схемы практической и

коммуникативной деятельности, но и типичные схемы организации внутреннего мира говорящего. Иначе говоря, представленный в его картине мира (индивидуальной по способу существования, но социально и этнокультурно обусловленной!) набор познавательных структур. Коммуникативный подход предполагает переплетение с подходом когнитивным» [Аристов 1999: 6]. Для осуществления коммуникативного акта необходима «соответствующая деятельность, соответствующая интенциональность и т.д. – то есть ничего без тех самых ментальных процессов, которые относятся к сфере когнитологии, не совершается (это верно хотя бы для статистического большинства ситуаций общения в естественных условиях)» [Варзонин 2001: 100].

Мыслительные действия ведут к получению нового знания, тогда как речевая задача состоит в адекватном выражении способов, при помощи которых это новое знание получается. Если выявить элементы текста, коррелятивные мыслительным действиям говорящего, то можно получить специфическую порождающую модель текста, в основе которой будет лежать коммуникативно-когнитивное намерение автора [Поляк 1998: 40].

Устройство многообразных когнитивных структур и когнитивных процессов, как и других психологических механизмов человека, находит своё прямое отражение в иллокутивном аспекте речи, неотделимом от прагматических факторов.

Общее иллокутивное значение дискурса детерминирует значения конституирующих его иллокуций и значение пропозиции. Значения иллокуций так же, как и другие прагматические значения, отличаются, как было представлено выше, особым коммуникативным статусом. Они «либо выражаются (будучи эмоциями говорящего), либо носят характер презумпции, фонового знания и под.» [Падучева 1996: 223].

Несмотря на то, что ученые, занимающиеся проблемами когнитивной прагматики, чаще всего обращаются к лингвокогнитивному анализу пропозиционального содержания отдельных типов дискурса с позиции ТРА

[Варзонин 2001; Красноперова 2004; Шевченко 2006 и др.], в лингвистической литературе всё же представлен определенный опыт когнитивного анализа и моделирования ИС дискурсных единиц отдельных типов [ван Дейк 1989; Поляк 1998 и др.].

В частности, в отношении макроструктурированной репрезентации диалогического дискурса Т.А. ван Дейк отмечает, что процессы семантической обработки поступающей дискурсивной информации протекают в сознании индивида одновременно с процессами его прагматической обработки, поскольку природа вербального взаимодействия требует от участников акта коммуникации понимание «не только того, что *сказано*, но и того, что *сделано* в дискурсе» [Dijk 1984: 15]. Сложнейший процесс когнитивной обработки информации предполагает использование говорящим самых разнообразных экстралингвистических знаний о типах социальных интеракций, их конвенциональной организации (в виде социально обусловленных фреймов, или скриптов) и особенностях структурирующих их коммуникативных действий [Там же].

О том, что прагматическая интерпретация речевых актов должна опираться на языковые, энциклопедические и иллокутивные знания, отмечается также в работах [Демьянков 1986], [Демьянков 1988], [Демьянков 1989], [Романов 1988], [Романов 1989а] и др.

По мнению А.А. Романова, указанные типы знаний составляют основу интерактивных знаний диалогического взаимодействия по типовому образцу, которая формирует комплексную систему знаний, включающую разновидности знаний по отдельным областям. Центральное место в этой системе отводится иллокутивным знаниям, находящимся в определенной взаимосвязи с другими разновидностями знаний.

В то время как языковые знания представляются на уровне грамматической и – шире – языковой компетенции, т.е. только на уровне одной из составляющих коммуникативной компетенции говорящего субъекта, а энциклопедические знания указывают лишь на принципы и

условия соединения смысловых комплексов в дискурсе, иллокутивные знания есть такой вид информации о речевых произведениях, выступающих вербальным коррелятом РА, который указывает на знания о целях, достигаемых определенными речевыми и иллокутивными действиями, на знания о коммуникативно-социальных последствиях, связанных с их реализацией, а также на знания, положенные в основу образования иллокутивных комплексов в тексте и формирования в нем иллокутивной доминанты.

Иллокутивные знания актуализируют языковые и энциклопедические знания в рамках той иллокутивной (глобальной или частной типовой для конкретного высказывания) цели, которую собеседник стремится достичь при помощи своей коммуникативной деятельности. При этом каждая из составляющих комплекса интерактивных знаний оформляется и конституируется на фоне других разновидностей знаний, манифестируясь определенным образом в структуре текста, построенного коммуникантами в рамках заданной интеракции для достижения глобальной цели (см.: [Романов 1986], [Романов 1989б] и др.).

Целевому характеру коммуникативного процесса отдается здесь приоритетное значение, поскольку одной из основополагающих коммуникативных потребностей, а вместе с тем и целью РА, является передача собеседнику информации о своих намерениях и установках для того, чтобы он смог перенести её в свою комплексную систему знаний и отреагировать своим поведением в виде успешного (т.е. предписанного сценарием типового общения) закрытия речевых действий партнера по акту коммуникации [Романов 2006].

Единицей представления иллокутивных знаний в системе комплекса интерактивных знаний является иллокутивное действие, раскрывающее способ реализации коммуникативного намерения (способ воздействия) участника общения в конкретном речевом действии и реализующееся через его языковую сущность [Там же].

Способность осуществлять иллокутивные действия (акты) в соответствии с ситуацией общения составляет иллокутивную компетенцию говорящего¹.

Некоторые ученые считают, знания об иллокутивных типах речевых актов и правилах их осуществления хранятся в языковом сознании носителей языка в виде «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитие ситуаций), которые позволяют адекватно использовать языковые средства для достижения типовых иллокутивных целей и, соответственно, адекватно интерпретировать речевое поведение других людей.

По Т.А. ван Дейку, производство и понимание РА определенного иллокутивного типа возможно в том случае, если в сознании субъекта РА «хранится» соответствующая модель ситуации (или эпизодическая модель – термин Т.А. ван Дейка), опираясь на которую он строит свой словарь речевого акта данного иллокутивного типа [Дейк ван 1989]. Данная модель отражает в статичном представлении типовую ситуацию общения в определенной связной последовательности речевых действий коммуникантов, направленных на достижение глобальной и частных иллокутивных целей.

Однако вопросы актуализации иллокутивных знаний в дискурсе и формирования коммуникативного смысла речевого акта остаются до настоящего времени открытыми.

¹ В современной зарубежной и отечественной лингвистической литературе представлены различные точки зрения на соотношение иллокутивной компетенции с другими компетенциями в рамках прагматической или языковой компетенции носителя языка. Например, американский лингвист Л.Ф. Бахман включает иллокутивную компетенцию в структуру языковой компетенции, в состав которой входят: 1) организационная, состоящая из грамматической и текстуальной, и 2) прагматическая, состоящая из иллокутивной и социолингвистической. Организационная компетенция включает способности, связанные с владением формальной структурой языка, которые необходимы для создания или узнавания грамматически правильных предложений, охвата их пропозиционального содержания и упорядоченного соединения в текст, т.е. состоит из грамматической и текстуальной компетенций. Прагматическая компетенция связана с отношениями между лицами, использующими язык, и конкретным контекстом общения. Согласно Л. Ф. Бахману, она включает иллокутивную компетенцию, т. е. знание прагматических условностей исполнения нужных функций языка, и социолингвистическую, т. е. знание соответствующих социокультурных условностей использования этих функций в заданном контексте [Bachman 1990: 89].

В частности, Т.А. ван Дейк, представляя результаты когнитивного анализа семантики дискурса в виде иерархически организованной системы пропозиций, оставляет открытым вопрос о том, как могла бы быть представлена репрезентация прагматического и интеракционного компонентов дискурса и какова их связь с пропозициями. Он считает, что здесь можно предполагать как существование комплексной репрезентации речевых действий, производимых говорящим, в которую включаются пропозиции высказываний, так и существование отдельных репрезентаций, системно связанных друг с другом в отдельных точках [Dijk 1984].

Особый интерес в контексте рассматриваемого вопроса представляет работа [Трофимова 2009], в которой модель смысла речевого акта характеризуется как «многослойно-многокомпонентное образование с подвижными универсальными элементами — единичными смыслами, взаимодействующими между собой, меняющими свое положение и значимость в зависимости от актуального языкового и внеязыкового контекста» [Трофимова 2009: 383]. Универсальный компонентный состав смыслового конгломерата РА включает в себя, по мнению автора, смысловой фундамент любого высказывания, формируемый диадой пропозиции и интенции, и «надстройку» – эмотивный комплекс, состоящий из эмоционального, оценочного и реляционного элементарных смыслов. Далее эта модель дополняется в реальном акте коммуникации разнообразными «окказиональными и уникальными слагаемыми» смысла и обрамляется «прагматической компетенцией, определяющей, по сути, актуальную представленность того или иного элемента в ситуации «здесь» и «сейчас»» [Там же]. Феномен смысла рассматривается автором, таким образом, в рамках деятельностной парадигмы, предполагающей использование принципа антропоцентризма, в соответствии с которым смысл речевого акта всегда представляет собой субъективный смысл, придаваемый ему говорящим субъектом.

Принимая во внимание «осмысление как процесс конфигурации знаний» и его «уровневое проявление (первичное (понятийное) осмысление и осмысление вторичное (субъективное)» [Болдырев, Магировская 2009: 10], а также освещенные ранее положения о внешней и внутренней структуре речевого акта, отметим, что процесс субъективно-индивидуальной концепуализации, лежащий в основе реализации иллокутивной силы РА, являет собой интеграцию двух разных видов когнитивной деятельности субъекта.

С одной стороны, говорящий осмысляет текущую ситуацию, задействуя ментальные пространства прошлого и будущего, реальных и гипотетических ситуаций, а также абстрактных категорий, имеющих чисто когнитивный статус и не существующих вне мышления. Данные ментальные пространства структурируются посредством различных образно-схематических, пропозициональных метафорических, метонимических, символических когнитивных моделей [Болдырев 2000].

С другой стороны, говорящий осмысляет свою роль в текущей ситуации, идентифицируя себя как субъект РА и осознанно или неосознанно принимая решение об осуществлении РА и способе его осуществления в зависимости от фоновых знаний и компонентов речевой ситуации, выделенных им в качестве релевантных.

В этой связи следует подчеркнуть, что многочисленные факторы и компоненты речевой ситуации, представленные выше, несомненно определяют план содержания и план выражения РА. Однако чтобы РА действительно осуществился, необходимо главное условие – активная деятельность говорящего, направленная на изменение самой ситуации посредством речевого действия, в частности – посредством реализации задаваемой говорящим иллокутивной силы по отношению к определенному пропозициональному содержанию.

Подобное представление ИСРА полностью соответствует постулатам современной лингвистической прагматики о дейктическом центре речевого

акта (называемом в лингвистической литературе также «ориго»), лежащем в основе каждой из его дейктических категорий, находящей воплощение в вербальном корреляте РА. Многими языковедами указывается при этом на тот факт, что дейктический центр РА представляет собой не простую совокупность компонентов смысла, находящихся воплощение в акте коммуникации, а интегративное целое в ментальном пространстве говорящего, которое есть результат субъективно-индивидуальной концептуализации, измеряемый в координатах внешней и внутренней структуры РА.

Лингвистами отмечается, что при формировании коммуникативного смысла РА когнитивная деятельность говорящего как субъекта вторичного осмысления (интерпретация и оценка) «предполагает опору на его собственное мнение и определенный когнитивный опыт взаимодействия с миром, а также способность к оценке и эмоциональному восприятию. Конфигурация знаний в рамках процессов концептуализации и категоризации ... осуществляется относительно выбранной коммуникативной цели и не затрагивает онтологии мира «...». Опираясь сформированными на уровне понятийного осмысления концептами и языковыми моделями их репрезентации, субъект вторичного осмысления ориентируется на собственное стереотипное знание», формируя «систему индивидуального видения окружающего мира «...». В результате обеспечивается возможность функционирования системы языка как первично-базовой когнитивной деятельности. Это означает, что весь имеющийся в языке набор отдельных лексических единиц и грамматических моделей их базовой конфигурации используется в собственных когнитивно-коммуникативных целях» [Болдырев, Магировская 2009: 14].

Интерпретативно-оценочная конфигурация знаний, имеющая интегративный характер, «включает несколько когнитивных задач. Прежде всего, это: 1) установка цели интерпретации либо оценки определенного фрагмента концептуализации, 2) выбор грамматических моделей

конфигурации знаний о нем и затем 3) конкретное смысловое наполнение данных моделей в рамках конкретного речемыслительного акта. В результате язык как заданная статичная система единиц, категорий и моделей превращается в систему действующую, функциональную, обуславливающую возможность концептуализации единого объективного мира разными способами» [Там же].

Иконичность отражения мыслительных процессов в языковых структурах является доказанным в лингвистике постулатом – в частности, тот факт, что значения и типы иллокутивных типов дискурсивного текста определяются через выявление лежащих в основе иллокуций когнитивных действий и операций говорящего (см., например, [Поляк 1998]).

Тем не менее, поиск адекватных методов для выявления и описания значений иллокуций микро- и макроречевых актов остается до настоящего времени одной их актуальных проблем лингвистической прагматики и когнитивной прагматики. Это неудивительно, поскольку формирование и вербализация коммуникативного смысла РА характеризуются большим разнообразием механизмов когнитивной деятельности говорящего, что требует рассмотрения РА как вербального воплощения результата интегративной когнитивной деятельности говорящего на пересечении координат внешней и внутренней структуры акта коммуникации.

Вышеизложенное позволяет говорить более глобально о смысловых компонентах ИСРА (наряду с компонентами пропозиционального смысла) и выдвинуть в свете вышеизложенного гипотезу о том, что иллокутивная составляющая РА есть дейктическая составляющая иллокутивного акта в совокупности универсальных смысловых компонентов, облигаторно представленных в любом речевом произведении, выступающим вербальным коррелятом речевого акта, и актуализируемых в речи посредством различных языковых средств.

Осмысляя имеющийся в научной литературе опыт исследования онтологической природы ИСРА и приступая к формированию теоретических

оснований настоящего исследования иллокутивной составляющей РА в свете теории фреймов, обратим внимание на несколько основных моментов.

Во-первых, согласно конвенциональной природе РА иллокутивная цель всегда открыта к распознаванию. По мнению З. Вендлера, иллокутивная цель РА представляет собой ментальный акт, совершения которого добивается от слушающего говорящий [Вендлер 1985: 243]. Следовательно, для любого ИА, независимо от его иллокутивной цели, истинными являются следующие прагматические правила:

- {Говорящий уверен, что иллокутивная цель его РА открыта к распознаванию слушающим};

- {Говорящий уверен, что слушающий способен адекватно декодировать иллокутивную цель его РА}.

Во-вторых, каждый ИА характеризуется целевой установкой в соответствии с типом реализуемой в РА иллокутивной силы (сил). В смысловой структуре РА всегда присутствуют компоненты, которые указывают на вид/тип и характеристики реализуемой говорящим иллокутивной силы.

Вербальная репрезентация иллокутивной силы по отношению к некоторому пропозициональному содержанию осуществляется в РА с опорой на иллокутивные знания коммуникантов и обеспечивается социокультурными, языковыми и речевыми конвенциями, действующими в той или иной лингвокультуре.

В-третьих, конвенциональность ИА предполагает актуализацию иллокутивных знаний в языковом сознании коммуникантов в соответствии с тем или иным конвенциональным сценарием речевого общения, однако не отрицает индивидуального характера вербальной репрезентации иллокуции говорящим.

Анализ теоретической литературы по вопросам формирования речевого акта даёт основание говорить о том, что в конкретной речевой ситуации в сознании говорящего формируется концептуальное пространство

(концепт) вербализуемого им РА (Приложение 2). Его ядро образуют концептуальные смыслы иллокутивного акта, совершаемого говорящим по отношению к некоторому пропозициональному содержанию, отражающему признаки референтной ситуации общения. Тем самым в каждом РА реализуется заданный говорящим коммуникативный смысл.

Из изложенного следует, что концептуальные смыслы ИА облигаторно представлены в речевом произведении, выступающем вербальным коррелятом РА, и актуализируются в речи посредством различных языковых форм и средств, выполняющих дейктическую функцию по отношению к различным аспектам совершенного говорящим ИА. Выявление и описание данных сущностей языка возможно на современном этапе развития науки о языке, методами когнитивного анализа, позволяющими получить доступ к уровню смысла, лежащего в основе вербализации ИА.

Современным методом исследования семантического пространства языка (языковых значений) и структур знаний, мыслительного пространства, признается фреймовая семантика, позволяющая моделировать «принципы отражения и структурирования определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации» [Болдырев 2000: 1].

Возможности метода фреймового моделирования полностью отвечают, на наш взгляд, потребностям современной ТРА, в частности, теории иллокутивных актов, стоящей перед решением проблемы лингвистического анализа ИСРА, связанной с описанием процессов обеспечения понимания иллокутивных актов в условиях полигональности и гетерогенности РА.

Также, исходя из того, что речевые акты обладают, по мнению многих исследователей, выраженной фреймовой семантикой, т.е. соотносительностью выражаемого значения с системно организованной фреймовой структурой, данный метод представляется наиболее целесообразным для изучения

проблем, связанных с выявлением и описанием иллокутивной составляющей речевого акта.

3. Теоретические основания фреймового моделирования иллокутивной составляющей речевого акта

3.1. Фреймовый анализ как метод лингвистического исследования иллокутивной составляющей речевого акта

Теория фреймов в лингвистике имеет свою предысторию¹ (см., например, [Лазарев, Правикова 2002: 164-171]), однако многими современными языковедами бесспорно разделяется мнение о том, что впервые термин «фрейм» был употреблен в практике исследований по искусственному интеллекту М. Минским.

В его толковании фрейм есть структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации [Mynsky 1986; Минский 1978, 1988]. Исходным в своей теории М. Минский считает «тот факт, что человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, с таким расчётом, чтобы путём изменения в ней отдельных частей сделать её пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979: 7]. Фрейм изображается ученым в виде некоторой сети, состоящей из узлов и связей между ними. Выделяются верхние, суперординатные узлы (слоты), которые всегда чётко определены, т.к. сформированы понятиями, всегда справедливыми для референтной ситуации, и субординатные слоты

¹ Подробное изложение истории становления и развития теории фреймов в лингвистике см. в работе [Никонова 2006].

(вершины-терминалы), которые заполняются частными данными в зависимости от условий и компонентов текущей ситуации.

Фреймы включают также «особую информацию для восстановления образа по умолчанию, т.е. субфреймы, приписываемые по умолчанию» [Там же: 290]. В структуре когнитивного сознания они представляют «относительно обобщенную структуру прошлого опыта, с помощью которой сознание прогнозирует изменение состояния объектов внешнего мира, развитие и содержание событий, их взаимосвязь» [Язык - система. Язык - текст. Язык - способность 1995: 284] и могут рассматриваться как фреймовые пресуппозиции.

Среди всех когнитивных единиц фрейм выступает наиболее обобщенной и поэтому «универсальной системой репрезентации самой разнообразной информации, предполагая задание его конкретной структуры и содержательного наполнения суперординатных узлов самим исследователем» [Шабес 1990: 72].

Благодаря данному факту теория фреймов М. Минского привлекает внимание многих лингвистов, занимающихся вопросами когнитивной обусловленности лингвистических единиц и структур и их исследованием с помощью фреймового анализа.

3.1.1. Фрейм в трактовке разных авторов

Несмотря на то, что теория фреймов успешно применяется многими языковедами в теоретических и практических целях научного поиска, до настоящего времени ведутся дискуссии относительно терминологической трактовки фрейма (см., например, [Демьянков 1994]).

В лингвистической литературе наиболее часто встречаются определения фрейма:

1) Ч. Филлмора, которые были даны им в разное время. Фрейм определяется ученым как «падежная рамка» и трактуемая как структура

сознания; как система выбора языковых средств, непосредственно связываемого им с понятием сцены – языковых категорий, лексических единиц, грамматических правил; как система категорий, структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом, как набор понятий и одновременно как категоризация опыта. Также Ч. Филлмор выделяет единый фрейм интерпретации, «обеспечивающий носителям языка имплицитное владение специфической организацией нашего физического и социального мира» [Филлмор 1988: 59];

2) Т.А. ван Дейка, полагающего что «знание организовано в концептуальные системы», которые «можно описывать в терминах фреймов» [Дейк ван 1989: 16]. Фреймы, по мнению исследователя, оторваны от контекста и являются элементами социальной памяти, включая основную (типическую и потенциально возможную) информацию, которая ассоциируется в языковом сознании носителя языка с тем или иным концептом;

3) Э. Гоффмана, понимающего под фреймом так называемые «аналитические леса», которые позволяют нам постигать наш собственный опыт. Фреймы идентифицируются в рамках ситуаций, подчиненных определенным принципам, «которые отражают социальные события и регулируют участие в них человека» [Goffman 1974: 10-11];

4) представителями психологической трактовки, в рамках которой фрейм выступает как схема смысловых опор, абстрагированная от действий отдельной личности и материализующаяся в тексте [Караулов 1987], «определяет понимание и категоризует опыт» [Уланова 2000: 133-141].

Общим для всех указанных определений являются следующие характеристики фрейма: фрейм хранится в долговременной памяти, содержит наиболее общую информацию, имеет ситуативную и социальную обусловленность и актуализируется (или «материализуется») в дискурсе.

Различия касаются непосредственно представления фрейма, что наблюдается также в работах других зарубежных и отечественных

лингвистов. Фрейм трактуется и как единица знаний, организованная вокруг некоторого концепта и включающая данные о существенном, типичном, возможном для данного концепта (Р. Богранд, Т. А. ван Дейк, В. Дреслер и др.), и как структура данных для представления стереотипной ситуации (М. Минский); и как тип когнитивной модели репрезентации знания и мнения, которые связываются говорящим с типичными и часто повторяющимися ситуациями (Ф. Унгерер, Х.-Й. Шмид); и как структура знания, ассоциируемые с определенной лингвистической формой (Дж. Тейлор) [Нефедова 2003: 9-10].

Значительные расхождения в интерпретации фрейма различными исследователями вызваны тем, по мнению некоторых ученых, тем, что «различны как сами «стереотипные ситуации», которые описываются с помощью фрейма, так и формы их представления» [Беляевская 1994: 87].

Анализ дефиниций фрейма, имеющих в современной науке о языке, позволяет выделить два различных подхода к его дефиниции в аспекте лингвистических исследований.

Значительная часть лингвистов определяет фрейм как тип концепта (см., например, [Бабушкин 1996], [Попова 1999, 2001] и др.). В этом отношении фрейм есть всегда «структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними» [Болдырев 2001б: 60-61]. Наряду с конкретно-чувственным образом, представлением, схемой, понятием, прототипом, пропозициональной структурой, сценариями, гештальтом фрейм является форматом знания и, как объемный многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации, «может включать любой эпизод знания, каким бы причудливым он ни казался, достаточно, чтобы его разделяло достаточное количество людей» [Там же: 63]. Данное свойство фреймов используется современными лингвистами для исследования отражения процессов концептуализации в языковых значениях [Болдырев 2001б: 65], имеющих конвенциональную природу.

Некоторые лингвисты определяют фрейм не только как квант структурированного знания, репрезентацию смысла схематически и содержательно, но и как принцип (способ) данной репрезентации [Andor 1985; Gruber 1985; Hudson 1986; Найсер 1981 и др.], подчеркивая роль фрейма как когнитивной модели вербализуемого смысла в процессе речеобразования и языковой категоризации. В данном случае акцентируются такие свойства фрейма как структурированность, а также иерархичность и атомарность его составляющих.

В частности, О.А. Алимуратов, отмечает, что смысловое содержание концепта вербализуется в дискурсе посредством динамического фрейма, делая акцент на фрейме именно как принципе репрезентации знания. Описывая процесс структурирования концепта в процессе формирования интенционального смысла посредством фрейма, он признает последний типом концепта, показывая, что «вербализаторами могут становиться как фрагменты высказываний, так и отдельные высказывания или целые тексты» [Алимуратов 2004: 325-328]. Тем самым фрейм рассматривается ученым с позиций интегративного подхода, который прослеживается также в дефинициях фрейма и некоторых других языковедов (например, [Жаботинская 2000]).

Интегративный подход положен также в основу дефиниций фрейма в современных энциклопедических изданиях, например: «Фрейм – набор предположений об устройстве формального языка для выражения знаний, в качестве альтернативы для семантических сетей, или для исчисления предикатов; набор сущностей, по предположению исследователя, существующих в описываемом мире (метафизическая интерпретация понятия); фрейм дает представление о том, какой вид знаний существенен для такого описания; организация представлений, хранимых в памяти (человека и/или компьютера) плюс организация процессов обработки и логического вывода, оперирующих над этим хранилищем (эвристическая или имплементационная интерпретация). Фрейм – структура данных для

представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объёмов данных» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 187].

Универсальный характер фрейма позволяет лингвистам использовать данный феномен для раскрытия механизмов языковой категоризации и концептуализации вербализованных понятий. Опыт практического применения фреймового анализа как метода лингвистических исследований зарубежными и отечественными учеными показал, что фреймы характеризуются такими принципами структурного построения, как их способность к взаимопроникновению; возможность фокусировки говорящим внимания на любой части фрейма; непосредственное включение в динамику мыслительных процессов как открытых структур знания, дающих представление о типовых объектах и событиях; возможность формального представления их структуры [Панасенко 2000: 49-50].

Данные свойства фрейма положены в основу многочисленных лингвистических исследований языковых значений в когнитивном аспекте. Основной постулат, на который опираются языковеды, использующие теорию фреймов в описаниях системы языка, состоит в том, что язык фиксируя этапы познания и представления знаний в сознании его носителей, формирует концептуальную систему, находящую свою объективацию в значениях единиц языка различных уровней [Бекетова 2002].

В современной зарубежной и отечественной лингвистике можно выделить следующие направления исследований с применением основных положений теории фреймов¹:

1. Описание концептуального содержания лексических единиц [Geeraerts 2006; Lakoff 1987; Ziem 2008; Болдырев 2002; Бубнова 2008; Валько 2005; Вронская 1999; Герасименко 2008; Громова 1999; Данилова 2001; Дубовая 1998; Злобин 1997; Калимуллина 2002; Клепикова 2001; Лагутина 1999; Луев 1988; Манерко 2002б; Овакимян 1995; Плешакова 1998;

¹ Подробный обзор и анализ работ зарубежных и отечественных лингвистов с использованием теории фреймов представлен в монографии [Никонова 2006].

Прохорова, Рогачева 2004; Старостина 2004; Фурер 2004; Яскевич 1998] и мн. др.).

2. Описание концептуального содержания грамматических единиц и структур (например, [Абдюкова 2001; Анисимов 2008; Болдырев 2003; Крат 2004; Мянъчжу 1994; Тищенко 2004; Хайруллин 1995; Шпунтова 1999; Юрьева 2003] и др.).

3. Описание процесса перевода посредством фреймирования смыслов, подлежащих переводу с одного языка на другой (например, [Загидуллин 1994; Злобин 1992, 1993, 1997; Огнева 2008; Русова 2008; Трухтанова 2001; Хайруллин 1995] и др.).

4. Анализ когнитивных структур и процессов (в основном, в рамках анализа дискурса и лингвистики текста) (например, [Katz 1997; Rosch 1975; Rosengren 1994; Taylor 1995; Welsh 1983; Буркова 2003; Ильинова 1997; Карпухина 1998, 1999; Красных 1998; Курбатова 2001; Макеева 2001; Манерко 2002а, 2004; Маринин 1998; Масленникова 2000; Нефедова 2001; Приходько 1987; Пьянкова 1998; Пушкин 1990; Тарасова 2004; Шаймиев 1997; Шведова 2001; Шиленко 1986] и др.).

Достаточно широкая палитра направлений научного поиска с использованием теории фреймов свидетельствует о её универсальности и практической приемлемости в различных проблемных областях современной лингвистической науки.

3.1.2. Основные типы фреймов

В современной научной литературе представлены различные классификации фреймов.

Например, о первичных, *природных, и социальных фреймах*, лежащих в основе восприятия и интерпретации человеком фактов окружающего его действительности, говорит И.Гофман [Гофман 2003].

Лингвистами выделяются различные типы фреймов, соотносимых со значением различных единиц языка и речи (подробнее см. [Никонова 2006: 37-42]).

По мнению С.А. Жаботинской, значения лексических единиц можно рассматривать в соотнесении с фреймовыми структурами двух типов – скриптами, под которыми автор понимает кванты структурированного знания о статичном фрагменте реальной действительности (денотативные значения лексических единиц типа «стол», «лес», «звезда» и т.п.), и сценариями, представляющими собой кванты структурированного знания о динамичном фрагменте реальной действительности (референциальные значения лексических единиц типа «свадьба», «праздник», «поздравлять» и т.п.) [Жаботинская 2000]. Также С.А. Жаботинская различает различные *типы фреймов частеречной концептуализации* (см. [Жаботинская 2003: 156-158]), которые, на наш взгляд, представляют основные типы когнитивных моделей, применимых к описанию пропозиционального содержания РА в свете процессов концептуализации и языковой категоризации.

Особый интерес в свете проблематики настоящего исследования представляет имеющийся в лингвистической литературе опыт разделения фреймов по принципу организации и представления когнитивной информации на статичные фреймы и динамичный фрейм дискурсообразования.

Статичные фреймы репрезентируют основную (типичную и потенциально возможную) информацию о признаках предметов, процессов, состояний, ситуаций, зафиксированную в сознании человека (именно их можно сравнить с ячейками знаний о мире в сознании говорящего).

Динамичный фрейм дискурсообразования репрезентирует способ вербализации говорящим интенционального смысла посредством РА. Говорящий вовлекает в построение когнитивной модели вербализуемого РА определенные статичные фреймы, структурирующие картину мира говорящего. Развертывание динамичного фрейма дискурсообразования в

процессе осуществления РА есть в этой связи процесс структурирования концептуального пространства РА для его последующего вербального выражения с помощью дискретных языковых значений [Schank 1982a, 1982b, 1977; Tannen 1993; Wieske 1943].

Обращение к работам по психолингвистике, освещающим действие речемыслительного механизма (в частности, [Guillaume 1974; Арзикулов 1994; Гийом 2004; Залевская 1980 Леонтьев А. А. 1974; Лурия 1975; Реферовская 1977; Скрелина 1971; Щерба 1974]), и когнитивной лингвистике (в частности, [Лазарев, Правикова 2002]), постулирующей принципы вербальной репрезентации концепта в процессе речевой деятельности, подтверждает тот факт, что при освещении процессов вербализации также используется фреймовый анализ. Языковедами выделяются *гештальтный фрейм* и *фрейм потока сознания* по модели «фигура-фон». В сознании субъекта РА фрейм имеет гештальтный характер. Он свёрнут, только в процессе его вербализации он «разворачивается» «в пространстве, а не во времени, так как фрейм формируется на довербальном уровне» [Лазарев, Правикова 2002: 15].

Алгоритм вербальной репрезентации в дискурсе концептуального содержания ИА можно представить в свете данных положений как этапы развертывания динамического фрейма РА - от замысла до его полной вербальной репрезентации. Поскольку концептуальное пространство РА и вербализованный дискурс оппозитивны в ряде принципиальных отношений¹,

¹ Первая негативная когнитивная универсалия. Мир размышляющего антиреферентен, но интенционален. Размышляющий видит и знает, что и где находится, знает все пространственные адреса денотата в наличной ситуации, ему не требуются средства их выражения. Напротив, в процессе вербализации фрейма – для другого – возникает абсолютная необходимость в адресной референтной привязке концептов к миру посредством различных средств референции. Вторая негативная когнитивная универсалия. Для человека весьма важны информационные свойства мира с точки зрения их прагматической релевантности/нерелевантности. Однако в сознании размышляющего эти тематические свойства не представлены оппозитивно как нерелевантные для него. Это не значит, что в процессе размышления человек не приходит к новым выводам и заключениям, но они не получают языкового оформления в терминах информационной грамматики, грамматики актуального членения языка и речи. Третья негативная когнитивная универсалия связана с отсутствием необходимости предцировать свою мысль в процессе размышления. В потоке сознания нечего утверждать и нечего отрицать для самого себя. Четвертая негативная когнитивная универсалия фиксирует отсутствие необходимости использовать модусно-детерминированные коммуникативные акты. Размышляющему нет нужды выражать свое отношение к содержанию пропозиции, давать тому содержанию свою оценку. Содержание может быть инвариантным и для говорящего, и для слушающего, но модально-оценочное отношение – это прерогатива размышляющего. Пятая негативная когнитивная универсалия. Концептуальный фрейм, или *lingua mentalis*, не является номинативным, ибо название предмета, как и все приведенные выше универсалии, определяется фактором адресата, который нерелевантен для размышляющего [Правикова 2004: 103-104].

каждый РА в силу противопоставления «плана содержания (концептуальный фрейм) и плана выражения (дискурс) демонстрирует возникновение когнитивно-коммуникативной и когнитивно-номинативной ситуации, когда размышляющий должен свои целостные гештальтные представления выразить для другого дискретными средствами языка» [Правикова 2004: 102-103].

Очевидно, что мотивы выбора говорящим конкретных из многочисленных потенциально возможных языковых средств для реализации определенной коммуникативной интенции в актуальных для него коммуникативных условиях могут быть самыми разными. "Человек выбирает, какая информация в данный момент ему представляется наиболее значимой для сообщения; он каждым актом своего выбора в пользу того или иного средства решает, каким образом он хочет, может, имеет право и будет воздействовать на своего партнера, чтобы достичь желаемого результата. Естественной основой для этого являются фундаментальные феноменологические свойства восприятия: селективность, субъективность, аффективность, телеологичность, контекстная обусловленность, - которые обуславливают, что один и тот же фрагмент действительности в реальной коммуникации предстает с различных сторон..." [Гришаева 2010: 122]. Тем не менее, «выбирает коммуникант из некоторого набора средств, который имеется в лингвокультурном сообществе на определенном этапе его развития, и свой выбор каждый из коммуникантов направляет согласно некоторым конвенциональным образцам, освоенным ими в процессе инкультурации и развития своих коммуникативных и ономазиологических навыков и умений. Подобные образцы можно назвать номинативными и дискурсивными стратегиями» [Там же: 123].

Н.Н. Болдырев говорит в данном случае о *классификационных фреймах*, противопоставляя их *ситуационным фреймам* как отражающим знания мира неязыкового. «Понятие классификационного фрейма непосредственно связано с классифицирующей функцией нашего сознания,

которое находит своё отражение в языке. Основным свойством данного фрейма является то, что он представляет собой определенную структуру языкового знания, модель познания окружающего мира с помощью языка...» Классификационные фреймы «...лежат в основе языковой категоризации и позволяют относить ту или иную языковую форму к определенному лексико-семантическому разряду ... или грамматической категории» [Болдырев 2001б: 65]. «Это разного типа сочетаемостные, словообразовательные фреймы, фреймы классов слов, коммуникативных ситуаций, текстов и их различных типов, т.е. определенные классификационные модели, отражающие принципы организации языковой системы, например, модель знаний, позволяющая относить то или иное слово к определенной части речи, или конкретный текст – к определенному жанру» [Там же: 64].

В целом концептуальное содержание языковых знаков различных типов описывается в лингвистической литературе через соответствующие типам значения типы фреймов, в частности: *лексические фреймы* (см.: [Белявская 2005], [Борисов 2004], [Жаботинская 1998, 2003], [Лазутова 2004], [Садиков 1999] и др.), *грамматические фреймы* (например: [Мяньчжу 1994], [Минаева 2003] и др.), *фреймы, соотносимые со значением фразеологизмов* (см.: [Кириллова 2002] и др.), *фреймы, соотносимые с семантикой текста, дискурса* (например: [Дукальская 2008], [Жура 2007], [Землянова 2008], [Карпухина 1998], [Манерко 2004], [Масленникова 2000], [Пономарёва 2006], [Торопова 1991] и др.).

Имеющийся в лингвистической литературе опыт анализа фреймов, соотносимых с лексическими, грамматическими и прагматическими значениями единиц языка, показывает, что лексикон, грамматикон и прагматикон каждого языка тесно связан с прочими знаниями его носителей и неотделим от них.

Языковые значения рассматриваются в когнитивном аспекте не просто как узкий набор признаков, позволяющих идентифицировать некоторый

класс объектов, но как весь комплекс стоящих за ними знаний (в том числе и имплицитно содержащиеся моменты).

3.1.3. Фрейм и значение

Анализ теоретической литературы позволяет сделать вывод о том, что фреймы рассматриваются лингвистами как кванты структурированного знания в соотношении с языковыми значениями в аспекте как системной, так и функциональной категоризации.

По мнению многих лингвистов, совокупность концептов, соотносимых с единицами языка разных уровней, формирует комплексную ноэтическую (номинативную) языковую картину мира. С точки зрения *структурированности квантов знания, формирующих языковую систему концептуализации мира носителя языка*, общее концептуальное пространство его языкового сознания представляет собой универсальную сеть концептов, ассоциированных с единицами языка разных уровней. Тем самым «когнитивное расчленение мира реальности отражается в системе языковых названий» [Кубрякова 1977: 37].

Фреймовая организация ноэтической языковой картины мира доказывается в исследовании [Жаботинская 2000], где автор проводит непосредственную аналогию между процессом категоризации и фреймированием. В частности, части речи в концепции С.А. Жаботинской есть естественная прототипическая и, следовательно, кластерная категория, выступающая особым категориальным фильтром, позволяющим установить предназначенность вербальной «единицы для выполнения ею определенных синтаксических и/или дискурсивных функций» [Жаботинская 2000: 228-229].

Всеми лингвистами, занимающимися проблемами фреймовой семантики в аспекте системной категоризации, отмечается тесная зависимость между концептуальным объемом фрейма и значением конкретной лексемы. Например, Ч. Филлмор, анализируя изменения в значениях слов в диахроническом аспекте, приходит к заключению, что

изменения в семантических фреймах находят обязательное отражение во внешней форме связанных с ними лексем. Появление терминов типа «акустическая гитара», «Первая мировая война» связано с новыми реалиями, модифицировавшими соответствующие фреймы (ср. концепты, выражаемые лексическими единицами «электрическая гитара», «Вторая мировая война») [Fillmore 1985]). Подобные процессы становятся возможными благодаря открытой многоуровневой структуре фрейма и его способности включать в себя дополнительные детерминативные признаки типового объекта и события.

Данное свойство фрейма лежит в основе другого подхода к анализу фрейма и соотносимого с ним значения лексем в синхронии, позволяя лингвистам моделировать когнитивные пространства, формируемые в языковом сознании носителей конкретного языка вокруг одного или нескольких концептуальных признаков, лежащих в основе соотносимых с ними понятий. В этом случае совокупность вершинных слотов моделируемого фрейма представляет собой концептуальное ядро, соотносимое с понятийным ядром каждой из лексем, объективирующих заданный фрейм. Например, семантический фрейм «согласие», получающий объективацию в английском языке с помощью глаголов одобрения и согласия, имеет, как представлено в работе [Храмова 2003], иерархическую структуру в виде:

1) обязательных компонентов, формирующих типовую пропозициональную схему, включающую: а) субъект согласия (антропоним, артефакт); б) предикат согласия; в) объект согласия (одушевленный – лицо, с которым субъект имеет общее мнение – бенефициар, неодушевленный – содержание согласия, объектив). Обязательные (вершинные) компоненты фрейма соотносятся с понятийными компонентами семантической структуры всех глаголов, значения которых активируют в языковом сознании носителя языка фрейм "согласие".

2) факультативных, детерминирующих характеристику «согласия» (добровольное согласие – одобрение, разрешение, поддержка, договоренность, сходство во мнении; вынужденное – признание истины, подчинение/уступка; официальность/неофициальность, вербальность/невербальность, векторность). Такие денотативные ситуации, связанные с различными характеристиками действия, образуют варианты в рамках общей фреймовой структуры, то есть субфреймы, которые также не идентичны, их различия обусловлены разницей в потенциальных связях глаголов [Храмова 2003: 4-5]. Иерархичность построения фрейма, его атомарная структура и способность к детерминации концептуального признака посредством субфрейма позволяют, исходя из результатов исследования вышеуказанного автора, рассматривать глаголы «одобрения» и «согласия» в английском языке как категорию с прототипическим принципом организации, что проявляется в их системной и функциональной категоризации.

Аналогичные выводы относительно иерархичности структуры, статуса слотов и их соотнесения со значениями лексем делаются авторами и других подобных исследований на материале различных языков (например: [Баяртуева 2001; Валько 2005; Плешакова 1998; Манерко 2002б; Ромашина 2004; Шевченко 2003] и мн. др.). В частности, в работе [Баяртуева 2001] способность конструкций с глаголами оценки описывать оценочную ситуацию позволила, по утверждению автора, рассмотреть саму ситуацию и её составляющие в виде фрейма, имеющего ядро и ближнюю и дальнюю периферию. В качестве основного результата научного поиска автором предлагается функционально-семантическое поле глаголов оценки. В данном случае следует отметить, что исследователю не удалось избежать проблемы смешения методов фреймового моделирования и полевого структурирования, на которую указывал ещё Ч. Филлмор, предлагая критерии их разграничения.

Несомненная близость фреймового анализа и полевого структурирования обусловлена, прежде всего, иерархическим типом связи - между фреймом и его субфреймами, с одной стороны, и гиперонимами и гипонимами функционально-семантического поля, с другой стороны. Данный тип отношений предполагает структурирование компонентов концептуального или семантического пространства от более общего к более частным в направлении детерминации общего категориального значения. Как известно, метод полевого структурирования основан на структурном представлении категориального потенциала каждой единицы в рамках полевой системы и, по сути, нацелен на выявление схемы парадигматической организации лексем, выступающих конвенциональными средствами выражения определённого категориального значения. В этом отношении полевая структура выступает в языке как совокупность средств для вербальной интерпретации определенного концептуального пространства, ядерный компонент которого соотносится с вербальной единицей, способной активировать в сознании носителя языка соответствующий концепт. Организованный во фрейме, он будет носить энциклопедический характер.

Тем не менее, методы фреймового анализа (прогностического моделирования когнитивных структур (фреймов), соотносимых с лексическими и другими языковыми значениями) и полевого структурирования лексики соотносятся с различными уровнями сознания и имеют разные фокусы исследования. Метод полевого структурирования затрагивает уровень языкового сознания и нацелен на выявление совокупности языковых средств для выражения определенного значения. Фреймовый анализ акцентирует внимание на компонентах концептуального пространства (уровень когнитивного сознания), соотносимого с вербальными единицами. Вербальные единицы и структуры выступают при этом актуализаторами соответствующих фреймов.

В этой связи целесообразно, на наш взгляд, привести точку зрения Дж. Груббера, рассматривающего соотношение фрейма и значения на

примере так называемых «текстовых фреймов» [Gruber 1985]. В свете теории фреймов Дж. Груббер считает релевантными три основных типа значения лексических единиц – собственно лексическое, концептуальное и энциклопедическое. Лексическое значение эксплицируется в представлении указанного автора семантическими метаязыками типа языка исчисления предикатов, семантических падежей, тематических реляций. Типичным способом описания концептуального значения являются языки бинарных отношений, маркеров, признаков и т.п. Энциклопедическое значение связано со значением слова ассоциативно и не столь необходимо для его правильного употребления [Никонова 2006: 12-13]. Указанные типы значений распространяются автором на значения любого слова, служащего в языке для актуализации не только лексического, но и грамматического концепта.

Язык как статичная система включает в себя, таким образом, набор основных значений, соотносимых не только с лексическими, но и с грамматическими концептами. Сюда относятся грамматические категории и грамматические модели базовой конфигурации знаний, позволяющие говорящему выражать заданный в акте коммуникации интенциональный смысл.

Грамматический концепт отражает знания из мира идеального, созданного человеческим сознанием, а не знания реального мира [Болдырев 2003]. Метод фреймового анализа также позволяет многим исследователям вскрыть механизмы формирования грамматического значения в свете процессов концептуализации и категоризации. Например, Э.Г. Айрапетова, утверждает, что рассмотрение функционирования союзов в свете теории фреймовой семантики позволяет предметно объяснить механизм синтаксической связи и выявить её коммуникативно-прагматические истоки и функциональное назначение [Айрапетова 2002].

Результаты исследований *соотношения фрейма и значения в аспекте функциональной категоризации* дают основания говорить о трех основных

подходах лингвистов к описанию взаимосвязи значения и фрейма, актуализируемого в дискурсе посредством данного значения.

Первый подход акцентирует внимание на концептуальном объеме фрейма и том факте, что в речевой ситуации говорящий фокусируется на любой части фрейма. Данный подход представлен в работах по исследованию концептуального объема фрейма, актуализируемого в дискурсе либо конкретной лексической единицей [Бекетова 2002; Старостина 2004; Храмова 2003; Яскевич 1998 и мн. др.], либо лексемой с грамматической семантикой [Аганесов 2002; Айрапетова 2002; Крат 2004; Шпунтова 1999 и мн. др.]. Опираясь на компонентный анализ анализируемой лексемы при её употреблении в разных дискурсивных контекстах, языковеды выявляют соотносимые с компонентами значения смысловые компоненты, совокупность и соотношение которых позволяет исследовать очертить структуру и концептуальный объем фрейма как структурированного концепта.

Например, в работе [Числова 2003] исследователь анализирует структуру и содержание фрейма концепта «звезда» в русском языке, анализируя дистрибуцию этого слова в поэтических текстах и подвергая эти фрагменты фреймовому анализу. Выявляя концептуальные смыслы, вербализованные в различных дискурсивных контекстах через соотносимые с ними компоненты значения анализируемой лексемы, автор определяет концептуальный объем и структуру фрейма. Автор делает вывод, что «на протяжении долгого времени лингвистика изучала не язык как таковой, в единстве телесного и духовного его аспектов, но лишь грамматический, синтаксический, семантический скелет языка. Именно по этой причине не удавалось перекинуть мостик от языка к мышлению, нащупать связующее их начало. Между тем не скелет, а душа языка, т.е. опредмеченное в нём мировоззрение, идеология, система ценностей, напрямую связывает его с душой говорящего субъекта, его внутренним миром, мышлением. Когнитивный подход к языку с помощью фреймового анализа как раз и

позволяет заглянуть в его душу и тем самым заполнить пропасть между языком и мышлением» [Там же: 162].

Фреймовый анализ грамматических концептов в различных языках также проводится лингвистами, исходя из анализа значения исследуемых единиц в различных дискурсивных контекстах.

В частности, О.Ю. Ромашина рассматривает условия формирования фрейма эмоционального звучания и особенности его вербальной репрезентации в глагольных лексемах современного английского языка в работе [Ромашина 2004]. Структура моделируемого фрейма, согласно результатам указанного исследования, «не статична, но динамична и выстраивается по иерархии вершинных и терминальных компонентов, которые в свою очередь, репрезентируются на языковом уровне глагольными лексемами и преопределяют организацию семантико-синтаксических конструкций. На уровне высказывания вспомогательными средствами объективации компонентов фрейма в значении глагольных лексем являются формально-морфологические показатели» [Там же: 11]. Моделирование фрейма проводится на основании того факта, что «каждому вершинному и терминальному компоненту фрейма соответствует определенный набор концептуальных признаков, входящих в семантическое пространство и составляющих концептуальное содержание ситуации эмоционального звучания» [Ромашина 2004: 11].

Процессы функциональной поликатегоризации английского глагола как следствие актуализации соотносимых с ними фреймов исследуют также Н.Н. Болдырев и Л.А. Панасенко, которые отмечают, что «в основе функциональной поликатегоризации глагола лежит активизация фреймов как определенных стереотипных представлений о разных типах событий. Единицы, структурирующие фрейм, содержат, согласно трактовке авторов, основную (типическую и потенциально возможную) информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Базовыми компонентами фрейма, определяющими его терминалы, являются когнитивные компоненты,

входящие в наши представления о типовых событиях. Терминалы фрейма заполняются языковыми единицами, которые, участвуя в вербализации события, активируют соответствующий фрейм» [Болдырев, Панасенко 2001: 73-75]. «Отдельные терминалы могут структурировать разные фреймы, чем обеспечивается сама возможность развития межфреймовых связей. Взаимосвязь и взаимопроникновение фреймов объясняется, по мнению авторов, тем, что фреймы не являются изолированными друг от друга, так как реальная действительность имеет континуальный характер – события предметного мира тесно взаимодействуют между собой, часто являясь взаимообусловленными. Такое «соположение» реальной действительности отражается в нашем сознании в виде концептуального пространства, которое определенным образом структурируется. В его пределах происходит активизация разных фреймов для когнитивной оценки конкретных событий внутри концептуального пространства» [Болдырев, Панасенко 2000: 124].

Номинация концептуального пространства обуславливается, как утверждают авторы, характером взаимодействия фреймов, которое выражается в установлении межфреймовых концептуальных связей метонимического, метафорического или метафоро-метонимического порядков. Тем самым, «выбор языковых средств для вербальной интерпретации концептуального пространства связан с использованием метонимической, метафорической и метафоро-метонимической когнитивных моделей. Взаимодействие фреймов означает, что отдельные терминалы одного из них, активизированные для представления концептуального пространства, включаются в общую структуру другого. Обнаруживая общие терминалы, взаимодействующие фреймы связываются отношением включения. При этом включенный фрейм приобретает статус субфрейма и метонимически замещает сопряжённый с ним фрейм, что выражается в использовании языковой доминанты субфрейма – глагольной лексемы – для номинации общего концептуального пространства» [Там же: 124-128].

Некоторыми исследователями подчеркивается, что «ментальные пространства и – как их следствие – ментальные репрезентации имеют различные выражения в различных языках, что необходимо учитывать при создании текста» [Александрова 2003: 10-18]. С этим связан другой подход к исследованию соотношения фрейма и значения в аспекте функциональной категоризации – изучение структурированного во фрейме концептуального пространства через соотносимые с фреймом компоненты пропозиционального содержания предложения/высказывания и дискурсивного текста¹ [Землянская 2003; Зернецкий, Кирилкова 1989; Селиванова 2000; Симонов 2001; Тарасова 2004; Трошина 1993; Числова 2003; Шестак 2003 и мн. др.]. Согласно мнению исследователей данной проблемы, когнитивный подход позволяет преодолеть при помощи фреймового анализа пропозиционального содержания текста традиционный водораздел между лингвистическим, литературоведческим (структуральным) анализом, а также семиотикой культуры [Гаспаров 1988].

Имеющийся в лингвистической литературе опыт фреймового анализа пропозиционального содержания дискурса показывает, что структура пропозиции дискурса выявляется лингвистами через совокупность актуализируемых в речи языковых значений с разных точек зрения – путем выявления слотов фрейма на основе компонентного анализа лексем, формирующих семантическую структуру текста [Ильинова 1997; Масленникова 2000; Манерко 2002а; Тикунова 2002; Шестак 2003 и др.], а также путём выявления компонентов пропозиционального смысла, лежащих в основе вербализации дискурсивных текстов определенного жанра [Буркова 2003; Голев 1999; Макеева 2001; Маринин 1998; Насырова 1998; Тарасова 2004; Шведова 2001 и др.], стиля [Гаспаров 1988;

¹ Фреймовый анализ дискурса получил распространение в прагмалингвистических исследованиях текста, в частности, в работах, посвященных анализу смысловых техник в рамках комического общения (см., например, [Гнякина 2003; Желтухина 2000; Кулинич 1999; Лендваи 2003; Ляхова 2002; Чаплыгина 2003; Шейгал, Иссер, Кузьмина 2000] и др.).

Тикунова 2002; Трошина 1993; Зайчикова 2002 и др.] или типа дискурса [Макеева 2001; Шардакова 1996 и др.].

Экспериментальный метод исследования пропозициональной фреймовой структуры телевизионных интервью предлагает, например, Т.И. Попова, основываясь на возможности выведения «фреймовой структуры телевизионных интервью с разными собеседниками из типичных, задаваемых им вопросов» [Попова, Стернин 2001: 100] и устанавливая жанровые характеристики текста телевизионного интервью с помощью пропозициональных фреймов памяти и представления его участников.

Третий подход к исследованию соотношения фрейма и значения в аспекте функциональной категоризации представлен исследованиями процессов категоризации смысла в разных языках и процессов речепроизводства [Аганесов 2002; Анисимов 2008; Пескова 2002 и мн. др.].

Как показывают многочисленные исследования в области когнитивной психологии и психолингвистики, категоризация не сводится к простому воспроизведению ассоциативной связи между каким-либо предметом мысли и обозначающим его знаком. В функциональном отношении категоризация – это всегда процесс, мыслительный (когнитивный) акт, состоит ли он в признании и актуализации существующих норм категориального членения смыслового континуума посредством языковых знаков, или же предполагает установление новых концептуальных связей. Это динамический процесс, одновременный с формированием мысли и моментом речи. Выступая как один из способов структурирования передаваемой и получаемой информации, процессы функциональной категоризации могут следовать одному из общепринятых и зафиксированных словарно и грамматически стандартов или могут предполагать переструктурирование категориального континуума, выделение в нём новых фрагментов или соотнесение известных категорий с неизвестными, необычными формами языкового выражения, меняя направление концептуальных связей и вызывая тем самым

перекатегоризацию языковых единиц. Выбор того или иного принципа обусловлен коммуникативно и прагматически.

В данной связи особое внимание следует обратить, на наш взгляд, на процессы категоризации в ходе осуществления речевого акта, когда «язык как заданная статичная система единиц, категорий и моделей превращается в систему действующую, функциональную, обуславливающую возможность концептуализации единого объективного мира разными способами» [Болдырев, Магировская 2009: 14], систематизирующую ноэтическую картину мира в акторечевом (деятельностном) отношении.

Динамический процесс языковой категоризации также описывается лингвистами в свете теории фреймов. Практически все исследователи, изучающие проблемы фрейма и значения, указывают на то, что соотнесение компонентов значения языковых знаков со стоящими за ними квантами структурированного знания становится возможным благодаря атомарной структуре фрейма и дискретности значения. Имеющиеся в лингвистике работы, посвященные научному поиску механизмов вербализации смыслов в процессе речепроизводства [Красных 1997, 1999а, 1999б; Мазанова 2000; Смиренский 1997 и др.] и опирающиеся на доказанные в психолингвистике положения о формировании речевого высказывания, подтверждают роль фрейма в процессах вербализации.

В частности, О.И. Алимуратов, рассматривая дискретность значения в функциональном аспекте, отмечает, что «значение представляет собой сложную функцию, интегрирующую набор условий приложимости некоторого языкового выражения к конкретному объекту или ситуации, и является фильтром между двумя множествами: множеством объектов и ситуаций реального или воображаемого мира, с другой» [Алимуратов 2004: 152].

В этой связи значение рассматривается как нечто «целое, находящееся в функциональной зависимости от набора более мелких, элементарных компонентов – элементарных функций» [Там же]. Смысл, также

«представляя собой сложное целое как совокупность отдельных концептуальных компонентов (рассматриваемых, в свою очередь, как минимальные концептуальные смыслы), имеет структуру, изоморфную структуре значения, что позволяет многомерной концептуальной единице быть облеченной в вербальную ткань» [Алимурадов 2004: 153].

Подчеркивая понимание фрейма как совокупности концептуальных компонентов и принципа (способа)репрезентации смысла, Р. Хадсон поднимает в работе [Hudson 1985] вопрос о соответствии значения языкового выражения когнитивной структуре, представляемой фреймом, и приходит к выводу об идентичности структуры лингвистических и нелингвистических когнитивных структур. Именно данный факт, согласно результатам его исследования, позволяет использовать фреймовый анализ для описания концептуального содержания языковых выражений, в частности, значения РА и его иллокутивной составляющей.

3.2. Фрейм и значение речевого акта

В предыдущих разделах настоящего исследования упоминалось, что одним из первых среди языковедов, которые указывали на связь РА со стоящими за ними фреймами, является Т. ван Дейк. Он присваивает РА статус фрейма в силу того, что 1) в РА имеет место типизированная последовательность РА, имеющая конвенциональный или ритуальный характер; 2) РА являются частью фреймов, например, в институализированны РА крещения, приговора; 3) для адекватного понимания РА требуются знания об общих условиях совершения успешных социальных интеракций; 4) для правильного понимания РА необходимы фоновые знания о мире, контекста, речевых и поведенческих конвенций [Дейк ван 1989].

Тем самым РА присутствуют в языковом сознании носителя языка в виде «готовых» конвенциональных сценариев, состоящих из стереотипной последовательности действий коммуникантов, направленных на осуществление определенной коммуникативной задачи. В основе данных конвенциональных сценариев лежат стереотипные иллокуции, которые существуют в обыденном сознании носителей языка как ментально-вербальные единицы, или иллокутивные концепты, универсальные признаки которых проявляются в общении, где раскрываются этнокультурные, социальные и прагматические аспекты РА того или иного иллокутивного типа. Этот факт подтверждается результатами многочисленных лингвистических исследований иллокутивных концептов в языковом сознании носителей различных языков (см. [Воркачев 2007; Олешков 2009] и др.).

Иллокутивные концепты, фиксирующие нормы речевого поведения коммуникантов в конкретном языковом сообществе, составляют, по мнению многих лингвистов, конвенциональную основу языковых средств, используемых коммуникантами для выражения заданной речевым актом иллокутивной функции, и широко используются в практике изучения языка в качестве конвенциональных образцов речевых действий носителей конкретного языка в заданных ситуациях, например:

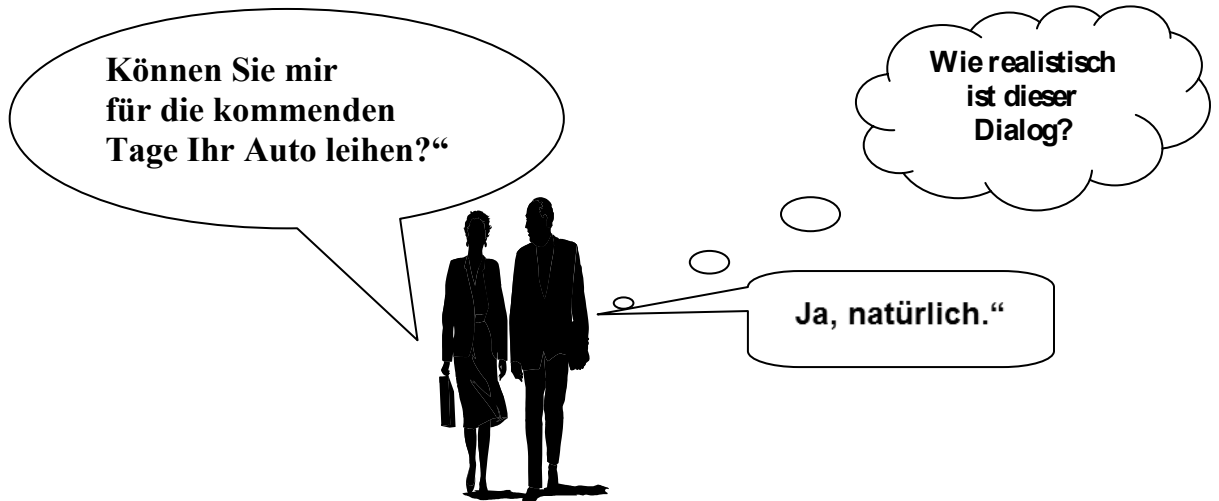
○ ***jdñ. um etwas bitten* / попросить кого-л. о чём-л.**

A: Können Sie mir? / Не могли бы Вы мне...

B: Ja, natürlich. / Да, конечно.

Однако очень часто подобные конвенциональные сценарии являются несколько оторванными от жизни.

В частности, приведенный конвенциональный сценарий *jdñ. um etwas bitten* / попросить кого-л. о чём-л. становится практически утопичным в его приложении к конкретной коммуникативной ситуации [Beile 1985: 32]:

На вопрос «Не могли бы Вы дать мне на несколько дней свою машину?» достаточно редко можно сразу услышать утвердительный ответ.

Сложный речевой акт «расспрос» в рамках ситуации «знакомство» также может напоминать при ближайшем рассмотрении сценарий речевого акта другого иллокутивного типа – «допрос»:

A: Aus welchem Land kommen Sie?

B: Ich komme aus

A: Wie lange haben Sie Deutsch gelernt?

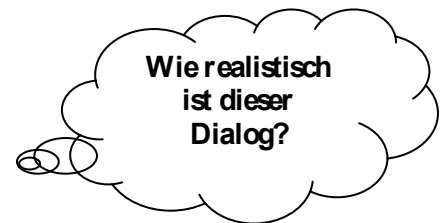
B: Ich habe 3 Jahre Deutsch gelernt.

A: Ist das Ihre erste Fremdsprache?

B: Nein.

A: Welche andere Sprache sprechen Sie noch?

B: Ich spreche ein bisschen Englisch [Beile 1985: 44].

Обычный для учебников иностранного языка диалог-расспрос, являющийся частью конвенционального сценария «знакомство» и состоящий из типовых вопросов и ответов «Из какой Вы страны (прибыли)?» – «Из...», «Как долго Вы изучали немецкий язык?» – «Немецкий язык я изучал(а) 3 года», «Это Ваш первый иностранный язык?» – «Нет», «На каких языках Вы ещё говорите?» – «Я немного говорю по-английски», в действительности крайне редко реализуется именно в таком виде и обнаруживает достаточно большую степень вариативности.

Это справедливо и для других типов коммуникативных ситуаций. И это не удивительно. Значение высказывания, как считал Л. Витгенштейн, «полностью зависит от его употребления говорящим» [НЗЛ 1985: 10]. При этом «количество способов реализации высказывания велико, но не бесконечно, и всякий из способов объясняется наличием у высказывания потенциально заложенного значения» [НЗЛ 1986: 194].

С одной стороны, процесс общения очень разнообразен и каждая коммуникативная ситуация уникальна по своей сути, ее вербальная репрезентация в РА может сильно отличаться от нормы. С другой стороны, если бы у РА при всей непредсказуемости его вербального выражения не было бы общего стержневого значения, то коммуниканты не смогли бы понять друг друга [Девкин 1979: 75; Серль 1986б: 196]. Поэтому в лингвистической литературе появляются исследования, результаты которых свидетельствуют об инвариантном статусе иллокутивного значения РА и его несводимости к понятию способов употребления языковых единиц (см., например [Сковородина 2004] и др.).

Обратим внимание в этой связи на фреймы речевых актов не только в свете процессов «хранения» иллокутивных знаний в языковом сознании носителей языка, но и в свете процессов языковой категоризации при их активации. Анализ представленных ранее положений о деятельностной природе РА¹, дает основание утверждать, что при формировании иллокутивного значения РА, как и при его реконструкции, говорящий как познающий и действующий субъект «сканирует» фрагмент реальной действительности, представляющий конкретную референтную ситуацию общения (в соответствии с устройством его языковой картины мира), фокусирует в выделенном фрагменте определенные объекты и выбирает определенную стратегию и тактику речевого поведения для осуществления

¹ В активной роли в РА выступает говорящий не только как действующий, но и как познающий субъект, как личность, осуществляющая речевую деятельность. В современной науке о языке различают «говорящего как человека (денотат «я»), говорящий как целостность признаков сверх того, что он говорит) и человека как говорящего (собственно говорящий как таковой)» [Никитин 1997: 725]. И тот, и другой аспект включаются в понятие языковой личности [Караулов 1987].

РА как способа реализации его иллокутивной силы по отношению к данным объектам. Данные ментальные акты формируют в сознании говорящего концепт с соответствующим окружением.

При вербализации РА говорящий оперирует не только выделенным концептом, но и его окружением, обусловленным заданной речевой ситуацией, что дает возможность говорить о фрейме речевого акта как о когнитивной ситуативной модели значения, ориентированной на ИА по отношению к некоторому пропозициональному содержанию в конкретной коммуникативной ситуации. Здесь фрейм РА выступает как разновидность концепта¹, смысловые компоненты которого, формирующие план содержания РА, находят своё выражение в компонентах акторечевого значения.

Значение РА рассматривается некоторыми лингвистами на примере значения отдельного высказывания, имеющего многоуровневую структуру. В работе [Hengeveld 1989] иерархия уровней акторечевого значения представляется в виде следующей упрощенной схемы:

Речевой акт

модализованная пропозиция

иллокуция

пропозиция

модальность

референтная ситуация

время

(предикативное) ядро референтной ситуации *партиципанты*

Все уровни акторечевого значения соотносятся друг с другом в данном случае по принципу «луковицы». Операторы конкретного уровня, стоящие

¹ В лингвистической литературе представлены различные типы и виды концептов (см., например, [Алефиренко 2003], [Бабушкин 1996], [Попова, Стернин 2001] и др.). В частности, З.Д. Попова и И.А. Стернин различают такие виды концептов, как «1) представление – обобщенный чувственно-наглядный образ предмета или явления (например, дрожь, клен, ласточка); 2) схема – концепт, представленный некоторой обобщенной пространственно-графической или контурной схемой (например, образ человека в детских рисунках); 3) понятие – концепт, который состоит из наиболее общих существенных признаков предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления (например, квадрат – прямоугольник с равными сторонами); 4) фрейм – мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении (например, магазин, ресторан, кино); 5) сценарий (скрипт) – последовательность нескольких эпизодов во времени (например, драка, игра, посещение кино); 6) гештальт – комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании (например, очередь, игра, пытка)» [Попова, Стернин 2001: 72-74].

слева, комбинируются с операциональными показателями, стоящими справа, и составляют значение вышестоящего уровня. Последнее формируется совокупностью компонентов конкретных лексических значений и значений организующих их грамматических моделей.

Каждый язык обладает разветвленной сетью системнозакрепленных языковых средств для передачи заданных в РА значений. Её можно представить как набор самых минимальных морфологических, стилистических, фразеологических и прагматических значений, которыми оперирует говорящий для вербализации интенционального смысла в процессе осуществления речевого действия. Сцепляя их в единую форму, максимально возможную для выражения заданного прагматического смысла, он наделяет данную форму в акте коммуникации иллокутивной силой.

И в этом смысле антропоцентричность РА выступает не просто абстрактной категорией, а как реальный, объективно ощущаемый источник иллокутивной силы, передаваемой через акторечевое значение с опорой на конвенциональные языковые значения.

Слагающееся из компонентов значений модализованной пропозиции и иллокуции, акторечевое значение зависит от внешних и внутренних параметров речевого акта, социальных и психологических характеристик говорящего и его компетенций, способствующих или препятствующих реализации иллокутивной силы РА.

Расширяя приведенную выше меронимию уровней значения речевого акта смежными с ними уровнями, которые непосредственно влияют на его формирование, представим значение речевого акта во взаимосвязи с концептуальным пространством РА и его внешними условиями - реальной действительностью (снизу вверх, от конкретных уровней значения РА к более абстрактным уровням его осмысления):

Реальная действительность: физический мир,

социокультурная среда, языковая среда, концептуальный мир

Фрагмент реальной действительности

Речевая ситуация

Мыслительная и невербальная социокультурная деятельность говорящего

Возможность/необходимость речевого акта

Концепт речевого акта

Фрейм речевого акта

Значение речевого акта как продукта речемыслительной деятельности

модализованная пропозиция

иллокуция

пропозиция

модальность

референтная ситуация

время

(предикативное) ядро референтной ситуации партиципанты.

Фрейм речевого акта играет в представленной меронимии уровней смысла и значения РА особую роль, выступая принципом репрезентации ментального пространства, стоящего за РА, с одной стороны, и смысловым каркасом вербальной репрезентации РА, с другой стороны.

Принимая во внимание всё вышесказанное о фрейме и фреймовом анализе, отметим несколько важных фактов, релевантных для последующего моделирования фреймовой структуры ИСРА.

Прежде всего, исходя из перформативной формулы РА $F(p)$ и факта изоморфности структуры и значения, следует признать бинарность фрейма РА и наличие в его структуре двух ядерных компонентов – «пропозиция» и «иллокуция».

Положения ТРА и перформативная формула РА Дж. Серля дают основание представить схематично данный факт следующим образом (Схема 4).

Данные ядерные компоненты фрейма речевого акта следует признать его вершинными терминалами, которые соотносятся в языке с одноименными категориальными признаками «иллокуция» и «пропозиция».

Уровневая детерминация фрейма, осуществляемая говорящим как выделение прагматически значимых смыслов РА в рамках каждого ядерного компонента, предполагает выбор субъектом РА языковых единиц,

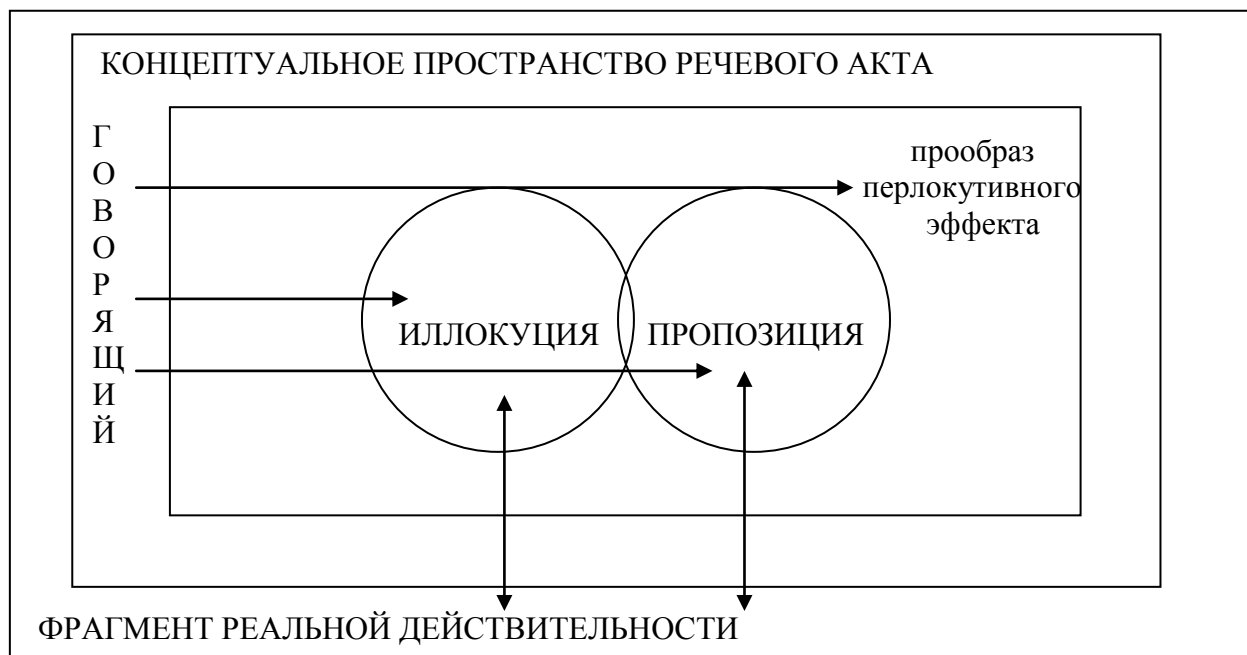

Схема 4. Бинарная структура фрейма речевого акта

значения которых соответствуют заданным компонентам смысла РА, и уточнение их категориальных характеристик.

Здесь следует отметить следующий важный факт соотношения фрейма и значения речевого акта, заключающийся в том, что значение РА «всегда отлично от значения языковых единиц, оно всегда рассматривается в непосредственном взаимодействии с его иллокутивной силой, поскольку именно иллокуция придаёт РА актуальный смысл, актуализирует его значение» [Сковородина, 2004: 18].

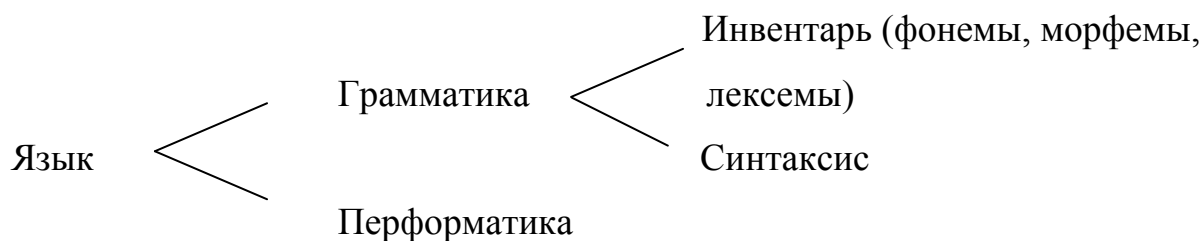
Ядерные компоненты, составляющие бинарную структуру фрейма РА, не равнозначны по своему статусу. Ранее приводились факты в пользу того, что пропозиция и иллокуция являются репрезентантами речемыслительной деятельности говорящего двух разных типов. Поскольку в момент осмысления и осуществления РА картина мира говорящего становится оппозитивной картине мира языкового сообщества, к которому он принадлежит, формирование концептуального пространства РА и выделение компонентов смысла, подлежащих вербализации, происходит на пересечении двух миров – мира говорящего и окружающего его мира. При этом фрагмент

реальной действительности, в рамках которого возникла речевая ситуация, выступает в роли сцены, где главную роль играет субъект РА. Одушевленные и неодушевленные предметы реального мира как бы замирают для говорящего, отступая на мгновение на задний план. Все константные и ситуативные компоненты РА воспринимаются говорящим «замершими», в статике. Динамичной, подвижной, «живой» остается на миг только его картина мира и осуществляемый только им процесс речемыслительной деятельности, направленный на вербализацию иллокутивного акта по отношению к некоторому пропозициональному содержанию.

Эта идея, которая в лингвистических исследованиях обозначается как «перформативность + языковые средства, передающие искомую прагматическую цель», выдвигалась ещё в конце XX века представителями перформативной грамматики (см., например, [Schwab 1980; Schneider 1992 и др.]).

Согласно основным положениям этих исследований, грамматика отдельного языка располагает двумя видами знания. Прежде всего, грамматика есть знание о том, какими должны быть отдельные «атомоподобные сущности» языка (грамматические единицы, объединенные в грамматические категории; части речи). Это знание есть по сути языковой инвентарь. Кроме того, грамматика представляет знание о том, каким образом из «атомоподобных сущностей» языка создать «молекулярные» образования, способные передать значения «молекулярных» категорий языка. Это знание зафиксировано в синтаксисе национального языка.

Каким образом из атомарных и молекулярных частей языка построить предложение (грамматика) и совершить посредством данного предложения необходимое речевое действие или как, комбинируя эти действия, использовать язык в целях коммуникации (перформатика) – это знание варьируется в зависимости от специфики каждого естественного языка и рассматривается с точки зрения его грамматики:

При этом корректным употреблением языка считаются случаи, когда говорящий осуществляет речевые действия согласно действующим в конкретном языковом сообществе перформативным правилам (т.е. образует и употребляет предложения согласно действующим в той или иной лингвокультуре правилам для осуществления РА в определенной речевой ситуации). В противном случае употребление языка считается некорректным.

Таким образом, язык рассматривается сквозь призму перформативной грамматики как изначально конструируемое (с помощью грамматики) и затем конституируемое (с помощью перформатики) средство общения.

Идеи перформативной грамматики не получили в лингвистике должного развития, прежде всего, из-за недостатка адекватного метода описания глубинной структуры речевого произведения, однако остаются тесно связаны с идеями когнитивной грамматики конструкций (Дж. Лакофф, Ч. Филмор, А. Голдберг и др.), интеракциональной грамматики (Э. Купер-Кулен, Э. Окс, С. Томпсон и др.) и трансформационной грамматики, поскольку, оперируя, по сути, понятиями теории фреймов («атомоподобные сущности», «молекулярные образования» в языковом сознании говорящего), представители перформативной грамматики указывали на процесс формирования и осуществления иллокутивного акта сквозь призму динамики речемыслительного процесса.

Это полностью согласуется с представленными выше тезисами о характере иллокутивного значения РА. Если другие типы значений (в том числе, и прагматические) рассматриваются с точки зрения статики, то категориальную детерминацию иллокуции необходимо описывать в динамичном аспекте формирования акторечевого значения.

Современная когнитивная прагматика аккумулировала достижения указанных теоретических моделей с учетом центральной роли антропоцентрического фактора в осуществлении когнитивных механизмов, лежащих в основе формирования коммуникативного смысла РА и его вербализации.

В частности, В.А. Звегинцев, акцентируя внимание на проблемах, возникающих при изучении предложения с позиции фреймовой семантики [Zvegincev 1986], говорит о том, что отправной точкой при анализе предложения с позиции фреймовой семантики является его антропоцентрический характер. Этот факт очевидно прослеживается и в работах [Burkhardt 1990; Chomsky 1968, 1986; Грайс 1985; Новиков 1983; Караулов 1987; Тарасов 1989 и др.].

Ф. Кифер, размышляя также над некоторыми типами предложений, обращает внимание на тот факт, что определенные типы предложений прочно закреплены за определенными ситуациями, характеризующимися стереотипной последовательностью событий (он называет их высказываниями с ситуационным значением). Высказывания такого рода, по мнению Ф. Кифера, «могут быть описаны с помощью «сценария», лингвистически релевантные категории которого (Агенс, Пациенс, Адресат и др.) образуют фрейм» [Никонова 2006: 14]. Анализируя ситуационное значение предложения на конкретных примерах, Ф. Кифер приходит к его выявлению на основе четырёхчленной оппозиции: «Логическая форма – буквальное значение – значение высказывания (недифференцированное) – коммуникативный смысл» [Kiefer 1985], профилирование которой осуществляется только в свете антропоцентрического фактора.

Отличие иллокутивных концептов от других лингвокультурных концептов, под которыми в лингвистической литературе понимается совокупность вербализованных этнокультурных представлений, приводящая в речи при адресной направленности к достижению внеязыковой цели (Г.В. Кусов), заключается в наличии субъективной оценки, инициируемой

РА. Ее наличие является результатом использования говорящим в РА иллокутивного концепта в перформативном прочтении [Кусов 2004].

Тем самым, перформативное прочтение иллокутивного концепта в речи предполагает наличие в сознании говорящего субъективной оценки соответствующей коммуникативной ситуации и решение о совершении им РА с заданной иллокутивной силой.

Несмотря на то, что в лингвистической литературе достаточно широко представлены результаты изучения пропозиционального содержания предложения/высказывания и текста/дискурса, до сих пор не освещено понятие фрейма РА и его связь с акторечевым значением.

Практика использования лингвистами фреймового анализа для исследования пропозиционального содержания дискурса опирается при этом, как упоминалось ранее, на графическое представление фрейма в виде сети, состоящей из узлов (вершинного и базового терминалов) и связей между ними. В структуре фрейма выделяются главные (инвариантные, предопределяющие конвенциональность языковой единицы) и мотивирующие (терминальные) компоненты (узлы, слоты).

Концептуальное содержание узлов фрейма описывается языковедами с опорой на концептуальный анализ вербальных единиц с привлечением широкого культурологического контекста, который учитывается посредством анализа словарных статей толковых словарей, энциклопедий и справочников, а также экстралингвистических культурологических и страноведческих знаний и примеров функционирования в дискурсе соотносимых с фреймом вербальных единиц). В этом отношении фреймовый анализ является разновидностью концептуального анализа и «ключом доступа» к описанию концепта.

Однако потенциал фреймового анализа практически не используется, на наш взгляд, при анализе речевых актов, в частности, для описания процессов концептуализации речевой ситуации и когнитивных механизмов,

лежащих в основе формирования и языковой объективации иллокутивной структуры речевых актов в различных языках.

В современной лингвистической литературе можно найти лишь отдельные работы по фреймовому анализу РА. В одних исследованиях демонстрируется идея фреймовой структуры типа РА в естественном языке как содержательной основы всех возможных вариантов вербализации речевых действий определенного типа [Konerding 1996], в других анализируются способы вербализации фрейма РА языке и речи как типового [Маринин 1996; Рябков 2008] или видового [Сыркина 2004] конвенционального сценария общения.

Анализируя результаты указанных и других исследований, посвященных фреймовому анализу речевых актов, становится очевидным, что фрейм РА рассматривается учеными только как структурированный концепт вербализованного знания носителей конкретного языка о типизированной ситуации речевого взаимодействия.

Однако, исходя из двухуровневого представления фрейма РА и перформативных свойств РА, раскрытие его иллокутивной составляющей требует обращения, прежде всего, к фреймам речевых актов в динамичном представлении.

Данные классификационные фреймы, отражающие знания о нормах речевого поведения коммуникантов в конкретном языковом сообществе, составляют основу для осуществления речевого акта и реализации говорящим коммуникативной интенции и пропозиционального содержания РА посредством языковых значений. Разработка положений фреймового анализа речевых актов, прежде всего, ИСРА, позволит получить доступ к процессам концептуализации референтной ситуации речевого взаимодействия в языковом сознании носителей различных языков.

Осмысляя имеющийся на сегодняшний день в лингвистике опыт фреймового анализа разноуровневых единиц языка и речи, можно сказать, что он позволяет вплотную подойти к освещению проблемы соотношения

фрейма и значения не только в отношении лексического, грамматического и прагматического значения единицы языка и речи, но и в отношении иллокутивного значения РА, в корне отличающегося, как было показано ранее, от других типов значений.

3.3. Лингвокогнитивная природа фрейма

Одним из важных аспектов понятийной сферы фрейма, как показывает анализ, является изоморфность его структуры структуре соотносимого с ним значения. Данный факт представляется очень значимым для последующих выводов о сущностной природе фрейма в аспекте лингвистических исследований.

Опираясь на понимание онтологии фрейма в концепциях основоположников теории фреймов в лингвистике, в частности, на представление фрейма как принципа репрезентации концепта в работах [Andor 1985; Gruber 1985; Hudson 1986; Найсер 1981], отметим, что отличие фрейма от других типов когнитивных феноменов (например, понятия, образа и т.п.) заключается в том, фрейм представляет «смысловой каркас будущего высказывания» [Найсер 1981; Алимуратов 2004].

Согласно данному представлению, любая когнитивный феномен, являясь результатом речемыслительной деятельности человека и, проходя вследствие интенционального импульса субъекта РА процесс вербализации, предстаёт на доязыковом этапе в виде фрейма как смыслового каркаса, совокупности компонентов смысла будущего РА. Объемное ментальное пространство «подготавливается» таким образом к процессу вербальной репрезентации через линейную одномерную вербальную структуру.

Обратный процесс «наблюдается в случае декодирования речи, когда одномерная вербальная сущность активирует в сознании реципиента соответствующий фрейм» [Никонова 2007: 130-131].

Структурирование многомерного ментального пространства, подлежащего вербализации, посредством выделения в его недрах смысловых

«сгустков», формирующих смысловой каркас речевого акта, осуществляется благодаря «атомарной» структуре фрейма.

Выделение «смысловых «сгустков» вербализуемого смысла можно сравнить с процессом выделения неких минимальных концептуальных составляющих, подобных атомам. Их совокупность образует некую «атомарную решетку», смысловой каркас вербализуемой концептуальной области - фрейм, являющийся набором задаваемых референтной ситуацией типовых признаков, т.е. того, что отличает в сознании носителя языка представление именно этой ситуации или конкретного денотата от другой/другого, и который закрепляется в сознании как опыт концептуализации определенной референтной ситуации (отражения именно этого отрезка реальной действительности) через соотношение с определенной единицей языкового тезауруса» [Там же].

Фрейм выступает в этой связи уникальным лингвокогнитивным феноменом, посредством которого осуществляется процесс вербализации смысла в языке.

«Выступая принципом (способом) репрезентации ментального пространства при его вербализации, фрейм позволяет «состыковать» когнитивную и вербальную области посредством сопряжения компонентов смысла с соответствующими компонентами значения, позволяя смыслу как идеальному многомерному феномену «перетекать» в компоненты значения вербальной единицы или структуры и получать материальное выражение посредством языка» [Никонова 2007: 130-131].

Сформулированный тезис можно проиллюстрировать следующей схемой соотношения идеальной когнитивной и материальной языковой сущностей (Схема 5).

«Левая часть схемы представляет собой многомерное идеальное ментальное пространство, подлежащее вербализации, правая часть – одномерную линейную единицу языка/речи» [Там же].

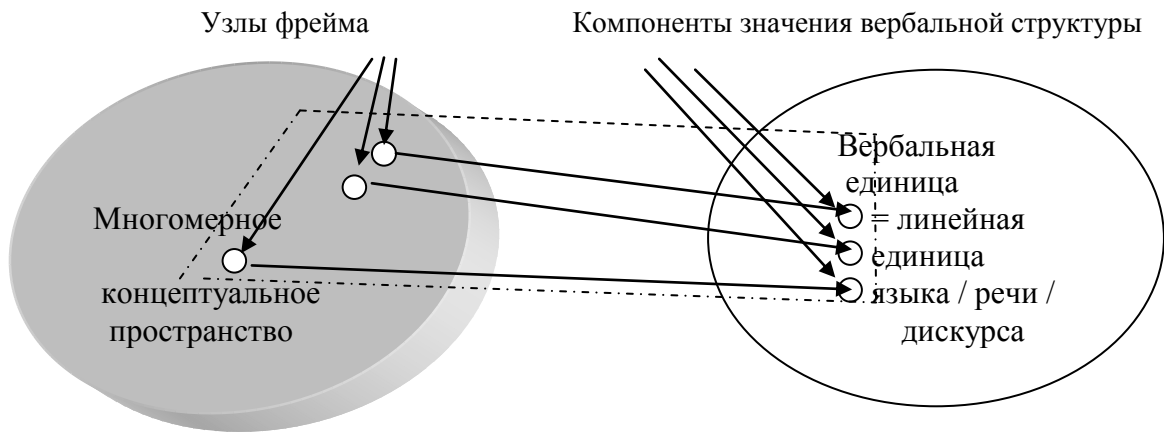

Схема 5. Соотношение компонентов фрейма и компонентов значения

Достаточно четко на схеме прослеживается тот факт, что «объем и содержание когнитивной области фокусируются во фрейме как смысловом каркасе будущего высказывания (фрейм обозначен пунктиром как принцип вербальной репрезентации когнитивной области)» [Никонова 2007: 131].

«При этом общий смысл многомерной объёмной единицы сознания, подлежащий вербализации, «овеществляется» в слотах (узлах) фрейма, являющимся, в свою очередь, опосредованной структурой, «мостиком», который даёт возможность соединить когнитивный и языковой уровни посредством сопряжения узлов фрейма с компонентами значения соотносимой с ним вербальной единицы. Под вербальной единицей в данном случае понимается не только отдельное слово, но и единицы других уровней, способных выразить заданное концептуальное содержание на уровне значения» [Там же].

Обобщая изложенное, представим уточненное определение фрейма, фокусирующее внимание на его онтологических свойствах, релевантных для лингвистических исследований:

Фрейм, выступая принципом (способом) репрезентации опытного когнитивного знания человека, соединяет в процессе порождения речевого акта когнитивную и вербальную области посредством сопряжения компонентов концептуального содержания с соответствующими компонентами значения вербальной единицы,

актуализирующей соотносимый с нею фрейм в сознании коммуникантов - носителей языка.

«Данный принцип вербализации когнитивной информации является универсальным, независимым от языка, поскольку опирается на определенные закономерности процессов мышления и речепорождения. Однако способ выражения компонентов плана содержания посредством вербальных структур происходит в каждом языке по-разному¹» [Никонова 2007: 133].

«Будучи закрепленным в языковом тезаурусе за соотносимой с ним языковой единицей или структурой, фрейм является частью упорядоченной системы опыта отражения сознанием реальной действительности. Упорядоченность данного отдельного опыта состоит в том, что выделенный фиксированный набор смысловых компонентов понятия или ситуации, отраженный, с одной стороны, в структуре фрейма и, с другой стороны, в компонентах семантической структуры вербальной единицы, признается прагматически релевантным со стороны носителей языка именно тем, что является принадлежащим к сфере языка, а, значит, - обладает конвенциональной природой. Стереотипная ситуация предстает здесь не как шаблонная ситуация (или не только как таковая), а, прежде всего, как **ФИКСИРОВАННЫЙ НАБОР** предопределяющих её смысловых компонентов (узлов, или слотов, фрейма)» [Никонова 2007: 133].

В основе данного тезиса лежит мысль «о том, что номинация в конкретном языке происходит по закону языковой конвенции, и вербальную оболочку в конкретном языке получают только прагматически значимые для носителей языка смыслы, которые в этом плане являются стереотипными представлениями о некотором явлении окружающей действительности. Стереотипность представления отражена при этом в фиксированном наборе семантических компонентов в структуре вербальной единицы, составляющим тот содержательный инвариант, который позволяет значению

¹ Более подробно данные тезисы раскрываются в работе [Никонова 2006].

быть опознанным реципиентом в акте коммуникации. Это касается разных типов значения» [Там же].

Благодаря своей «атомарной» структуре, фреймы, соотносящиеся с разными типами значения, способны, таким образом, выступать когнитивными образованиями различной сложности, образуя «молекулы» вербализуемого смысла, отдельные «атомы» которой (слоты) соотносятся с компонентами соответствующего значения вербальной единицы. Учитывая количество и сложную схему пересечения и взаимодействия лексических, грамматических и прагматических значений, выражаемых в РА, можно представить себе всю сложность фреймовой структуры вербализуемого в РА смысла, стоящей за языковыми единицами. Эта структура связана, в свою очередь, с другими «атомами» концептуального пространства, приходящими в движение в последующем акте коммуникации и образующими новые комбинации когнитивных компонентов для осуществления когниции и её последующей вербализации. Наиболее частотные комбинации отдельных компонентов концептуального содержания (фреймы), которые используются говорящим в повседневном общении, фиксируются в соотносимых с ними языковых значениях.

Фреймы, соотносящиеся с лексическими и прагматическими значениями, отличаются, как правило, более высокой степенью прецедентности. Стереотипность набора узлов фрейма в этой связи не предопределяет стереотипность когнитивного пространства, наполняющего фрейм (здесь имеется в виду объем фрейма как объем вербализуемой части концепта).

«Образуюсь как «окно» будущей материализации определенного ментального пространства посредством языка, фрейм неотделим от той когнитивной области, в недрах которой выделились эти смысловые «сгустки». При этом он действительно выступает типом концепта, предназначенным для схематизации и структуризации смысла с целью его вербального воплощения. Однако концептуальный объем ментальной

единицы на основе одного и того же смыслового каркаса может быть заполнен носителем языка индивидуально, в зависимости от причин разнообразного характера: его когнитивных способностей, национальной, социальной принадлежности, темперамента, менталитета, ситуационной соотнесенности и т.п. Здесь фрейм соотносится в своём объеме с другими когнитивными феноменами – образами, представлениями и т.д.» [Никонова 2007: 133-134].

В этом заключается универсальность фрейма и его сущность как феномена, лежащего в основе конвенциональности языка, которая, в свою очередь предполагает активацию соответствующего фрейма посредством конкретной вербальной единицы или структуры разными и многими носителями конкретного языка в рамках определенной общности в целях коммуникации. Тем не менее процесс формирования фреймовых структур носит чисто индивидуальный характер. Этот факт доказывается в ряде психолингвистических исследований. В частности, М.Р. Проскураков, говоря о двух формах выражения мысли и существования концепта – «концептуальной (обобщенно-ненаглядной) и перцептуальной, утверждает, что у любого индивидуума каждое понятие сопряжено с личным субъективным представлением (ощутимым, воображаемым или слышимым) и напрямую или опосредованно ассоциируемым с предметом мысли. Совокупность таких представлений образует ментальную карту реальности каждого человека – сущностное целое личных принципов действия индивидуума, построенное на индивидуальном восприятии и опыте» [Проскураков 2000: 117-118; 196]. Понятие карты мира тесно соприкасается с понятием языковой картины мира, с тем основным отличием, что принципы проекции концепта эксплицируются не вовне (в логике языковой системы), но внутри в ментальном мире личности в гештальтах восприятия и мышления. Каждый носитель языка без труда может определить элементы своей картины мира. Например, когда Х думает о письменном столе, Х представляет вовсе не пересечение некоего множества письменных столов с

общими и типичными признаками, а вполне конкретный письменный стол, имеющий свою историю, которая является частью его личной истории. Он окружен в памяти X зрительными воспоминаниями о многих событиях. Все остальные столы существуют для X лишь как предметы, внешне похожие на этот письменный стол, а вовсе не предметы определенного вида, обладающие неким обобщенным набором существенных признаков. Это представление, по мнению М.Р. Проскурякова, свидетельствует, в частности, о том, что «доминирующей репрезентативной системой для X является визуальная, а понятие стола относится к числу значимых в ментальной картине мира X или является для него концептом. Языковая картина мира и карта мира соотносятся так же, как территория и географическая карта. Вовсе не все улицы и дома оказываются значимыми для нас, так же как и не все понятия в языковой картине мира имеют для нас ментальное содержание, оказываются концептами» [Проскуряков 2000: 197]¹.

Выдвинутое положение об изоморфности структуры значения и фрейма в отношении РА свидетельствует о том, что все компоненты концептуального пространства РА могут быть объективно обнаружены в семантико-грамматической форме дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА. При этом имеются ввиду компоненты акторечевого значения, соотносимые как с пропозициональным держанием, так и с иллокутивной семантикой РА.

Языковые средства, выполняющие при этом дейктическую функцию по отношению к различным аспектам иллокутивного акта, можно отнести к средствам иллокутивного дейксиса.

¹ Доказательства данных фактов приводятся, в частности, в исследованиях [Черняховская 1983], [Андрющенко 1983].

3.4. Иллокутивный дейксис: предпосылки к развитию теории

Современная лингвистическая наука подходит к рассмотрению языкового дейксиса с различных сторон. Традиционно содержание данного понятия включает «указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами» [ЛЭС 1990: 128].

Дейксис, как считают С. Андерсон и Э. Кинан, представляет собой один из способов референции – осуществляемую говорящим посредством языка операцию референции, в которой он использует свой РА в качестве точки отсчета (для всех дейктических категорий речевого акта) и идентифицирует референта(ов) [Anderson, Keenan 1985: 259-308]. Поэтому достаточно широкое распространение в лингвистической литературе получило также определение, согласно которому дейксис есть «указание на всё то, что может быть обозначено как непосредственно относящееся к акту речи» [Вольф 1974: 6]¹.

Согласно Н.Д. Арутюновой, сфера дейксиса включает в себя «указание на участников речевого акта (ролевой дейксис) – говорящего и адресата...; указание на предмет речи...; указание на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта (хронотопический дейксис)» [Арутюнова 1988: 128].

Описанию данных видов дейксиса на материале различных языков посвящены работы многих зарубежных и отечественных лингвистов (К. Бругман, К. Бюлер, Э. Бенвенист, О. Есперсен, Ч. Филлмор, Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева, А.М. Пешковский, О.Н. Селиверстова, Н.А. Сребрянская, И.А. Стернин, Р.О. Якобсон и др.).

В последнее десятилетие «языковой дейксис рассматривается языковедами также в связи со стратегиями построения речевого действия, когда говорящий осуществляет выбор вербальных средств, в том числе и

¹ В лингвистической литературе выделяются два вида дейксиса - анафора и собственно дейксис - в зависимости от того, производится ли в речевом акте указание на лингвистический контекст или на ситуацию акта речи (К. Бюлер, В.А. Виноградов, Е.М. Вольф, Е.В. Падучева и др.).

дейктических, таким образом, чтобы его речевое действие выполнило прагматическую установку. Анализ дейктических единиц в акте коммуникации раскрывает их речемыслительный и функционально-прагматический потенциал, обращая внимание на то, что осмысление дейктических координат формирует и упорядочивает в конкретном речевом акте иные знания о мире (С.Н. Курбакова, Н.А. Голубева и др.)» [Никонова 2013: 129-130].

Отправной точкой в рассмотрении дейктических единиц в свете антропоцентрического фактора могут служить постулаты о внутренней структуре РА.

В частности, С. Андерсон и Э. Кинан считают обязательным компонентом речевой ситуации, представленным в РА, иллокутивный акт (речевое действие) говорящего. Исходя из постулата о том, что в речевом произведении хотя бы один член дейктической категории указывает на соответствующий компонент речевой ситуации, будучи связным элементом между дейктическим центром речевого акта и его вербальным коррелятом, ученые акцентируют внимание на тесной связи, существующей между компонентами референтной ситуации, представляемой говорящим в речевом акте, и их дейктическими категориями. Данную связь они прослеживают через соотнесение с компонентами дейктического центра речевого акта и иллюстрируют свои наблюдения в виде следующей таблицы:

Компоненты речевой ситуации	Соответствующие компоненты дейктического центра речевого акта	Дейктическая категория
Ядро референтной ситуации	-----	-----
Партиципаны	«Я»	Категория лица
Место	«Здесь»	Пространственный дейксис
Время	«Сейчас»	Временной дейксис
Речевое действие (Способ осуществления речевого акта)/ Иллокутивный акт	«Так, таким образом»	Дейксис образа действия

Таблица 4. Соотношение компонентов речевой ситуации, дейктического центра речевого акта и их дейктических категорий.

Иллокутивный акт связывается при этом со способом его вербального воплощения. Описание данного компонента предлагается производить при помощи модального оператора «Как? Каким образом? – Так, таким образом» [Anderson, Keenan 1985: 259-308].

Анализ представленного соотношения компонентов речевой ситуации, дейктического центра РА и соответствующих им дейктических категорий дает основание полагать, что иллокутивный дейксис понимается шире, чем соотнесение речевого действия с категориальным планом модальности предложения-высказывания. Он именуется дейксисом образа действия и представлен как дейктическая категория РА, указывающая на иллокутивный акт говорящего во всей совокупности его характеристик, способом и результатом осуществления которого выступает вербальный коррелят РА.

Идея иллокутивного дейксиса представляется нам крайне важной и требующей своего дальнейшего развития, прежде всего, в целях установления компонентов модели концептуального плана содержания иллокутивного акта.

Общепринятым термином, который используется в настоящее время зарубежными и отечественными лингвистами для обозначения вербальных средств, указывающих или способных указывать на иллокутивную функцию предложения/высказывания, является термин «иллокутивный индикатор» (нем. *illokutive Indikatoren*, англ. *illocutionary force indicators*).

Однако зачастую в реальных коммуникативных ситуациях наблюдается асимметрия языкового знака и содержания, когда иллокутивный индикатор в поверхностной структуре РА указывает на один тип иллокутивной силы, а по факту осуществляется РА с иллокутивной силой другого типа. Данный факт является особенно распространенным в косвенных речевых актах, доля которых в естественной коммуникации достаточно высока.

На эти и другие вопросы, связанные с репрезентацией иллокутивной семантики РА в дискурсивном контексте, позволит дать ответ теория

иллокутивного дейксиса, фокусирующая внимание не только на речевом произведении как результате иллокутивного акта, но и на процессах формирования и реализации говорящим заданной иллокутивной силы посредством РА.

Разноуровневые средства иллокутивного дейксиса, выявляемые в дискурсе, открывают доступ к плану содержания иллокутивной составляющей РА и обнаружению её универсальных смысловых компонентов, облигаторно представленных в любом речевом произведении, выступающим вербальным коррелятом РА.

Очевидно, что значения, выполняющие дейктическую функцию по отношению к иллокутивному компоненту РА, будут соотноситься с фреймовыми структурами особого типа.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Предпосылки изучения иллокутивного дейксиса в когнитивном аспекте определяются исследованиями в области механизмов формирования иллокутивного значения речевого акта, демонстрирующего не, что сказано, а что *сделано* говорящим в дискурсе. Будучи в корне отличным от других типов значения, значение иллокутивного акта как симультанной составляющей РА неизбежно требует при его рассмотрении обращения к концептуальной системе индивида как познающего и деятельного субъекта в процессе совершения им осмысленного целенаправленного речевого действия в конкретной коокоммуникативной ситуации.

Лингвистический анализ иллокутивной семантики РА представляет на сегодняшний день крупную проблему теоретического и практического плана в силу асимметрии плана содержания и плана выражения ИСРА, её гетерогенного характера и высокой ситуативной обусловленности. Это усложняется высоким уровнем проблематики исследования значения РА и терминологической размытостью исследуемого феномена.

Исследования иллокутивного значения РА показывают, что фокусирование внимания при анализе иллокутивной семантики РА на одном из компонентов иллокутивной силы (в частности, на иллокутивной цели или интенсивности реализации иллокутивной силы) не исчерпывает иллокутивного потенциала высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА. Результаты научного и практического описания иллокутивного значения в рамках имеющихся в современной науке о языке перформативного, функционального и деятельностного подходов неизбежно указывают на необходимость интерпретации фоновых знаний коммуникантов, непосредственно задействованных в процессах формирования и декодирования значения РА.

2. Осмысление проблемы определения и лингвистического анализа ИСРА в свете процессов концептуализации и категоризации позволяет

рассматривать в качестве таковой дейктическую составляющую иллокутивного акта в совокупности смысловых компонентов, облигаторно представленных в любом речевом произведении, выступающем вербальным коррелятом РА, и актуализируемых в речи посредством различных языковых средств.

Наличие в системе языка, а также в поверхностной структуре высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА, вербальных и невербальных средств, имеющих дейктическую функцию по отношению к различным компонентам плана содержания иллокутивного акта, свидетельствует о дейктиках особого рода – иллокутивном дейксисе.

Теоретической основой для разработки концепции иллокутивного дейксиса выступают теория дейксиса в языке и когнитивная теория прагматики.

Онтологические свойства иллокутивного дейксиса позволяют «получить доступ» к концептуальному содержанию РА в его статичном и динамичном представлении.

3. Иллокутивный акт, заключающийся в реализации заданной говорящим иллокутивной силы по отношению к определенному пропозициональному содержанию для достижения желаемого перлокутивного эффекта, имеет конвенциональную природу, согласно которой иллокутивная цель РА всегда открыта к распознаванию.

Целевая установка РА непосредственно связана с типом иллокутивной силы (сил), реализуемой говорящим. Согласно семантической теории иллокутивных актов, существуют типы иллокутивных сил, несводимых друг к другу: репрезентативная, директивная, комиссивная, экспрессивная, декларативная.

В смысловой структуре РА всегда присутствуют компоненты, которые указывают на вид/тип и характеристики реализуемой говорящим иллокутивной силы. Наряду с иллокутивной целью, которая может совпадать или не совпадать с прагматической целью РА, основными компонентами

иллокутивной силы также выступают способ и степень интенсивности достижения иллокутивной цели.

Благодаря качествам направленности и переносимости иллокутивная сила концентрируется в семантическом фокусе РА и реализуется через вербальный коррелят РА (высказывание, текст/дискурс) как совокупность ноэмогенной, консенсогенной и оказиокреативной сил, предопределяющих коммуникативные свойства РА – персональность, интеракциональность и перлокутивность.

Как и всякая векторная величина, иллокутивная сила РА непосредственно связана с его производителем – говорящим. От него зависит выбор «точки приложения» силы (перлокутивного эффекта РА), придание ей определенного направления (интенции) для достижения иллокутивной цели и выбор модуля/носителя силы, который представлен совокупностью разноуровневых средств языка, способных передать содержание и интенсивность заданной говорящим иллокутивной силы. Немаловажным фактором осуществления силы выступает также среда (речевая ситуация), в которой данная сила производится. Она может способствовать или препятствовать осуществлению говорящим заданной им силы. Следовательно, учет субъектом иллокутивного акта факторов среды и его способности и возможности реализовать заданную иллокутивную силу посредством РА в конкретных условиях непосредственно влияет на её меру реализации и, как следствие, – на успешность РА, в целом.

Вербальная репрезентация иллокутивной силы по отношению к некоторому пропозициональному содержанию осуществляется в РА с опорой на иллокутивные знания коммуникантов и обеспечивается социокультурными, языковыми и речевыми конвенциями, действующими в той или иной лингвокультуре.

Теория речевых актов, семантическая теория иллокутивных актов и психолингвистическая теория речевой деятельности служат базой для рассмотрения процессов формирования и осуществления иллокутивного

акта, прежде всего, того факта, что при его реализации в дискурсе происходит перенос сказываемого на сказанное (плана содержания РА на план выражения РА). Данный факт фокусирует внимание на активной деятельности говорящего не только по осмыслению и интерпретации текущей коммуникативной ситуации, но и по её преобразованию посредством РА с заданной иллокутивной силой. В основе осмысленной целенаправленной деятельности индивида всегда лежит решение, предполагающее желаемый эффект и способ его достижения. Это, в свою очередь, определяет качество и интенсивность прилагаемой для этого силы и необходимый инструмент (способ), каковым в РА выступает высказывание/дискурс.

4. Исследования когнитивных механизмов образования значения иллокутивных актов показывают, что вербальный коррелят РА представляет собой структурированный концепт как отражение в языковом сознании говорящего категоризованного и субкатегоризованного, упорядоченного представления референтной ситуации общения.

В момент осмысления и осуществления РА картина мира говорящего становится оппозитивной картине мира языкового сообщества, к которому он принадлежит. Формирование концептуального пространства РА в сознании говорящего и выделение концептуальных смыслов, подлежащих вербализации, происходит на пересечении двух миров – мира говорящего и окружающего его мира.

5. Выявление и описание концептуального пространства ИСРА возможно на современном этапе развития науки о языке методами когнитивного анализа, позволяющими получить доступ к уровню смысла, лежащего в основе вербализации иллокутивного акта.

Современной методологией исследования семантического пространства языка и структур знаний признается фреймовая семантика, позволяющая моделировать принципы отражения и структурирования человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, а также способы

активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации. Возможности метода фреймового моделирования полностью отвечают потребностям современной теории иллокутивных актов в решении проблемы лингвистического анализа ИСРА, связанной с описанием процессов обеспечения понимания иллокутивных актов в условиях полигональности и гетерогенности РА.

Рассмотрение речемыслительных процессов формирования РА сквозь призму теории фреймов приводит к выводу, что при вербализации РА познающий и действующий субъект оперирует не только выделенным концептом, но и его окружением, что позволяет говорить о фрейме РА как о когнитивной ситуативной модели значения иллокутивного акта.

6. Обобщение результатов анализа имеющихся в современной лингвистической литературе дефиниций фрейма позволяет сформулировать уточненное рабочее определение фрейма, согласно которому фрейм, являясь принципом (способом) репрезентации опытного когнитивного знания человека, соединяет в процессе вербализации когнитивную и вербальную области, сопрягая компоненты плана содержания с соответствующими компонентами значения единицы языка/речи, актуализирующей соотносимый с нею фрейм в сознании носителей языка.

Описанный принцип вербализации когнитивной информации является общим, независимо от языка, поскольку опирается на определенные закономерности речемыслительных процессов.

Фрейм РА как структурированный многомерный концепт должен рассматриваться в координатах заданных измерений. В частности, произвольная или непроизвольная реакция на речевую ситуацию формирует психолингвистическое измерение РА. Осмысление говорящим своего места и роли в акте коммуникации, произвольный или непроизвольный выбор говорящим типа РА и стиля речи отсылает коммуникантов к социокультурному измерению РА. Прагматическая цель РА задает его прагматическое измерение. Выбор говорящим дискурсивной стратегии и

формирование когнитивной модели РА для реализации заданной коммуникативной интенции посредством языка указывает на грамматическое измерение РА. Взаимопересечение всех измерений РА и большое разнообразие задействуемых говорящим когнитивных механизмов формирования интенционального смысла в процессе осуществления речевого акта позволяет передавать субъекту РА бесконечно возможное количество смыслов в рамках общего интегрированного единства.

7. Фрейм, выступая принципом (способом) репрезентации вербализуемого смысла через соотнесенную с ним в языковом тезаурусе единицу или структуру, является частью упорядоченной системы отражения реальной действительности в языковом сознании носителей языка.

Упорядоченность данного отдельного опыта фиксируется в языковом сознании носителей языка определенным стереотипным набором смысловых компонентов понятия или ситуации, отраженным, с одной стороны, в структуре фрейма, и, с другой стороны, в компонентах значения соотносимой с фреймом единицы языка/речи. Стереотипная ситуация предстает в данном случае не только как шаблонная ситуация, а, прежде всего, как набор составляющих план её содержания смысловых компонентов, порядок и иерархичность сцепления которых в структуре фрейма являются для носителей языка релевантными, формирующими конвенциональную основу РА.

8. Фреймы речевых актов могут рассматриваться в двух аспектах – в статичном, как кванты структурированного знания о стереотипных ситуациях и участниках речевого взаимодействия, соотносимые с иллокутивным значением языковых единиц, и в динамичном, как кванты структурированного знания о моделях организации языковых значений, лежащие в основе вербализации РА.

Объективируемый в компонентах акторечевого значения дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА, фрейм речевого акта репрезентирует содержание когнитивных процессов его создателя, отражая

относительно стабильное состояние динамичной когнитивно-концептуальной системы говорящего как носителя языка и языковой личности. Продукт развертывания динамичного фрейма речевого акта – дискурс – есть в своём результативном аспекте статичная фреймовая структура, отражающая во всей своей сложности и переплетении результат действия динамичного фрейма РА.

9. Фрейм речевого акта как совокупность концептуальных смыслов, лежащих в основе его осуществления и вербализации, имеет, в отличие от других типов языковых фреймов, бинарную структуру.

Ядерные компоненты фрейма речевого акта выступают его вершинными терминалами, которые соотносятся в языке с одноименными категориальными признаками «иллокуция» и «пропозиция». Уровневая детерминация фрейма, осуществляемая говорящим как выделение прагматически значимых смыслов РА в рамках каждого ядерного компонента, предполагает выбор субъектом РА языковых единиц, компоненты значения которых соответствуют заданным компонентам смысла РА, и уточнение их категориальных характеристик.

Значение РА всегда отлично от значения языковых единиц и рассматривается во взаимодействии с его иллокутивной силой.

10. Фреймовая структура ИСРА включает компоненты плана содержания иллокутивного акта, облигаторно представленные в высказывании / дискурсе, выступающем вербальным коррелятом речевого акта, и актуализирующиеся в речи посредством различных средств иллокутивного дейксиса.

Сформулированные теоретические основания исследования плана содержания ИСРА, с одной стороны, и анализ эмпирического материала, направленный на выявление компонентов плана содержания РА с опорой на разноуровневые средства иллокутивного дейксиса, дают возможность построить прототипическую фреймовую модель ИСРА как совокупность

универсальных смысловых компонентов, облигаторно представленных в любом речевом произведении, выступающем вербальным коррелятом РА.

11. В теоретическом основании фреймового анализа ИСРА лежит понятие когниции. Принципиально важным в данном понятии является аспект познания и преобразования мира говорящим посредством акта речи, который указывает на неразрывную связь когниции с языком (бытийно, генетически, функционально).

Фреймовый анализ ИСРА позволяет установить связь между значениями вербальных единиц и ментальных компонентов когниции и, тем самым, – вербальные результаты когнитивных процессов в сознании говорящего как познающего и деятельного субъекта, лежащих в основе формирования и вербализации иллокутивного значения РА.

Анализ языковых средств, имеющих дейктическую функцию по отношению к концептуальным смыслам ИСРА, позволяет выявить особенности концептуализации речевой ситуации и закономерности отображения когнитивных операций говорящего в различных квантах дискурса, ограниченных реализацией заданного акторечевого значения.

ГЛАВА 2. ИЛЛОКУТИВНЫЙ ДЕЙКСИС В ПАРАДИГМАТИКЕ И СИНТАГМАТИКЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

2.1. Компоненты плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта в свете теории фреймов и их дейктические проекции в парадигматике и синтагматике немецкого языка

Исследование когнитивных основ иллокутивного дейксиса показывает тесную взаимообусловленность компонентов концептуального содержания РА и их дейктических проекций в парадигматической и синтагматической системах языка.

Данный факт положим в основу типологизации средств иллокутивного дейксиса и построения прототипической фреймовой модели ИСРА, предполагающего, что каждому вершинному и терминальному компоненту фреймовой структуры соответствует определенный набор концептуальных признаков, определяющих концептуальное содержание ИСРА. Набор данных концептуальных признаков должен определять, что делает говорящий посредством речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА.

Фреймовую модель плана содержания ИСРА на материале современного немецкого языка представим в трех ракурсах – с точки зрения фреймовой структуры типовых иллокуций в языке, плана содержания ИСРА в статичном (сетевом) представлении, а также плана содержания ИСРА в динамичном представлении.

Исходя из теоретических оснований моделирования плана содержания ИСРА в свете теории фреймов, представленных в первой главе настоящего исследования, построение фреймовой модели плана содержания ИСРА будем осуществлять в соответствии с онтологическими свойствами иллокутивного дейксиса и положениями о фрейме РА в статичном и динамичном представлении.

Для анализа будем привлекать примеры реализации различных иллокутивных актов из авторитетной корпусной базы данных современного немецкого языка Института немецкого языка г. Маннгейм (COSMAS II IDS Mannheim), а также произведений современной немецкоязычной художественной, публицистической литературы, научной прозы.

Основной эмпирической базой исследования является выборка текстовых фрагментов разговорной речи, моделированной авторами художественных произведений – носителями немецкого языка – с учетом закономерностей речевого общения.

Обращение к литературным текстам позволяет рассмотреть предмет исследования в разных коммуникативно-прагматических пространствах. Герои произведений играют разные социальные и коммуникативные роли, их общение протекает в различных ситуациях. Кроме того, художественные тексты как письменный источник практического материала настоящего исследования дают возможность объективно интерпретировать текстовые фрагменты благодаря наличию экспликаторов иллокутивной силы РА в словах автора и словах самих героев произведения, детерминирующих содержание иллокутивной силы произведенного ими ранее РА. Такой подход к выборке практического материала позволяет, на наш взгляд, избежать субъективности при анализе примеров.

2.1.1. Структура фреймов типовых иллокуций в языке.

Дейксис типовых иллокуций в немецком языке

Фреймы типовых иллокуций (иллокутивные фреймы) описываются в лингвистической литературе при помощи перформативных глаголов – номинаторов видов и типов речевых актов. И это не является случайным. Концептуальные схемы различных стереотипных речевых ситуаций объективированы в языке набором семантических ролей актантов соответствующего перформативного глагола, являющегося системно

закрепленным в лексиконе многих языков средством, объективирующим квант структурированного знания в сознании носителей языка о стереотипной ситуации речевого взаимодействия.

Исходя из доказанного в лингвистике постулата о том, что семантические роли являются примитивами, не подверженными дальнейшему анализу, который мог бы выявить их внутреннюю структуру [Dowty 1979; Fillmore 1971; Jackendoff 1983 и др.], их набор и семантико-синтаксический интерфейс, зафиксированный в валентной структуре перформатива-номинатора РА, непосредственно отражают в языке конфигурацию инвариантных компонентов речевой ситуации, лежащей в основе иллокутивного значения определенного типа. Следовательно, анализ семантико-синтаксического интерфейса перформативов-номинаторов речевых актов может стать основой для выявления вершинных слотов фреймовой структуры различных иллокутивных концептов в конкретном языке.

В первой главе исследования подчеркивалось, что фреймовая семантика стереотипных иллокуций как совокупности представлений в сознании носителей языка о параметрах типовых РА, стратегиях и тактиках его реализации в дискурсе, объективируется в языке не только с помощью перформативных (иллокутивных) глаголов, но и других языковых средств, имеющих системно закрепленное иллокутивное значение: лексических (перформативные глаголы, существительные – девербативы перформативных глаголов, морфологические формы глагольного императива), фразеологических (прагматические клише) и грамматических (типы предложений по цели высказывания, функциональные типы текстов и пр.), просодических (просодические модели реализации типовых иллокуций и пр.).

Тем самым способность языка выражать основные типы иллокутивных сил закреплена не только в лексиконе, но и в грамматиконе и прагматиконе языка. Выражение типовых коммуникативных интенций связано в каждом

языке, прежде всего, с определенными коммуникативными типами предложений. Рассматривая значения этих типов предложений по цели высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные, восклицательные), можно утверждать, что они активируют в языковом сознании носителей языка конвенциональные фреймы иллокутивных действий определенного вида, соотносимых с конкретными прагматическими значениями, которые, в свою очередь, могут совпадать или не совпадать в конкретном РА со значением его иллокутивной функции.

Однако до настоящего времени прямого соответствия данных грамматических типов предложений выражаемому ими прагматическому значению в немецком языке не установлено [Duden 1989; Lexikon der germanistischen Linguistik; Sachwörterbuch zur Sprachwissenschaft]. Как правило, отмечаются лишь определенные закономерности [Dölling: 21-22], поскольку один и тот же тип иллокуции может передаваться в РА разными типами предложений, например:

Ausdruck eines Befehls:

Komm sofort her! (Imperativsatz)

Ich befehle dir, sofort herzukommen. (Deklarativsatz)

Ach, wenn du doch herkommen würdest! (Optativsatz)

Wirst du endlich herkommen? (Interrogativsatz)

И, напротив, один и тот же коммуникативный тип предложений может передавать в немецком языке разные прагматические значения. Например, повествовательные предложения способны выполнять в акте коммуникации следующие иллокутивные функции:

Karl ist durch die Prüfung gefallen. (Behauptung)

Ich verspreche, morgen zu kommen. (Versprechen)

Ich taufe dich auf den Namen Gustav. (Taufe)

Sie werden gebeten, das Rauchen einzustellen. (Bitte)

Очевидно, что соотношение в конкретном РА грамматических типов с выражаемыми ими в актах коммуникации иллокутивными значениями имеет

конвенциональный характер и регулируется прагматическими конвенциями: выражение говорящим акторечевого значения должно быть открыто для опознавания собеседником, т.к. это является залогом успешности РА.

Анализ языковых фактов свидетельствует о том, что субкатегориальный план иллокуции задается в РА самой речевой ситуацией. Одно и то же иллокутивное значение по отношению к одной и той же пропозиции может быть выражено совсем иначе при смене всего лишь одного частного параметра РА – отношения к собеседнику.

В частности, на поступившее приглашение пойти на следующий день в кино, могут быть даны совсем разные ответы:

Einladung, ins Kino zu gehen, ablehnen

Ach, das tut mir leid, nein.

Du, hör mal, an dem Tag kann ich nicht so gut.

Tut mir leid, ich habe bereits eine Einladung.

Also tut mir leid, ich hab' da fest zugesagt, das kann ich nicht mehr absagen.

Laß mich in Ruh.

В поверхностной структуре каждого из приведенных РА присутствуют языковые средства, указывающие на такой компонент речевой ситуации, как отношение к собеседнику, и составляющие модальный план высказывания. Отношение к собеседнику детерминируется, в свою очередь, другими компонентами акторечевого значения, указывающими на концептуальное содержание РА – взаимоотношения участников акта коммуникации, время и место речевой ситуации, наличие других участников речевой ситуации и т.д. Всё это отражается на стиле и форме речевого произведения, которая является отправной точкой при выявлении акторечевого значения и компонентов фрейма РА.

Действие основных когнитивных механизмов, осуществляемых говорящим при формировании концептуального содержания иллокутивной составляющей вербализуемого РА, представим в виде схемы в Приложении № 3. На схеме показано, что актуализация потенциальной иллокуции

осуществляется в РА на основе совпадения в концептуальном пространстве говорящего детерминирующих иллокутивную составляющую концептуальных признаков статичного и динамичного фреймов РА (на схеме данный процесс показан жирной пунктирной линией). Посредством когнитивных механизмов «сопоставление»/«сравнение» происходит «наложение» на текущую ситуацию кванта опытного знания субъекта РА о стереотипных речевых актах и потенциальных вербальных реализациях их иллокутивной составляющей в подобных (типичных) ситуациях, составляющих базу иллокутивных знаний и лингвопрагматического опыта говорящего (кванта концептуального пространства субъекта РА, его памяти).

Сопоставление говорящим когнитивных признаков потенциальной и актуальной речевых ситуаций осуществляется посредством совмещения в сознании говорящего структурных компонентов и концептуального объема иллокутивного ядра статичного и динамичного фреймов РА. Говорящий рассматривает текущую коммуникативную ситуацию сквозь призму своего прагматического опыта, обнаруживая в ней условия для реализации текущего речевого акта, типовые признаки и возможные способы вербальной репрезентации которого удовлетворяют интенциональному состоянию говорящего в актуальный момент его коммуникативной деятельности:

«Я» \longleftrightarrow «эмитент»,

«здесь» \longleftrightarrow «место акта коммуникации»,

«сейчас» \longleftrightarrow «время речевого акта»,

«актуальная иллокуция» \longleftrightarrow «потенциальная иллокуция»,

«пропозиция» \longleftrightarrow «предмет речевого акта»,

«реципиент в актуальной речевой ситуации» \longleftrightarrow «реципиент в потенциальной речевой ситуации».

При этом категориальный план иллокуции актуального РА формируется в сознании говорящего в непосредственной взаимосвязи с

процессами концептуализации¹ речевой ситуации, обусловленными внешними и внутренними параметрами РА (прежде всего, соотношением (осознанной) прагматической и заданной иллокутивной цели РА, характерными для субъекта РА ментальными стереотипами и иллокутивными знаниями (максимы речевого общения, речевые и языковые конвенции, возможные способы вербальных репрезентаций типовых иллокуций посредством разноуровневых языковых единиц)).

Детерминация иллокуции осуществляется в языковом сознании говорящего посредством когнитивного механизма профилирования, т.е. навязывания профиля какому-либо основанию, выделения из этого основания отдельного элемента. Данный процесс, связанный с выделением характеристик окружающего мира, актуальных для человека в определенный момент [Болдырев, Дубовицкая 2006: 56], является особенно характерным для иллокутивного акта. Учитывая, что конкретный РА всегда производится с иллокутивной силой определенного типа, а не с некой «усредненной» недифференцированной иллокуцией, профилирование является необходимым этапом формирования концептуального содержания речевого акта. При этом профилирование иллокуции может быть простым, когда говорящий совершает РА с заданной иллокутивной силой определенного типа (репрезентативной, директивной, комиссивной, экспрессивной или декларативной), не детерминируя его типовые характеристики, или двойным (вторичным), при котором точкой отсчета профилирования является не все основание, а некоторые профили. В этом случае в речевом акте выражены типовые характеристики иллокуции, например, иллокуция приказа или просьбы в директивном РА, иллокуция возмущения или сочувствия в экспрессивном РА и т.п.

Формирование плана содержания синкретичного РА с иллокутивными силами двух и более видов осуществляется на основе механизма

¹ Одним из базовых когнитивных механизмов здесь выступает перспективизация как выделение некоторого объекта из множества других объектов по субъективным причинам.

концептуальной интеграции, позволяющем объединять исходные ментальные пространства на основе общих элементов (признаков коммуникативной ситуации, указывающих на возможность и необходимость совершения речевого акта с заданной иллокутивной силой) и формировать производное концептуальное пространство как новый, сложный концепт (например, приказ-предостережение, вопрос-просьба и пр.).

Принятию говорящим решения о совершении РА с заданной иллокутивной силой предшествует осознанное или неосознанное определение им прообраза перлокутивного эффекта, которого он желает достичь посредством осуществляемого им РА. Типичные сочетания компонентов речевой ситуации и взаимосвязи между ними, наиболее характерные для различных актов коммуникации и прагматически значимые для носителей языка, закрепляются в языке, прежде всего, в системном значении языковых единиц, каковыми являются в европейских языках перформативные глаголы. При этом компоненты значения и семантические роли перформативного глагола-номинатора типа речевого акта соотносятся с концептуальными смыслами фрейма вербализуемого РА с соответствующей иллокутивной силой.

Первые представляют собой когнитивную схему (фрейм) иллокутивного акта как типичной ситуации речевого взаимодействия в языковом сознании носителей языка, которую можно представить в виде взаимообусловленной связи говорящего, участников и компонентов речевой ситуации. В частности, на рисунке 1 представлено соотношение компонентов когнитивной схемы потенциальной иллокуции *danken* (благодарить) в немецком языке, представленной в виде семантических ролей перформатива-номинатора типа иллокутивного акта (благодарить → Кто? Кого? За что? Когда? В какой ситуации? Каким образом?), и вершинных компонентов фрейма вербализуемого речевого акта подобного типа, формирующих его дейктический центр в сознании субъекта иллокутивного акта. Осмысление признаков коммуникативной ситуации и решение о реализации в заданных

условиях РА с иллокутивной силой «благодарить» осуществляется говорящим непосредственно с опорой на фоновые знания об одноименной типовой иллокуции путем отсылки в иллокутивным знаниям о времени, месте, уместности, пропозициональном содержании, способах и возможных условиях вербальной репрезентации иллокутивного акта благодарности в немецкой лингвокультуре и сопоставления их когнитивных признаков с признаками текущей речевой ситуации. Как бы «накладываясь» на концептуальные смыслы текущей речевой ситуации, когнитивные признаки типовой иллокуции совмещаются с компонентами дейктического центра иллокутивной составляющей актуального РА (Рисунок 1):

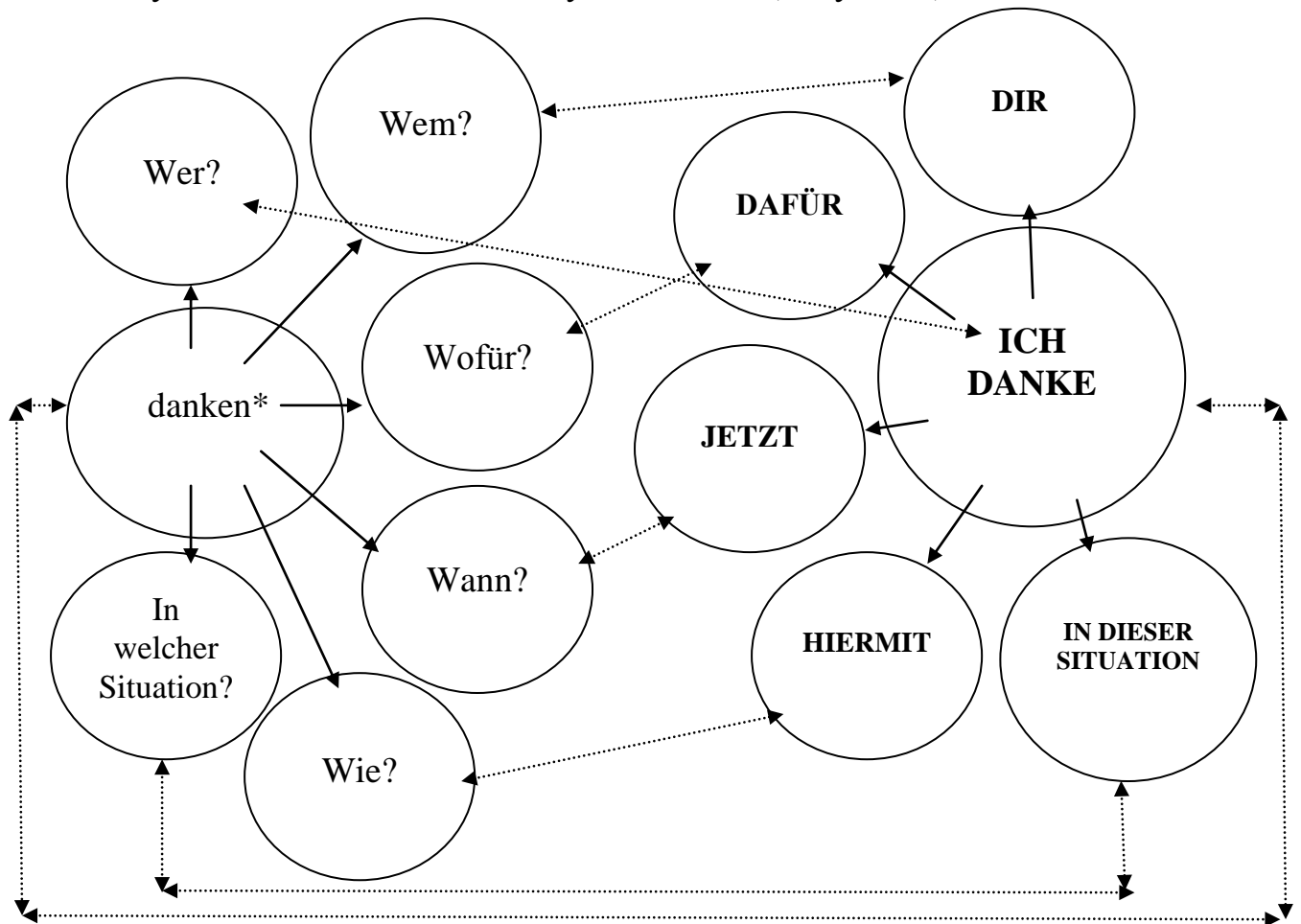

Рисунок 1. Соотношение семантических ролей перформатива-номинатора вида/типа иллокутивного акта и компонентов фрейма вербализуемого речевого акта

Концептуальное содержание слотов фреймов типовых иллокутивных актов, как подчеркивалось ранее, включает всю прагматически важную информацию о признаках коммуникативной ситуации, в которых

совершается РА, и позволяет говорящему адекватно ориентироваться в различных коммуникативных ситуациях и использовать имеющийся в его распоряжении лингвокультурный опыт реализации речевых актов в собственных прагматических целях [Евтушенко 2006].

Совокупность компонентов значения перформатива-номинатора вида/типа иллокутивного акта в языке формирует иллокутивную семантику РА данного типа, а совокупность всех возможных вербальных реализаций РА данного типа в конкретной лингвокультуре, соотносящихся с перформативом-номинатором вида/типа РА в его глубинной структуре, – его иллокутивный потенциал.

Соответственно, фреймовая структура типовой иллокуции в языке представлена концептуальными смыслами, соотносящимися с компонентами значения перформатива-номинатора вида/типа иллокутивного акта в языке и его семантическими ролями.

Подчеркнем еще раз тот тезис, который был развернут в первой главе исследования, – между понятиями «перформатив» и «перформатив – номинатор вида/типа речевого акта» есть существенная разница. В первом случае перформативный глагол обозначает вид/тип речевого акта, но в конкретном РА может не являться экспликатором его иллокутивной силы, во втором случае – он служит номинатором вида/типа РА при его реализации в дискурсе, будучи представленным в поверхностной и/или глубинной структуре РА.

Данный факт послужил основанием исследования парадигматической организации перформативов-номинаторов вида/типа иллокутивного акта в современном немецком языке, результаты которого подробно изложены в более ранних работах [Никонова 2006], [Никонова 2007], [Никонова 2010].

Остановимся на тех аспектах данного вопроса, которые представляются релевантными для целей и задач настоящего исследования.

2.1.2. Парадигматическая организация перформативов-номинаторов иллокутивных актов в современном немецком языке

Семантическая структура глагола представляет собой, как правило, многоуровневое образование, каждый из уровней которого связан с его коммуникативной функцией – способностью глагола как языкового знака обозначать или номинировать в процессе вербализации РА определенный речевой акт (локутивный, иллокутивный или перлокутивный) (см. [Никонова 1995а; 1995б]).

В зависимости от обозначаемого/номинаруемого речевого акта глаголы в языке делятся на событийные (обозначающие/номинарующие локутивный акт) и перформативные (обозначающие/номинарующие иллокутивный/перлокутивный акт).

Поскольку большинство глаголов современного немецкого языка «многозначны и могут заключать в себе потенции номинации различных действий, многие из них способны посредством своих отдельных лексико-семантических вариантов обозначать /номинировать два и более локутивных акта (например, *kommen, gehen, geben, erfüllen, lindern, bringen, schicken* и мн.др.), два и более иллокутивных акта (например, *sprechen, widersagen, präsentieren, zeugen, orakeln* и мн. другие), два и более перлокутивных акта (например, *erklären, erläutern, hinweisen, laden, anreizen, abreden* и мн.др.), иллокутивный (один и более) и локутивный (один и более) акт (например, *pikieren, raffeln, ventilieren, verbreiten* и мн. др.), перлокутивный (один и более) и локутивный (один и более) акт (например, *abpressen, prellen, niederlegen, umkriegen, veranlassen* и мн.др.), иллокутивный (один и более) и перлокутивный (один и более) акт (например, *schimpfen, schreien, zitieren, absprechen, hindeuten* и др.)» [Никонова 2007: 116-126].

В этой связи следует подчеркнуть, что «устоявшееся в грамматической традиции мнение о том, что переходность и непереходность глаголов служит только целям структурно-семантической классификации глаголов, не

исчерпывает всех функциональных особенностей этих глаголов. Такая группировка глаголов служит, как показывает проведенный анализ перформативных глаголов в немецком языке, также для различения типа иллокутивного акта по наличию/отсутствию перлокутивного эффекта [Там же].

Например, интранзитивный лексико-семантический вариант инфинитива *schimpfen* (ругаться, браниться) номинирует иллокутивный акт, а его транзитивный лексико-семантический вариант (ругать, бранить кого-л.) – перлокутивный акт.

В зависимости от коммуникативной функции, или «роли» [Brandt 1992], которую «призван сыграть перформативный глагол в речевом акте (то есть, обозначает ли он локутивный, перлокутивный или иллокутивный акт или служит его номинатором в поверхностной и/ или глубинной структуре), реализуется часть его функционального потенциала» [Никонова 1995а: 14].

Как подчеркивалось в первой главе работы, анализ языковых фактов показывает, что не все глаголы, называемые перформативными, способны выступать номинаторами вида/типа иллокутивного акта в его глубинной структуре. В частности, таковыми нельзя признать перформативные глаголы, причисляемые лингвистами к глаголам «иллокутивного самоубийства», и перформативные глаголы, имеющие коннотативные значения.

Например, перформативный глагол *quatschen* (болтать ерунду) функционирует в немецком языке только в нарративном режиме:

(36) *Pocher: Bei mir läuft's völlig anders – ich habe zwei Gäste pro Sendung. Und ich quatsche nicht nur, sondern mache auch Quatsch mit meinen Gästen und dem Publikum, jeder darf seinen Teil zur Sendung beitragen* [Focus-online 02.10.2009]

В приведенном примере говорящий рассказывает о своей деятельности, описывая особенности своей работы как ведущего телепередачи, когда он не только болтает (по его выражению) разную ерунду, но и «делает эту ерунду» с гостями телепередачи и публикой – каждый должен вносить свою лепту. В

анализируемом РА, иллокутивный тип которого, исходя из анализа глубинной структуры, можно обозначить как (*seine Tätigkeit*) *beschreiben*, говорящий использует перформативный глагол *quatschen* не для номинации совершаемого им иллокутивного акта, но для описания своих обычных иллокутивных актов в качестве телеведущего.

С целью проследить уровни категоризации иллокуции в немецком языке и тот факт, каким образом система немецкого языка фиксирует уровни детерминации иллокуции в языковом сознании носителей немецкого языка, был проведен анализ парадигматической организации перформативов-номинаторов вида/типа иллокутивного акта в немецком языке.

В качестве практического материала использовались перформативные глаголы, отобранные на основе сплошной выборки примеров из толковых словарей современного немецкого языка [Deutsches Wörterbuch; Duden Deutsches Universalwörterbuch]. Основанием для выборки словарной единицы послужило наличие в её семантической структуре категориальной семы, указывающей на её способность выступать номинатором иллокутивного акта, т.е. быть употребленным в качестве семантического фокуса перформативной матрицы „*Ich (tue sprachlich) jetzt hiermit...*“ (Я здесь и сейчас (выполняю речевое действие))“.

Детерминация категоризации иллокуции в немецком языке прослеживалась индуктивным методом.

Все отобранные перформативы (более 3000 глагольных единиц) были разделены на две основные группы: глаголы, не имеющие сему перлокутивного эффекта (иллокутивные глаголы), и глаголы, имеющие сему перлокутивного эффекта (перлокутивные глаголы).

Перлокутивные глаголы традиционно трактуются как глаголы, обозначающие воздействия на чувства, мысли и поступки реципиента путем речевого высказывания [Conrad 1988: 176]. Однако, по мнению некоторых лингвистов, данное толкование не дает их четкого отграничения от иллокутивных глаголов, так как в смысловой структуре перлокутивного

глагола заложено значение перлокутивного эффекта, что может служить критерием для разграничения иллокутивных и перлокутивных глаголов [Eyer 1987: 9].

П. Айер, рассматривая, например, немецкие глаголы *fragen* и *erfragen*, которые традиционно трактуются в немецкой традиции теории речевых актов как иллокутивные, считает, что смысловая структура этих глаголов явно различна. Глагол *erfragen* имеет значение «расспросить», то есть задать вопросы и получить на них ответы. Глагол *fragen*, напротив, предвосхищает получение или неполучение ответа. Таким образом, в смысловой структуре инфинитива *erfragen* заложено значение перлокутивного эффекта [Там же: 9]. То же самое можно сказать и о глаголах *reden - überreden, betteln – erbetteln, zeugen – überzeugen* и т.д. И те, и другие глаголы номинируют тип речевого акта, но отличаются наличием или отсутствием в своей смысловой структуре семы перлокутивного эффекта, значит, номинировать они будут всё-таки разные аспекты интенсивности иллокутивного акта по отношению к его перлокутивному эффекту.

Соответственно, исходя из наличия или отсутствия в своей семантической структуре семы перлокутивного эффекта, все перформативные глаголы, а, точнее их лексико-семантические варианты, номинирующие тип речевого акта, были разделены в процессе исследования дейктических проекций уровней категориального плана иллокуции в парадигматике немецкого языка на иллокутивные и перлокутивные.

Практическая сторона данного анализа основывалась на идее П.Айера, согласно которой перлокутивный эффект РА может быть в большинстве случаев эксплицирован посредством формулы „*Tun und Versuch*“ (действие и попытка действия).

Следующие глаголы, например, четко распределяются на основании этой формулы на две группы:

Tun	Versuch
<i>erfragen</i>	<i>fragen (Versuch zu erfragen)</i>

<i>erbetteln</i>	<i>betteln (Versuch zu erbetteln)</i>
<i>erbitten</i>	<i>bitten</i>
<i>überreden</i>	<i>reden</i>
<i>schimpfen</i>	<i>beschimpfen</i>
<i>nennen</i>	<i>benennen usw. [Eyer 1987].</i>

По аналогии другие перформативы, имеющие или неимеющие соотнесение с близкой по семантике иллокутивной/перлокутивной глагольной лексемой, также можно разделить на:

Иллокутивные глаголы: *äußern* (высказать, выразить), *reden* (говорить, произносить речь), *melden* (сообщать, уведомлять), *merken* (замечать, примечать), *erwähnen* (упоминать, замечать), *zeugen* (свидетельствовать, давать показания), *feststellen* (констатировать, утверждать), *nennen* (называть, давать имя), *scherzen* (шутить), *prahlen* (хвалиться, хвастаться), *schimpfen* (браниться) и мн. др.

Перлокутивные глаголы: *befehlen* (приказывать), *beruhigen* (успокаивать, усмирять), *beschämen* (стыдить, срамить), *beweisen* (доказывать, аргументировать), *erbitten* (упрашивать, выпрашивать), *kränken* (оскорблять, обижать), *lehren* (учить, поучать), *überzeugen* (убеждать) и мн. др. (подробнее см. [Никонова 2007: 240-243]).

Тем самым в результате первого этапа анализа были выявлены две подгруппы перформативов с категориальным признаком «наличие/отсутствие выраженного перлокутивного эффекта», который непосредственным образом влияет на способность перформатива обозначать интенсивность реализации говорящим в РА иллокутивной силы.

На дальнейшем этапе анализ перформативных глаголов, а точнее – каждого ЛСВ глагола, проводился в зависимости от их способности детерминировать субкатегориальный план иллокуции в парадигматике современного немецкого языка. На основе семасиологического анализа устанавливались ЛСВ перформативов, находящиеся в привативных оппозициях. Рассмотрение лексико-семантических групп глаголов как

привативных оппозиций¹ отражает особенность организации языковых знаков в свете динамичного фрейма РА, так как простое разбиение их на лексико-семантические группы не дает представление о пространственной структуре динамичного фрейма категоризации иллокуции в парадигматике современного немецкого языка. Гиперо-гипонимическая группа не адекватна синонимической группе, т.к. в синонимические группы включаются слова, «несовпадающими семантическими признаками которых являются только такие признаки, которые могут устойчиво нейтрализовываться в определенных позициях» [Смолина 1973: 29]. Однако, при описании семантического сходства и различия инфинитивов как языковых знаков эти два термина (ЛСГ и привативные оппозиции) являются синонимичными.

Исследование показало, что выделенные на втором этапе анализа привативные оппозиции структурируют перформативы, имеющие инвариантное значение. На основе семасиологического анализа корпуса инфинитивов в каждой лексико-семантической группе (ЛСГ) была выделена доминанта², в значении которой отсутствуют дифференциальные семантические компоненты и имеется только один различительный иллокутивный признак РА, являющийся общим для всей группы значений.

Критериями при определении доминант лексико-семантических групп перформативов гипонимического характера в настоящем исследовании послужили следующие «признаки:

1. Доминанта обладает свойством выражать нечто общее и существенное для характеристики данной ЛСГ (в частности, тип иллокуции) и выступает как инвариантная единица, отличающаяся более общим объемом значения и меньшим лексическим содержанием. В силу этих особенностей доминанта дает название ЛСГ, образуя её семантическую вершину.

2. Семы как основные компоненты лексического значения доминант выступают лингвистической репрезентацией вершинных и терминальных

¹ см., например, [Злобин 1993].

² Используемые термины семасиологического анализа предложены в трудах [Бланар 1971], [Богданов 1977], [Шмелев 1973] и др.

узлов динамического фрейма категоризации иллокуции, «овеществляя» их концептуальное содержание в языке.

Доминанта выступает парадигматическим субститутом¹ всех конstituентов лексико-семантической группы» [Палевская 1967: 94-104].

Как показал анализ, доминанта не является при этом равноправным членом ЛСГ, а занимает положение «на ступеньку» выше и выступает в качестве гиперонима по отношению к другим составляющим группы (гипонимам), представляя собой более абстрактную языковую единицу, которая может заменить другие единицы данного синонимического ряда при выражении типа иллокуции, но не наоборот.

Например, лексико-семантическую группу «*melden*» структурируют глаголы *anmelden* (заявлять, уведомлять), *referieren* (докладывать, делать доклад, реферировать), *reportieren* (сообщать, отчитываться), *abmelden* (отменять, откреплять), *abstatten* (отчитываться, давать официальный отчет), *ankündigen* (извещать, уведомлять, возвещать, объявлять), *kommunizieren* (сообщать).

Анализ значений данных перформативов показывает, что «инвариантным для всех глаголов этой ЛСГ является значение «*zur Kenntnis bringen*», т.е. значение перформатива *melden*, являющегося в данном случае гиперонимом и номинатором типа иллокутивного акта. Другие перформативы (гипонимы) имеют в своей смысловой структуре, наряду с основным набором сем типа иллокутивного акта, различные дифференцирующие семантические компоненты, характеризующие особенности обозначаемого иллокутивного акта «сообщать» (*anmelden* – *melden/ankündigen*, *abstatten* – *melden/offiziell, aus Pflichterfüllung*, *referieren* – *melden/zusammenfassend über etwas berichten*, *reportieren* – *über etw. melden/berichten*, *abmelden* – *den Weggang ordnungsgemäß melden*, *ankündigen* – *melden/ in Aussicht stellen, jemanden wissen lassen*, *kommunizieren* – *melden/mitteilen*) [Никонова 2010: 81-83]. Все эти глаголы «обозначают один и тот же

¹ См., например, [Седова 1992: 27].

тип иллокуции и в этом плане могут быть заменены без изменения общего значения гиперонимом *melden*. Однако, гипонимы, напротив, не могут заменить гипероним, так как являются языковыми единицами, выражающими лишь какой-либо аспект иллокутивного действия. Поэтому, например, гипонимы *abmelden*, *reportieren*, *referieren* не могут заменить гипероним *melden*, не нарушая общего направления категориальной детерминации иллокуции в немецком языке. То же самое можно сказать и о взаимозаменяемости гипонимов рассматриваемой ЛСГ. Сравнивая их значения, можно убедиться, что *abstatten* – это не *kommunizieren*, *anmelden* – не *referieren*, *reportieren* – не *ankündigen* и т.д. Однако, всё это – обозначение одного типа иллокуции – *melden*, поэтому именно этот перформатив и является гиперонимом группы, который как бы «вбирает», включает в себя последующие детерминативные компоненты значения иллокуции в значениях перформативов – членов ЛСГ» [Там же]. Это можно проследить и на примере других ЛСГ перформативов со значением:

1) «обещать» – *versprechen* (гипероним);

zusichern, *ankündigen*, *versichern*, *beschwören*, *schwören*, *garantieren*, *bürgen*, *einstehen*, *gewährleisten*, *haften* – гипонимы, обозначающие различную степень протекания иллокутивного акта типа «обещать».

2) «наставлять» – *anweisen* (гипероним);

перформативы (вернее, их отдельные ЛСВ) *anleiten*, *ermahnen*, *angeben*, *institulieren* обозначают различный характер протекания иллокутивного действия, а глагол *belehren*, имея аналогичное другим перформативам этой группы инвариантное значение гиперонима, обладает и эмоционально-экспрессивным значением.

3) различное эмоционально-экспрессивное значение имеют перформативы *schönfarben* (приукрашивать), *fabulieren* (придумывать), *dichten*, *hinzudichten* (сочинять), *breitretten* (раздувать), *aufbinden*, *aufschneiden*, *aufbauschen* (приукрашивать, врать, рассказывать небылицы), *anlügen*, *belügen*, *erlügen* (оболгать) в лексико-семантической группе глаголов

с иллокутивным инвариантным значением «лгать», гиперонимом которой является инфинитив *lügen*.

То же самое можно сказать и о группах инфинитивов со значением:

1) «хвастаться» – гипероним *prahlen* включает в себя значение гипонимов *bravieren, sich dicktun, sich großmachen, bramarbasieren, sich herausstreichen, renommiere, sich affen, sich ausplaudern, aufschneiden, sich auf tun, (sich) brüsten, quackeln, anmaßen*;

2) «хвалить» – гипероним *loben* включает в себя значение гипонимов *belob(ig)en, herausstreichen, ausloben, anloben, anpreisen, anrühmen, lobpreisen, preisen, nachrühmen*;

3) «утверждать» – гипероним *behaupten* включает в себя значение гипонимов *bestehen, insistieren, beharren, bestärken, bekräftigen, konfirmieren, sich kapizieren, sich hineigen*.

Подобным образом можно рассмотреть и другие ЛСГ перформативов, например:

1) «дразнить» с гиперонимом *hänseln* и гипонимами *bespötteln, toppen, trotzeln, necken, reizen, aufziehen, ätschen*;

2) «успокаивать» с гиперонимом *beruhigen* и гипонимами *bezähmen, beschwichtigen, bändigen, kalmieren, befriedigen, begünstigen, besänftigen, einlullen, einsingen, lullen*;

3) «доносить» с гиперонимом *denunsieren* и гипонимами *angeben, anpetzen, antragen, anzeigen, ausschmieren, hinterbringen, petzen, querulieren*.

Так как в каждой ЛСГ значение каждого перформатива (вернее, у многозначных глаголов – одного из его ЛСВ) представляет собой значение того или иного иллокутивного акта, а значение гиперонима включает в себя значение всех гипонимов ЛСГ, то можно утверждать, что гиперонимы, выделенные в каждой группе, определяют тип РА, или являются его номинатором.

Таким образом, объединение вербальных единиц, соотносящихся с конечными терминалами динамического фрейма категоризации иллокуции, в

привативные оппозиции в сфере двух групп с категориальным признаком «наличие/отсутствие выраженного перлокутивного эффекта» и выделение гиперонима со значением типа иллокутивного акта¹ позволило определить более абстрактные лексические единицы, номинирующие субфреймы 2 порядка в сфере фрейма с категориальным значением «иллокуция».

Тем самым количество терминальных узлов, соотносящихся с компонентами значения лексической единицы в свете динамического фрейма категоризации иллокуции в немецком языке, уменьшается на один порядок при переходе на более высокий уровень парадигматической организации перформативов. При этом, как показывают результаты практического анализа, наибольшая часть перформативных глаголов остается за пределами дальнейшего рассмотрения.

Номинаторы типа РА оказываются в этой связи перформативными глаголами, имеющими в своей семантической структуре только те компоненты значения, которые показывают характер осуществления иллокутивного акта. Коннотативные компоненты значения остаются присущими при этом только тем перформативным глаголам, которые предназначены в языке лишь для его обозначения и функционируют в дискурсе в нарративном режиме.

Очевидно, что наличие коннотативных компонентов в структуре значения перформативного глагола является одним из критериев разграничения «полных» и «неполных» перформативов, т.е. тех, которые способны выступать номинаторами РА в глубинной структуре его вербального коррелята, и тех, которые могут появляться только в поверхностной структуре РА в нарративном употреблении.

Примечательными здесь в плане лингвокультурной специфики номинации иллокутивных актов в немецком языке являются два факта.

¹ Примеры основных лексико-семантических групп глаголов – номинаторов типов РА с выделенной доминантой приведены в Приложении 4.

Первый заключается в том, что некоторые обозначения иллокутивных актов получают в немецком языке наиболее разнообразную лексическую репрезентацию с широким спектром коннотативных значений. Это, как правило, перформативы, обозначающие различные аспекты бытового межличностного речевого взаимодействия, например:

Schimpfen: *beschimpfen* (обругать), *anschreien* (накричать), *anfahen* (наезжать на кого-л., выражать претензии), *anwüten* (яростно обрушиваться на кого-л.), *ausgeifern* (говорить с яростью, в исступлении, изрыгать проклятия), *abkanzeln* (отчитывать, бранить), *heruntermachen* (отчитывать, распекать, в т.ч. с унижением), *herunterputzen* (отчитывать, разносить кого-л.), *schelten* (ругать, распекать, устроить нагоняй), *angeifern* (злобно ругать), *anherrschen* (накричать), *andonnern* (громко кричать), *anpfeifen* (отчитать, наехать на кого-л.), *anschnauzen* (наорать), *ausschmieren* (изругать кого-л.), *auszanken* (выбранить, отругать), *schmähen* (поносить, хулить, браниться), *schnauzen* (говорить грубо, браниться, кричать), *anschnauzen* (грубо кричать, наорать), *beschmähen* (бранить, поносить), *schlechtmachen* (оговаривать, чернить, поносить).

Spotten: *bespotten* (насмехаться, издеваться, высмеивать), *bespötn* (подсмеиваться, подтрунивать), *ausspotten* (высмеять), *auslachen* (высмеивать, засмеять), *foppen* (дразнить, дурачить, подкалывать кого-л.), *sticheln* (язвить, говорить колкости), *anpflaumen* (высмеивать, подтрунивать, дразнить), *necken* (дразнить, поддразнивать, подтрунивать, подкалывать), *hänseln* (поднимать на смех, дразнить), *bewitzeln* (шутить, подшучивать, высмеивать), *veralbern* (дурачить, разыгрывать, высмеивать), *hochnehmen* (высмеивать, дразнить, обманывать).

Ermuntern: *anfeuern* (подбадривать, воодушевлять), *anfrischen* (подбадривать, поощрять), *auffordern* (призывать), *aufmuntern* (ободрять, веселить, подбадривать), *beflügeln* (воодушевлять, окрылять), *bekräftigen* (заверять), *begeistern* (воодушевлять, вдохновлять, увлекать), *anpeitschen* (подгонять, подстегивать), *aufriitteln* (будоражить), *aktivieren*

(активизировать), *anregen* (стимулировать, давать толчок, вдохновлять), *anreizen* (подстрекать, соблазнять, подзадоривать), *anspornen* (раззадоривать, побуждать), *anstacheln* (подстрекать, побуждать).

«Многие из них характеризуются наличием в структуре их значения образных понятийных компонентов, демонстрирующих линвокультурную специфику концептуализации референтной ситуации общения в языковом сознании носителей немецкого языка и поэтому передаваемых средствами другого языка - в частности, русского – только через семантический эквивалент или доминанту той ЛСГ, в рамках которой он идентифицируется как перформативный глагол:

anschnauzen – mit groben Worten anfahren, schimpfen (ugs.)

наорать (фам.), накричать

(Schnauz – усатый человек, пинчер, нагоняй)

anpflaumen – jemanden verspotten, necken, hänseln, spotten (ugs.)

высмеивать, дразнить (фам.), подтрунивать

(Pflaume – слива / шпилька, колкость / недотёпа)

anstacheln – anfeuern, anspornen, ermuntern (ugs.)

побуждать, подхлестывать, подстрекать

(Stachel – жало, колючка, игла, острота (обиды))» [Никонова

2010: 83-85].

Установленные факты открывают большие перспективы для исследования в этом направлении, т.к. позволяют говорить о том, что значение большей части перформативных глаголов в немецком языке характеризуется образностью, непосредственно отражающей специфику номинации иллокутивных актов в языковом сознании носителей немецкого языка.

Второй факт, обращающий на себя внимание в плане линвокультурной специфики номинации иллокутивных актов в немецком языке, «касается некоторых типов иллокутивных актов, которые, по сравнению, например, с русским языком, не получают номинацию в

немецком языке, а, значит, не считаются прагматически значимыми для носителей немецкого языка» [Там же].

В частности, тип иллокутивного акта в русском языке «попрекать» соотносится по своей иллокутивной семантике в немецком языке только с глаголом *meckern* (*ugs., abwertend – an einer Sache etw. auszusetzen haben u. ärgerlich seiner Unzufriedenheit Ausdruck geben*), который функционирует только в нарративном режиме. Номинатором данного типа перформативности выступает в немецком языке глагол *vorwerfen*, соответствующий по семантике русскому глаголу «упрекать». Таким образом, иллокутивный акт «попрекать» не является для носителей немецкого языка смысловозначительным в плане субкатегоризации иллокуции, что свидетельствует о специфике концептуализации данного фрагмента реальной действительности в языковом сознании немцев и их отрицательном отношении к речевым актам такого иллокутивного типа.

И, напротив, в процессе исследования были отмечены иллокутивные типы РА, которые, по сравнению, например, с русским языком соотносятся в плане их номинации более чем с одним перформативным глаголом в качестве доминанты ЛГС. В частности, в ходе семасиологического анализа перформативных глаголов на втором этапе были выявлены ЛСГ, в которых обнаружены два перформатива, претендующих на роль доминанты и, следовательно, – номинатора типа РА, например: *gratulieren/beglückwünschen, ansprechen/sich wenden*.

Словарные дефиниции в различных источниках не дают в таких случаях достаточного основания для их разграничения:

gratulieren – *seine Glückwünsche aussprechen, Glück wünschen, beglückwünschen*;

beglückwünschen – *jemandem zu etwas gratulieren*;

ansprechen – *Worte an jemanden richten, mit jemandem ein Gespräch beginnen*;

sich wenden – *Worte, eine Frage, Bitte an jemanden richten*.

Лишь обращение к широкому культурологическому контексту и анализу концептуального содержания, стоящего за языковым знаком, позволило решить вопрос о том, какая из названных лексических единиц действительно является номинатором типа иллокутивной силы РА в конкретной ЛСГ (в первом случае – *gratulieren*, во втором – *sich wenden*)¹.

Очевидно, что ассиметричный характер номинации определенных иллокутивных сценариев речевого взаимодействия обусловлен, прежде всего, лингвокультурной спецификой их концептуализации в языковом сознании носителей немецкого языка. Наличие в парадигматике языка семантических дублетов свидетельствует о том, что какой-либо фрагмент референтной ситуации общения признается со стороны носителей языка особо значимым и подвергается дополнительной номинации, вскрыть причины которой без анализа плана содержания РА в свете его статичного и динамичного фрейма невозможно.

Последующие этапы семасиологического анализа перформативных глаголов-номинаторов типа иллокутивного акта подтверждают этот вывод. Напомним, что их распределение осуществлялось по их основным ЛСВ по двум группам в зависимости от наличия в их семантической структуре компонента с категориальным признаком «наличие/отсутствие выраженного перлокутивного эффекта».

На основании проведенного анализа в сфере той группы, в которую были отобраны перформативы с наличием в семантической структуре компонента с категориальным признаком «наличие выраженного перлокутивного эффекта», было выделено 140 перформативов-номинаторов типа иллокутивного акта с выраженным перлокутивным эффектом, т.е. с высокой степенью интенсивности реализации иллокутивной силы, например: *beweisen* (доказывать), *klären* (разъяснять), *erläutern* (растолковывать), *erklären* (объяснять), *erörtern* (разбирать), *besprechen* (обсуждать), *diskutieren* (дискутировать), *parlamentieren* (вести переговоры), *hinweisen* (указывать),

¹ Подробное обоснование представлено в работе [Никонова 2006].

anweisen (наставлять), *lehren* (учить), *informieren* (информировать),
instruieren (инструктировать), *mahnen* (предупреждать), *andeuten*
(намекать), *abhalten* (удерживать), *abbringen* (отговаривать), *abrat*
(отсоветовать), *anrechnen* (засчитывать), *aufzwingen* (навязывать), *überzeugen*
(убеждать), *nötigen* (вынуждать), *ablocken* (выманивать), *einreden* (внушать),
aufreden (уговаривать), *propagieren* (пропагандировать), *predigen*
(проповедывать), *konsultieren* (советоваться), *dingen* (торговаться), *klatschen*
(сплетничать), *examenieren* (экзаменовать), *beauftragen* (поручать), *bestellen*
(заказывать), *befürworten* (заступаться), *abjagen* (перебивать), *einladen*
(приглашать), *agitieren* (агитировать), *werben* (рекламировать), *beeilen*
(торопить), *hervorrufen* (вызывать), *herbeirufen* (призывать), *befehlen*
(приказывать), *auffordern* (побуждать), *fragen* (спрашивать), *befragen*
(опрашивать), *abbetteln* (выпрашивать), *freien* (сватать), *anstacheln*
(подстрекать), *aussiedeln* (выселять), *beurlauben* (давать отпуск), *befördern*
(повышать в должности), *kündigen* (увольнять), *erlauben* (разрешать),
lossprechen (освободить от чего-либо), *vorschreiben* (предписывать что-
либо), *kommandieren* (командировать), *festsetzen* (назначать), *benachrichtigen*
(уведомлять), *fordern* (требовать), *verbieten* (запрещать), *abschaffen*
(отменять), *einrechnen* (зачислять), *einstellen* (нанимать), *ausschließen*
(исключать), *rügen* (сделать выговор), *begnadigen* (помиловать), *beschließen*
(постановлять), *einstellen* (давать установку), *loben* (хвалить), *ehren*
(чествовать), *rühmen* (прославлять), *aufmuntern* (поощрять), *aufheitern*
(развеселить), *denunsieren* (доносить), *drohen* (угрожать), *ängstigen*
(запугивать), *quälen* (мучить), *ablassen* (отпускать грехи), *vorwerfen*
(упрекать), *beschämen* (стыдить), *tadeln* (порицать), *freisprechen*
(оправдывать), *aussöhnen* (примирять), *beruhigen* (успокаивать), *hänseln*
(дразнить), *spotten* (высмеивать), *jagen* (травить), *parodieren* (пародировать),
demütigen (унижать), *betrüben* (огорчать), *betrügen* (обманывать), *kritisieren*
(критиковать), *schmeicheln* (льстить), *anreden* (заговаривать с кем-либо),
beantworten (отвечать), *zustimmen* (соглашаться), *absprechen* (отрицать),

genehmigen (одобрять), *sich anschließen* (присоединяться), *parieren* (парировать), *sich widersetzen* (противиться), *protestieren* (протестовать), *erwidern* (возражать), *schimpfen* (ругать), *verleumden* (клеветать), *schmähen* (порочить), *zusammenreden* (наговаривать), *verdammen* (проклинать), *anprangern* (позорить), *gratulieren* (поздравлять), *begrüßen* (приветствовать), *danken* (благодарить), *entschuldigen* (извинять), *bemitleiden* (сочувствовать) и др.

В сфере той группы, в которую были включены перформативы с отсутствием в семантической структуре компонента с категориальным признаком «наличие выраженного перлокутивного эффекта», т.е. показателя интенсивности реализации иллокутивной силы, было выделено 98 перформативов-номинаторов типа иллокутивного акта, например: *aussprechen* (произносить), *flüstern* (шептать), *vorlesen* (читать вслух), *zählen* (считать), *rufen* (кричать), *enden* (закончить говорить), *üben* (разучивать), *vorsagen* (подсказывать), *nachsagen* (повторять), *fortführen* (продолжать говорить), *singen* (петь), *hexen* (колдовать), *hinzuzählen* (причислять), *analysieren* (анализировать), *charakterisieren* (характеризовать), *schlußfolgern* (делать выводы), *kommentieren* (комментировать), *deuten* (толковать), *annotieren* (аннотировать), *bewerten* (оценивать), *abkommen* (отходить от темы), *aufstellen* (выдвигать), *zeugen* (свидетельствовать), *unterstreichen* (подчеркивать), *meinen* (полагать), *merken* (замечать), *erwähnen* (упомянуть), *ergänzen* (дополнять), *behaupten* (утверждать), *feststellen* (констатировать), *nennen* (называть), *zitieren* (ссылаться), *füßen* (основываться), *adressieren* (адрессовать), *melden* (докладывать), *vorhersagen* (предсказывать), *erzählen* (рассказывать), *beschreiben* (описывать), *reden* (говорить), *zweifeln* (сомневаться), *bewundern* (восхищаться), *(sich) freuen* (радоваться), *scherzen* (шутить), *klagen* (жаловаться), *beweinen* (оплакивать), *prahlen* (хвастаться), *sich ärgern* (сердиться), *sich empören* (возмущаться), *brummen* (ворчать), *schimpfen* (ругаться), *empfehlen* (рекомендовать), *bieten/vorschlagen* (предлагать), *raten* (советовать), *versprechen* (обещать), *deklamieren*

(декламировать), *schwören* (давать клятву), *bekehren* (обращать в другую веру), *benedeihen* (благословлять), *einsegnen* (посвящать), *besprechen* (заговаривать (болезнь)), *betiteln* (титуловать), *reklamieren* (заявлять претензию), *ernennen* (возводить в сан), *entsagen* (отрекаться) и др. [Никонова 2007: 123-125].

Всем указанным номинаторам типа РА соответствуют в немецком языке определенные прагматические типы высказываний и текстов, например: *scherzen* – *Scherz*, *klagen* – *Klage*, *schlußfolgern* – *Schlußfolgerung*, *kommentieren* – *Kommentar*, *bewerten* – *Bewertung* и т.д.

Ситуация выбора номинатора типа РА и соотносимого с ним прагматического типа текста возникает языковом сознании говорящего каждый раз при осуществлении им РА. У носителя немецкого языка данный процесс протекает молниеносно ввиду того, что он основан на автоматизированном навыке оперирования имеющейся в его распоряжении базой языковых данных. Для людей, изучающих иностранный язык, процесс вербальной репрезентации смысла и интенции будущего высказывания требует зачастую немалых усилий со стороны эмитента, так как для успешности акта коммуникации он должен адекватно определить иллокутивный тип РА и соотнести его с прагматическим типом высказывания/дискурса, выступающим его вербальным коррелятом [Никонова 2007: 125].

Дальнейший семасиологический анализ перформативных глаголов в свете динамического фрейма категоризации иллокуции показал, что многие из описанных выше перформативов современного немецкого языка, соотносящихся с терминалами 2 порядка динамичной фрейма категоризации иллокуции в немецком языке, относятся к языковым знакам, обозначающим различную степень протекания одного и того же иллокутивного акта.

Например, номинаторы типов иллокутивных актов *sich ärgern*, *wüten*, *schimpfen* передают выражение различной степени недовольства; *sich freuen*, *jubeln* – выражение радости и так далее. Многие перформативы (у

многозначных – их отдельные ЛСВ), номинирующие типы иллокутивных актов, соотносящихся с субфреймами 2 порядка, сближаются на основе общего семантического знаменателя и образуют тем самым ЛСГ, соотносящиеся с субфреймами 3 порядка, например:

– в сфере группы с категориальным признаком «наличие выраженного перлокутивного эффекта»:

1) субфреймы 2 порядка с номинаторами *beurteilen, examinieren, rezensieren* группируются на основе инвариантного значения в субфрейм 3 порядка beurteilen;

2) *ängstigen, erpressen, quälen, drohen* – в субфрейм 3 порядка drohen;

3) *freisprechen, ablassen, vertrauen* – в freisprechen;

4) *vorwerfen, beschämen, tadeln* – в tadeln;

5) *beschuldigen, richten* – в beschuldigen;

6) *betrüben, schimpfen* – в schimpfen;

7) *kränken, hänseln, spotten, spötteln, jagen, narren, parodieren, demütigen* – в kränken;

8) *aussöhnen, beilegen, beruhigen* – в beruhigen;

9) *irreleiten, betrügen* – в betrügen;

10) *poussieren, liebeln, schmeicheln* – в schmeicheln;

11) *informieren, anweisen, instruktieren, gewöhnen, werben, predigen, lehren* – в informieren (в широком смысле слова);

12) *erörtern, beweisen, diskutieren, erläutern, klären, besprechen* – в besprechen;

13) *abhalten, abratens, ermahnen, mahnen* – в mahnen;

14) *einreden, aufreden, überzeugen* – в überzeugen;

15) *nötigen, erpressen, ablocken, aufzwingen, andrängen* – в nötigen;

16) *dingen, abdingen, verabreden* – в verabreden;

17) *fragen, befragen, abbetteln, berufen, abberufen, herbeirufen, bestellen, freien, laden, auffordern, bitten, befehlen* – в auffordern;

18) *beeilen, agitieren, mobilisieren* – в mobilisieren;

19) *beauftragen, entziehen, kündigen, beurlauben, aussiedeln, befördern, berechtigen, erlauben, lossprechen, ausschließen, benachrichtigen, einstellen, einrechnen, verbieten, rügen, begnadigen, beschließen, abschaffen, festsetzen, einstellen, fordern, kommandieren, vorschreiben* – в vorschreiben;

20) *verdammen, zusammenreden, schmähen, beilegen, kompromittieren* – в kompromittieren;

21) *loben, bewundern, rühmen, ehren* – в loben;

22) *absagen, abschaffen, leugnen, aufsetzen, protestieren, abtreten, dissentieren, entgegenen* – в entgegenen;

23) *zustimmen, genehmigen, eingestehen, sich anschließen* – в zustimmen;

24) *erwidern, parieren, beantworten* – в reagieren;

– в сфере группы с категориальным признаком «отсутствие выраженного перлокутивного эффекта»:

1) Субфреймы 2 порядка с номинаторами *bitten, ersuchen, betteln, ansuchen* группируются на основе инвариантного значения в субфрейм 3 порядка bitten;

2) *empfehlen, raten* – в raten;

3) *anbieten, vorschlagen, beantragen* – в bieten/vorschlagen;

4) *klagen, bereuen, sich abjammern, bedauern* – в klagen;

5) *scherzen, flachsen, pikieren, ironisieren* – в ironisieren;

6) *(sich) freuen, jubeln* – в (sich) freuen;

7) *revoltieren, (sich) empören, sich ärgern, aufbrausen, wüten, brummen, schimpfen* – в schimpfen;

8) *begründen, berichten, mitteilen, einschätzen, erläutern, vermuten, referieren, schildern, ankündigen, mitteilen, schlußfolgern, bewerten, differenzieren, gleichsetzen, beweisen, unterstreichen, hinzuzählen* – в asser(t)ieren

9) *aussprechen, flüstern, zählen, vorlesen, üben, vorsagen, nachsagen, fortführen, singen, schreien, hexen* – в aussprechen;

10) *analysieren, argumentieren, , annotieren, zeugen* – в analysieren;

11) *meinen, gedenken, merken, erwähnen, ergänzen, vorhersagen* – в meinen;

- 12) *behaupten, füßen, zitieren, feststellen* – в feststellen;
 13) *nennen, bestimmen, bezeichnen* – в bezeichnen;
 14) *geloben, beschwören, schwören* – в schwören;
 15) *nennen, betiteln, besprechen* – в nennen;
 16) *einweihen, deklamieren* – в deklamieren [Никонова 2007: 127-130].

Гиперонимичные лексические единицы, если они выступали номинаторами типа иллокутивного акта на 2 уровне, демонстрируют при этом в своей семантической структуре значение другого ЛСВ, являющегося более абстрактным по отношению к выражению типа РА. Выявленные на 3 уровне анализа перформативы уже не выступают номинаторами типа РА и прагматического типа текста, демонстрируя этапы детерминации иллокуции, если рассматривать субкатегориальный план основополагающей категории РА «сверху вниз». В частности, к таким глаголам в немецком языке относятся перформативные глаголы типа *asser(t)ieren*, которые указывают как подвид речевой деятельности именно на определенный этап категориальной детерминации иллокуции в парадигматике. Экспликация таких перформативов осуществляется в дискурсе только в нарративном режиме.

При анализе перформативов, объективирующих в немецком языке субфреймы 2 порядка в рамках динамического фрейма категоризации иллокуции, было также установлено, что некоторые инфинитивы (или некоторые их ЛСВ), номинирующие те или иные типы иллокутивных актов, не имеют инвариантного значения с другими инфинитивами – номинаторами типа иллокутивного акта, например: *adressieren, versprechen, erzählen, beschreiben*. Минуя третий уровень в иерархической структуре ЛСГ перформативов, объективирующих терминалы динамического фрейма категоризации иллокуции, они включаются в ЛСГ, соотносящиеся с субфреймом 4 порядка.

Все перформативы, объективирующие в парадигматике немецкого языка субфреймы 3 порядка, имеют, таким образом, более абстрактное для

каждого из них инвариантное значение вида иллокутивного акта. В соответствии с этим все они могут быть сформированы в группу, уровень категоризации иллокуции в семантике которых соотносится с субфреймами 4 порядка.

Перформативы-номинаторы РА, имеющие в своей семантической структуре инвариантные компоненты значения иллокуции, соответствующие субфреймам 4 порядка, обозначают тем самым вид речевого действия, например:

перформативы-номинаторы субфреймов 3 порядка *entgegen, zustimmen, reagieren* характеризуются тем, что имеют общее для каждого из них значение ответной реакции на слова собеседника (*die Gegenreaktion*) и образуют тем самым одноименный субфрейм 4 порядка;

перформативы *aufmuntern, drohen, freisprechen, tadeln, beschuldigen, schimpfen, kränken, beruhigen, betrügen, schmeicheln* как глаголы, обозначающие определенного рода воздействие на чувства реципиента, структурируют субфрейм 4 порядка „Beeinflußen der Gefühle“;

перформативы-номинаторы субфреймов 3 порядка *informieren, lehren, mahnen, überzeugen, nötigen, verabreden* образуют субфрейм 4 порядка „Beeinflußen der Gedanken“ на основе общего для них значения воздействия на мысли реципиента;

auffordern, vorschreiben, kompromittieren, loben – перформативы, характеризующиеся тем, что имеют инвариантное значение воздействия на поступки реципиента, и группируются на основе этого в субфрейм 4 порядка „Beeinflußen der Taten“.

Перформативы-номинаторы субфреймов 3 порядка *aussprechen, bezeichnen, reden, meinen, feststellen, repräsentieren, analysieren* имеют инвариантное значение выражения некоторого речевого действия, в соответствии с чем образуют с выделением доминанты субфрейм 4 порядка „Repräsentieren“;

перформативы, структурирующие субфреймы 3 порядка, *bitten, raten, bieten/vorschlagen* имеют инвариантное значение, указывающее на общие слоты фрейма 4 порядка, номинатором которого выступает перформатив *appellieren*;

klagen, ironisieren, (sich) freuen, (sich) grämen, schimpfen – перформативы, служащие для обозначения эмотивных иллокутивных актов, вследствие чего могут быть сформированы в группу с инвариантным значением „Gefühle äußern“, соответствующую субфрейму 4 порядка;

инвариантное значение выражения торжественного произнесения чего-либо объединяет инфинитивы-номинаторы субфреймов 3 порядка в ЛСГ с гиперонимом „*deklamieren*“, который соответствует субфрейму 4 порядка.

Особо нужно сказать о субфрейме 4 порядка с номинатором *versprechen*. Данный перформатив, будучи выделенным в качестве гиперонима в лексико-грамматической группе «обещать», является номинатором данного типа иллокутивного акта (соответствующем субфрейму 2 порядка). Не имея инвариантного значения с другими номинаторами типа иллокутивного акта, перформатив *versprechen* соотносится, минуя 3 порядок в иерархической структуре фрейма, с субфреймом 4 порядка – самым абстрактным среди всех субфреймов, обозначающем вид иллокутивного акта – интенцию эмитента по возложению на себя определенных обязательств посредством производимого РА.

Таким образом, перформативы- номинаторы вида/типа иллокутивного акта в немецком языке группируются в свете динамичного фрейма категоризации иллокуции на основе общего инвариантного значения иллокутивного акта. Установлены ЛСГ 4-го уровня со значениями «*Repräsentieren*» (выражение содержания некоторого факта), «*Äußern der Gefühle*» (выражение чувств), «*Auffordern*» (побуждение реципиента к совершению некоторого действия), «*Versprechen*» (выражение намерения взять на себя обязательство), «*Deklariieren*» (декларирование некоторого факта). При этом значение иллокуции, представленное в семантике глаголов

данного уровня, является максимально обобщенным по отношению к типам иллокутивных сил.

Тем не менее перформативы, соотносящиеся с субфреймами 4 порядка, также могут быть сгруппированы через доминанту каждой группы в субфреймы 5 порядка „Äußern“ и „Bewirken“. Данные номинаторы субфреймов 5 порядка, которые противопоставлены друг другу по наличию/отсутствию категориального значения выраженного перлокутивного эффекта, также имеют инвариантное значение иллокутивного акта, выражаемое в немецком языке лексемой *sprechen* (*schreiben*), которая может выступить номинатором суперфрейма «Иллокутивный акт».

Установленные принципы отношений между перформативами, объективирующими в парадигматике немецкого языка тот или иной субфрейм, основываются на инвариантных значениях перформативов и их семантических различиях. Это предопределяет распределение перформативов-номинаторов вида/типа речевого акта по горизонтальной и вертикальной осям иерархической структуры их парадигматической организации, соответствующим осям и терминалам динамического фрейма категоризации иллокуции в немецком языке.

Как элементы горизонтальной структуры, объективирующие уровни каждого терминала фрейма (или субфрейма), перформативы имеют в ней фиксированное положение. Устойчивость элементов на парадигматическом уровне – обязательное условие структуры, залог существования и успешного функционирования всей системы языка в целом, частью которого являются и рассматриваемые перформативы.

Как указывалось выше, многие анализируемые перформативы могут входить в состав нескольких субфреймов одного или нескольких уровней. Это возможно благодаря наличию у каждого ЛСВ перформатива различных парадигматических связей, которые, не совмещая и не расщепляя элемент в горизонтальной структуре, позволяют ему проявлять себя в соответствии с его семантическими структурными свойствами. Закрепление за тем или

иным перформативом роли номинатора типа РА по горизонтальной и вертикальной осям динамического фрейма категоризации иллокуции происходит в зависимости от функционального потенциала каждого глагола: его семантики, категориально-грамматического и коммуникативного потенциала [Никонова 1995а]. Вне зависимости от того, сколько ЛСВ входят в семантическую структуру глагола, каждый из них характеризуется собственными отличительными признаками (своим набором компонентов значения, соотносящимся с узлами соответствующего фрейма) и идентифицируется глаголом-гиперонимом другой лексико-семантической группы. При этом он может быть номинатором только одного типа РА в глубинной структуре. Обозначение номинатором конкретного типа РА других типов РА осуществляется в языке только в нарративном режиме. В частности,

- перформатив *behaupten*, выступающий номинатором типа РА в сфере субфрейма „Repräsentieren», является также конституентом ЛСГ „*versichern*“, являясь синонимом таких глаголов, как *betonen*, *versichern*, демонстрируя это значение в дискурсе только в нарративном употреблении, например:

ПС: *Er behauptete, das nicht getan zu haben.*

ГС: *Er versichert: er hat das nicht getan.*

- перформатив *schimpfen*, являясь номинатором типа РА в рамках субфрейма «Äußern der Gefühle», входит на основании ЛСВ «*beschimpfen*» в синонимические отношения с перформативными глаголами другой ЛСГ *beschimpfen* в сфере субфрейма «Beeinflußen der Gefühle», эксплицируясь в дискурсе для выражения этого значения только в нарративном режиме:

ПС: *Die Mutter schimpft mit dem Kind.*

ГС: *Ich stelle fest: Die Mutter schimpft mit dem Kind.*

Результаты анализа перформативов-номинаторов вида/типа иллокутивного акта в системе современного немецкого языка и объективирующих в языке различные уровни динамического фрейма иллокутивной составляющей РА, представляется возможным изобразить в

виде схемы в Приложении 5, отражающей основные этапы детерминации категориального значения иллокуции в языковом сознании носителей немецкого языка, объективированные в парадигматике языка в значении соответствующих перформативных глаголов.

Этапы проведенного анализа отражены в нумерации субфреймов, которая идет от нижних терминалов к верхним. При этом компоненты инвариантного значения лексических репрезентаций слотов фрейма сохраняются в вершинных слотах номинаторов терминальных субфреймов наряду с дополнительными дифференцирующими узлами субфреймов по всей вертикальной оси суперфрейма [Никонова 2007: 131-132].

Представленная структура динамичного фрейма «Иллокутивный акт/Иллокуция», объективированного в парадигматике немецкого языка в значениях полных перформативов, может рассматриваться как иллюстрация процесса детерминации иллокуции в дискурсе. Концептуальные признаки, эксплицирующие иллокутивную семантику конкретного речевого акта, детерминируемую, например, уровнем субфрейма 5 порядка, можно представить в виде перформативных канонических формул

Hiermit äußere ich ... dadurch, dass ...

Hiermit bewirke ich ... dadurch, dass ...

Детерминация иллокуции осуществляется в этом случае в зависимости от концептуального содержания ИСРА.

2.1.3. Фреймовая структура плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта в статичном (сетевом) представлении

Отталкиваясь от компонентов значения разноуровневых единиц речевого произведения, имеющих иллокутивную маркированность, т.е. выполняющих дейктическую функцию по отношению к различным аспектам иллокутивного акта, демонстрирующего, что *сделано* говорящим в дискурсе, выявим путем моделирования универсальные категориальные и

субкатегориальные признаки, лежащие в основе значения иллокутивного акта и формирующие план содержания ИСРА.

2.1.3.1. Слоты «решение» и «прообраз перлокутивного эффекта».

Речевые акты саморефлексии как средство иллокутивного дейксиса в немецком языке

Определяя центральными конститuentами фреймовой структуры ИСРА слоты «решение» и «прообраз перлокутивного эффекта», обращаем внимание на то, что они будут самым тесным образом связаны со слотами пропозиции, если рассматривать фреймовую структуру плана содержания РА в целом. Однако в исследовательских целях, моделируя план содержания ИСРА, обращаем внимание на концептуальные смыслы именно данной симультанной составляющей речевого акта.

2.1.3.1.1. Слот «решение»

Основной концептуальный признак данного слота – «Я (говорящий) считаю необходимым и возможным совершить речевой акт с заданной мною иллокутивной силой по отношению к некоторому пропозициональному содержанию».

Исходя из общепринятых постулатов теории деятельности о понятии и структуре действия (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Ухтомский, Н.А. Бернштейн, Н.Д. Гордеева, В.П. Дудьев, В.А. Жмуров и др.), в том числе речевого, принятие решения является составной частью действия наряду с реализацией и контролем и коррекцией (см., например, [Кондаков 2000]).

Принятие решения как компонент действия, включающий формирование и активацию программы действия, описывается специалистами через сложную структуру, «состоящую из образа ситуации (оперативного образа), образа действия и интегральной и дифференциальной

программ, которые подпитываются памятью о прошлых действиях» [Мещеряков, Зинченко 2004].

В основе принятия говорящим решения о совершении речевого действия лежат различные внешние и внутренние факторы, о которых шла речь в первой главе настоящего исследования (адресант, адресат, статус участников общения, их ролевые отношения, тезаурус коммуникантов, референтная ситуация, представляющая фрагмент объективной действительности, с которым соотнесено референциальное содержание речевого акта; деятельностная ситуация, в рамках которой происходит речевое взаимодействие коммуникантов; предметно-ситуативный фон, под которым понимается место и время общения, всё то, что происходит вокруг, присутствующие при общении люди, социальная, политическая и историко-культурная ситуация; канал связи (акустический или визуальный), предполагающий наличие непосредственного контакта между коммуникантами и пр.). Совокупность многих из них непосредственно влияет на перформативный потенциал и успешность РА.

Применительно к иллокутивному акту принятие решения является центральным в цепочке ментальных актов, лежащих в основе процессов выбора говорящим вербальных средств для реализации задаваемой им иллокутивной силы.

Образ коммуникативной ситуации формируется в сознании говорящего, как было описано ранее, на основе оценки им текущей ситуации, своей роли в общем окружающем его коммуникативном пространстве и необходимости/возможности осуществления РА с заданной иллокутивной силой при наличии соответствующей коммуникативной ситуации.

Адекватная оценка говорящим коммуникативной ситуации является одним из главных факторов успешности реализуемого им речевого акта. По мнению К.А. Долинина, высказывание детерминируется не непосредственно характеристиками коммуникативной ситуации, а представлением о них, сложившимся в сознании адресанта [Долинин 1983]. Однако даже наличие

коммуникативной ситуации, предлагающей говорящему взять на себя инициативу по осуществлению речевого действия, может не стать основанием для перевода её в ранг деятельностной. В любой ситуации за субъектом акта коммуникации остаётся право отказаться от речевого действия:

(37) *Warum hast du denn geschwiegen? Die Situation war für dein Gesuch besonders günstig. – Ich verstand das, aber blieb beim Schweigen. Ich konnte mich dafür nicht wagen* [Walser 1986: 69].

Тем самым образ коммуникативной ситуации, возникающий в сознании коммуникантов как возможность для совершения соответствующего иллокутивного акта, является обязательным, но не достаточным условием для его осуществления.

Ведущим в этом процессе выступает антропоцентрический фактор, определяющий необходимость/возможность осуществления речевого действия с заданной иллокутивной силой, например: *Ich konnte nicht mehr schweigen und habe meine ganze Wut geäußert*.

В данном примере РА саморефлексии эксплицирован момент осознания говорящим невозможности не совершить речевого действия с экспрессивной иллокутивной силой. Посредством её выражения говорящий гармонизирует свои взаимоотношения с миром, разрешая конфликт, возникающий в ситуации общения между ним и окружающей средой. Он чувствует потребность изменения этого дисбаланса посредством своего активного участия в изменении мира с помощью речевого действия.

Данная потребность (мотив) лежит в основе осуществления говорящим речевого акта с иллокутивной силой любого типа, в частности:

- с репрезентативной иллокутивной силой:

(38) *Indem ich „Das Wetter ist schön“ sagte, wollte ich Sie bloß darüber informieren* [Pundt 2008: 49].

В приведенном примере речевого акта саморефлексии говорящий раскрывает мотив осуществленного им ранее репрезентативного

иллокутивного акта, направленного на изменение мира путем фиксации определенного состояния дел в мире и передачи собеседнику знания об этом для достижения идеального образа, к которому стремится говорящий (знание собеседником того, что знает он сам);

- с директивной иллокутивной силой:

(39) *„Alles gegessen“ – Meine Aufforderung war ganz klar und präzise, doch wollten sie darauf überhaupt nicht reagieren...* [Lehmkuhl 2008: 112].

В этом примере говорящий подчеркивает своё стремление к изменению мира для достижения идеального образа, к которому стремится говорящий, посредством побуждения участников акта коммуникации к осуществлению определенного действия;

- с комиссивной иллокутивной силой:

(40) *Ich habe ihnen gesagt „Ich komme“ und dies bedeutete, dass ich unbedingt komme. Ich tue immer, was ich verspreche* [Schünemann 2011: 194].

Здесь говорящий также раскрывает содержание ранее осуществленного им иллокутивного акта, заключающегося в намерении изменить положение дел в мире (собеседники знают, что знает говорящий о своем поведении в будущем) посредством передачи участникам акта коммуникации знания о некотором идеальном образе (своего поведения);

- с экспрессивной иллокутивной силой:

(41) *Meine Worte „Zum Geburtstag“ habe ich vom ganzen Herzen gesagt und wollte sie damit in meinen Gefühlen überzeugen...* [Vermes 2012: 235].

Данный пример речевого акта саморефлексии также раскрывает мотив осуществленного говорящим экспрессивного иллокутивного акта, направленного на изменение мира путем фиксации своего эмоционального состояния и передачи его собеседнику для достижения идеального образа, к которому стремится говорящий (знание собеседником того, что чувствует он сам);

- с декларативной иллокутивной силой:

(42) „*Sie sind gekündigt*“. *Jeder zweiter hört sowas einmal in seinem Leben. Warum schreit sie, dass meine Worte ihr Leben gebrochen haben? Als Arbeitgeber machte ich bloß meine Arbeit* [Taylor 2013: 268].

Здесь говорящий осуществляет речевой акт с декларативной иллокутивной силой (*Sie sind gekündigt*) под давлением не только внутренней, но и внешней необходимости (*Als Arbeitgeber machte ich bloß meine Arbeit*) в целях приведения дел в мире в соответствии с некоторым идеальным образом (конкретного работника нет в штате его фирмы).

Необходимость/возможность осуществления речевого действия с заданной иллокутивной силой составляет, таким образом, концептуальное содержание смыслового компонента «решение» в структуре иллокутивной составляющей смысла речевого акта и формируется, прежде всего, на основе когнитивных механизмов оценки и интерпретации в сознании говорящего: он оценивает общий фон коммуникативной ситуации и интерпретирует её состояние как критическое, требующее или предлагающее инициативность говорящего по реализации им речевого действия с определенной целью, направленной на разрешение внутреннего конфликта в сознании говорящего между его мироощущением и действительным положением дел в мире и, тем самым, на гармонизацию внутреннего мира говорящего с окружающей его коммуникативной средой. Данная цель определяется прообразом того идеального состояния речевой ситуации, которое представляется говорящему реальным для достижения посредством его речевого действия, т.е. прообразом перлокутивного эффекта, которого он намерен достичь реализацией соответствующей иллокутивной силы.

На наличие во фреймовой структуре ИСРА концептуальных признаков слота «решение» указывают многочисленные примеры такого средства иллокутивного дейксиса, как речевые акты саморефлексии.

Со времен античной философии саморефлексия выступала предметом научных дискуссий и рассматривалась как процесс размышления говорящего относительно содержания собственных мыслей. В настоящее время

саморефлексия (от лат. reflexio — обращение назад) определяется как «способность человеческого мышления к критическому самоанализу» [Новейший философский словарь: 372], «мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя: собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний и т.д.» [Большой психологический словарь: 469]. «Поскольку рефлексивные знания предполагают индивидуально неповторимое познание психики в ситуации «здесь и теперь», они включают, в том числе, и знания субъекта речи о субъективных и объективных условиях реализации осуществленного им ранее иллокутивного акта» [Никонова 2014: 268].

Результаты проведенного исследования достаточно объемного корпуса речевых актов саморефлексии (более 6500 примеров) в немецком языке, выполняющих дейктическую функцию по отношению к факту реализации говорящим иллокутивного акта, показывают, что они условно подразделяются на несколько групп [Там же].

Первую группу составляют речевые акты саморефлексии, в которых говорящий признаёт сам факт осуществленного им речевого действия с заданной иллокутивной силой, например:

(43) – *Na und? - Sei ruhig. Ich habe das getan. Es blieb ihm nichts anderes übrig. Er musste meine Forderung hören* [Stahl 2006: 82]. Говорящий признает своё требование (Forderung) действием (Ich habe das getan), которое он осознанно (намеренно) совершил по отношению к своему оппоненту.

Осознанное или неосознанное решение о необходимости осуществления речевого акта с заданной иллокутивной силой выступает критерием разграничения речевых актов саморефлексии анализируемого типа на две подгруппы:

а) речевые акты саморефлексии, в которых говорящий признаёт факт осознанно (намеренно) осуществленного им речевого действия с заданной иллокутивной силой, например:

(44) *Ich habe es getan! Endlich habe ich es ihm richtig befohlen!* [Taylor 2013: 115].

б) речевые акты саморефлексии, в которых говорящий признаёт факт неосознанно (ненамеренно) осуществленного им речевого действия с заданной иллокутивной силой, например:

(45) *Was habe ich getan? Ich wollte ihm kein Versprechen geben, aber es klang leider so...* [Taylor 2013: 73].

Признание говорящим факта осуществления иллокутивного акта выражается, как правило, посредством сложной структуры речевого акта, содержащей несколько высказываний (микроречевых актов) с репрезентативной иллокутивной силой, центральным из которых становится высказывание с глаголом *tun* (как правило, в Perfekt). Детерминантом иллокутивной силы выступает микроречевой акт, в котором говорящий определяет иллокутивную силу (намеренно или не намеренно) осуществленного им ранее речевого действия.

Встречаются также случаи вербальной репрезентации говорящим факта осуществленного им иллокутивного акта посредством глагола *sagen*:

(46) *„Habe ich was gesagt?“ Er sah sie aufsitzen und näherte sich mit dunklem Blick, als wollte er ihr seine schweren Gedanken doch noch mitteilen* [Trumpf 2013: 201].

В подобных примерах говорящий акцентирует внимание не на пропозициональном содержании РА, а на самом факте его осуществления. В фокусе внимания говорящего находится само речевое действие с заданной иллокутивной силой, о чем свидетельствуют вербальные маркеры когнитивных механизмов отсылки и детерминации, лежащих в основе реализации речевых актов саморефлексии анализируемого типа, например:

(47) – *Was? Ich habe in dieser Situation getan, was ich tun sollte. Sie sollte meinen Befehl mit jedem ihren Finger fühlen...* [Westerhoff 2013: 116].

В приведенном речевом акте саморефлексии вербальными маркерами когнитивного механизма отсылки к моменту осуществленного говорящим

ранее иллокутивного акта выступают глагол *tun* в форме Perfekt и глагол *sollen* в форме Imperfekt, а также придаточное предложение *was ich tun sollte*, выполняющее функцию дополнения, и глагольное словосочетание с зависимым обстоятельством образа действия *sollte mit jedem ihren Finger fühlen*, детерминирующие решение говорящего относительно осуществления им речевого акта с директивной иллокутивной силой, к которому он производит отсылку. Вербальным репрезентантом когнитивного механизма детерминации является словосочетание *meinen Befehl*, состоящее из девербатива и зависимого притяжательного местоимения, детерминирующее иллокутивную силу речевого акта, к моменту осуществления которого отсылает говорящий.

Процессы осмысления говорящим совершенного им иллокутивного акта, включая детерминацию заданной им в речевом акте иллокутивной силы, характерна и для других групп речевых актов саморефлексии как средства иллокутивного дейксиса по отношению к факту осуществления говорящим иллокутивного акта.

Вторая группа представлена речевыми актами саморефлексии, в которых говорящий переосмысляет совершенное им речевое действие, например:

(48) *Mir hat's nicht gelungen, das Kindchen zu beruhigen. Ich konnte meine Gedanken nicht zusammenbringen, um ein richtiges Wort zu finden. Es fühlte meine Angst vor dem Unbekannten...* [Szrama 2009: 287].

Осмыслению подвергаются при этом различные субъективные и объективные факторы:

1. Ментальное состояние говорящего в момент речи, например:

(49) *In diesem Moment verstand ich gar nicht, was und wie ich überhaupt sagte. Wie kann sie darauf reagieren, interessierte mich kaum* [Trumpf 2013: 168].

В подобных речевых актах саморефлексии говорящий отсылает к своему ментальному состоянию, оказавшему непосредственное влияние на реализацию говорящим речевого акта с заданной иллокутивной силой.

Анализ речевых актов саморефлексии данной подгруппы свидетельствует о том, что речевое действие с заданной иллокутивной силой осуществляется говорящим в зависимости от целого спектра факторов, обуславливающих его ментальное состояние при формировании концептуального содержания и вербализации иллокутивной силы в момент речи:

- четкость/нечеткость мышления, например:

(50) *Ich konnte mir nicht entsinnen, wie ich Sie richtig begrüßen muss* [Krahl 2004: 202]. А также:

(51) *Im klaren Verstand konnte ich richtige Ausdrücke für mein Kompliment finden* [Kinsella 2002: 326].

Подобное ментальное состояние в момент осуществления иллокутивного акта говорящий может испытывать по многим причинам различного характера, в частности: физиологического, например:

(52) *„Mir war es schwindelig, als wäre ich auf einem Boot. Und mein Kopf tat weh. Es ist kein Wunder, dass ich völlig vergaß, wie man richtig begrüßt...“* [Krahl 2004: 202] и эмоционального, например:

(53) *„Es könnte sein, dass einige Stellen meines Berichts sehr unlogisch oder gar wirr klingen... Solange mein Chef dabei ist, kann ich sogar nicht richtig vorlesen“* [Krahl 2004: 202] или (54) *„Ich habe immer Angst mich zu blamieren oder etwas Falsches zu sagen. <...> Statt ihr Komplimente zu machen, habe ich offensichtlich nur Dummheiten gesagt“* [Kinsella 2002: 327];

- наличие/отсутствие знаний различного характера (например, фоновых знаний, знания правил речевого этикета, языкового знания и пр.), например:

(55) *Damals war ich da fremd und wusste ich noch nicht, wie man ihren Vater um ihr Herz bittet. Meine Worte hatten ihn nicht getroffen...* [Chapman 2009: 234].

- наличие навязчивых мыслей в момент речи:

(56) *Dieser Gedanke quälte mich und ich konnte ihr nur Vorwürfe machen* [Gier 2010: 64].

2. Эмоциональное состояние субъекта иллокутивного акта при его осуществлении, например:

(57) Wie konnte ich das alles anders sagen? Ich empfand das Verhalten von der Geschäftsleitung als Frechheit und Feigheit [Fink 2011: 443].

Речевые акты саморефлексии данной подгруппы представляют детерминацию говорящим своего эмоционального состояния в момент осуществления им иллокутивного акта, к которому он отсылает реципиента. В качестве последнего может выступать и он сам, например:

(58) Was ist los mit mir? Warum zitterten meine Hände? Warum sprach ich fremde Stimme? Warum konnte ich für meine Bitte kein richtiges Wort finden? [Gilbert 2008: 229].

Причины эмоционального состояния говорящего могут быть обусловлены в момент осуществления речевого акта абсолютно разными внутренними и внешними факторами. Оно может быть неосознаваемым и неуправляемым, а может подчиняться воле говорящего в целях успешного осуществления иллокутивного акта:

(59) Ich konnte mich zusammenfassen und den Schwur mit klarer Stimme leisten [Grossmann 2006: 94].

3. Мирозренческие позиции и убежденность говорящего в необходимости и справедливости своего речевого действия с заданной иллокутивной силой, например:

(60) – Sie haben ihm mit Ihrem Vorwurf unendlich leid getan. – Ich wollte das. Obwohl...Ich kann ihn so gut verstehen, weil ich selbst einmal in einer ähnlichen Situation gewesen bin [Rainy 2013: 181].

В речевых актах саморефлексии данного типа говорящий раскрывает свои мирозренческие позиции, свою убежденность в намерении придать речевому акту заданную им иллокутивную силу.

4. Внешние обстоятельства, способствовавшие осуществлению говорящим некоторого иллокутивного акта, например:

(61) *Mir ist's ganz egal, was die anderen meinen. Ich sah, wie die mich anstarrten. Ich fühlte ihre blöden Gedanken an mich gerichtet, darum habe ich gerade das und so gesagt, wie ich's empfand [Emme 2008a: 136].*

Третью группу речевых актов саморефлексии как средства иллокутивного дейксиса по отношению к факту осуществления говорящим иллокутивного акта составляют **речевые акты саморефлексии, в которых говорящий уточняет или объясняет свое интенциональное состояние в момент осуществления иллокутивного акта или степень интенсивности иллокутивной силы**, например:

(62) – *Was ist los mit dir? Wie sprichst du mit ihm? Hast du vergessen, wie alt er ist? Und was bedeutete dein „Lieber Martin“? - Weißt du, ich empfand plötzlich mehr als nur Freundschaft. Er sah so verlassen aus... [Fink 2011: 304].*

Данная группа речевых актов саморефлексии достаточно тесно переплетается с предыдущими группами, поскольку говорящий прибегает в них к детерминации своего состояния в момент речи, в том числе ментального: (63) *Ja, meine Aufforderung konnte zu grob klingen. Aber ich dachte in diesem Augenblick an alle ihre Taten zurück... [Ellmer 2003: 113]* и эмоционального: (64) *Ich war mit Liebe überfüllt und konnte ihr nur Lobensworte sagen [Greil 2010: 91].*

Основным критерием выделения подобных речевых актов саморефлексии в отдельную группу является отсылка говорящего к содержанию и интенсивности реализованной им в речевом акте иллокутивной силы.

Результаты анализа средств вербальной репрезентации речевых актов саморефлексии, выполняющих в дискурсе дейктическую функцию по отношению к факту реализации говорящим иллокутивного акта, свидетельствуют о том, что она реализуется, в основном, с помощью предикатов, выраженными субъектными, субъектно-объектными и объектными глаголами или их дериватами, в частности:

- глаголами (речевого) действия, например: (65) *Gottseidank, dass ich ihm wenigstens das **gesagt habe*** [Heyking 2011: 209];
- глаголами поведения, например: (66) *Wieso grob angeschrien? Ich **benahm mich** ganz korrekt – offen und ehrlich. Ein bisschen zu laut. Ein bisschen zu impulsiv* [Pawlowski 2005: 65];
- глаголами реакции, например: (67) *Warum ich mich empört habe? Ich **reagierte** bloß auf seine Worte* [Heyking 2011: 210];
- глаголами состояния, в том числе: глаголами эмоционального состояния, например: (68) *Ich **ürgerte mich**, darum konnte ich kein richtiges Wort für meine Erklärungen finden* [Gilbert 2008: 92]; глаголами физического состояния, например: (69) *Ich **fühlte mich** unwohl, ich konnte mich nicht richtig ausdrücken, mein Vorwurf klang eher als Lob* [Adams 2014: 44]; глаголами ментального состояния, например: (70) *Ich **dachte**, sie wollte mich beschuldigen. Darum habe ich das selber gemacht* [Gier 2010: 85];
- глаголами восприятия, например: (71) *Ich **sah**, dass er mir zuhört. Ich musste alles offen sagen* [Huellen 2011: 62];
- глаголами оценки, например: (72) *Damals **schätzte** ich die Situation falsch ein. Ich sollte ihr danken, ich machte aber nur Vorwürfe* [Grossmann 2006: 146];
- глаголами знания, например: (73) *Ich **wusste** ganz genau, wen und worum ich bat* [Krahl 2004: 61]; (74) *Es war mir schwer, mich richtig zu äußern. Ich **wusste nicht**, welchen Ton ich mir erlauben kann* [Greil 2010: 48];
- глаголами мнения: (75) *Ich **meinte** es ernst, als ich sagte, dass ich dich liebe* [Hagn 2013: 304].

Данные языковые средства выступают лексическими репрезентациями освещенных выше состояний говорящего и его когнитивных операций, лежащих в основе принятия говорящим решения о необходимости и возможности совершить речевой акт с заданной иллокутивной силой по отношению к некоторому пропозициональному содержанию и объективируемых в речевых актах саморефлексии.

Однако самым тесным образом принятие говорящим решения о необходимости и возможности осуществить иллокутивный акт связано, как указывалось ранее, с ситуацией конфликта в сознании говорящего. С одной стороны, реализация РА с заданной иллокутивной силой представляется для него возможной, с другой стороны – необходимой. Эта необходимость, обусловленная ментальным и/или эмоциональным состоянием субъекта иллокутивного акта, связана, в свою очередь, с определенной целью, направленной на разрешение внутреннего конфликта в сознании говорящего между его мироощущением и действительным положением дел в мире и, представляющую собой прообраз перлокутивного эффекта, которого он намерен достичь реализацией соответствующей иллокутивной силы.

2.1.3.1.2. Слот «прообраз перлокутивного эффекта»

Прообраз перлокутивного эффекта связывается говорящим с достижением некоторого ментального акта в сознании реципиента, вследствие которого может наступить идеальное состояние речевой ситуации, которое представляется говорящему реальным для достижения посредством своего речевого действия.

Согласно теории речевой деятельности, прообраз перлокутивного эффекта речевого акта выступает для говорящего мотивом его осуществления. По определению Б. Мещерякова и В. Зинченко, мотив есть «1) материальный или идеальный "предмет", который побуждает и направляет на себя деятельность или поступок, смысл которых состоит в том, что с помощью М. удовлетворяются определенные потребности субъекта; 2) психический образ данного предмета. В англоязычной литературе (см., напр., словарь Вебстера) принимается более широкое толкование М. (motive): нечто внутри субъекта (потребность, идея, органическое состояние или эмоция), побуждающие его к действию. Поэтому во избежание смысловых ошибок, слово motive следует переводить как "побуждение", "состояние побуждения",

"стремление", "импульс", "мотивация" (а иногда и как "мотивировка")» [Большой психологический словарь 2004].

В качестве примера того, что «запускающим» механизмом определенного иллокутивного акта выступает прообраз перлокутивного эффекта, приведем хрестоматийное описание соотношения компонентов речевого акта в той последовательности, которая имеет место быть при формировании иллокутивной семантики речевого акта, в частности, оскорбления:

Perlokution: S ist auf H nicht gut zu sprechen und will ihn verletzen aus aktueller Wut oder aus weiter zurückliegenden Gründen.

Illokution: S sucht einen passenden Sprechakt aus, z.B. eine Beleidigung.

Propositon: S sucht den passenden Inhalt aus, z.B. eine ehrenrührige Behauptung, dass H typischerweise das Tanken vergisst.

Lokution: S verbalisiert diesen Inhalt

Das sieht Dir mal wieder ähnlich! Du merkst wohl gar nicht, dass wir mal wieder tanken müssen! [Linke 2004: 179].

В данном примере описана последовательность ментальных актов говорящего в конкретной речевой ситуации: говорящий обижен на своего собеседника и хочет также обидеть его по причине сиюминутного гнева или по другим причинам; для этого он выбирает соответствующий тип иллокутивного акта (например, РА оскорбления) с подходящим, с его точки зрения, содержанием (например, оскорбительное для собеседника утверждение о том, что он, как всегда, забыл заправить автомобиль) и выражает это посредством тех языковых единиц, которые представляются говорящему адекватными для решения поставленной коммуникативной задачи. Тем самым, прообраз перлокутивного эффекта, заключающийся в стремлении обидеть собеседника, и реализованный в виде репрезентативного речевого акта, в котором на достижение иллокутивной цели направлено, в основном, его пропозициональное содержание, послужил мотивом осуществления иллокутивного акта, который соотносит речевой акт с

прагматической целью РА и влияет на детерминацию говорящим его иллокутивной цели.

Данный факт прослеживается достаточно четко в многочисленных примерах речевых актов саморефлексии типа:

(76) *Wozu hast du ihm das Lobeslied gesungen?* [Emme 2008b: 191].

(77) *Ich weiß, dass er sowas sehr mag, und ich nutzte die Gelegenheit. Ich brauche seine Unterstützung im Parlament* [Stahl 2006: 87].

В приведенном примере говорящий иллюстрирует прагматический контекст осуществленного им иллокутивного акта, в котором иллокутивная цель (loben) подчинена прагматической цели речевого акта (поддержка в парламенте).

Подобные речевые акты образуют **четвертую группу** речевых актов саморефлексии как средств иллокутивного дейксиса по отношению к факту осуществления говорящим иллокутивного акта, **в которых говорящий объясняет целенаправленный характер своего интенционального состояния в момент осуществления иллокутивного акта.**

В рамках указанной группы речевых актов саморефлексии как средств иллокутивного дейксиса по отношению к факту осуществления говорящим иллокутивного акта можно выделить две подгруппы:

– речевые акты саморефлексии, в которых говорящий объясняет осознаваемый им в момент осуществления иллокутивного акта желаемый перлокутивный эффект, например:

(78) *Ich sagte: „Ich habe Hunger!“ und meinte, dass er meine Aufforderung versteht und mir sofort ein Steak besorgt* [Интернет-ресурс 1-7].

В данном примере речевого акта саморефлексии говорящий объясняет, что при осуществлении им ранее речевого акта „Ich habe Hunger!“ с директивной иллокутивной силой он уверенно предполагал, что реципиент опознает его коммуникативную интенцию побуждения и выполнит желаемое для него действие (достанет кусочек стейка). Тем самым осознаваемый говорящим при реализации иллокутивного акта перлокутивный эффект он

связывает с достижением определенного ментального акта в сознании реципиента (понимание коммуникативной интенции его иллокутивного акта), вследствие которого может наступить идеальное состояние речевой ситуации (выполнение реципиентом желаемого действия), которое представляется говорящему реальным для достижения с помощью осуществленного им РА.

Та же ситуация наблюдается в РА саморефлексии (79) *Als ich sagte: „Das war nicht meine Idee“, wollte ich, dass sie verstehen, ich habe damit nichts zu tun* [Интернет-ресурс 1-8], где говорящий объясняет осознаваемый им в момент осуществления РА ожидаемый перлокутивный эффект (*ich wollte, dass sie verstehen*) – достижение ментального состояния реципиентов, при котором они поймут его непричастность к обсуждаемой идее, и многих других речевых актах саморефлексии подобного типа;

– речевые акты саморефлексии, в которых говорящий указывает на факт осуществления им иллокутивного акта без какого-либо заданного перлокутивного эффекта, например:

(80) *Was wollte ich mit meinem Kompliment, als ich sagte: „Du bist schön!“? Ich weiss nicht... Vielleicht bloß sagen, dass ich dich gern habe...* [Интернет-ресурс 1-9].

Отвечая на вопрос собеседника, говорящий объясняет, что в момент осуществления им РА „*Du bist schön!*“ с иллокутивной функцией «комплимент», он не имел четкого представления о том, чего он хочет добиться с помощью своего иллокутивного акта (*Ich weiss nicht*), он просто выражал свои чувства.

По мнению исследователей процессов речепорождения, часто допускается, что «у человека могут возникать состояния побуждения (влечения) без переживания и осознания мотива. Это может означать две ситуации: 1) ситуацию «неопредмеченной» потребности; 2) ситуацию неосознанного мотива. Первая ситуация возникает при отсутствии прошлого (индивидуального или инстинктивно-видового) опыта удовлетворения

переживаемой потребности; вторая ситуация определяется тем, что человек не всегда способен ясно отдавать себе отчет в истинных мотивирующих факторах своего поведения и деятельности» [Большой психологический словарь 2004].

В основе любого акта деятельности, в том числе и речевого, лежит мотив. В случае «немотивированной» деятельности скрыт от самого субъекта и/или внешнего наблюдателя (А.Н. Леонтьев и др.). Тем самым говорящий принимает решение о реализации иллокутивного акта в соответствии с осознаваемым или неосознаваемым им прообразом перлокутивного эффекта.

Таким образом, прообраз перлокутивного эффекта является неотъемлемой составной частью концептуального пространства иллокутивного акта, осуществляемого говорящим с заданной иллокутивной силой.

Когнитивный признак, формирующий концептуальное содержание вершинного слота фреймовой структуры иллокутивной составляющей РА «прообраз перлокутивного эффекта», можно сформулировать следующим образом:

«Я (говорящий) уверен, что совершаемый мною иллокутивный акт будет иметь следствием достижение некоторого ментального акта в сознании реципиента, в результате которого может наступить идеальное состояние речевой ситуации».

Учитывая, что концептуальные признаки, цементирующие пространство слотов «решение» и «прообраз перлокутивного эффекта» самым тесным образом связаны друг с другом, предопределяя детерминацию иллокуции и интенсивность её реализации в РА, можно говорить о том, что указанные слоты являются равнорасположенными во фреймовой модели плана содержания иллокутивной составляющей РА. Данный факт представим схематично на Рисунке 2:

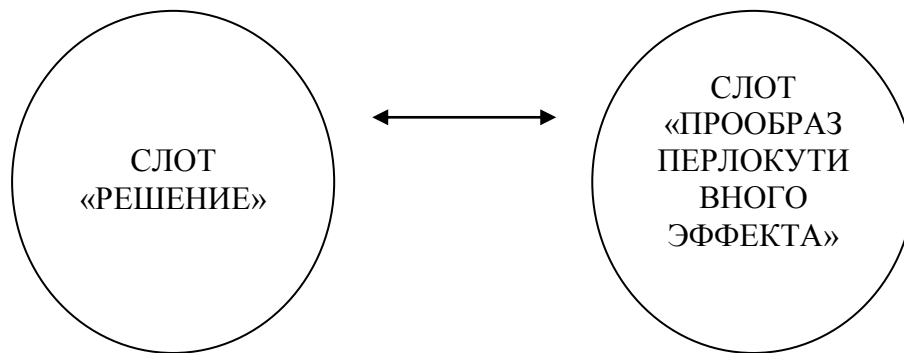

Рисунок 2: Соотношение слотов «решение» и «прообраз перлокутивного эффекта» во фреймовой модели плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта

Осмысление говорящим своей роли, возможности, необходимости совершения в текущей ситуации иллокутивного действия и преобразования им мира посредством реализации заданной иллокутивной силы РА, имеет, таким образом, как следствие, выделение говорящим в концептуальном пространстве РА основных когнитивных признаков вербализуемого иллокутивного акта: «Я (говорящий) считаю необходимым и возможным совершить речевой акт с заданной мною иллокутивной силой по отношению к некоторому пропозициональному содержанию» и «Я (говорящий) уверен, что совершаемый мною иллокутивный акт будет иметь следствием достижение некоторого ментального акта в сознании реципиента, вследствие которого может наступить идеальное состояние речевой ситуации».

Формулировка данных признаков и описанное выше концептуальное содержание слотов «решение» и «прообраз перлокутивного эффекта» предполагают, что в момент выделения указанных когнитивных доминант в концептуальном пространстве вербализуемого иллокутивного акта говорящим выделена и третья его когнитивная доминанта – содержание и интенсивность реализации иллокутивной силы.

Осмысление говорящим выбора вида/типа иллокутивной силы и интенсивность её реализации в вербализуемом РА обусловлено многочисленными системными и ситуативными факторами, о которых сообщалось ранее. Однако фокусировку данному процессу задает прагматический фактор, поскольку РА выступает в дискурсе средством

реализации коммуникативной стратегии и тактики говорящего. Поэтому выбор говорящим содержания и интенсивности реализации иллокутивной силы напрямую зависит от общего прагматического смысла дискурса говорящего в текущей речевой ситуации.

В данном случае четко прослеживается различие между прагматической и иллокутивной целью РА. В частности, осуществление говорящим иллокутивного акта «поздравление» возможно с разными прагматическими целями. Например, говорящий, используя РА с иллокутивной функцией поздравления, намерен:

- действительно поздравить кого-либо лично со знаменательным событием в его или общественной жизни и выразить свои искренние позитивные чувства в адрес реципиента по этому поводу;

- послать кому-либо поздравительную открытку с днем рождения спустя много лет со дня последней встречи, чтобы просто напомнить о себе, или дать знать, что все эти годы память об этом человеке живет в сердце поздравителя;

- позвонить кому-либо и выразить ему «самые искренние» поздравления в связи с событием, о котором он не знал, но которое явно не вызовет у реципиента положительных эмоций, а может быть, станет для него просто ударом, и пр.

В указанных и других случаях речевой акт выступает средством реализации стратегических и тактических прагматических целей говорящего, а его иллокутивная сила реализуется в иллокутивном действии, непосредственно вплетенном в общую систему иллокутивных действий говорящего:

- в рамках реализации иллокутивной силы сложного (макро)речевого акта, где вербализуемый иллокутивный акт является одним из конституирующих элементов дискурса, выступающего вербальным коррелятом сложного иллокутивного акта. Например, в случае реализации

микроречевого акта с иллокутивной функцией *zitieren* (цитировать) в макроречевом акте с общей иллокутивной семантикой *einladen* (приглашать):

(81) *Liebe Helga und Martin!* (1)

„Freunde lässt sich nur voll auskosten,

wenn sich ein anderer mitfreut“ (Mark Twain) (2)

Darum möchten wir unseren Hochzeitstag gerne mit euch gemeinsam erleben (3) *und laden herzlich zu unserer Trauung am 28.08.2009 in der St. Pauls Kirche München um 13.45 Uhr ein* (4). *Im Anschluss wollen wir dies zusammen im Hotel München Altstadt feiern* (5).

Wir bitten um Antwort bis zum 10.08.09 (6).

Eure Gabi und Peter (7) [Manekeller 1989: 233].

В данном примере РА приглашения друзей на свадьбу цитата Марка Твена *„Freunde lässt sich nur voll auskosten, wenn sich ein anderer mitfreut“ (Mark Twain)* (Друзья познаются полностью только тогда, когда каждый разделяет радость другого) является частью общего концептуального пространства иллокуции приглашения. Говорящий как носитель немецкого языка, речевой культуры и традиций современной Германии считает возможным и необходимым реализовать свой РА приглашения как сложный речевой акт, состоящий из микроречевых актов с иллокуциями обращения (1), приведения цитаты (2), аргументирования (3), приглашения (4), сообщения (5), просьбы (6), автономинации (7), с использованием афоризма, смысл которого, на его взгляд, раскрывает суть его взаимоотношений с адресатом. Использование субъектом РА подобной дискурсивной стратегии при реализации сложного РА с эмотивной иллокутивной силой характеризует его высокий уровень культуры речевого общения и творческий характер. Иллокутивная структура сложного речевого акта приглашения, объективированная в иллокутивных функциях микроречевых актов, в том числе и в использовании известного афоризма, отражает его творческий замысел и желание выразить скрытые смыслы о ценности

дружбы, которые он вложил в реализуемый им в конкретной речевой ситуации иллокутивный концепт «приглашение»;

– в рамках реализации дискурсивной стратегии говорящего, где иллокутивная сила вербализуемого речевого акта подчинена общей коммуникативной задаче (фрагмента) дискурса. Рассмотрим, в частности, следующий пример (82):

Ehemann: *Elfriede...* (1)

Elfriede: *Ja?* (2)

Ehemann: *Du, ich kann die Autoschlüssel nicht finden...*(3)

Elfriede: *Ach...*(4)

Ehemann: *Ja, ja...ja...eh...*(5)

Elfriede: *Was heißt das? Wo können sie denn sein?* (6)

Ehemann: *Ja...ja, ich hab'ja überall geguckt...*(7)

Elfriede: *Ich hab's auch so eilig.* (8) *Bitte wo?* (9)

Ehemann: *Ja, entschuldige,* (10) *ich hänge die doch immer ans Schlüsselbrett, aber jetzt sind sie nicht da!* (11)

Elfriede: *Ja, also, ich habe sie nicht genommen...*(12) [Werner, 1989: 22].

В приведенном примере диалогического дискурса иллокуции речевых актов обращения (1), автономинации (2), констатации факта (3), (7), (10) выражения эмоционального состояния (4), (5), (6), косвенной просьбы (7), (10), извинения (11) подчинены со стороны говорящего общей коммуникативной задаче – привлечь помощь своей жены в поисках потерявшегося предмета, а со стороны собеседника (Эльфриды) – участливо отреагировать на речевые акты мужа, помочь ему в поисках в условиях острой нехватки времени. Очевидно, что общая коммуникативная задача цементирует дискурсивное пространство диалога супругов и, так или иначе, влияет на содержание и интенсивность реализации иллокутивных сил речевых актов, конституирующих рассматриваемый фрагмент дискурса;

– реализации коммуникативной стратегии и тактики говорящего в тех или иных дискурсивных условиях, что также непосредственно влияет на

процессы категоризации иллокуции в вербализуемом РА. В качестве примера можно привести результаты исследований некоторых авторов, раскрывающих, в частности, роль речевого акта возмущения как средства реализации коммуникативных стратегий и тактик в современном немецком политическом дискурсе [Соловьева 2013], роль этикетных речевых актов как средства реализации коммуникативных стратегий и тактик в обиходном и деловом типах дискурса [Гольдин 1983; Руди 2011] и др.

Тем самым принятие говорящим решения о реализации иллокутивного акта предполагает одномоментное выделение им в концептуальном пространстве РА не только когнитивных признаков, формирующих слоты «решение» и «прообраз перлокутивного эффекта», но и когнитивных признаков, указывающих на выбор иллокутивной силы вербализуемого РА. Когнитивные механизмы, формирующие данную область концептуального пространства плана содержания иллокутивной составляющей РА, непосредственно затрагивают сферы языкового сознания говорящего, поскольку онтологическая природа иллокутивной составляющей РА предполагает перенесение концептуального содержания речевого акта в момент совершения иллокутивного акта на высказывание, выступающее его вербальным коррелятом.

Остановливаясь при моделировании плана содержания иллокутивной составляющей в свете теории фреймов более подробно на описании концептуального пространства, формируемого вокруг каждого когнитивного признака, лежащего в основе его формирования, отметим, что при переходе от довербального к вербальному этапу осуществления иллокутивного акта выбор содержания и интенсивности реализации иллокутивной силы РА является одним из важных этапов порождения РА.

Учитывая сказанное, слот «содержание иллокутивной силы» является наряду с ранее описанными концептуальными смыслами плана содержания ИСРА вершинным слотом, формирующим тот же терминальный уровень в иерархии фреймовой структуры РА.

2.1.3.2. Слоты «содержание иллокутивной силы» и «интенсивность реализации иллокутивной силы». Эксплицитные и имплицитные средства иллокутивного дейксиса в немецком языке

2.1.3.2.1. Слот «содержание иллокутивной силы»

Концептуальное содержание слота «содержание иллокутивной силы» формируется в зависимости от типа иллокутивной силы (или типов иллокутивных сил), реализуемой в РА. Поэтому дальнейшее описание данного слота будем строить в рамках метафреймов, основываясь на изложенных ранее теоретических положениях Дж. Серля о типах иллокутивных сил, несводимых друг к другу.

При описании будем отталкиваться от общеизвестного факта, что оязыковление речемышлительного процесса говорящего при осуществлении им иллокутивного акта имеет свои закономерности.

Главная из них заключается в том, что в реальной коммуникации не встречается речевых актов, имеющих обобщенную иллокутивную цель, не соотносимую хотя бы с одним из типов иллокутивных сил, т.е. любой иллокутивный акт имеет конкретные типовые или видовые характеристики. Соответственно, описывая концептуальное наполнение слота «содержание иллокутивной силы», будем иметь в виду, что оно зависит от того, иллокутивная сила (или силы) какого типа реализуется в РА.

Содержание иллокутивной силы того или иного типа (по Дж. Серлю - репрезентативная, директивная, комиссивная, экспрессивная, декларативная) определяется когнитивными признаками, которые отражаются в языковых знаках с максимально обобщенными значениями.

Современная когнитивная лингвистика имеет на сегодняшний день определенный опыт описания таких языковых знаков. Особый интерес представляют в этом отношении исследования процессов лингвистического метареферирования, построенные на идеях о языке как

репрезентационной и метарепрезентационной системе (Р. Карстон, Ф. Реканати, С. Сигал, Д. Скотт, Д. Спербер, Д. Уилсон, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, А.А. Потебня, Д. Розенталь, Р.О. Якобсон и др.).

В отечественной когнитивистике концепция лингвистического метапрезентирования развивается в диссертационном исследовании [Клепикова 2009а] и других работах данного автора. В частности, Т.А. Клепикова отмечает, что «лингвистические метарепрезентации являются знаковой формой, иконически соотнесенной с передаваемым ею когнитивным содержанием: в них находят языковое отражение метакогнитивные состояния – интенциональные состояния, содержанием которых является ментальная/символическая репрезентация» [Клепикова 2009б: 6].

Такими лингвистическими метарепрезентациями иллокутивной составляющей речевого акта следует признать (канонические) предложения в виде перформативных матриц, типа *Я обещаю, что...*, *Я извиняюсь...*, *Я прошу...* и т.п., где иллокутивное действие реализуется в виде элементарного речевого действия, сливается с ним. В этом, как считает А.А. Романов, кроется отличие иллокутивных действий от других речевых действий, целевое назначение которых состоит либо в описании типов диалогических интеракций (*рассказывать, объяснять, аргументировать, описывать* и т.п.), либо в раскрытии характеристик иллокутивного действия в процессе диалогического взаимодействия (*отвечать, возражать, замечать, подчеркивать* и т.п.), либо в установлении отношений между иллокутивными действиями в процессе диалога (*повторять, обосновывать, суммировать, подводить итог* и т.п.). Иллокутивные действия являются основными (категориальными) действиями (или видом действий) для всех других речевых действий, ибо только иллокутивные действия могут быть повторены, обобщены или перефразированы [Романов 2006].

Способность иллокутивных действий к обобщению наглядно прослеживается в парадигматической системе перформативов-номинаторов видов/типов иллокутивных актов в немецком языке, описанной в свете динамического фрейма РА в п. 2.2. настоящего исследования. Иерархические уровни данной системы отражают уровни категоризации иллокуции в немецком языке и соотносятся с видовыми (4 уровень) и типовыми (2-3 уровни) характеристиками иллокутивных актов в современной немецкой лингвокультуре.

Полученные данные будем использовать при формулировке когнитивных признаков, формирующих концептуальное пространство слота «содержание иллокутивной силы» в рамках действия иллокутивной силы каждого типа. При этом типовые признаки иллокутивных сил (по Дж. Серлю) будем считать в свете динамического фрейма категоризации иллокуции видовыми, поскольку в конкретном РА содержание иллокутивной силы может детерминироваться и соотноситься не только с видовыми, но и с типовыми характеристиками иллокутивных сил, несводимых друг к другу.

Поскольку выделение когнитивных признаков слота «содержание иллокутивной силы» на материале немецкого языка требует обращения к языковым сущностям, иконически соотнесенным в языке с концептуальными смыслами плана содержания иллокутивной силы каждого типа и вбирающими в себя весь потенциал функциональной предназначенности иллокутивных актов конкретного вида, будем опираться на богатый опыт зарубежной и отечественной германистики, имеющийся на современном этапе в описании процессов дискурсообразования в свете теории речевых актов.

Особо обращает на себя внимание в этой связи теория лингвистического анализа текста К. Бринкера (см. [Brinker 1988], [Brinker 2001]), в которой известный немецкий лингвист рассматривает основные текстовые функции, соотносящиеся с типами иллокутивных сил по Дж. Серлю, и формулирует признаки для каждой из выделенных им

текстовых функций. Признаки текстовых функций К. Бринкера максимально отражают, на наш взгляд, содержание сопряженных с ними типов иллокутивных сил в представлении носителей немецкого языка.

Поэтому при описании когнитивных признаков, формирующих концептуальное пространство слота «содержание иллокутивной силы» в сфере действия иллокутивной силы того или типа будем использовать, в том числе, бесценный опыт К. Бринкера по выделению конститутивных признаков текстовых функций в свете теории речевых актов.

Основное внимание сфокусируем на том, что когнитивный признак, определяющий содержание иллокутивной силы, задает функциональную предназначенность всему речевому произведению, выступающему вербальным коррелятом РА с заданной иллокутивной силой по отношению к некоторому пропозициональному содержанию. Соответственно, составляющие его концептуальные смыслы, могут получить различную детерминацию в РА в зависимости от установок говорящего. Тем не менее, он определяет целостность концептуального пространства всего РА и отражает его главное свойство – быть действием. Следовательно, лингвистическая метарепрезентация когнитивного признака, определяющего содержание иллокутивной силы каждого типа, как языковой знак представляет собой перформативную матрицу, вбирающую в себя весь потенциал реализации в дискурсе иллокутивных актов соответствующего типа. Значит, семантический фокус такой матрицы содержания иллокутивной силы каждого типа в немецком языке образует перформатив, выступающий номинатором вида иллокутивных актов. Полученные и описанные нами в п. 2.2. результаты анализа парадигматической организации перформативов-номинаторов вида/типа РА дают возможность сформулировать когнитивные признаки содержания иллокутивной силы каждого типа в немецком языке.

Учитывая имеющийся в лингвистической прагматике опыт по описанию вербальной репрезентации в языке иллокутивных сил различного типа, а также тот факт, что описание плана содержания и плана выражения

иллокутивного акта отдельного типа и, тем более, вида составляет предмет отдельного научного и практического исследования, основную задачу при описании концептуального содержания каждого метафрейма, составляющего концептуальное пространство слота «содержание иллокутивной силы», видим в выделении конституирующего его когнитивного признака и описании основных групп языковых средств, которые выполняют в дискурсе дейктическую функцию по отношению к содержанию иллокутивной силы.

2.1.3.2.1.1. Метафрейм «Репрезентативная иллокутивная сила»

Основной когнитивный признак метафрейма «Репрезентативная иллокутивная сила», конституирующий концептуальное пространство иллокутивного акта при его вербализации носителем немецкого языка, можно представить в виде следующей перформативной матрицы:

Ich (der Sprechende) **repräsentiere den Sachverhalt X**, indem ich (den Angesprochenen/Rezipienten) darüber informiere.

Данная перформативная матрица является металингвистической репрезентацией метафрейма «Репрезентативная иллокутивная сила» в языковом сознании носителя немецкого языка, вбирающей в себя весь иллокутивный потенциал речевых актов в немецком языке с данной иллокутивной силой.

Анализ многочисленных примеров реализации в дискурсе иллокутивных актов с репрезентативной иллокутивной силой показал, что в конкретном речевом акте детерминация иллокуции может происходить в зависимости от уровня её категоризации говорящим от высшего до низшего полюса её абстракции. Т.е. в конкретном иллокутивном акте репрезентативная иллокутивная сила может быть выражена:

– в «чистом виде», без указания на значение её детерминации, например:

(83) „*Die Nacht ist schön*“, – *sagte er* [Walser 1986: 71].

Репрезентативная иллокутивная сила данного РА выражена в грамматической форме повествовательного предложения/высказывания и эксплицирована в словах автора перформативом, обозначающим максимально абстрактную степень иллокуции (*sagen*). Отсутствие в глубинной структуре РА детерминативных компонентов иллокутивной силы указывает на реализацию говорящим значения иллокутивного акта „Ich (der Sprechende) repräsentiere den Sachverhalt „Die Nacht ist schön“, indem ich (den Angesprochenen/Rezipienten) darüber informiere“, совпадающего со значением вида иллокутивной силы;

– посредством иллокутивного акта, значение которого совпадает со значением типа иллокутивного акта с репрезентативной иллокутивной силой, например:

(84) „*Sie ist schön*“, - sagte er offen seine Meinung [Walser 1986: 71].

Значение иллокутивной составляющей РА выражено в приведенном РА посредством грамматической формы повествовательного предложения/высказывания и эксплицировано в словах автора перформативным клише „*seine Meinung sagen*“, выступающим эквивалентом перформатива *meinen* и обозначающим соответствующий тип репрезентативного РА. Присутствие в глубинной структуре РА перформатива *meinen* как семантического фокуса иллокутивной силы указывает на субкатегориальный план иллокуции РА, выражаемый лингвистической метареферентацией „Ich (der Sprechende) äußere meine Meinung, indem ich den Sachverhalt „*Sie ist schön*“ repräsentiere und (den Angesprochenen/Rezipienten) darüber informiere“.

Тем самым любой детерминат, выступающий семантическим фокусом иллокутивной силы в глубинной структуре РА и указывающий на субкатегориальный план иллокуции, в основе реализации которой лежит когнитивный признак „Ich (der Sprechende) repräsentiere den Sachverhalt X, indem ich (den Angesprochenen/Rezipienten) darüber informiere“, является в конкретной речевой ситуации репрезентантом репрезентативной иллокутивной силы. Выделение основного когнитивного признака,

определяющего содержание иллокутивной силы РА, осуществляется говорящим за счет фокусировки своего деятельностного потенциала на ноэмогенной силе иллокутивного акта, в результате поляризации которой в общей структуре иллокуции РА высказывание/дискурс, выступающие вербальным коррелятом РА, не просто перенимают на себя его концептуальное содержание, но являются средством выражения мыслей, мнений, убеждений говорящего, задавая общий вектор реализации иллокутивной силы в РА от слов к миру (Рисунок 2).

Посредством репрезентативной иллокутивной силы РА говорящий как бы «овеществляет» с помощью слов то, что он имеет сообщить миру в конкретной речевой ситуации, о чем он не может и, исходя из онтологической природы иллокутивного акта, не имеет права молчать. Соответственно, информирующая функция речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА, непосредственно отражает реализацию в дискурсе репрезентативной иллокутивной силы.

Дейктическую функцию по отношению к содержанию репрезентативной иллокутивной силы в простых РА имеет, как правило, грамматическая форма повествовательного предложения-высказывания. Употребление говорящим в дискурсе повествовательного предложения-высказывания с соответствующим интонационным (повествовательная интонация) или графическим (точка) оформлением указывает, как правило, на осуществление им РА с репрезентативной иллокутивной силой. Т.е. данные средства в их совокупности являются эксплицитными средствами дейксиса по отношению к иллокутивному акту с репрезентативной иллокутивной силой (Рисунок 2а).

Однако учитывая высокую ситуативную обусловленность вербальной репрезентации ИСРА, нельзя сказать, что указанные средства, даже в их совокупности, являются однозначными экспликаторами репрезентативной иллокутивной силы при реализации РА в дискурсе.

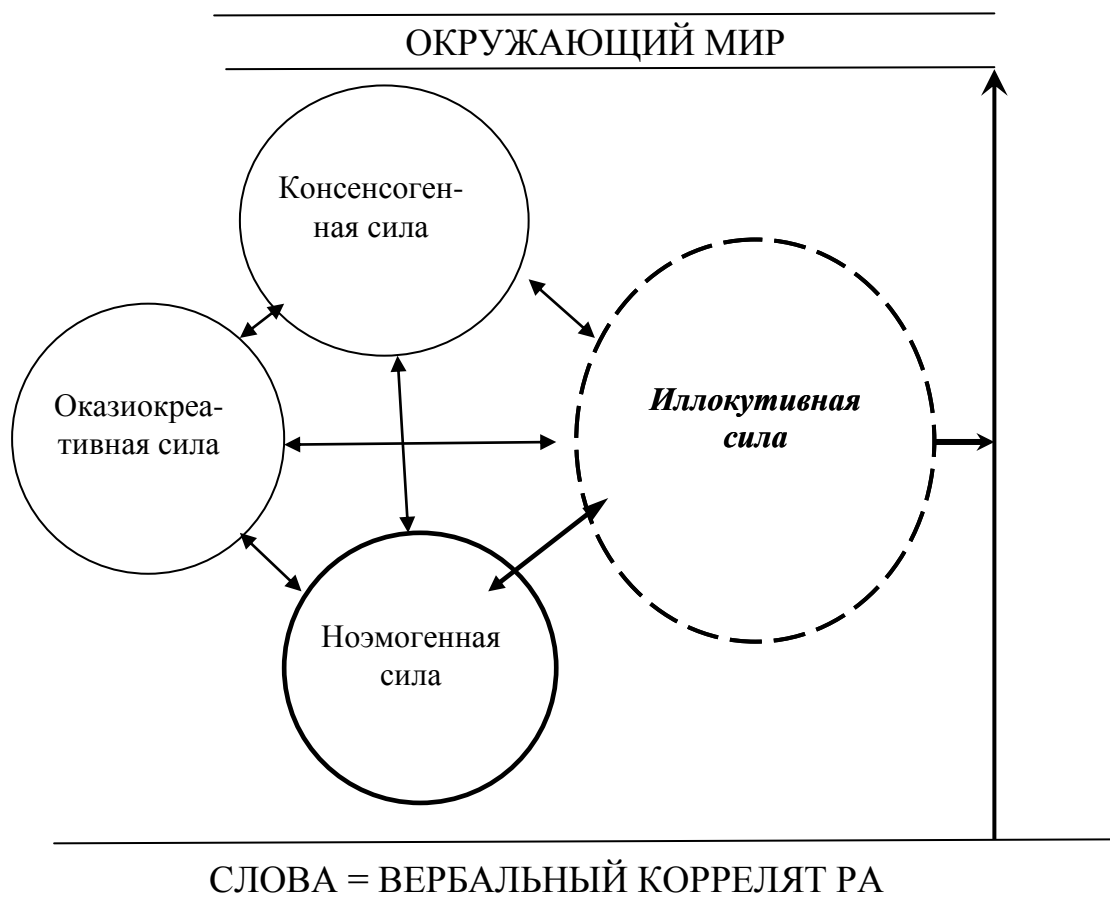

Рисунок 2а: Профилирование компонентов иллокутивной силы при реализации в РА репрезентативной иллокутивной силы

В частности, рассмотрим следующий пример:

(85) „*Du sitzt hier*“, - *sagte der Onkel und zeigte mir auf den freien Stuhl*

[Greil 2010: 121].

На первый взгляд, форма повествовательного предложения-высказывания в совокупности с повествовательной интонацией, на которую указывает графическое оформление художественного текста, должна эксплицировать осуществление говорящим РА с репрезентативной иллокутивной силой. Однако пропозициональное содержание высказывания „*Du sitzt hier*“ «прочитывается» за счет средств контекста (*sagte der Onkel und zeigte mir auf den freien Stuhl*) как еще не существующее в мире, но желаемое со стороны говорящего (дядя не констатирует факт, что племянник сидит на этом стуле, а утверждает не существующий, но желаемый факт, указывая ему на свободный стул). Поэтому в глубинной структуре иллокутивного акта

постулируется лингвистическая метарепрезентация когнитивного признака, отличного от признака репрезентативной иллокутивной силы и указывающего на реализацию говорящим иллокутивного акта с директивной иллокутивной силой.

Тем самым пропозициональное содержание иллокутивного акта с репрезентативной иллокутивной силой, заключающееся в убежденности говорящего, что некий факт реальной действительности имеет место быть, является, наряду с грамматической формой предложения-высказывания и интонацией, эксплицитным средством иллокутивного дейксиса, указывающем на наличие в глубинной структуре РА когнитивного признака, конституирующего концептуальное пространство РА с репрезентативной иллокутивной силой,

На реализацию в РА репрезентативной иллокутивной силы может указывать не только форма повествовательного предложения-высказывания.

В некоторых ситуациях дейктичной к факту осуществления РА с репрезентативной иллокутивной силой является грамматическая форма восклицательного предложения в совокупности с восклицательной интонацией (или восклицательным знаком при графическом оформлении РА)

(86) *Plötzlich schrie er triumphierend: „Gefunden! Da, endlich habe ich es gefunden. Ich wusste doch, dass es irgendwo hier sein muss.“* [Trumpf 2013: 37].

В данном примере репрезентативный речевой акт, в основе реализации которого лежит когнитивный признак „Ich (der Sprechende) repräsentiere (emotionell) den Sachverhalt „<Ich habe es> gefunden“, indem ich (den Angesprochenen/ Rezipienten) darüber informiere“, осуществляется говорящим в форме восклицательного предложения-высказывания, поскольку интенсивность реализации иллокутивной силы в анализируемом примере повышена за счет эмоционально-экспрессивного компонента в виду особого эмоционального состояния говорящего, испытывающего большую радость и даже триумф по поводу того, что его долгие поиски увенчались успехом.

Однако указанные средства иллокутивного дейксиса, эксплицирующие реализацию говорящим репрезентативной иллокутивной силы, выявляют свой потенциал как таковые при взаимодействии с пропозициональным содержанием РА „*<Ich habe es> gefunden*“ и дискурсивным контекстом, который также выполняет дейктическую функцию по отношению к содержанию иллокутивной силы РА.

То же самое можно сказать и о грамматической форме вопросительного предложения-высказывания как средстве иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию репрезентативной иллокутивной силы РА, например: (87) „*Ja bin ich denn dein Dienstmädchen? Ihr Vorwurf war für ihn unerwartet* [Walser 1986: 52]. В приведенном РА упрёка (*Vorwurf*) „*Ja bin ich denn dein Dienstmädchen?*“ (Я что, твоя служанка?), реализованном в дискурсе в форме риторического вопроса, основным экспликатором содержания иллокутивной силы является пропозициональное содержание РА (*Ich bin dir kein Dienstmädchen*), отражающее некоторое положение дел, постулируемое говорящим как данность.

Аналогичные результаты показывает анализ других многочисленных примеров реализации РА с репрезентативной иллокутивной силой в немецком языке, включая сложные речевые акты с общей репрезентативной иллокутивной функцией, реализованные в различных жанровых формах (*Bericht* (отчет, доклад, донесение), *Beschreibung* (описание), *Gutachten* (рекомендация, отзыв), *Nachricht* (сообщение, известия) и др.).

Пропозициональное содержание РА с репрезентативной иллокутивной силой является, таким образом, одним из основных компонентов плана содержания и плана выражения репрезентативного речевого акта, будучи представленным в глубинной структуре РА в составе перформативной матрицы как *Sachverhalt X*, что обозначает направление реализации иллокутивной силы от слов к миру, т.е. убежденность говорящего в том, что пропозициональное содержание имеет место быть, существует. И если степень этой убежденности может варьироваться в различных типах

репрезентативных РА (например, *behaupten*, *vermuten*, *zeugen* и др.), то сам факт реальной действительности, составляющий пропозициональное содержание репрезентативного РА (*Sachverhalt*), существует для говорящего как данность.

Изменение данной установки ведет к изменению когнитивного признака, конституирующего концептуальное содержание иллокутивного акта с репрезентативной иллокутивной силой, и, как следствие, – к изменению видовых характеристик иллокутивного акта.

Таким образом, глубинная структура РА с репрезентативной иллокутивной силой в немецком языке всегда представлена лингвистической метареферентацией „*Ich* (der Sprechende) repräsentiere den Sachverhalt X, indem ich (den Angesprochenen/Rezipienten) darüber informiere“, отражающей наличие когнитивного признака «Я (говорящий) выражаю свою убежденность в существовании некоторого положения дел в мире» в концептуальном пространстве иллокутивной составляющей РА, формирующего слот «содержание иллокутивной силы».

Языковые средства, выполняющие в дискурсе функцию иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию репрезентативной иллокутивной силы, характеризуются ситуативной обусловленностью. По их способности быть представленными в РА с помощью формальных средств языка их можно разделить на две основные группы – эксплицитные и имплицитные.

Эксплицитными средствами иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию репрезентативной иллокутивной силы в немецком языке выступают в простых речевых актах в их совокупности пропозициональное содержание РА, грамматическая форма предложения-высказывания и интонационные средства, а также в сложных РА жанровые формы, общая иллокутивная функция которых репрезентирует основной когнитивный признак РА с данной иллокутивной силой.

Имплицитным средством иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию репрезентативной иллокутивной силы в немецком языке выступает контекст.

2.1.3.2.1.2. Метафрейм «Директивная иллокутивная сила»

Основной когнитивный признак метафрейма «Директивная иллокутивная сила», формирующий концептуальное пространство иллокутивного акта при его вербализации носителем немецкого языка, представлен следующей лингвистической метареферентацией:

Ich (der Sprechende) **fordere** (den Angesprochenen/Rezipienten) **auf**, die Einstellung X zu übernehmen / die Handlung X zu vollziehen.

Данная перформативная матрица конституирует глубинную структуру любого простого и сложного РА с данной иллокутивной силой в немецком языке и вбирает в себя весь иллокутивный потенциал директивных речевых актов в немецкой лингвокультуре.

Анализ многочисленных примеров реализации в дискурсе иллокутивных актов с директивной иллокутивной силой свидетельствует о том, что в конкретном речевом акте детерминация иллокуции происходит также в зависимости от уровня её категоризации говорящим.

Например, в РА (88) „*Komm rein*“, forderte er sie auf, während er sich *abwendete und ins Wohnzimmer ging* [Rainy 2013: 189] директивная иллокутивная сила выражена посредством побудительного предложения-высказывания и эксплицирована в словах автора перформативом *auffordern*, обозначающим максимально абстрактную степень иллокуции РА с директивной иллокутивной силой.

В примере (89) „*Finden Sie ihn*“, *bettelte sie den Polizisten an*, „*bitte! Sie müssen ihn finden!*“ [Taylor 2009: 74], напротив, директивная иллокутивная сила РА *Finden Sie ihn, bitte!* детерминирована речевой ситуацией и эксплицирована в словах автора (*sie bettelte den Polizisten an*). Тем самым в

глубинной структуре РА представлен детерминант директивной иллокутивной силы, выражаемый с помощью лингвистической метареференции „Ich (der Sprechende) bettele (den Angesprochenen/ Rezipienten) an, indem ich ihn auffordere, die Handlung X zu vollziehen“.

И в первом, и во втором случае наличие основного когнитивного признака в концептуальном пространстве РА определяет реализацию в дискурсе говорящим директивной иллокутивной силы посредством иллокутивного акта конкретного типа.

В отличие от репрезентативной иллокутивной силы, детерминация которой не имеет прямой зависимости от её интенсивности (определяемой степенью убежденности говорящего в том, что пропозициональное содержание имеет место быть, существует), детерминация директивной иллокутивной силы в РА зачастую непосредственно зависит от её интенсивности, которая определяется во многом уровнем взаимоотношений между коммуникантами (Ср., например, Frage (вопрос), Rezept (рецепт), Anweisung (указание, рекомендация), Vorschrift (предписание), Befehl (приказ), Gesetz (закон) и пр.).

Опыт многочисленных исследователей феномена побудительности в языке с позиции как системно-структурного [Bolinger 1967; Bownan 1963; Bownan 1963; Broadie 1972; Davies 1986; Morris 1960; Sommerfeldt, Schreiber, Starke 1994; Абрамов 1990 и мн. др.], так и функционально-прагматического подходов [Беляева 1992; Бирюлин 1992; Бондарко 1989; Егорова 1995; Левус 1986; Маслова 2009; Неустроев 2008; Храковский 1990; Фирсова 2000; Формановская 1984; Шеловских 1995; Яковлева 2005 и др.] показывает, что детерминация директивной силы РА в дискурсе осуществляется ситуативным контекстом, содержащим признаки равноправных или иерархических отношений, дискурсивными условиями (т.е. типовыми признаками дискурса, предопределяющими иерархичность или субориентацию взаимоотношений коммуникантов, например, военный, юридический, служебный дискурс), а также жанровыми особенностями

текста/ дискурса, выступающего вербальным коррелятом сложного РА с общей директивной иллокутивной функцией.

Отметим, что в каждом случае реализации говорящим в дискурсе РА с директивной иллокутивной силой посредством отдельного предложения-высказывания или (фрагмента) дискурса его иллокутивная семантика будет «прочитываться» за счет основного когнитивного признака, представленного в глубинной структуре вербального коррелята РА, который будет репрезентирован или в обобщенном виде восходить к лингвистической метарепрезентации „Ich (der Sprechende) fordere (den Angesprochenen/ Rezipienten) auf, die Einstellung X zu übernehmen/ die Handlung X zu vollziehen“.

При выборе говорящим директивной иллокутивной силы для реализации РА её основной когнитивный признак выделяется в общем концептуальном пространстве РА за счет фокусировки говорящим своего деятельностного потенциала на консенсогенной силе, способной с переходом содержания того, что сказывается, на самого адресанта и на адресат сказывания менять статус эмитента и реципиента, их отношение к высказыванию, ситуации, друг к другу, побудить к совершению определенных действий.

Консенсогенная сила концентрирует потенциал иллокутивной силы речевого акта на её способности вызывать в сознании реципиента определенное ментальное состояние, имеющее следствием некоторое желаемое говорящим действие.

Профилирование данного компонента иллокутивной силы РА непосредственно влияет на общую функциональную предназначенность высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА, с вектором реализации иллокутивной силы в РА по Дж. Серлю от мира к словам (Рисунок 3):

Рисунок 3: Профилирование компонентов иллокутивной силы при реализации в РА директивной иллокутивной силы

Побудительная функция высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА с директивной иллокутивной силой, маркируется в языке различными языковыми средствами. Во многих языках система средств репрезентации побудительности является самой развитой по сравнению со средствами лингвистической репрезентации других типовых коммуникативных интенций [Храковский 1986], поскольку говорящий, побуждающий реципиента к совершению какого-либо действия, напрямую заинтересован в том, чтобы его иллокутивное действие было открыто для распознавания.

Показатели директивной иллокутивной силы в немецком языке непосредственно содержатся в прямых директивных речевых актах с соответствующими перформативными глаголами в перформативном прочтении или основным глаголом в повелительном наклонении [Ehrhardt, Heringer 2011: 57-58]. Императив признается при этом основным средством

выражения побуждения в грамматике языка [Изотов 2007: 59], поскольку его семантику составляет «прямое волеизъявление говорящего, результатом которого, с точки зрения говорящего, должно стать совпадение пропозиционального содержания его высказывания с действительностью [Касевич 2006: 554].

Однако форма императива является лишь одним из средств выражения побудительности РА в немецком языке [Brinkmann 1962]. По данным различных исследователей к средствам реализации побудительной функции высказывания/дискурса относятся:

- глаголы волеизъявления;
- индикатив настоящего и будущего времени активного залога, а также в некоторых ситуациях – индикатив прошедшего времени активного залога;
- пассив (как правило, форма безличного пассива);
- инфинитив;
- Partizip II;
- Pseudogliedsatz mit dass;
- haben + zu + Infinitiv;
- sein + zu + Infinitiv;
- модальный глагол + инфинитив;
- конъюнктив настоящего времени;
- конъюнктив прошедшего времени (Präteritum) модального глагола;
- Konditionalis;
- однословные предложения [Schendels 1982: 79-85], а также
- вопросительное предложение-высказывание;
- способ обращения к реципиенту;
- частицы;
- модальные слова;

- интонация, которая может варьироваться и передавать различные оттенки побуждения;
- пунктуация (для письменной речи);
- контекст [Ehrhardt, Heringer 2011: 61-65].

Однако, по мнению самих исследователей, присутствие указанных средств в поверхностной структуре РА не всегда указывает на его побудительную семантику.

Результаты анализа языковых фактов свидетельствуют о том, что вербальные средства, имеющие дейктичную функцию по отношению к содержанию директивной иллокутивной силы в немецком языке, имеют ситуативную обусловленность и в зависимости от того, указывают ли они на реализацию в данном РА директивной иллокутивной силы с помощью формальных языковых средств или без опоры на таковые, их можно разделить на эксплицитные и имплицитные.

Эксплицитные средства иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию директивной иллокутивной силы представлены, как правило, в поверхностной структуре РА, например:

– в РА (90): *Ich fordere dich auf, lass sie endlich in Ruhe und lass sie gehen. Du raubst ihr ihre Freiheit, indem du sie zur Prostitution zwingst* [Интернет-ресурс 1-2] побуждение (оставить девушку в покое и отпустить) эксплицировано перформативом-номинатором вида директивной иллокутивной силы (*auffordern*) в перформативном употреблении;

– в РА (91): „*Ich will etwas zeigen! Also komm her!*“, *forderte Erich* [Walden 2012: 302] требование Эриха (подойти к нему) выражено формой повелительного предложения-высказывания с глаголом в повелительном наклонении;

– в РА (92): „*Sie war völlig in Gedanken versunken, als der Busfahrer auf einmal sagte: „Endstation, alles aussteigen!“* [Huellen van 2011: 27] требование водителя, что автобус прибыл на конечную остановку и всем требуется

выйти, выражено в форме побудительного предложения-высказывания с инфинитивом);

– в выделенном РА (93): „Aufstehen“, befahl Jason sehr streng. Der Mann gehorchte, schnappte mit weit aufgerissenem Mund nach Luft, und seine Augen blickten wütend und haßerfüllt [Ludlum 1996: 411] приказ встать выражен говорящим в РА в форме побудительного предложения-высказывания с глаголом в форме инфинитива и повелительной интонацией (streng);

– в РА (94): „Du sollst mich losbinden!“, befahl sie erneut [Westerhoff 2013: 31] приказ „Du sollst mich losbinden!“ (Ты должен меня развязать!) выражен говорящим в форме побудительного предложения-высказывания с модальным глаголом и инфинитивом и пр.

Их употребление говорящим в конкретном РА диктуется особенностями концептуализации им референтной ситуации общения и его ментальным и психологическим состоянием в момент принятия решения об осуществлении РА с директивной иллокутивной силой в заданной форме.

В сложных директивных РА эксплицитным средством иллокутивного дейксиса выступает также жанровая форма текста/дискурса с общей иллокутивной функцией директива (Vorschrift, Befehl, Anweisung, Rezept и пр.).

Основным **имплицитным** средством иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию директивной иллокутивной силы в РА выступает контекст. Как правило, его значимость как дейктика иллокутивной силы проявляется в косвенных директивных речевых актах, например:

(95) „Haben Sie schon eine Rentenversicherung beantragt?“ – *wiederholte er seine Aufforderung* [Walden 2012: 174].

Неотъемлемым средством контекста как имплицитного средства иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию директивной иллокутивной силы выступает пропозициональное содержание иллокутивного акта. И говорящий, и слушающий в приведенном примере знают, что желаемое для говорящего действие (*eine Rentenversicherung*

beantragen) слушающий еще не совершил. Оно явно относится к сфере будущего. Поэтому в данной речевой ситуации РА в форме вопросительного предложения с глаголом в прошедшем времени «прочитывается» как директивный речевой акт, в котором говорящий настойчиво (*wiederholte*) выражает своё желание, чтобы слушающий совершил определенное действие (*eine Rentenversicherung beantragt*).

Контекст может определяться также дискурсивными условиями, в которых типовые характеристики дискурса могут указывать на побудительную семантику РА.

2.1.3.2.1.3. Метафрейм «Комиссивная иллокутивная сила»

Основной когнитивный признак метафрейма «Комиссивная иллокутивная сила», формирующий концептуальное пространство комиссивного иллокутивного акта при его вербализации носителем немецкого языка, представлен следующей перформативной матрицей:

Ich (der Sprechende) **verpflichte mich**, die Handlung X zu tun.

Данная перформативная матрица является когнитивной основой формирования глубинной структуры любого простого и сложного РА с данной иллокутивной силой в немецком языке и вбирает в себя весь иллокутивный потенциал речевых актов с комиссивной иллокутивной силой в немецкой лингвокультуре.

Детерминация комиссивной иллокутивной силы происходит в РА в зависимости от коммуникативной формы комиссива и дискурсивных условий.

Комиссивные речевые акты в немецком языке *versprechen* (обещать), *sich verpflichten* (брать на себя обязательство), *schwören* (клясться, присягать), *übernehmen* (брать на себя руководство/ответственность), *sich bereit erklären* (заявлять о своей готовности, соглашаться), *garantieren* (ручаться, гарантировать), *sich verbürgen* (давать поручительство, поручаться), *wetten*

(держать пари, спорить), *anbieten* (предлагать, делать предложение) реализуются, как правило, в соответствующих жанровых формах (*Vertrag, Vereinbarung, Garantieschein, Gelübde, Gelöbnis, Angebot* и пр.) и относятся к ритуализованным речевым актам.

Лишь простые речевые акты с комиссивной иллокутивной силой отличаются относительным многообразием при их реализации в дискурсе.

Например, обещание говорящего убрать свою комнату может быть выражено в дискурсе разными способами:

Mama, ich verspreche dir, mein Zimmer aufzuräumen.

Mama, ich räume mein Zimmer, ich verpsreche.

Mama, ich räume mein Zimmer, ich schwöre.

Mama, ich räume mein Zimmer unbedingt.

Mama, ich räume mein Zimmer, sei ruhig.

Mama, ich räume mein Zimmer и др.

Иллокутивная сила открыта к распознаванию в каждом случае благодаря тому, что различные языковые средства указывают, что семантический фокус иллокуции в глубинной структуре РА соотносится с концептуальными смыслами комиссивной иллокутивной силы, представленными в перформативной матрице „*Ich (der Sprechende) verpflichte mich, die Handlung X zu vollziehen*“.

Однако такие институализованные речевые акты, как клятва, присяга и торжественное обещание имеют, как правило, заданную дискурсивными условиями форму и не могут подвергаться, в целом, модификации со стороны говорящего, утрачивая свойство конвенциональности.

В данной связи необходимо подчеркнуть, что детерминация комиссивной иллокутивной силы непосредственно связана с её интенсивностью по оси „*sich verpflichten – schwören*“.

Коммуникативные формы реализации комиссивов с иллокутивной силой большей интенсивности предполагают, как правило, её экспликацию либо через употребление говорящим соответствующего перформатива в

перформативном прочтении, либо реализацию РА в заданной институциональной жанровой форме.

Основной когнитивный признак выделяется в концептуальном пространстве РА при реализации комиссивной иллокутивной силы за счет фокусировки говорящим своего деятельностного потенциала одновременно на консенсогенной и нозмогенной силах иллокутивного акта, за счет чего РА с переходом содержания того, что сказывается, на самого адресанта меняет отношение коммуникантов к ситуации и побуждает субъекта РА к совершению в будущем определенных действий.

Профилирование данных компонентов иллокутивной силы РА оказывает непосредственное влияние на общую функциональную предназначенность высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом комиссивного РА, и задает вектор реализации иллокутивной силы в РА от мира к словам (Рисунок 4).

Соотношение нозмогенной и консенсогенной сил определяет степень ритуализованности комиссивного РА. Большой вес консенсогенной силы ведет к изменению статуса эмитента и ситуации, а, значит, к повышению роли коммуникативной формы дискурса, выступающего вербальным коррелятом комиссивного РА, и степени её ритуализованности, налагая большую ответственность эмитента по осуществлению взятого на себя обязательства «извне». Напротив, большее профилирование говорящим нозмогенной силы предполагает констатацию факта, что он накладывает на себя обязательства по выполнению определенного действия или линии поведения. По форме данные РА могут быть идентичными РА с репрезентативной иллокутивной силой. Однако действие комиссивной иллокутивной силы в таких РА заканчивается, как только основной когнитивный признак содержания комиссивной иллокутивной силы, репрезентированный в РА посредством эксплицитных или имплицитных языковых средств, исчезает, заменяясь другим.

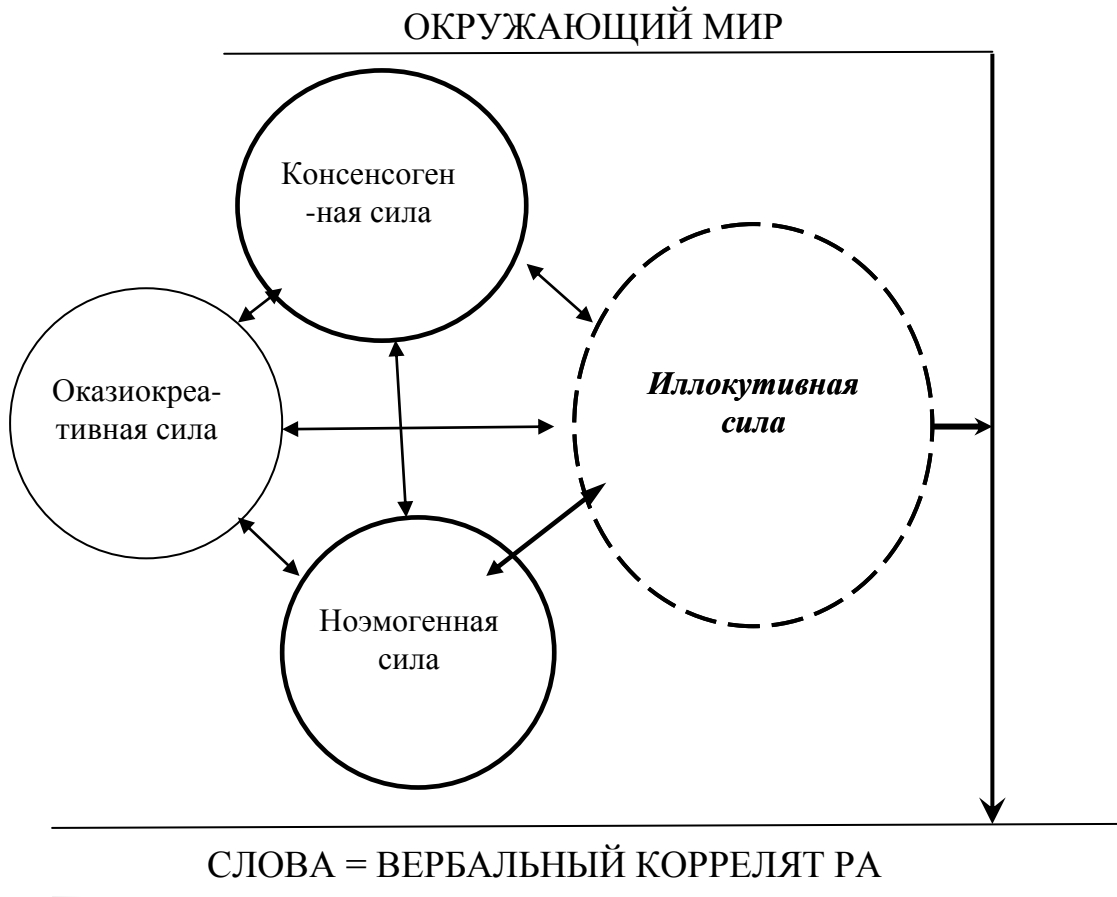

Рисунок 4: Профилирование компонентов иллокутивной силы при реализации в РА комиссивной иллокутивной силы

Анализ языковых фактов показывает, что **эксплицитными** средствами иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию комиссивной иллокутивной силы выступают:

– соответствующий уровню детерминации комиссивной иллокутивной силы перформативный глагол в перформативном употреблении, например:

(96) „*Ich erkläre mich bereit, ehrenamtlich die Flüchtlingsbetreuung zu unterstützen*“ [Интернет-ресурс 1-3]. Данный комиссивный речевой акт, в котором говорящий добровольно и на общественных началах берет на себя обязательства по уходу за беженцами, демонстрирует свою иллокутивную силу благодаря присутствию в поверхностной структуре РА перформативного глагола *sich bereiterklären* в перформативном употреблении. Кроме того, дискурсивная реализация данного РА (в тексте официального заявления в письменной форме в администрацию города

Дюссельдорфа о готовности взять на себя обязательство по уходу за беженцами) свидетельствует о том, что указанный перформатив является номинатором и экспликатором иллокутивной силы сложного РА *Bereiterklärung* в институциональном дискурсе, типовые признаки которого предопределяют ритуализованный характер коммуникативной формы реализации сложного РА и, как следствие, форму приведенного в примере простого РА с перформативом, являющегося его составной частью;

– жанровая форма реализации сложного РА с общей иллокутивной функцией комиссива, например (97):

„*Gelöbnis der Thälmann-Pioniere:*

Ernst Thälmann ist mein Vorbild.

Ich gelobe zu lernen, zu arbeiten und zu kämpfen, wie es Ernst Thälmann lehrt. Ich will nach den Gesetzen der Thälmannpioniere handeln.

Getreu unserem Gruß bin ich für Frieden und Sozialismus immer bereit“.

[Интернет-ресурс 1-4].

Приведенный текст клятвы пионеров-тельмановцев ГДР представляет пример дискурсивной реализации сложного комиссивного РА *Gelöbnis*. Жанровые черты и языковые средства, конституирующие РА, указывают на реализацию комиссивной иллокутивной силой с преимущественной профилизацией говорящим консенсогенной силы. Дискурсивный текст, выступающий вербальным коррелятом РА, представляет ритуализованную форму клятвы, состоящую из последовательности констативных предложений-высказываний, утверждающих намерение говорящего следовать примеру Э. Тельмана. Экспликатором иллокутивной функции сложного РА выступает перформатив в перформативном употреблении (*Ich gelobe*). Намерение говорящего выполнить некоторое действие в будущем (*nach dem Vorbild handeln*) раскрывается также далее в простых РА „*Ich will <...> handeln“*, „*<...> bin ich bereit“*;

– пропозициональное содержание высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА, с опорой на эксплицитные

средства модальности, выражающие уверенность говорящего в выражении им намерения выполнить некоторое будущее действие, и/или контекст, например:

(98) „Dieses Mal versprach er ihr: "Wenn du auch diese Aufgabe erledigst, sollst du meine Gemahlin werden" [Интернет-ресурс 1-5].

В данном примере комиссивная иллокутивная сила, эксплицируемая в контексте с помощью слов автора, «прочитывается» за счет пропозиционального содержания (*du sollst meine Gemahlin werden* – ты станешь моей супругой), выраженного модальным глаголом с инфинитивом, передающим уверенность в реализации будущего действия.

ИмPLICITНЫМ средством иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию комиссивной иллокутивной силы выступает, как показано, контекст. В определенных дискурсивных условиях он выступает единственным экспликатором комиссивной иллокутивной силы, указывая на присутствие основного когнитивного признака иллокутивной силы данного типа в глубинной структуре РА.

2.1.3.2.1.4. Метафрейм «Экспрессивная иллокутивная сила»

Содержание экспрессивной иллокутивной силы РА по Дж. Серлю связано не столько с выражением эмоционального, сколько особого психологического состояния говорящего, задаваемого условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания. Как отмечает К. Бринкер, решающим фактором при определении экспрессивной иллокутивной силы РА является осуществление говорящим социальных ритуалов, требующих от него выражения определенного психологического состояния в отношении реципиента и связанных с ним событий [Brinker 1988].

Осмысление онтологической природы экспрессивной иллокутивной силы приводит к заключению, что при реализации в РА иллокутивной силы

данного типа говорящий фокусирует свой деятельностный потенциал одновременно на консенсогенной и okazaokреативной силах иллокутивного акта, сочетание которых способно посредством перехода содержания сказываемого на адресанта и на адресат сказывания влиять на их отношение друг к другу и на сферу их взаимоотношений в целом. Задавая существование сферы этих взаимоотношений как отдельной ситуации, сочетание консенсогенной и okazaokреативной сил изменяет вместе с тем и саму эту ситуацию.

Профилирование данных компонентов иллокутивной силы РА определяет функциональную природу экспрессивов, позволяя говорящему с помощью высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА, обеспечивать реализацию контактоустанавливающей функции экспрессивного РА. Приспособление при этом мира к словам или слов к миру в РА отсутствует (Рисунок 5).

В частности, при реализации таких иллокутивных актов, как, например, *danken* (благодарить), *um Entschuldigung bitten* (извиняться), *beglückwünschen* (поздравлять), *gratulieren* (поздравлять), *sich beschweren* (жаловаться), *willkommen heißen* (приветствовать), *Beileid aussprechen* (соболезновать), *verfluchen* (проклинать) сфера взаимоотношений с реципиентом получает для говорящего статус ситуации, которую он меняет за счет приложения к ней заданной иллокутивной силы.

Соответственно основной когнитивный признак метафрейма «экспрессивная иллокутивная сила», формирующий концептуальное пространство иллокутивного акта при его вербализации носителем немецкого языка, можно представить в виде следующей перформативной матрицы:

Ich (der Sprechende) **äußere meine Gefühle und Einstellung** in Bezug auf den Angesprochenen/Rezipienten, indem ich dem Rezipienten zu verstehen gebe, dass es mir um die personale Beziehung zum ihm geht.

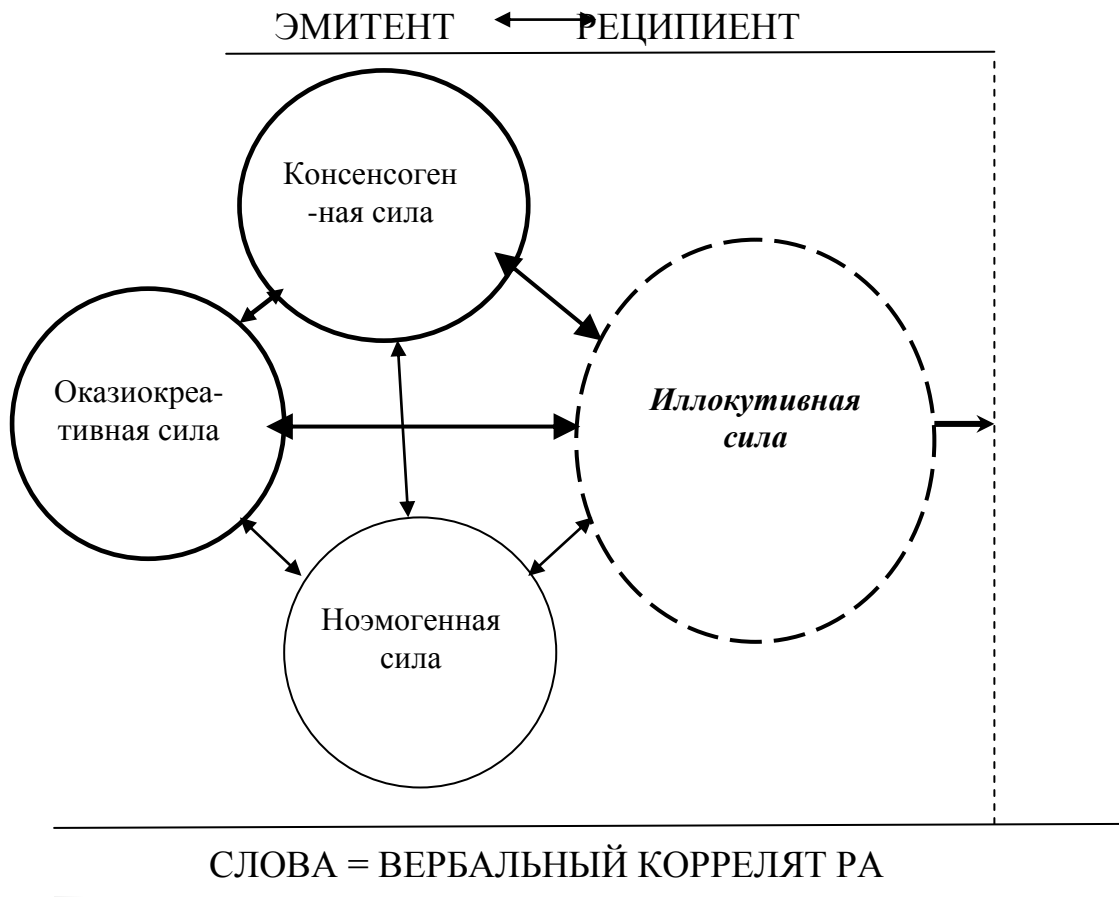

Рисунок 5: Профилирование компонентов при реализации в РА экспрессивной иллокутивной силы

Данная перформативная матрица конституирует глубинную структуру любого простого и сложного РА с данной иллокутивной силой в немецком языке и вбирает в себя весь иллокутивный потенциал речевых актов с экспрессивной иллокутивной силой.

Имеющиеся в лингвистической литературе исследования речевых ритуалов и ритуализованных форм и средств языка свидетельствуют о лингвокультурной специфике экспрессивов (G. Leech, M. Hellinger, В.Н. Телия, И.А. Стернин, В.И. Карасик, В.И. Шаховский, Т.В. Шмелева, Ю.С. Степанов, Г.Н. Манаенко и мн. др.). Данный факт говорит о том, что универсальные компоненты плана содержания иллокутивной составляющей экспрессивных речевых актов в разных языках сопровождаются также компонентами плана содержания, характерными для реализации экспрессивных РА определенного типа в той или иной лингвокультуре. Подтверждение этого тезиса находим в работах ученых, занимающихся

исследованием плана содержания и плана выражения экспрессивных РА в различных, в том числе в немецком, языках (см., например [Низеева 2010], [Руди 2012], [Трофимова 2009] и др.).

Содержание экспрессивной иллокутивной силы при её реализации в дискурсе всегда детерминировано иллокутивным типом РА. Об этом свидетельствует также тот факт, что в парадигматической структуре перформативов-номинаторов вида/типа иллокутивного акта отсутствует перформатив, способный выступить номинатором вида экспрессивных речевых актов и соответствующий 4 уровню динамического фрейма категоризации иллокуции в немецком языке.

Будучи тесно связанной с осуществлением социальных ритуалов, реализация в РА экспрессивной иллокутивной силы предполагает употребление говорящим ритуализованных форм, детерминирующих значение иллокутивного акта и имеющих дейктическую функцию по отношению к содержанию иллокутивной силы. Например, при реализации РА *gratulieren* в немецком языке используются различные ритуализованные формулы (перформативные клише), конвенциональный характер которых обеспечивается их способностью выступать средствами иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию экспрессивной иллокутивной силы, детерминантом которой основной когнитивный признак экспрессивов, иконически соотнесенный с его лингвистической метареферентацией или восходящим к ней детерминантом в глубинной структуре РА (99):

1) ПС: *Herzliche Glückwünsche zum Neujahr!* [SPN: 85]

ГС: Hiermit (d.h. jetzt und hier) gratuliere ich dir zum Neujahr, indem ich dir meine Mitfreude und Glückwünsche erteile.

В данном примере дейктичными по отношению к содержанию экспрессивной иллокутивной силы являются такие формальные средства языка, как прагматическое клише (ритуализованная формула поздравления) в форме восклицательного предложения-высказывания и лексемы *Glückwünsche*, *Neujahr*, семантика которых эксплицирует концептуальные

смыслы «пожелание в связи с поздравлением» и «повод для поздравления» плана содержания иллокутивного акта «поздравлять», восходящего по своему основному когнитивному признаку, представленному в глубинной структуре РА соответствующей перформативной матрицей, к РА с экспрессивной иллокутивной силой.

2) (100) ПС: *Glückliches Neujahr!* [SPN: 86].

ГС: Hiermit (d.h. jetzt und hier) gratuliere ich dir zum Neujahr, indem ich dir meine Mitfreude und Glückwünsche erteile.

Прагматическое клише «Счастливого Нового года!» и лексемы с соответствующей тематикой в данном примере также выполняют дейктическую функцию по отношению к содержанию экспрессивной иллокутивной силы, семантический фокус которой представлен в глубинной структуре РА лингвистической метареферентацией, иконически соотносящейся с основным когнитивным признаком иллокутивной силы данного типа.

Аналогичная ситуация наблюдается и в следующих примерах:

3) (101) ПС: *Auch meine Gratulationen zum Neujahr!* [SPN: 86].

ГС: Hiermit (d.h. jetzt und hier) gratuliere ich dir zum Neujahr, indem ich dir meine Mitfreude und Glückwünsche erteile.

4) (102) ПС: *Alles Liebe zum Geburtstag, mein Engel* [GS: 12].

ГС: Hiermit (d.h. jetzt und hier) gratuliere ich dir zum Neujahr, indem ich dir meine Mitfreude und Glückwünsche erteile.

5) Надпись на поздравительной новогодней открытке:

(103) ПС: *Meiner besten Freundin zum Neujahr!* [Manekeller 1989: 306].

ГС: Hiermit (d.h. jetzt und hier) gratuliere ich dir zum Neujahr, indem ich dir meine Mitfreude (und Glückwünsche) erteile.

Эксплицитные средства иллокутивного дейксиса по отношению к экспрессивной иллокутивной силе в приведенных примерах являются конвенциональными средствами выражения иллокутивной семантики поздравления в немецком языке и реализуют её в полной мере с опорой на

контекст, который выступает не менее важным средством иллокутивного дейксиса, имплицитно указывая на наличие в глубинной структуре РА основного когнитивного признака экспрессивного иллокутивного акта.

2.1.3.2.1.5. Метафрейм «Декларативная иллокутивная сила»

Основной когнитивный признак метафрейма «Декларативная иллокутивная сила», формирующий концептуальное пространство декларативного иллокутивного акта при его вербализации носителем немецкого языка, представлен в глубинной структуре РА лингвистической метареферентацией:

Ich (der Sprechende) **bewirke hiermit**, dass X als Y gilt, indem ich (dem Rezipienten) zu verstehen gebe, dass der Text eine neue Realität schafft.

Данная перформативная матрица конституирует глубинную структуру любого простого и сложного РА с заданной иллокутивной силой в немецком языке и вбирает в себя весь иллокутивный потенциал речевых актов с декларативной иллокутивной силой в немецкой лингвокультуре.

Осмысление фактов, представленных в научной литературе относительно онтологической природы декларативов, дает основание говорить о том, что при реализации в РА иллокутивной силы данного типа говорящий фокусирует свой деятельностный потенциал на оказиокреативной силе иллокутивного акта, что позволяет говорящему влиять на ситуацию и менять её статус. Это предопределяет высокую степень конвенциональности языковых средств декларативов. Концентрируя деятельностный потенциал иллокутивной силы РА на её способности задавать то измерение социуму, которое постулируется в его словах, говорящий осознает и подчеркивает употреблением декларативного РА свои полномочия для изменения статуса ситуации.

Соответственно, профилирование данного компонента иллокутивной силы РА с опорой на контекст, указывающий на наличие у говорящего

соответствующих полномочий для изменения статуса ситуации, определяет общую функциональную предназначенность высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом декларативного РА, и задает вектор реализации иллокутивной силы в декларативном РА от мира к словам и от слов к миру (Рисунок 6):

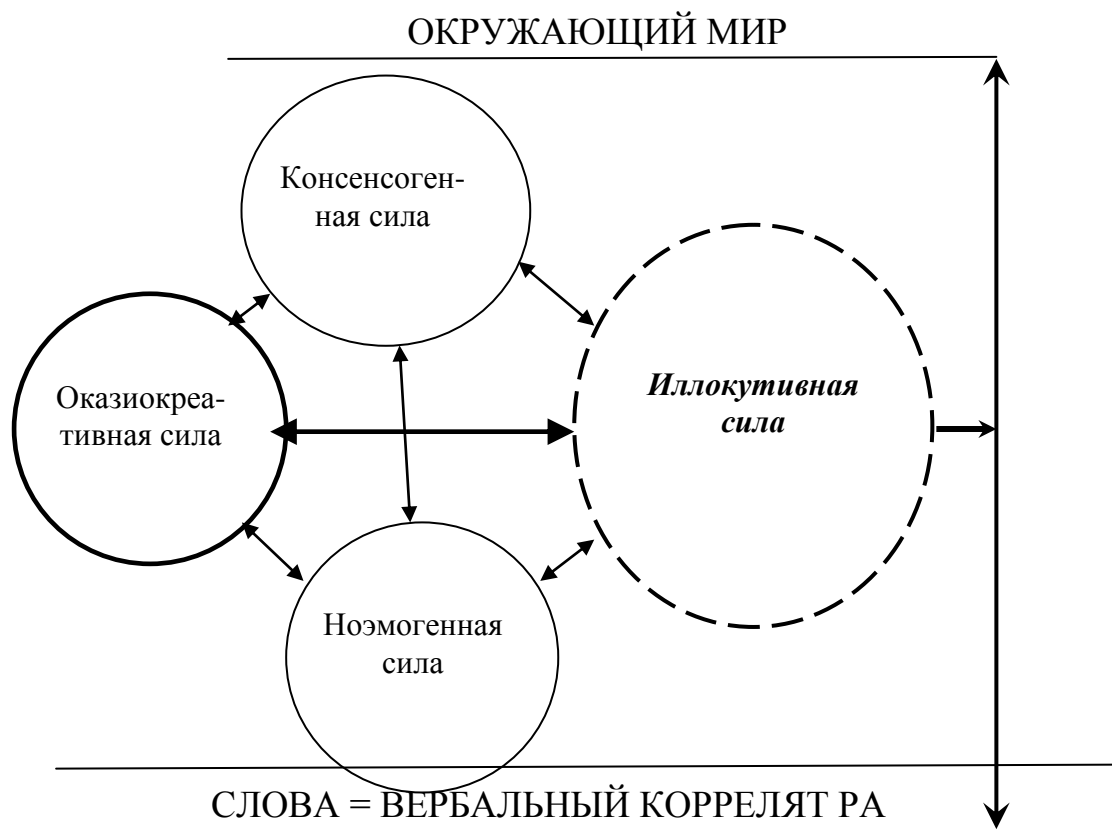

Рисунок 6: Профилирование компонентов иллокутивной силы при реализации в РА декларативной иллокутивной силы

Детерминация декларативной иллокутивной силы происходит в РА в зависимости от типовых характеристик декларатива и дискурсивных условий его реализации.

Тип текста является, как правило, одним из самых характерных детерминантов декларативной иллокутивной силы РА. *Ernennungsurkunde, Testament, Schuldspruch, Bevollmächtigung, Bescheinigung* – лишь немногие из типов текстов в немецком языке, имеющих в качестве основной текстовой декларативную иллокутивную функцию. Высокая степень конвенциональности данных типов текстов, отражающая их

институциональный характер, одновременно обеспечивает «узнаваемость» РА данного иллокутивного типа в дискурсе.

Экспликаторами содержания декларативной иллокутивной силы РА выступают в данном случае языковые средства, поддерживающие типовые признаки дискурса, выступающего вербальным коррелятом сложного РА с общей иллокутивной декларативной функцией. Маркером её реализации посредством данного РА служит основной когнитивный признак декларатива, представленный в глубинной структуре РА его перформативной матрицей.

Рассмотрим в качестве иллюстрации пример дискурсивного текста генеральной доверенности на продажу дома (текст № 1 в Приложении 6), выступающего вербальным коррелятом РА с декларативной иллокутивной силой.

Типовые признаки текста (в частности, название документа (*Generalvollmacht für Hausverkauf*), перформативная формула в перформативном употреблении (*Ich erteile hiermit eine Generalvollmacht*), перечисление прав, которые получает доверенное лицо от говорящего в соответствии с данным документом (*ist berechtigt, Angelegenheiten für mich vor Privatpersonen, Unternehmen und Behörden wahrzunehmen; ist befugt, für mich in der gesetzlichen Art und Weise ohne Einschränkungen jede rechtlich notwendig und gebotene Handlung vorzunehmen; das Recht mich gegenüber Gerichten, Behörden und sonstigen öffentlichen Stellen und Privatpersonen gerichtlich und außergerichtlich zu vertreten; das Recht für mich – folglich in meinem Namen – Prozesshandlungen wahrzunehmen; das Recht bewegliche Sachen, Grundstücke, und Rechte für mich zu erwerben/kaufen oder zu veräußern/verkaufen*)) указывают на тип реализуемой в РА декларативной иллокутивной силы – *bevollmächtigen* (наделять полномочиями), основной когнитивный признак которого восходит к перформативной матрице „Ich (der Sprechende) bewirke hiermit (*mit dieser Vollmacht*), dass X (*die Bevollmächtigte*) als Y (*berechtigt*) gilt, indem ich (dem Rezipienten) zu verstehen gebe, dass der

Text eine neue Realität schafft (*beim Hausverkauf hat der Bevollmächtigte völlig das Recht den Sprechenden gegenüber Gerichten, Behörden und sonstigen öffentlichen Stellen und Privatpersonen gerichtlich und außergerichtlich zu vertreten*).

Ритуализованный характер типовых коммуникативных форм декларативов в институциональном дискурсе, как правило, максимально открывает к распознаванию содержание иллокутивной силы РА, предполагая письменную фиксацию признаков «новой реальности», которая творится посредством совершаемого говорящим РА. Гарантом обеспечения этой реальности выступает чаще всего третья сторона в виде различных юридических институтов, свидетельствующих осуществление и соответствующее оформление говорящим деклараций (т.е. РА с декларативной иллокутивной силой) и стоящих на службе по их соблюдению (см., например, [Рябков 2008]).

В других типах дискурса (в частности, в служебном и обиходном) дейктическую функцию по отношению к содержанию декларативной иллокутивной силы выполняет, как правило, контекст, выступающий имплицитным средством иллокутивного дейксиса.

Действительно, в примере (104) „*Ab heute ist dieses Gebäude kein Theater mehr*“ – *sagte er und alle verstanden, es sei der letzte Tag ihrer Theatergeschichte* [Walser 2002: 139] декларативная иллокутивная сила РА „*Ab heute ist dieses Gebäude kein Theater mehr*“ «прочитывается» за счет контекста, указывающего на то, что для участников коммуникативной ситуации осуществленный говорящим РА создал «новую реальность», предполагающую конец существования их театра. Более широкий контекст предполагает, что говорящий имеет на это соответствующие полномочия.

В данных и других примерах реализации декларатива в обиходном дискурсе контекст играет ключевую роль дейктика содержания декларативной иллокутивной силы, указывая на наличие в глубинной структуре РА основного когнитивного признака декларатива „Ich (der

Sprechende) bewirke hiermit, dass X als Y gilt, indem ich (dem Rezipienten) zu verstehen gebe, dass der Text eine neue Realität schafft“.

Таким образом, средства иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию иллокутивной силы в немецком языке представлены двумя группами – эксплицитным и имплицитным иллокутивным дейксисом.

В качестве эксплицитного иллокутивного дейксиса выступают формальные средства языка, выполняющие функцию указания на смысловые компоненты, обеспечивающие наличие в концептуальном пространстве РА основного когнитивного признака типа иллокутивной силы.

Имплицитным средством иллокутивного дейксиса выступает, как правило, контекст, выполняющий дейктическую функцию по отношению к содержанию иллокутивной силы без участия формальных средств языка и речи.

Средства эксплицитного и имплицитного иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию иллокутивной силы обеспечивают конвенциональный характер иллокутивного акта, открывая для распознавания участникам коммуникации видовые и/или типовые признаки иллокутивной силы, включая её интенсивность.

Соответственно, все вербальные средства, использованные говорящим в успешно реализованном им РА в качестве дейктиков по отношению к содержанию декларативной иллокутивной силы, можно считать функционирующими в данной лингвокультуре.

Другая ситуация наблюдается при реализации говорящим ситуативных компонентов смысла, связанных, как правило, с интенсивностью реализации говорящим иллокутивной силы, и формирующих слот терминального уровня во фреймовой структуре иллокутивной составляющей РА.

2.1.3.2.2. Слот «интенсивность реализации иллокутивной силы»

Говоря об интенсивности реализации говорящим в РА иллокутивной силы, не имеем в виду интенсивность иллокутивной силы, служащую критерием для разграничения степени категоричности РА и типовых признаков, например, директивной иллокутивной силы (ср. просить → приказывать).

Оценивая и интерпретируя текущую коммуникативную ситуацию, осознанно или неосознанно принимая решение об осуществлении РА с заданной иллокутивной силой, говорящий реализует её с той или иной степенью интенсивностью.

С одной стороны, процесс реализации иллокутивной силы связан с локутивным актом, предполагающим «овеществление» концептуального содержания РА с помощью звуков или графических знаков. Однако анализ языковых фактов обнаруживает в дискурсе дейктические проекции смысловых компонентов иллокутивного акта, связанных с интенсивностью реализации иллокутивной силы в РА и относящихся к концептуальному пространству иллокутивного акта.

На конкретных примерах покажем, что данный компонент фреймовой структуры иллокутивной составляющей РА является инвариантным, демонстрируя неизменную регулярность активации при осуществлении говорящим РА с заданной иллокутивной силой.

Рассматривая различные контексты реализации иллокутивной силы определенного типа, обнаруживаем характеристики осуществления говорящим иллокутивного акта, свидетельствующие о разной интенсивности реализации иллокутивной силы. Сравним следующие примеры речевых актов просьбы:

(105) „*Erzähl mir, Papa*“, *bat sie leise*, „*was alles gewesen.*“ [Heyking 2011: 75].

(106) „*Das ist eine lange Geschichte, aber könnten wir zuerst zu Isobell*“, *bat er nachdrücklich*.“ [Schünemann 2011: 473].

В первом случае просьба реализована тихим голосом (*sie bat leise*), интенсивность её реализации практически сведена к нулю.

Во втором случае просьба выражена настойчиво (*er bat nachdrücklich*). Интенсивность её реализации выражена в словах автора с помощью соответствующего наречия образа действия.

Оба примера говорят при сравнении о том, что одна и та же иллокутивная сила как сила, обеспечивающая переход сказываемого на сказанное и открывающая к распознаванию коммуникативную интенцию говорящего (в нашем примере – *bitten*), по-разному предстает в каждом случае в зависимости от интенсивности её реализации говорящим. Основной когнитивный признак «Ich (der Sprechende) fordere (den Angesprochenen/ Rezipienten) auf, die Handlung X zu vollziehen», определяющий содержание директивной иллокутивной силы и объективируемый в словах автора, сохраняется при реализации РА в том и другом случае, но дополняется смыслами, передающими различный способ реализации иллокутивной силы в РА, в первую очередь, при помощи интонационных средств, объективируемых в примере словами автора (*leise – nachdrücklich*).

Анализ эмпирического материала показывает, что дейктические проекции компонентов плана содержания, лежащих в основе интенсивности реализации иллокутивной силы, представлены в дискурсе несколькими группами средств иллокутивного дейксиса.

Первую группу составляют речевые акты саморефлексии, в которых говорящий указывает на то, что РА с заданной иллокутивной силой реализован им с определенной долей эмотивности и экспрессивности выражения иллокутивной силы, а также в соответствии с правилами речевого этикета, например:

(106) „*Darum erlaube ich mir nochmals die Bitte an Sie, königliche Hoheit, zu wagen mir zu meiner Entlassung zu helfen, und mich wenn die Umstände es*

erfordern, dem Civilgericht zu übergeben, da mein ganzes Leben wie schon bei meinem Eintritt noch heute einem offenen Briefe gleich vor Aller Augen liegt. <...> *Wenn diese meine Bitte nicht so unbefangen und überhaupt nicht in der Art abgefasst ist, wie ich Sie Ihnen gnädiger Herr und Fürst vorzulegen gewünscht hätte, so bitte ich Sie, königliche Hoheit, zu erwägen, dass ich sie unter dem Kummer als Wahnsinniger eingesperrt seyn zu müssen abfasste, und mir daher deren Mangelhaftigkeit zu verzeihen*“ [Adams 2014: 103].

В приведенном дискурсивном фрагменте говорящий отсылает адресата к осуществленному им ранее РА просьбы (выделен подчеркиванием) и просит простить его, если эта просьба была выражена им не столь непредвзято или не в нужной манере. Тем самым он подчеркивает тот факт, что способ и интенсивность реализации им иллокутивной силы в РА осмысляются им особо.

В следующем примере (107):

Ich bat: „Jake, ich brauche wirklich deine Hilfe! Diese Frauen haben es auf Daisy abgesehen, und ich habe Angst, dass die Besprechung außer Kontrolle gerät, wenn wir nicht jemanden mit ein wenig Autorität und gesundem Menschenverstand dabei haben. Jemand, der rational denken kann“. *Ich war einfach zu emotional...*[Chapman 2009: 184]

совершенный им ранее иллокутивный акт просьбы он оценивает как слишком эмоциональный. Об этом свидетельствует наличие в РА обращения к адресату (*Jake*), модальных слов (*wirklich*), развернутой аргументации, почему адресат должен выполнить направленную к нему просьбу, включающей косвенную положительную оценку качеств адресата, способного, на взгляд говорящего, сохранять в сложной ситуации благоразумие и рационально мыслить (*die Besprechung gerät außer Kontrolle, wenn wir nicht jemanden mit ein wenig Autorität und gesundem Menschenverstand dabei haben. Jemand, der rational denken kann*).

Вторую группу средств иллокутивного дейксиса по отношению к смысловым компонентам, формирующим концептуальное пространство

слота «интенсивность реализации иллокутивной силы», составляют **дискурсивные средства, указывающие на способ реализации говорящим иллокутивной силы** того или иного типа.

Здесь речь идет о тех случаях, когда основной когнитивный признак содержания иллокутивной силы дополняется добавочными смысловыми компонентами, влияющими на интенсивность реализации иллокутивной силы, что проявляется в категоричности высказывания, а также в эмоциональной экспрессии и оценочности РА.

Проблемы анализа разноуровневых языковых средств, имеющих в семантической структуре коннотативные и эмоционально-экспрессивные компоненты значения, репрезентирующие в акте коммуникации компоненты иллокутивного смысла, разрабатываются в современной лингвистике в рамках дихотомии «иллокутивная нейтральность» – «иллокутивность (иллокутивная маркированность)» различными учеными (А.С. Стаценко, В.А. Гамурар, С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривоносова, Т.Е. Янко и др.). Многими учеными обращается внимание на тот факт, что чаще всего иллокутивностью обладают в РА просодические средства и коннотативная лексика.

В настоящей работе представляется необходимым обратить внимание на менее исследованный аспект интенсивности реализации в РА иллокутивной силы – способ её осуществления, указывающий на наличие дополнительных компонентов плана содержания иллокутивного акта, вербализуемых с помощью вербальных и невербальных средств.

Особенно чётко наличие дополнительных компонентов плана содержания иллокутивного акта проявляется при функционировании РА определенного иллокутивного типа в различных дискурсивных условиях.

Например, речевой акт пожелания, в котором говорящий желает адресату наступления в его жизни определённых событий, положения дел, положительно оцениваемых говорящим, демонстрирует в различных типах дискурса разные иллокутивные характеристики, не затрагивающие

конфигурацию смысловых компонентов основного когнитивного признака реализуемой в РА иллокутивной силы.

В немецкоязычном обиходном дискурсе, в частности, в текстах электронных открыток¹, обнаруживаем характерные для немецкой лингвокультуры пожелания выздоровления.

Типовые признаки экспрессивной иллокутивной силы дополняются в данных текстах компонентами плана содержания, особо подчеркивающими желание говорящего поддержать болеющего, подбодрить его, проявить заботу о нём, поднять его настроение и выразить уверенность в его скорейшей поправке. Они выражаются, как правило, высказываниями с общим значением ободрения, успокоения: „*Es geht schon vorbei*“, „*Es wird schon wieder*“, „*Sei nicht traurig*“, в том числе и с лирико-философским значением, которое реализуется при помощи различных средств выразительности, например, метафор: „*Nach Regen kommt Sonnenschein!*“, „*Bald scheint die Sonne wieder...*“ или идиом с императивным значением, конституирующих семантическое пространство РА пожелания, в частности, в форме электронных открыток (тексты № 2 в Приложении 6).

В первом случае продуцент, используя электронную открытку с надписью „*Nach dem Regen folgt Sonnenschein!*“ («После дождя будет солнце!») в метафорической форме напоминает больному о том, что любое ненастье, не только погодное, но и жизненное (в данном случае – такое, как болезнь) преходяще, его обязательно сменят радостные и благотворные перемены, равно как после дождя выходит солнце.

Во втором случае отправитель, используя электронную открытку с надписью „*Bald scheint die Sonne wieder*“ («Скоро вновь будет солнце»), подбадривая, сообщает реципиенту о своей убеждённости в том, что его болезнь вскоре пройдет и он вновь будет здоров, так как солнце – это символ радости, тепла и жизни.

¹ Приводятся результаты отдельного исследования автора в соавторстве с В.В. Емельцовой, основанного на анализе более 8000 примеров функционирования РА пожелания в немецкоязычных текстах электронных открыток, и подробно описанного в работах [Никонова 2013], [Емельцова 2013].

Особую роль в реализации указанных дополнительных иллокутивных смыслов играет невербальное оформление. По словам английского лингвиста Р. Райта, речевой акт является связующим звеном между вербальным и невербальным поведением [Wright 1975: 7]. Электронные открытки пожелания содержат в немецкой лингвокультуре, как правило, символичное графическое изображение. В частности, в рассмотренных примерах изображение желтого цветка в лучах солнца олицетворяет свет, жизнь, радость и поддерживает дополнительные компоненты плана содержания РА пожелания при помощи невербальных средств.

В немецкоязычном публицистическом дискурсе РА пожелания демонстрируют наличие в их концептуальном пространстве других дополнительных компонентов смысла. Это, прежде всего, привлечение общественного внимания к значимой дате в жизни адресата и выражение чувства гордости за него, например, в тексте № 3 (Приложение 6).

В данном примере адресант (в частности, совокупный адресант – бабушка и дедушка) поздравляет внука с началом нового этапа – школьной жизни (о чем свидетельствует выражение „Ein neuer Abschnitt nun beginnt“ («Вот и начинается новый этап...»)) – и желает ему всегда быть радостным и в хорошем настроении, даже занимаясь чтением, решением задач и письмом. Размещая в региональной газете текст пожелания своему внуку в связи с новым этапом в его жизни, бабушка и дедушка публично выражают гордость за своего внука, привлекая внимание многих людей к значимому событию в их семье.

Приведенные и многочисленные другие факты репрезентации дополнительных смыслов реализации в РА иллокутивной силы свидетельствуют о лингвокультурной специфике иллокутивных актов и открывают перспективы дальнейшего исследования на материале различных языков и типов дискурса.

Суммируя изложенное, можно утверждать, что основной когнитивный признак слота «интенсивность реализации иллокутивной силы» представлен перформативной матрицей:

«Я (говорящий) считаю необходимым и возможным реализовать заданную мной иллокутивную силу РА некоторым образом».

Поскольку данный когнитивный признак формирует компоненты плана содержания, дополняющие ядерные (вершинные) компоненты «решение», «прообраз перлокутивного эффекта» и «содержание иллокутивной силы», он является не вершинным, а занимает более низкий уровень фреймовой структуры иллокутивной составляющей РА, выступая её терминальным компонентом.

Выделенные вершинные и терминальные слоты формируют в их совокупности фреймовую модель иллокутивной составляющей РА в статичном (сетевом) представлении, являющуюся в свете бинарной структуры фрейма РА его неотъемлемой составной частью наряду с ядерным компонентом «пропозиция».

Статус слота в структуре фрейма РА зависит от его способности активировать в языковом сознании участников речевой ситуации видовые, типовые и ситуативные характеристики РА и отражается на закономерностях его вербализации в дискурсе.

При этом речевую ситуацию следует рассматривать как коммуникативную среду, возникающую в условиях определенного фрагмента реальной действительности и формирующую решение говорящего о возможности или необходимости осуществления речевого акта. Доказанным в лингвистике постулатом считается в данной связи тот факт, что при принятии решения о выборе тех или иных языковых средств для выражения заданного смысла коммуниканты должны, активируя знания языка, условий коммуникации и фоновые знания, учитывать и требования конкретной речевой ситуации [Fritz 1982; Heinemann 2000; Heinemann/Viehweger 1991].

Учет данных требований заключается, на наш взгляд, прежде всего, в обязательном совпадении основных когнитивных признаков, составляющих образ речевой ситуации в сознании субъекта речевого акта, с одной стороны, и концепт вербализуемого РА, с другой стороны. Другими словами, говорящий должен осознавать, что речевая ситуация дает относительную возможность или необходимость осуществления им речевого акта, например, РА запрета, приказа, пожелания и т.д., средствами конкретного языка. Компоненты стержневого значения вербального коррелята РА, объективирующие когнитивные признаки типовой речевой ситуации, должны активировать в сознании собеседника соответствующий речевой ситуации фрейм типа РА.

При реализации РА в дискурсе план содержания иллокутивной составляющей РА, представленный фреймовой моделью, приходит во взаимодействие с планом содержания пропозиции, каждый из которых получает определенные дейктические проекции в высказывании/ дискурсе, выступающем вербальным коррелятом РА. Особенно четко это прослеживается в сложных речевых актах.

2.2. Фреймовая структура речевого акта в динамичном представлении. Иллокутивная структура дискурса как средство иллокутивного дейксиса

Концептуальное содержание установленных слотов фреймовой структуры иллокутивной составляющей речевого акта включает, как показано выше, смысловые компоненты, составляющие конвенциональную основу РА, и компоненты плана содержания, передающие «прочтение» говорящим текущей речевой ситуации в роли субъекта РА с заданной иллокутивной силой, когда он становится центром речевой коммуникации в ситуации, имеющей четкие пространственные и временные координаты, а

также причинно-следственные связи и характеристики коммуникантов и их взаимоотношений.

Компоненты плана содержания иллокутивного акта говорящего включены тем самым в общую систему смыслов РА, формирующих дейктический центр, «ориго» РА («иллокутивный акт», «эмитент/субъект РА», «реципиент/объект РА», «время РА», «место РА», «пропозициональное содержание/предмет РА» – данные компоненты обозначены на схеме концептуального пространства РА в Приложении 3 жирным шрифтом). Они могут не эксплицироваться в поверхностной структуре РА (ПС), но всегда присутствуют в его глубинной структуре РА.

Рассмотрим следующий поэтический текст поздравления с днем свадьбы (108):

Das Glück
 hat heute
 Hochsaison
 ihr schwebt auf Wolken
 Ihr beide liebt euch wirklich sehr
 Ich wünsche euch
 vor allem Glück
 Und lasst euch von Vertrauen leiten
 in guten und in schlechten Zeiten [Интернет-ресурс 1-1].

Результаты анализа данного дискурсивного текста показывают, что в поверхностной структуре РА поздравления представлены вербальные детерминанты лишь терминальных слотов фрейма РА. Несмотря на то, что в поверхностной структуре вербального коррелята приведенного РА отсутствуют экспликаторы иллокутивной силы сложного РА *gratulieren*, на неё указывают соответствующие слоты фрейма РА, лежащего в основе его вербализации, и имеющие дейктические проекции в дискурсе через другие разноуровневые языковые средства.

Благодаря тому, что значение приведенных в примере лексических единиц, устойчивых выражений, грамматических, синтаксических и фразеологических средств объективирует при реализации РА соответствующие компоненты плана содержания, а их совокупность указывает, в свою очередь, на инвариантные компоненты плана содержания, формирующие семантику иллокуции gratulieren, концептуальное пространство РА иллокутивной составляющей РА остается целостным:

Ihr beide, heute, das Glück, das Hochsaison, auf Wolken schweben wie ein Ballon, einander lieben so stark, viel stärker gehts nicht mehr; von Vertrauen geleitet werden sein in guten und in schlechten Zeiten,	Glück, Liebe – Hochzeit (Wozu?)
(mit Freude feierlich) wünschen, aktuelles Präsens	Gratulieren
Ich	Der Sprechende (Wer?)
Euch (Ihr)	Die Angesprochenen (Wem?)
(Hiermit) – aktuelles Präsens	Ort/Zeit (Wann? Wo?)

Таким образом, содержание иллокутивной силы «прочитывается» коммуникантами в данном примере с опорой на конвенциональную структуру фрейма типа РА „gratulieren“. Структура дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА, является тем самым также средством иллокутивного дейксиса в свете динамичного фрейма РА при его реализации в ситуации общения.

При выявлении компонентов фреймовой структуры иллокутивной составляющей РА в статичном (сетевом) представлении было установлено, что дейктичными по отношению к концептуальным компонентам иллокутивного акта выступают в немецком языке эксплицитные и имплицитные разноуровневые средства.

При разворачивании в дискурсе динамичного фрейма РА они представлены, исходя из конкретных дискурсивных условий, эксплицитно в поверхностной структуре речевого произведения или имплицитно в его глубинной структуре.

Анализ средств иллокутивного дейксиса, используемых говорящим при вербализации РА в дискурсе простых РА, показывает, что эксплицитными средствами иллокутивного дейксиса чаще всего выступают:

– грамматическая структура предложения, связанная в системе языка с определенным видом иллокутивных актов. Например, в современном немецком языке речевые акты с репрезентативной иллокутивной силой выражаются, как правило, посредством повествовательных предложений, а с директивной иллокутивной силой – посредством побудительных (Aufforderungen) или вопросительных (Fragen) предложений. В частности, в примере (109): *Wie weit willst du noch gehen? Verwehre doch neuen Eindrücken den drängenden Charakter – stumm liegen... (G. Benn)* грамматическая структура предложений выполняет дейктическую функцию по отношению к осуществлению говорящим соответствующих иллокутивных актов: Ich frage *Wie weit willst du noch gehen?* und bitte: *Verwehre doch...*

– наклонение глагола, особенно его маркированные формы. Например, повелительное наклонение (Imperativ) основного глагола указывает на осуществление говорящим речевого акта с директивной иллокутивной силой, например: *Sei ruhig!* (Ich bitte: *sei ruhig*);

– другие регулярные грамматические средства, в том числе, прагматические клише, выполняющие дейктическую функцию по отношению к иллокутивному акту определенного типа, например: *Alle werden eingeladen!* (Ich lade alle ein); *Recht herzlichen Dank!* (Ich danke – recht herzlich);

– перформативный глагол в перформативном прочтении (в форме 1 лица ед. числа несовершенного вида настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога), выступающий номинатором типа

осуществляемого говорящим иллокутивного акта, и его семантические эквиваленты, например: *Ich wünsche dir alles Gute! Herzlichen Glückwunsch und viele Grüße zum Weltfrauentag!* Особо следует отметить случаи, когда перформативный глагол присутствует в поверхностной структуре (ПС), но относится к пропозициональному содержанию высказывания. Коммуникативный тип речевого акта эксплицирован другим по типу перформативом в глубинной структуре высказывания (ГС), например (109):

ПС: *Oskar wünscht allen Anwesenden alles Gute und verschwindet.*

ГС: Ich (Autor) behaupte: Oskar wünscht allen Anwesenden alles Gute und verschwindet [Ludlum 1996: 328].

Приведенные средства иллокутивного дейксиса представлены, как правило, в поверхностной структуре речевого акта с прямой речевой стратегией.

В косвенных речевых актах, где заданная иллокутивная функция осуществляется посредством другой [Frank 1975; Henne 2001; Krause 1978], дейктическую функцию по отношению к факту реализации говорящим иллокутивного акта заданного вида и/или типа выполняют семантические компоненты, представленные в глубинной структуре речевого произведения.

В отличие от прямых речевых актов, в которых иллокутивная функция получает формальное выражение в поверхностной структуре высказывания, экспликаторы, указывающие на истинное коммуникативное намерение говорящего, в поверхностной структуре косвенных речевых актов отсутствуют:

(110) *„Du hilfst mir und ich helfe dir. So war es doch immer.“ Der Anwalt lachte ins Telefon. „Machs gut, Alter.“ Jetzt nahm ihm Böhnke die Bemerkung nicht krumm. Jetzt verstand er sie als Aufforderung, den Mordfall Puhlmann neu aufzudröseln* [Lehmkuhl 2008: 132].

В данном фрагменте текста выделенные речевые акты с директивной иллокутивной функцией имеют формальную структуру репрезентативов.

Истинная иллокутивная сила анализируемых речевых актов (*die Aufforderung*) эксплицируется в словах автора как результат ментальной деятельности адресата в процессе их восприятия. Декодирование формальной структуры репрезентатива как директива осуществляется слушающим в указанном примере, как и в других подобных случаях, с опорой на дискурсивный контекст. Функцию указания на семантические компоненты заданной иллокуции выполняют в косвенном речевом акте тем самым различные компоненты коммуникативной ситуации, благодаря которым языковые средства формальной структуры речевого акта «прочитываются» как репрезентанты истинной иллокутивной семантики речевого акта.

При анализе имплицитных средств иллокутивного дейксиса необходимо учитывать неоднородность класса косвенных речевых актов [Милосердова 2001; Шатуновский 2004; Anscombre, Ducrot 1981]. В некоторых косвенных речевых актах истинная иллокутивная функция речевого акта представлена формально иллокутивной функцией другого типа, например:

(111) *Nachdem ich mich beruhigt hatte, sagte Thomas: "Du hast noch gar nicht alles ausgepackt. Das eigentliche Geschenk ist im Karton unter den Blättern versteckt." Ich folgte seiner Aufforderung und legte das nächste Päckchen frei* [Krahl 2004: 120].

Здесь, как и в примерах, рассмотренных ранее, функция директива представлена формально в поверхностной структуре речевого произведения функцией репрезентатива. Средства иллокутивного дейксиса представлены имплицитно в глубинной структуре речевого акта.

В других косвенных речевых актах наблюдается сопряжение иллокутивных функций, коммуникативные интенции не вступают в противоречие друг с другом, что позволяет характеризовать их как полифункциональные, а иллокутивную функцию как расширенную.

Замещения иллокутивных функций в таких речевых актах не происходит, например:

(112) *Am Nachmittag wende ich mich mit einer Bitte an die beiden Mädchen. „**Können Sie mich in die Stadt fahren? Wenn mir Max seinen Wagen leiht, sicherlich**“, sagt Susi, „aber vielleicht sollten wir Ihnen Ihre Besorgungen abnehmen?“* [Noll 1996: 72].

В выделенном речевом акте мы наблюдаем сопряжение иллокутивных функций вопроса и просьбы в рамках иллокутивных актов одного типа (с директивной иллокутивной силой), как и в следующем примере:

(113) *„Oh, ich danke Ihnen, Madame“, sagte Jonathan, „ich danke Ihnen sehr. Sie befreien mich aus einer großen Verlegenheit. Nun hätte ich nur noch eine Bitte: **Könnten Sie ... würden Sie so überaus freundlich sein – ich bin nämlich in Eile, ich habe nur noch ...**“ – und er sah wieder auf die Uhr – „... **habe nur noch zehn Minuten Zeit – könnten Sie es sofort machen? Ich meine: jetzt gleich? Unverzüglich?**“* [Süskind 1987: 51].

Очевидно, что формальные показатели одной из иллокутивных функций речевого акта – вопроса – присутствуют в поверхностной структуре речевого акта, поэтому в этом случае средства иллокутивного дейксиса являются эксплицитными, тогда как дейктики иллокутивной функции просьбы (побуждения) присутствуют имплицитно в глубинной структуре речевого произведения. О том, что говорящий реализует определенный речевой акт с конкретной иллокутивной функцией, свидетельствуют компоненты коммуникативной ситуации. Однако их связь с компонентами иллокутивной семантики речевого акта носит конвенциональный характер, поскольку одним из постулатов речевого акта является обязательная открытость иллокутивной цели речевого акта для распознавания. Соответственно, реализуя косвенную речевую стратегию в акте коммуникации, говорящий уверен в том, что слушающий способен распознать его коммуникативное намерение, и предполагает наличие у адресата соответствующих фоновых знаний, знаний принципов речевого

общения и способности к логическим выводам. Эти знания позволят слушающему связать вербальное оформление высказывания и речевой акт заданного иллокутивного типа с конкретной ситуацией общения.

Рассмотрим данный тезис на примере высказывания *Ich bin müde.*

Рассматривая поверхностную структуру данного предложения/ высказывания вне ситуативного контекста, мы приходим к выводу, что осуществляется простая констатация некоторого факта реальной действительности. На данную коммуникативную цель указывает совокупность лексических и грамматических значений, конституирующих системно закрепленное прагматическое значение предложения/ высказывания (Схема 6):

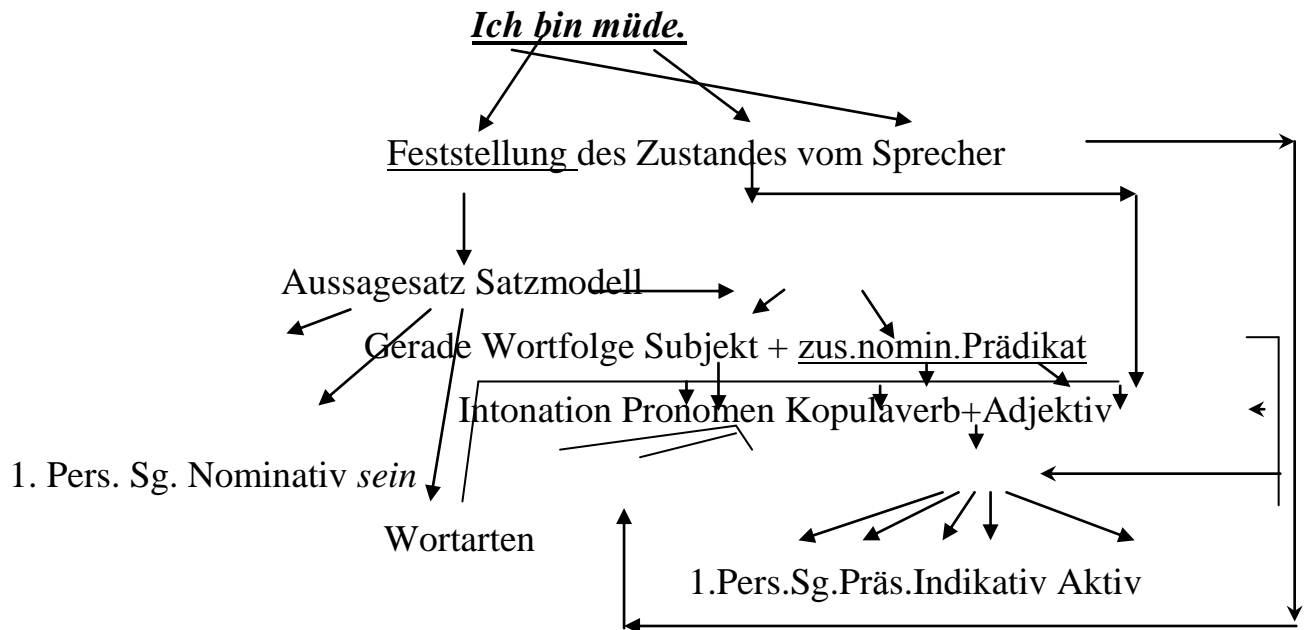

Схема 6. Структура взаимодействия значений единиц языка, конституирующих системно закрепленное значение предложения/высказывания (анализ примера).

В различных речевых ситуациях приведенное и аналогичные предложения/ высказывания используются говорящим в качестве одной из возможных номинативных стратегий для реализации акторечевых значений antworten (пример 25), absagen (пример 26), fragen/auffordern (пример 27), anordnen (пример 28).

Принимая во внимание тот факт, что все значения, демонстрируемые в вербальном корреляте РА, выступают дискурсивными «датчиками»

основных компонентов плана содержания РА, соотносимых с когнитивными признаками речевой ситуации, рассмотрим структуру взаимодействия грамматических и лексических значений, служащих для передачи прагматического, а через него – и акторечевого значения анализируемого высказывания в приведенных примерах.

В частности, при выявлении основного когнитивного признака высказывания в примере (25) сквозь призму речевой ситуации обнаруживаем, что высказывание – констатация факта *Ich stelle fest: mein Mann ist müde* имеет, по сути, другую иллокутивную функцию, являясь ответом на вопрос о самочувствии в беседе с другом и обычным вариантом речевого действия в акте коммуникации в заданной ситуации: другу можно ответить на его вопрос, просто констатируя своё восприятие реального положения вещей. Акторечевое значение данного высказывания выявляется, исходя из общей структуры акта социоречевого взаимодействия, т.к. тип иллокуции в данном РА – реакция на коммуникативное взаимодействие собеседника, заключающаяся в утверждении некоторого пропозиционального содержания по отношению к объекту референции. Объект референции в предшествующем анализируемому РА вопросе собеседника – состояние говорящего – предопределяет и референтный характер высказывания в примере (25), даже по отношению к логическому субъекту предложения, выраженному местоимением 1 л. ед.ч. и эксплицирующего говорящего (т.е. имеющему автореферентную функцию). Это, в свою очередь, влияет и на выражение прагматического значения высказывания – оно является констативным по отношению к актуальной пропозиции, перформатив-номинатор РА представлен в высказывании имплицитно, только в его глубинной структуре: *ich antworte: mein Mann – müde*.

Рассматривая пример (25) как вербальный коррелят РА, демонстрирующий значение иллокутивного акта в компонентах акторечевого значения, обнаруживаем, что констатация здесь есть способ выражения

иллюстрации совсем другого типа – ответа, а констатация выступает лишь прагматическим значением высказывания, актуализирующим акторечевое значение *antworten*. Представим это схематично, выделив при этом сплошной чертой отношения между различными уровнями грамматических значений, соотносимых с конкретными грамматическими формами в предложении, а пунктирной линией – лексические и грамматические средства, указывающие на реализацию акторечевого значения, указывающего на осуществление определенного РА в конкретной речевой ситуации:

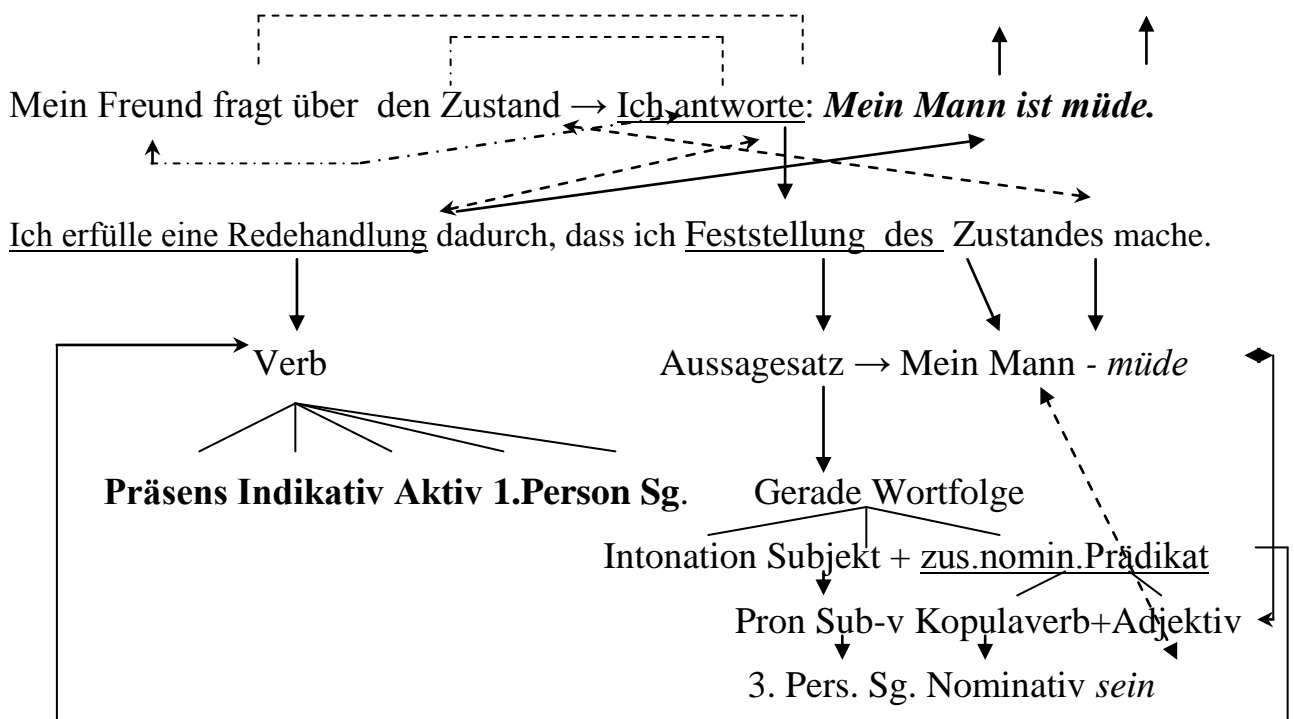

Схема 7. Структура взаимодействия значений единиц языка как отражение внутри- и межфреймовых связей при вербализации в заданной речевой ситуации интенционального смысла, соотносимого в дискурсе с акторечевым значением *antworten* (анализ примера).

Анализируя представленную схему, мы видим, что все грамматические значения, выраженные в конкретных словоформах, формируют коммуникативный тип повествовательного предложения – *Aussagesatz*, который выступает здесь, в итоге, как форма выражения значения иллюкутивного акта *antworten*. Оно «прочитывается» в акте коммуникации с опорой на прагматическое значение предложения – *feststellen* – за счёт дейктичности в отношении речевой ситуации некоторых компонентов синтаксической структуры предложения, в частности – тема-рематическое

членение высказывания. В примере (25) оно почти прямо указывает на реакцию говорящего в акте коммуникативного взаимодействия. Рассматривая данное высказывание как вербальный коррелят РА в свете его динамического фрейма, отметим, что актуальное членение информации осуществляется в этой ситуации в режиме «заданный вопрос-полученный ответ», что позволяет предсказать и интонационный рисунок анализируемого РА *antworten*: падающая интонация с ударением на последнем слове. Просодический компонент РА будет нести, таким образом, не только информационную, но и коммуникативную нагрузку, определяя, с одной стороны, границы выражения акторечевого значения ответа в сложном речевом акте «вопрос-ответ» и, с другой стороны, являясь одним из синтаксических средств формирования прагматического значения предложения. Таким образом, тема-рематическое членение высказывания и интонационный рисунок при его устной реализации будут выступать дейктивными средствами языка по отношению к значению иллокутивного акта (эта связь обозначена на вышепреставленной схеме пунктирной линией в отличие от типа связи между грамматическими и лексическими единицами, служащими для выражения прагматического значения высказывания, обозначенной сплошной линией). Следовательно, компоненты акторечевого значения высказывания указывают на присутствие в структуре вербального фрейма РА компонентов плана содержания рематически обусловленного и пресуппозиционального фреймов как звеньев динамического фрейма РА при его актуализации в дискурсе.

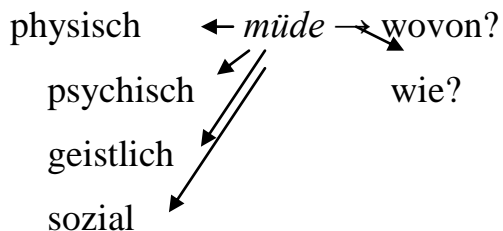
Суммируя промежуточные выводы анализа акторечевого значения высказывания в примере (25), отметим, что все языковые средства, используемые в данном РА, подчиняются его главному предназначению – служить единицей коммуникации. Как таковую анализируемое высказывание определяет иллокутивное значение *antworten* в отношении пропозиционального содержания *Mein Mann – müde*, которое является вербальным коррелятом способа осуществления в акте коммуникации

иллокутивного действия, демонстрирующей не только деятельностный характер РА, но и его концептуальное содержание, отражающее способ концептуализации ситуации общения говорящим и регулирующее производство речевого акта.

В анализируемом примере выбор конкретной вербальной формы как одной из многочисленных семантических альтернатив языка, способных выразить требуемое акторечевое значение, обусловлен фоновыми знаниями и языковой картиной мира говорящего. К таковым относятся, с одной стороны, выбор конвенциональных средств языка (языковой код, знание конвенциональных правил речевого взаимодействия в национальном языковом сообществе, правил речевого этикета), а, с другой стороны, ситуативно обусловленные причины, побуждающие говорящего следовать этим правилам в зависимости от параметров речевой ситуации, его темперамента, характера и т.п. Все эти ситуативно акцентированные фоновые знания формируют план содержания РА, основные компоненты плана содержания которого фиксируются во фрейме вербализуемого РА.

Дейктическую функцию в отношении концептуального содержания РА приобретают в анализируемом высказывании практически все употребляемые языковые средства. Особо следует сказать о прилагательном *müde*, которое раскрывает в РА посредством своего лексического значения, прежде всего, концептуальное содержание РА. Здесь особую значимость в структуре значения данной лексической единицы приобретает категориальная грамматическая сема, указывая на бытийно-оценочную признаковость лексической единицы по отношению к логическому субъекту высказывания. Поскольку логический субъект высказывания предстает в РА в его экзистенциальном аспекте, детерминацию приписываемый ему бытийно-оценочный признак получает в зависимости от концептуального содержания РА. Уставшим человек может чувствовать себя и физически, и морально, и душевно. Причины такой усталости могут быть также самые разнообразные, связанные со здоровьем, семейной, профессиональной

жизнью говорящего и т.д. Механизм раскрытия концептуального содержания фрейма РА в речевой ситуации и его связь в общем концептуальном пространстве говорящего и РА с другими ассоциативными фреймами, раскрывающими концепт РА в конкретной ситуации, можно показать на основе следующих логически обусловленных вопросов:

Отвечая на эти вопросы в реальном ситуативном контексте, можно адекватно описать содержание концептуального содержания фрейма РА.

Таким образом, концептуальное содержание РА раскрывается в дискурсе за счёт инвариантных компонентов плана содержания, соотносимых с компонентами значения иллокутивного акта, и терминальных компонентов, которые, имплицитно присутствуя в глубинной структуре РА, отражающей конфигурацию фреймовой структуры РА, влияют на его вербализацию и значение употребляемых в РА языковых единиц.

Выявление акторечевого значения, формирующего глубинную структуру РА и фиксирующего, таким образом, основные «овеществленные» компоненты интенционального смысла вербального произведения РА, возможно, как следует из анализа примера (25), только с учетом динамического фрейма РА, демонстрирующего этапы категориальной детерминации иллокутивной составляющей РА в акте коммуникации. Оно представляется в примере (27) как содержащее следующие компоненты значения в РА:

Gegenreaktion auf die Frage *Mein Mann – müde Feststellung****Ich antworte***

При этом четко видно, что значение иллокутивного акта не совпадает с прагматическим значением высказывания. Соотносясь с ним, акторечевое значение указывает на тип иллокуции, реализуемой посредством речевого акта, а прагматическое значение – на пропозициональное содержание, отражающее компоненты референтой ситуации. Выбор говорящим данной предметноцентрической пропозициональной модели предопределен концептуальным содержанием фрейма РА, соотносимым с компонентом значения «отношение к адресату». Можно предположить (а в конкретной ситуации на эту причину можно будет указать достаточно точно), что объект РА действительно сильно устал или физически, или морально, что говорящему остается только дать ответ другу, спрашивающему о его состоянии, в простой констатирующей форме. Здесь прослеживаются как психологические, так и социальные параметры РА, фиксируемые в компонентах акторечевого значения.

Это также четко видно при сравнении реализации высказывания в примере (25) с реализацией этого же высказывания в примерах (26), (27), (28). Очевидно, что это высказывание выступает коррелятом разных РА не только в плане индивидуального исполнения разными носителями языка, но и в плане различных случаев типового выражения коммуникативной интенции в акте коммуникации.

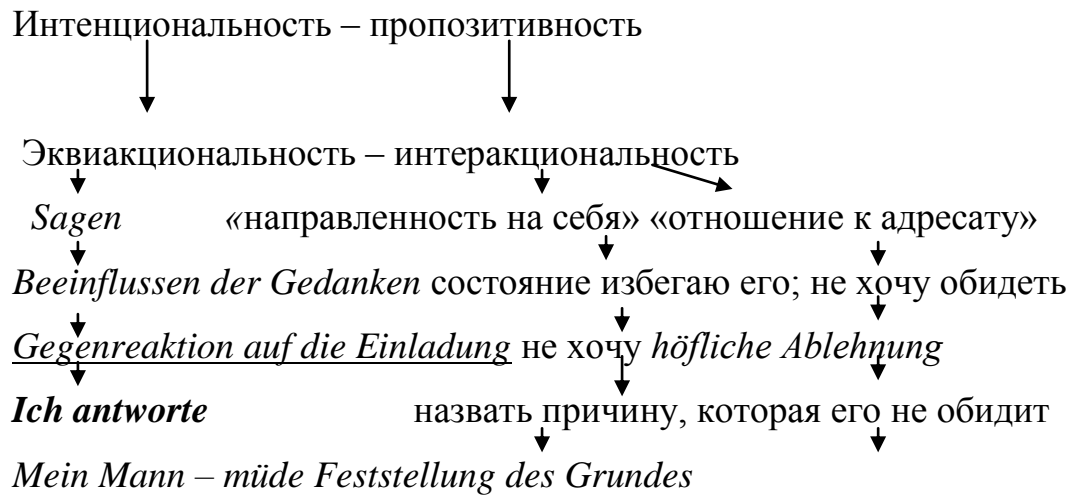
В примере (26) мы наблюдаем появление в глубинной структуре речевого акта когнитивного признака с семантическим фокусом, выражаемым посредством перформатива *ablehnen*. В этом случае речевое действие, предлагающее собеседнику к опознаванию прагматическое значение утверждения, есть, исходя из параметров речевой ситуации, отказ от приглашения. Он выражается говорящим как оглашение некоторого факта, демонстрирующего собеседнику причину, по которой говорящий не может последовать приглашению собеседника. Выбор говорящим

конкретного высказывания для производства речевого действия обусловлен глобальным смыслом РА, сформированным в концептуальном пространстве говорящего. В результате оценки речевой ситуации говорящим выбирается стратегия речевого действия: отсутствие желания общаться с собеседником и, как следствие, отсутствие желания последовать его приглашению, «прикрывается» оглашением (скорее всего, несуществующей) причины, по которой принятие приглашения становится невозможным. Такое этикетное речевое поведение говорящего предопределено совокупностью его фоновых знаний: во-первых, знанием прагматических конвенций и правил речевого этикета, позволяющих ответить на приглашение не прямым отказом, а констатируя причину, по которой человек не может удовлетворить просьбу собеседника; во-вторых, выбором кода, способа произнесения высказывания (интонация будет в РА, скорее всего, извиняющейся, без категоричности); в-третьих, учетом говорящим его взаимоотношений с собеседником – возможно, нежеланием портить отношения (об этом свидетельствует форма вежливого отказа) или тактичностью говорящего как черты его характера и т.д.).

По сравнению с примером (25) соотношение поверхностной и глубинной структур в примере (26) обусловлено более сложной структурой фрейма РА. Акт социоречевого взаимодействия осуществляется говорящим не непосредственно, следуя прагматическим конвенциям РА (как реактивный РА на приглашение собеседника – согласие или отказ), а опосредованно – через сознательный выбор говорящим более мягкой формы отказа. Следовательно, раскрытие концептуального содержания иллокутивной составляющей простого РА *Mein Mann ist müde* должно осуществляться с учетом указанных параметров речевой ситуации и фоновых знаний говорящего.

При этом содержательный инвариант открытого для опознавания собеседником значения иллокутивного акта – *höfliche Ablehnung als Feststellung des Grundes* – образует семантический фокус иллокутивной

составляющей РА и соотносится с перформативом *ablehnen* в его глубинной структуре:

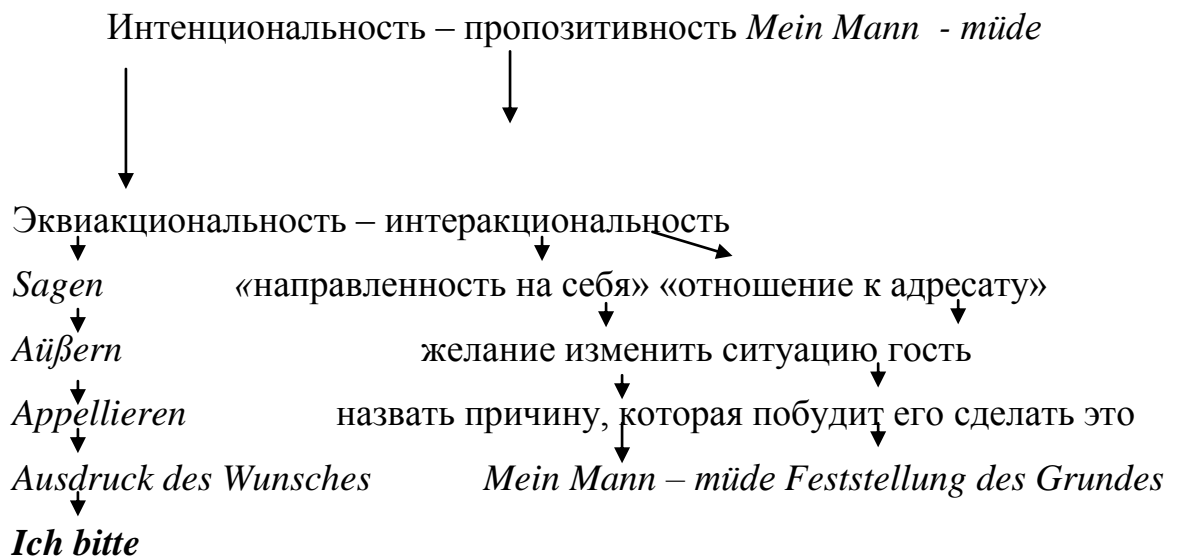

В структуре акторечевого значения в данном примере мы обнаруживаем компоненты, фиксирующие не только социальные условия протекания РА, но и психологические и ментальные характеристики эмитента, прибегнувшего в ходе РА к определенной тактике социального взаимодействия, отразившейся на выборе пропозициональной структуры при выражении интенционального смысла, и предлагающего к опознанию реципиентом несколько смягченную интенцию, опосредованную ситуацией речевого взаимодействия. Тип иллокутивной составляющей осуществляемого речевого действия фиксируется, тем не менее, в компонентах значения перформатива – номинатора РА.

Данную способность перформатива выступать семантическим фокусом перформативной матрицы РА в его глубинной структуре, прослеживаем и в примере (27). Констатация факта как сообщение о своем моральном состоянии выступает способом выражения просьбы к собеседнику изменить ситуацию в его пользу. В отличие от предыдущих примеров, анализируемый РА является не реактивным, а инициативным, будучи подаваем говорящим в акте коммуникации как просьба только при условии, что это коммуникативное намерение будет «прочитано» собеседником именно как таковое. В этом случае при порождении РА в концептуальном пространстве динамичного фрейма РА формируются смыслы, позволяющие реализовать

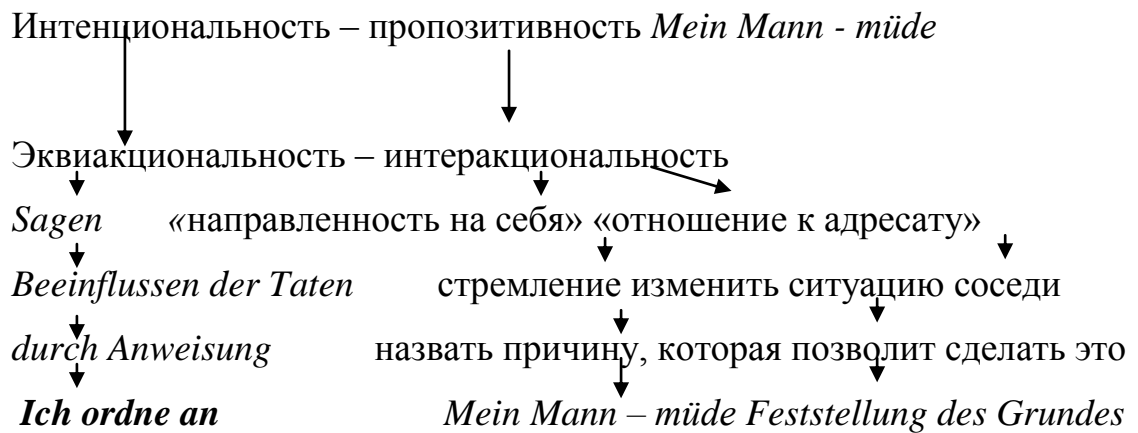
необходимую речевую стратегию как определенный способ реализации иллокутивной силы РА. Большую роль в этом случае играет также просодический компонент РА, он будет обязательно окрашен модальностью просьбы, раздражения, кокетства и т.п. – тем, который, на взгляд говорящего, произведет желаемый перформативный эффект. При отсутствии просодической выделенности такового акцент интенциональности РА смещается к иллокуции констатации, которая демонстрируется прагматическим значением РА, соотносящимся с перформативной матрицей с перформативным глаголом *feststellen* как номинатора РА в парадигматике современного немецкого языка, и вряд ли будет декодирована собеседником как просьба.

Структура акторечевого значения выглядит в данном случае следующим образом:

Компоненты акторечевого значения указывают в этом примере на межличностные взаимоотношения коммуникантов и на то, что иллокутивная сила РА зависит полностью от того, насколько учтен эмитентом фактор не только языковой, но и социальной конвенциональности осуществляемого им речевого действия. Как указывалось выше, большая роль отводится при этом просодической оформленности РА, которая в этом случае будет решающим фактором, ведущим к успешности или неуспешности РА.

Большая роль принадлежит просодическому компоненту РА и в примере (28). Здесь вершинные слоты фреймовой структуры иллокутивной составляющей РА соотносятся с компонентами плана содержания, представленными в парадигматике немецкого языка перформативом *anordnen*. Значение РА детерминируется в дискурсе через прагматическое значение высказывания *feststellen* и реализует концептуальное содержание иллокутивного акта в русле ожидаемого перлокутивного эффекта благодаря, в основном, просодике РА с модальностью категоричности (категоричного побуждения, предписания) и четкими параметрами речевой ситуации. Пропозициональное содержание иллокутивной функции, реализуемой в анализируемом РА через акторечевое значение констатации, «прочитывается» в акте коммуникации за счет слотов фрейма РА, в состав которых входят компоненты пресуппозиционального фрейма – «es ist spät», «mein Mann ist müde»:

Таким образом, во всех рассмотренных примерах, в которых иллюстрируются разные случаи реализации иллокутивной силы РА с помощью аналогичного предложения-высказывания, мы видим, что его адекватное прочтение невозможно без учёта компонентов фрейма РА в его динамическом аспекте.

Однако для того, чтобы адекватно идентифицировать тип иллокутивной силы РА, выражаемый в дискурсе через определенное акторечевое значение, носитель языка должен обладать также фоновыми знаниями, в каких конвенциональных сценариях речевого взаимодействия в

языковом сообществе и каким образом реализуется тот или иной тип РА.

В частности, перформативы, выступающие номинаторами типа РА во всех рассмотренных примерах, фиксируют в своём лексическом значении тип осуществляемого РА в немецком языке, указывая на способ осуществления говорящим иллокутивной силы посредством речевого действия:

antworten – есть реакция на коммуникативное воздействие, утверждение некоторой пропозиции, запрашиваемой предшествующим вопросом собеседника (*antworten – auf etwas eine Antwort geben, etw. behaupten*) ;

ablehnen – есть также реакция на коммуникативное воздействие со стороны собеседника, утверждение того, что пожелание, просьба или приглашение собеседника не могут быть исполнены (*ablehnen – offiziell sagen, dass ein Wunsch oder ein Antrag nicht erfüllt wird*);

bitten – есть совершенно другой тип иллокутивного акта, заключающийся в том, что говорящий апеллирует к собеседнику с своим пожеланием, исполнение которого зависит от собеседника (*bitten - einen Wunsch an jemanden richten, damit er erfüllt wird*);

anordnen – есть также директивный тип РА, обладающий большей степенью перлокутивности по сравнению с *bitten* и заключающийся в том, чтобы указать собеседнику на обязательное исполнение им определенных действий (*anordnen – die (verbindliche) Anweisung geben, dass jemand etwas tun soll*).

Как следует из словарных дефиниций данных перформативов, их лексическое значение фиксирует разные свойства иллокуции, демонстрируемые характером и степенью реализации в РА иллокутивной силы. РА *antworten* и *ablehnen* характеризуются большей выраженностью оказанокреативной силы (в РА *ablehnen* она выражена с большей степенью), РА *anordnen* и *bitten* - консенсогенной силы (в РА *anordnen* она проявляется почти максимально).

Следует еще раз подчеркнуть, что акторечевое значение высказывания включает в себя не только иллокутивный, но и локутивный (пропозициональный) аспекты вербализуемого РА. Способ вербальной репрезентации иллокутивной силы РА зависит в этой связи и от способа концептуализации референтной ситуации.

Тип иллокуции РА всегда прослеживается в реальном акте коммуникации. Его выражение, как было продемонстрировано на конкретных примерах, опирается в дискурсе на иллокутивный дейксис – конвенциональные языковые средства, указывающие в контексте речевого взаимодействия на акторечевое значение высказывания и «сигнализирующие» о совершении речевого действия с определенной иллокутивной силой. Однако, концептуальное содержание РА в его пропозициональном и иллокутивном аспектах варьируется в каждом конкретном РА в зависимости от способа концептуализации референтной ситуации общения в языковом сознании говорящего как носителя языка и как языковой личности. Это предопределено, в основном, тем, что фоновые знания, являющиеся одним из инвариантных компонентов структуры РА, нельзя признать константной характеристикой говорящего (что касается их количества и качества). Кроме того, антропоцентрический фактор, предопределяющий способ концептуализации референтной ситуации общения в зависимости от пресуппозиций речевого акта, индивидуальных особенностей говорящего как носителя языка, социальной и языковой личности, оказывает прямое и непосредственное влияние на формирование концептуального содержания РА, сквозь призму которого получают соответствующее концептуальное значение и языковые средства, формирующие поверхностную структуру вербального произведения РА.

Возможность использования говорящим одной и той же номинативной стратегии для осуществления речевых актов различных иллокутивных типов базируется на акцентуации говорящим определенных когнитивных признаков речевой ситуации. Компоненты акторечевого значения выступают,

как следует из приведенных выше положений о лингвокогнитивной природе фрейма, «вербальными» датчиками вершинных узлов фрейма РА, вербализуемого в дискурсе.

2.3. Реализация принципов фреймового анализа иллокутивной составляющей речевого акта

В свете уточненного определения фрейма, представленного в первой главе настоящего исследования, выявление фрейма речевого акта есть способ выявления компонентов когнитивной ситуационной модели значения РА на основе их дейктических проекций в дискурсе.

Первый принцип фреймового анализа ИСРА в дискурсе базируется на использовании прототипической фреймовой модели ИСРА: выявление компонентов концептуального содержания иллокутивного акта проводится, прежде всего, с опорой на перформативную матрицу РА, фиксирующую инвариантные слоты фрейма РА через компоненты значения ИСРА и значения пропозиции, а также средства иллокутивного дейксиса, выполняющие дейктическую функцию по отношению к слотам фреймовой структуры ИСРА.

При этом нужно иметь в виду, что направление анализа будет «перекрёстным» – в тесном переплетении семасиологического и ономасиологического подходов к рассмотрению языковых значений и соотносимых с ними компонентов концептуального содержания ИСРА. Это обусловлено, как указывалось ранее, тем, что прямого соответствия между иллокутивной функцией и конкретными способами её выражения в языке не наблюдается.

Главная особенность, характеризующая фреймовый анализ ИСРА текста/дискурса как вербального коррелята РА в отличие от высказывания, заключается в сложности структуры акторечевого значения данной единицы коммуникации.

Исходя из понимания текста/дискурса как макроречевого акта, состоящего из микроречевых актов, выраженных отдельными высказываниями, можно сделать вывод о том, что его акторечевое значение складывается из акторечевых значений отдельных высказываний, входящих в его структуру. Однако, акторечевое значение текста/дискурса не есть простая сумма акторечевых значений конституирующих его высказываний. Текст/дискурс, реализующий один и тот же тип иллокутивного акта, может состоять из абсолютно разных микроречевых актов и в отношении их количества, и в отношении их акторечевых значений.

Рассмотрим в этой связи конкретные примеры. Анализируемые в работе тексты приведены в текстовом архиве в Приложении 6.

Сравнивая способы выражения иллокутивной силы РА в текстах №№ 1, 2, 3 отметим, что все три текста, выступающие вербальным коррелятом РА, есть реализация одной и той же коммуникативной интенции – *gratulieren*. В поверхностной структуре анализируемых текстов мы обнаруживаем все признаки дискурсивного текста – речевой акт предстаёт в параметрах «здесь и сейчас» (есть указания на время и место речевого действия, адресанта и адресата, тип перформативности РА), несмотря на то, что перед нами его письменная реализация. Как речевой акт *gratulieren* тексты №№ 1-3 предстают перед нами в своих типовых (конвенциональных), стилистически и ситуативно обусловленных характеристиках.

В качестве конвенциональных характеристик всех текстов как вербального коррелята РА можно назвать использование общего языкового кода, конвенциональных лексических и грамматических значений для передачи прагматического значения текста в отношении его акторечевого значения. Идентификация данного иллокутивного типа РА возможна за счет типовых признаков текста. Контактостанавливающая функция текста, последовательность конституирующих его высказываний, лексические компоненты его пропозициональной структуры (определенное событие в жизни адресата или общий праздник, радость по поводу этого события),

форма и стиль представления коммуникативного намерения, а также эксплицитные перформативные высказывания *ich gratuliere, ich wünsche* свидетельствуют о том, что перед нами примеры реализации в конкретных коммуникативных ситуациях РА *gratulieren* посредством типа текста *Gratulationsschreiben*.

Если РА, выражаемый отдельным высказыванием, опирается при вербализации интенционального смысла, как было показано выше, на прагматическое значение предложения как языковой основы высказывания, то языковой основой РА, вербальным коррелятом которого выступает текст/дискурс, является прагматический тип текста.

Иллокутивное значение текста конституируется разноуровневыми средствами иллокутивного дейксиса на уровне его когезии и когерентности.

В приведенных примерах его можно представить схематически следующим образом: *ich gratuliere: Herr Klösters – die Hochzeit* (текст № 4); *ich gratuliere: Herr Meisenkaiser – Geburtstag* (текст № 5); *ich gratuliere: Geschäftsfreund – Weihnachten und Jahreswechsel* (текст № 6).

Аналогичные тип и номинативный аспект иллокуции в анализируемых примерах не определяют аналогичности их акторечевого значения ни в плане пропозиционального (что видно уже из представленной структуры акторечевого значения каждого текста), ни в плане интенционального аспекта РА.

Очевидно, что способ осуществления говорящим иллокутивной силы РА определяется в анализируемых текстах реализацией последовательных микроречевых актов, подчиненных общему концептуальному содержанию РА и иллюстрирующих типовые или ситуативные характеристики макроречевого акта. При этом иллокутивная сила этих микроречевых актов раскрывает иллокутивную силу макроречевого акта.

Текст № 1:

ich gratuliere: Herr Klösters – die Hochzeit

(1) *ich zitiere: russisches Sprichwort -*

Liebe – Glas –

das zerbricht-

wenn man es zu unsicher oder zu fest fasst

(2) ich rede an (indem ich Sprechkontakt anknüpfe): **Herr Klösters**

(3) ich informiere: ich habe mich gefreut –

als ich Karte erhielt –

in der Sie Ihre Vermählung ankündigen

(4) ich behaupte: es ist für mich beruhigend zu sehen –

es gibt junge Menschen -

– in unruhigen Zeiten –

in denen vieles Umbruch ist —

die den Wunsch nach Beständigkeit dagegensetzen

(5) ich gratuliere: **Ihnen und Ihrer Braut – zu diesem Schritt**

(6) ich stelle fest: ich kenne Sie als einen zuverlässigen Gesprächspartner

(7) ich versichere: Ihre private Planung wird auch erfolgreich sein – Sie werden dies sensible Glas genau richtig anfassen

(8) ich wünsche: alle guten Wünsche **für Ihre gemeinsame Zukunft**

(9) ich nenne mich, indem ich beende: (Name)

Анализ микроречевых актов сквозь призму акторечевого содержания данного текста показывает, что иллокутивное значение отдельных РА соотносится не только с интенциональным аспектом макроречевого акта. Например, микроречевые акты (3), (4) детерминируют пропозициональное содержание макроречевого акта посредством пропозиционального компонента *die Hochzeit* и через него – акторечевое значение, в целом. При этом они раскрывают концептуальное содержание РА, показывая отношение говорящего к данному событию, происходящему в жизни адресата. Микроречевые акты (6), (7) также относятся к пропозициональному содержанию макроречевого акта, указывая на взаимоотношения участников акта коммуникации и детерминируя стиль и форму вербальной

репрезентации РА – официальное письменное поздравление, для оформления которого предназначены микроречевые акты (2), (9).

Данные РА с опорой на общую структуру текста и его материальный носитель (открытка с конкретным рисунком, фирменный бланк, письмо по электронной почте и т.п.) осуществляют экспликацию фоновых знаний эмитента, касающихся знания конвенциональных норм осуществления коммуникативной интенции поздравления в заданном стиле социального взаимодействия. Кроме того, инкорпорация акторечевых значений микроречевых актов (3), (4), (6), (7) в структуру акторечевого значения макроречевого акта указывает на концептуальное содержание фрейма ИСРА, стоящего за вербальным произведением.

Взаимодействие значений единиц языка, представленных в морфологических, синтаксических и словоформах в вербальном корреляте РА, указывая на соответствующие им слоты фрейма ИСРА, воссоздаёт концептуальное пространство иллокутивного акта и иллюстрирует не только особенности актуализации определенного типа текста, но и говорящего как языковую личность, носителя национальной культуры речевого взаимодействия. Он предстаёт как человек, обладающий жизненным опытом, сквозь призму которого он может рассматривать событие в жизни адресата как поступок, на который могут решиться не все молодые люди.

Здесь явно просматриваются психологические характеристики эмитента, его коммуникативная компетенция и опыт социального взаимодействия. Кроме того, пропозициональные значения микроречевых актов указывают на компоненты вербализованного смысла РА, иллюстрирующие не только тип социальных отношений, связывающих участников коммуникации, но и на личное отношение говорящего к адресату. Наличие в вербальном произведении РА микроречевого акта (1) свидетельствует о выполнении им функции самопрезентации, указывая также на фоновые знания эмитента об изысканных способах оформления интенционального смысла в рамках официального стиля общения, что ещё

раз обращает внимание на его характеристики как языковой личности и как носителя национальной культуры речевого взаимодействия.

Экспликаторами иллокутивной силы РА являются в анализируемом тексте микроречевые акты (5) и (8), явно указывая на тип конвенционального сценария речевого взаимодействия. Все другие микроречевые акты, как мы видим, раскрывают пропозициональный аспект акторечевого значения анализируемого макроречевого акта, будучи действительно подчинены иллокутивному значению текста. Это свидетельствует о том, что ИС макроречевого акта не является простой суммой значений конституирующих его иллокутивных в последовательном их расположении, а взаимообусловленной структурой взаимодействия смыслов и выражающих их значений.

Данный факт прослеживается и в других примерах.

Текст № 2:

ich gratuliere: Herr Meisenkaiser – Geburtstag

(1) ich zitiere: Heinz Erhardt -

es dürfte keine Steuern, kein Zahnweh, keine Schützengräben -
wäre das Leben noch schöner

(2) ich rede an (indem ich Sprechkontakt anknüpfe): **Herr Meisenkaiser**

(3) ich gratuliere: Ihnen – zu Ihrem Geburtstag – mit einem Spruch von
H. Erhardt

(4) ich begründe: weil ich Sie als nachdenklichen und lebensfrohen Menschen
schätzengelern habe in den vielen Jahren –
die wir uns schon kennen

(5) ich schlussfolgere und meine: deshalb bin ich sicher –
Sie werden Ihren heutigen Ehrentag genießen und für heute
all die großen und kleinen Einschränkungen der Lebensfreude
vergessen – die H. Erhardt nennt und über die wir so oft bei einem
Gläschen gesprochen haben

(6) ich erkläre: da ich Sie auch als Liebhaber eines guten Tropfens kenne –

erlaube ich mir –

Ihnen als Geburtstagspräsent einen Kasten Wein durch

meinen Fahrer bringen zu lassen

(7) ich wünsche: für die Zukunft wünschen meine Mitarbeiter und ich Ihnen alles Gute

- besonders Gesundheit und weiterhin die Energie und Schaffenskraft

- um die viele Jüngere Sie beneiden

(8) ich beende (indem ich eine Grußformel gebrauche): Herzliche Grüße

(9) ich nenne mich: (Name)

Анализ данного дискурсивного текста также свидетельствует о том, что только (3) и (7) микроречевые акты эксплицируют и раскрывают иллокутивный аспект акторечевого значения вербального произведения РА. Другие микроречевые акты детерминируют пропозициональное содержание РА, эксплицируя компоненты фрейма ИСПА, раскрывающие качества адресата, его взаимоотношения с адресантом, характеристики адресанта как языковой личности и носителя национальной культуры речевого взаимодействия. «Прочитывание» данных фоновых знаний возможно здесь также за счёт того, что взаимодействие языковых значений, выражаемых морфологическими, синтаксическими формами и лексемами, указывая на соответствующие слоты фрейма РА, активирует фоновые знания, стоящие за вербальным коррелятом РА. Подчеркнем ещё раз, что к ним относится и знание носителем языка конвенциональных языковых моделей (типов текста), являющихся образцом реализации в дискурсе типовой коммуникативной интенции в рамках заданного стиля общения.

Следующий пример представляет в этой связи типовой образец поздравительного письма коллегам по работе (в том числе и циркулярного) в рамках официального стиля. Основные стилевые черты текста, будучи зафиксированными в определенных стилистических средствах, указывают посредством их значений на соответствующие слоты фрейма типовой иллокуции, «хранящего» знания о конвенциональном сценарии речевого

взаимодействия в конкретной социальной ситуации. Некая обезличенность текста, его обобщенность, указание на общечеловеческие ценности, характерные для официального стиля, – всё это мы наблюдаем в тексте № 6, где, в отличие от предыдущих примеров, иллокутивная сила РА раскрывается совокупностью микроречевых актов, указывающих на пропозициональное содержание, связанное с поводом поздравления.

Текст № 6:

Geschäftsfreund – Weihnachten und Jahreswechsel

ich rede an (indem ich Sprechkontakt anknüpfe): **lieber Geschäftsfreund**

ich stelle fest: ein ereignisreiches **Jahr ist zu Ende gegangen** –

neben Kriegen und Dürrekatastrophen hat es doch auch erfreuliche

Dinge gegeben –

die Hoffnung für die Zukunft wecken

ich behaupte: es ist die höchste Zeit – **die Weihnachtszeit** als Zeit der Besinnung, des Friedens und der Liebe wieder in unser Bewusstsein zu nehmen

ich weise zurück und wünsche: in diesem Sinne wünschen wir Ihnen friedvolle und besinnliche **Festtage** und **ein erfolgreiches Jahr 1998**

ich nenne mich, indem ich beende: (Name)

Здесь чётко прослеживается этикетный характер РА, который можно выявить на основе соотношения акторечевого значения текста/дискурса и фрейма РА, который стоит за его вербальным коррелятом.

Обращаясь к анализу компонентов акторечевого значения анализируемых макроречевых актов, в частности, к семантическому фокусу перформативной матрицы РА – его номинатору, – напомним, что компоненты его лексического значения фиксируют тип осуществления иллокутивного акта, указывая на соответствующие фреймы типовых иллокуций. Кроме того, валентность перформатива указывает на основные семантические роли зафиксированного в его лексическом значении ковенционального сценария речевого взаимодействия. В частности, в текстах №№ 4-6 структура акторечевого значения анализируемых текстов

предопределена компонентами значения (*Sprechhandlung – Beeinflussen der Gefühle des Adressaten – Ausdruck der Mitfreude und Glückwünsche aus einem Anlass im Leben des Adressaten*) и валентными свойствами перформатива *gratulieren* (*Wer? – gratulieren – Wem? Wozu?*). Эти компоненты составляют содержательный инвариант любой вербализации РА *gratulieren* и служат основой для его идентификации в дискурсе. Исходя из перформативных свойств данного типа РА – в частности, реализации контактоустанавливающей функции – план его содержания может подвергаться модификации в зависимости от цели РА. Если акцент делается говорящим при осуществлении РА на смысловой составляющей *Ausdruck der Mitfreude und Glückwünsche aus einem Anlass im Leben des Adressaten*, при которой получает наиболее полное раскрытие экспрессивная иллокутивная сила, вербализацию получают именно те компоненты плана содержания, которые детерминируют этот компонент семантического инварианта РА. При смещении акцента на выражении функции и перлокутивного эффекта РА (т.е. изменении цели РА), при котором за основу берется только повод осуществления РА, происходит раскрытие только этого компонента пропозиционального содержания. РА становится чисто этикетным, призванным для того, чтобы обозначить, пользуясь официальным поводом, своё расположение к адресату и своё желание к продолжению контакта, что мы наблюдаем в тексте № 6.

Отталкиваясь от результатов проведенного анализа на основе средств иллокутивного дейксиса в конкретных РА, отметим, что в зависимости от стиля общения содержательный инвариант РА имеет разные формы вербального воплощения, функционирующие с целью активации фоновых знаний говорящего о реализации заданной коммуникативной интенции в конкретной речевой ситуации. При отсутствии таких знаний носитель языка оказывается неуспешным в актах социальной коммуникации.

При сопоставлении текстов №№ 4-6, имеющих один и тот же семантический инвариант иллокуции, позволяющий идентифицировать их

как РА поздравления, становится очевидным, что одни и те же основные компоненты акторечевого значения, соотносясь с вершинными слотами фрейма РА, активируют в языковом сознании носителя языка разные сценарные фреймы социоречевого взаимодействия. Кроме того, исходя из понимания фрейма РА, представленного выше, за каждым вербальным коррелятом РА стоит некоторый (супер)фрейм, концептуальное пространство которого включает не только типовые (конвенциональные для конкретного языкового сообщества) языковые (морфологические, синтаксические, лексические, стилистические, прагматические) фреймы, но и ситуативно обусловленные компоненты плана содержания, получающие раскрытие в дискурсе.

В этом отношении фрейм каждого РА есть сложная схема интенционального смысла вербализуемого РА, имеющая инвариантные слоты, соотносящиеся с основными компонентами акторечевого значения.

Всё вышеизложенное предопределяет последующие принципы фреймового анализа иллокутивной составляющей речевых актов.

Второй принцип:

Выявление акторечевого значения основывается на выявлении прагматического значения текста/дискурса (или высказывания как его единственного репрезентанта), который указывает на форму и стиль РА, детерминирующие интенциональный, в частности, интеракциональный компонент акторечевого значения. Последний указывает, в свою очередь, на субкатегориальный план иллокуции (тип осуществления иллокутивного акта, семантическим фокусом которого выступает перформатив-номинатор РА).

Третий принцип:

Фреймовый анализ РА проводится в тесной взаимосвязи с компонентным анализом перформатива – номинатора РА, т.к. субкатегориальная детерминация иллокуции РА осуществляется в рамках динамического фрейма РА и «овеществляется» в категориальном и субкатегориальных компонентах значения перформатива – номинатора РА,

которые демонстрируют этнокультурную специфику процессов категоризации перформативного смысла в национальном языке.

Четвёртый принцип:

Компоненты значения перформатива – номинатора РА в совокупности с компонентами значения пропозиции представляют собой семантический инвариант текста/дискурса. Валентные свойства перформатива и семантические роли, предопределяемые значением пропозиции, указывают на соответствующие смысловые компоненты фреймовой структуры РА.

Пятый принцип:

Компоненты лексического значения глагола-номинатора РА и компоненты значения конstituентов пропозиции РА, детерминируемых его валентностью, соотносятся с вершинными слотами фрейма речевого акта.

Субкатегориальные детерминанты акторечевого значения могут получать различную вербализацию в зависимости от фокусировки говорящим соотносимых с ними терминальных слотов фрейма. Здесь фреймовый анализ РА указывает на разноплановые характеристики говорящего и речевой ситуации. Различные прагматические формы реализации РА в языке могут предполагать и уровень инвариантных терминальных узлов фрейма РА, подлежащих обязательному выражению в дискурсе.

Обобщая изложенное, отметим следующее:

1. Иллокутивное значение РА в дискурсе предопределяется его иллокутивным типом и концептуальным содержанием.

Концептуальное содержание типовой иллокуции фокусируется в инвариантных (вершинных) слотах фрейма РА и определяет конвенциональность форм вербализации РА в дискурсе. Терминальные компоненты фрейма РА фиксируют индивидуальное наполнение говорящим концептуального пространства фрейма РА в конкретном коммуникативном акте. Структура фрейма РА отражает представление соответствующего типового сценария речевого взаимодействия в языковом сознании носителей

языка. Тем самым, план содержания РА имеет универсальные, лингвоспецифичные и ситуативно обусловленные компоненты плана содержания.

2. Прагматическое значение вербального коррелята РА формируется посредством взаимодействия лексических и грамматических значений, выступающих вербальными «датчиками» отдельных «атомарных» смыслов фреймовой структуры иллокутивной составляющей РА, которые, взаимодействуя друг с другом и образуя более сложную «молекулу» - конфигурацию компонентов фреймовой структуры иллокутивной составляющей вербализуемого РА, вовлекают в построение поверхностной структуры вербального коррелята РА соответствующие языковые формы и средства для материализации акторечевого значения.

Содержание иллокутивной силы/сил конкретного РА определяется совокупностью семантических компонентов, имеющих дейктическую функцию по отношению к метафреймам иллокутивных сил, представленным в языке перформативными матрицами иллокутивных сил каждого типа.

3. Фреймовый анализ РА проводится в тесной взаимосвязи с компонентным анализом перформатива – номинатора РА, т.к. субкатегориальная детерминация иллокуции РА осуществляется в рамках динамического фрейма РА и «овеществляется» в категориальном и субкатегориальных компонентах значения перформатива, конституирующего перформативную матрицу РА в его глубинной структуре, которые демонстрируют лингвокультурную специфику процессов категоризации иллокуции в том или ином языке.

4. Компоненты значения перформатива – номинатора РА в совокупности с компонентами значения пропозиции представляют собой семантический инвариант текста/дискурса. Валентные свойства перформатива и семантические роли, предопределяемые значением пропозиции, указывают на соответствующие смысловые компоненты фрейма РА.

5. Компоненты лексического значения перформативного глагола-номинатора РА и компоненты значения пропозиции, детерминируемые его валентностью, соотносятся с вершинными слотами фрейма РА, имеющими дейктические проекции в дискурсе. Субкатегориальные детерминанты значения ИСРА могут получать в дискурсе различную вербальную репрезентацию в зависимости от фокусировки говорящим терминальных слотов фрейма.

6. Исходя из сущностной природы фрейма, в частности, фрейма РА, все значения вербальных единиц, представленных в поверхностной структуре РА, являются дейктичными по отношению к соответствующим компонентам фрейма РА. Этот факт следует учитывать при фреймовом анализе ИСРА. Выявление языковых значений в их совокупности указывает на внутри- и межфреймовую сеть фрейма РА и служит основой для выявления концептуального содержания РА, типовых и индивидуальных компонентов фрейма РА.

7. Комплексный фреймовый анализ ИСРА проводится в два этапа:

1) в парадигматике: посредством выявления слотов фрейма типа иллокутивного акта (типовой иллокуции) через установление его номинатора в системе языка и моделирование инвариантной фреймовой структуры ИСРА на основе компонентного и валентного анализа семантической структуры его номинатора с привлечением широкого культурологического контекста;

2) в синтагматике: а) посредством выявления компонентов акторечевого значения через соотнесение инвариантных и терминальных узлов фреймовой структуры (субфреймов) ИСРА с их дейктическими проекциями в дискурсе; б) посредством выявления концептуального содержания слотов фрейма речевого акта в дискурсе и в) посредством установления специфических для РА данного иллокутивного типа средств выражения в дискурсе.

Такой подход к анализу дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА определенного иллокутивного типа, позволяет выявить его

иллокутивное значение в соответствии с особенностями концептуализации говорящим речевой ситуации как языковой личности, как носителя языка.

Таким образом, обращение к феномену иллокутивного дейксиса в когнитивном аспекте открыло возможность не только для осмысления теоретических основ лингвистического анализа ИСРА, но и для практических решений анализа иллокутивного значения высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА, посредством фреймового анализа. Полученные результаты расширяют имеющиеся в когнитивной прагматике представления о плане содержания иллокутивной составляющей РА в свете теории фреймов, а также о фрейме и фрейме РА. Прикладной аспект результатов исследования определяется возможностью их использования в целях лингвистического анализа или лингвистической экспертизы текста для научно обоснованного объяснения, что *сделано* говорящим в акте коммуникации посредством данного текста.

На примере речевого акта служебного поручения покажем, как фреймовый анализ РА с опорой на установленную прототипическую структуру ИСРА позволяет выявить иллокутивное значение высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА.

2.4. Выявление дейктических проекций смысловых компонентов иллокутивной составляющей речевого акта в дискурсе (на примере речевого акта служебного поручения)

2.4.1. Компоненты плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта служебного поручения

Семантический объем понятия служебного поручения, как «поручения» – дела, порученного кому-нибудь для выполнения, задания [Ушаков, 1935-1940] в сфере служебного (корпоративного) общения, предполагает участие в РА служебного поручения, как минимум, двух коммуникантов, находящихся в служебных отношениях, т.е. принадлежащих

к одному институту или одной организации. Это является одной из конститутивных черт служебного поручения, его отличием от других директивных РА, например, от такого РА как заказ, в котором адресант является представителем определенной организации, а адресат - внешним лицом.

Онтологическая природа РА служебного поручения предполагает иерархические социально-ролевые отношения участников акта коммуникации, которыми выступают:

- начальник и его прямой подчиненный;
- начальник и лицо, нижестоящее по должности, но не являющееся его прямым подчиненным;
- специалисты и их ассистенты.

Характер общения – нисходящий, имеющий конвенциональную основу. Говорящий обладает полномочиями предъявлять адресату какое-либо требование, заключающееся в поручении выполнения определенного действия (например, связаться с третьим лицом, принести кофе, перенести встречу и т.п.). Данное действие может носить как социальный (позвонить, связаться с кем-либо, напомнить о чем-либо, доложить о чем-либо, выяснить что-либо, убедиться в чем-либо и т.д.), так и физический (забрать или принести что-либо, сходить куда-либо, написать или напечатать что-либо, совершить какое-либо иное физическое действие) характер.

Поскольку РА служебного поручения представляют собой волеизъявление адресанта, не ограниченное никакими письменными источниками, они имеют преимущественно устную форму.

В свете таксономии побудительных речевых актов Е.И. Филатовой [Филатова 1997: 101] сформулируем социальные и прагматические характеристики речевого акта служебного поручения:

- фактор свободы у адресата: категоричный речевой акт, выполнение каузируемого действия облигаторно;
- фактор интереса: действие существенно в интересах говорящего;

- фактор статуса: статус адресанта выше статуса адресата. Речевой акт социально обусловлен;
- фактор исполнителя: действие исполняется адресатом;
- фактор нормативности: говорящий опирается на служебное положение и личный авторитет;
- фактор среды: несуществен, так как речевой акт может употребляться как в официальной обстановке, так и в приватной беседе коммуникантов;
- фактор обусловленности: инициативный речевой акт.

По совокупности данных признаков РА служебного поручения соотносится с речевыми актами прескриптивного типа в таксономии Г. Морриса [Morris 1960: 202]: он характеризуется облигаторностью выполнения действия для адресата, приоритетностью позиции говорящего. Исполнителем каузируемого действия является адресат. Источником побуждения выступает отдельное лицо, занимающее определенную социальную позицию (позицию авторитета). Адресат находится в неприоритетной позиции и не обладает правом решать вопрос о выполнении/невыполнении действия, более того, невыполнение действия наказуемо, влечет санкции. Часто реализации иллокутивной семантики речевого акта служебного поручения сопутствует экспликация причин, побуждающих говорящего предпринимать попытку каузировать действия адресата или изложение следствий каузируемого действия.

Правилами успешности речевого акта служебного поручения выступают следующие:

- адресант желает, чтобы действие было выполнено;
- каузируемое действие направлено на будущее, оно еще никем не выполнено;
- адресант уверен в том, что адресат способен выполнить каузируемое действие;

- адресант уверен в том, что адресат способен достичь желаемого результата;
- адресант наделен полномочиями, позволяющими моделировать поведение адресата;
- речевой акт открыт для распознавания адресатом как директив;
- адресат принимает на себя обязанность выполнения каузируемого действия.

Указанные конститутивные признаки формируют концептуальное пространство РА служебного поручения, детерминируя универсальные смысловые компоненты фреймовой структуры ИСРА, которая может быть представлена следующей лингвистической метареферентацией:

Ich (der Sprechende) **fordere** (den Angesprochenen/Rezipienten) **auf**, die Einstellung X zu übernehmen / die Handlung X zu vollziehen, indem ich **im Rahmen meiner Stellenkompetenz** dazu **einen Auftrag erteile**.

Онтологическая природа иллокуции служебного поручения обусловлена социально-ролевым аспектом речевого взаимодействия коммуникантов.

Инвариантами компонентами плана содержания ИСРА служебного поручения, исходя из установленных ранее универсальных смысловых компонентов фреймовой структуры ИСРА, являются слоты «решение», «прообраз перлокутивного эффекта», «содержание иллокутивной силы» и «интенсивность реализации иллокутивной силы». Наличие в дискурсе дейктических проекций данных компонентов смысла делает иллокутивную цель РА открытой для распознавания адресатом и позволяет ему адекватно реагировать на коммуникативное воздействие со стороны адресанта.

Концептуальное содержание каждого слота определяется спецификой делового общения коммуникантов в условиях конкретной речевой ситуации, поэтому может детерминироваться вариативными смысловыми компонентами ИСРА.

Рассмотрим, какие средства иллокутивного дейксиса употребляются носителями немецкого языка при осуществлении речевого акта служебного поручения.

2.4.2. Экспликативы иллокутивной семантики речевого акта служебного поручения в дискурсе

Анализ языковых фактов показал, что отличительной чертой актуализации в немецкоязычном дискурсе речевых актов служебного поручения является отсутствие в поверхностной структуре РА перформатива-номинатора РА и его семантических эквивалентов.

В парадигматике немецкого языка номинатором типа РА выступает перформативный глагол *beauftragen* (давать поручение).

В словарной статье значение данного глагола отображает действие посредством речи (*einen Auftrag erteilen, befehlen*), направленное на исполнителя определенного поручения (*Auftrag*):

beauftragen - jemandem einen Auftrag erteilen; befehlen, etwas Bestimmtes zu tun (давать кому-либо поручение; отдавать приказ на выполнение определенного действия) [Duden 1989].

Однако в перформативном употреблении он практически не функционирует. При употреблении в дискурсе в нарративном режиме данный глагол обозначает речевые действия различного характера, в частности:

1. Отдавать кому-л. поручение личного характера, например:

(114) *Als sie Thomas mit einer der dauernd anfallenden Reparaturarbeiten beauftragt hatte, nahm sie mich zur Seite und fragte sehr direkt: «Kann es sein, dass bei euch nicht alles in Ordnung ist? Ich beobachte es schon eine ganze Weile. Thomas kommt mir manchmal ziemlich abgespannt vor»* [Krahl 2004].

(115) *Sein **Onkel** hatte **Erwin** mit der Inventarisierung der hinterlegten Wert- und sonstigen Gegenstände beauftragt. Somit wusste Erwin von der Existenz der geladenen Pistole. Und was Erwin wusste, wusste bald darauf meistens auch Winfried [Emme 2008b].*

(116) *Hannes' **Vater** hat mich beauftragt, nach seinem Sohn zu suchen, und du als seine Freundin bist meine erste Ansprechpartnerin [Schmöe 2008].*

В приведенных примерах мы наблюдаем, что говорящим дается поручение личного характера (выделено подчеркиванием: оказать помощь в выполнении ремонтных работ, описать имущество, участвовать в поисках сына). Иллокутивная семантика личного поручения раскрывается также в лексемах, указывающих на личный характер отношений коммуникантов (выделено жирным шрифтом: адресант – подруга, дядя отдает поручение племяннику Эрвину, отец просит знакомого найти сына). Глагол *beauftragen* функционирует при этом не в перформативном, а в нарративном употреблении для описания речевого действия говорящего. Личный или дружеский характер общения коммуникантов «прочитывается» из контекста.

2. Давать кому-л. поручение в рамках делового общения, например:

(117) *Er war beauftragt, niemanden in den Bereich zu lassen, der keinen Zutritt hatte [Pawlowski 2005].*

(118) *„Mach ich“, antwortete Lenz, zog sein Telefon aus der Jacke und beauftragte einen Kollegen im Präsidium, die Frau als dringende Zeugin in einem Mordfall auf die Fahndungsliste zu setzen [Gilbert 2008].*

(119) *Anschließend beauftragte er die Sekretärin, den VIP-Klub des Einkaufszentrums am Fuße »des Baums des Lebens« ab 17.00 Uhr zu reservieren [Emme 2008a].*

Иллокутивная семантика служебного поручения раскрывается в данных РА, как и в предыдущем случае, через лексемы, указывающие на служебный характер взаимоотношений. Здесь мы наблюдаем, что пропозициональное содержание служебного поручения (выделено подчеркиванием: не пропускать людей в закрытый сектор, внести женщину в

список разыскиваемых лиц, зарезервировать помещение клуба) детерминируется и дополняется в дискурсе соответствующими лексемами (выделено жирным шрифтом: *Bereich, Zutritt, Kollege im Präsidium, Sekretärin*). В каждом из примеров данной группы отношения коммуникантов носят служебный характер, адресат обязательно находится в подчиненном положении к говорящему и обязан выполнить данное ему поручение. Глагол *beauftragen*, функционирующий в приведенных примерах, не является перформативным и эксплицирует иллокутивную семантику РА в словах автора.

3. Нанимать кого-либо для выполнения определенной работы, например:

(120) *Des Weiteren beauftragte sie einen Schreiner, ihr ein großes Wandregal herzustellen, in das sie unzählige, dunkelgetönte, mit Aufschriften versehene Glasfläschchen und eine ganze Reihe Bücher stellte* [Müller, 2004].

(121) *Die Teams bestehen aus Mitarbeitern und Abteilungsleitern. Ein Ruderboot wird immer Letzter. Aufregung in der Chefetage. Man beauftragt einen Coach, der das Boot auf Herz und Nieren prüfen soll* [Gelich, 2006].

(122) *Er ist gerade dabei, ein externes Unternehmen mit der Wartung unserer Maschinen zu beauftragen* [Karnani, 2008].

Данные примеры входят в третью группу примеров и демонстрируют отражение в немецком языке поручений делового характера (выделено подчеркиванием: сколотить большую стенную полку, тщательно проверить лодку, совершить профилактический осмотр механизмов). Глагол *beauftragen* употребляется в данных примерах также в нарративном режиме. Отличительной чертой РА данной группы является то, что служебные отношения между коммуникантами возникают лишь на время выполнения поручения. Адресат – внешнее, независимое лицо (выделено жирным шрифтом: *Schreiner, Coach, ein externes Unternehmen*). Данные примеры соотносятся, на наш взгляд, с примерами РА заказа и не рассматриваются в роли служебных поручений.

Таким образом, анализ практического материала показал, что глагол *beauftragen* используется в немецком языке в поручениях как личного, так и служебного характера в нарративном режиме. При экспликации в дискурсе он не употребляется в поверхностной структуре РА служебного поручения, входя чаще всего в состав слов автора, например:

(123) *Gelich Da kam ein Brief vom Gesundheitsministerium in Entebbe, der sie beauftragte, in Kampala im Rubaga Hospital den Chirurgen für sechs Wochen zu vertreten und die Interns (Ärzte im Praktikum) dort zu unterrichten [Ellmer 2003].*

(124) *Da ihr bisher noch nie jemand von den Überlebenden gegenübergestellt wurde, war das Gericht gespannt, wie sie reagieren würde. Es beauftragte den Sekretär und den Polizeikommissar, mit dem Herrn Kleine auf ihrem Zimmer eine Gegenüberstellung zu arrangieren [Szrama 2009].*

(125) *So beauftragte der Hausverwalter seinen Gehilfen, einmal in Room G gründlich aufzuräumen [Wühle 2005].*

В некоторых случаях в нарративном режиме при экспликации иллокутивной семантики служебного поручения в словах автора используется также глагол *befehlen*, выступающий в качестве синонима перформатива *beauftragen*, например:

(126) *Per Handy rief er die Männer von der KT heran. „Und bringt euer Protokoll mit“, befahl er, „dass wir vergleichen können, was eventuell angerührt wurde oder gar fehlt“ [Grossmann 2006].*

(127) *Aufgrund der Bedeutung des Falles befahl der Direktor des Bundeskriminalamtes Zoff, die verdächtige Waffe zur „Zentralen Kriminaltechnik“ nach Wien bringen zu lassen [Vertacnik 2013].*

В указанных примерах выделенный подчеркиванием глагол *befehlen* может быть заменен глаголом *beauftragen* без искажения смысла. То же можно сказать и о его семантических эквивалентах, например:

(128) „*Würdest du mir vielleicht ein bisschen zur Hand gehen?*“ *Keine Frage, sondern ein Befehl*. «*Hier, pack was ein.*» *Sie schob einen Stapel weißes Geschenkpapier in meine Richtung* [Weisberger 2004: 165].

(129) „*Räumt ihn weg.*“ *Es klang wie die Diagnose eines Arztes, der seine Kunst hier am Ende wusste und das Geschehen an den Priester übergab. Beck fragte sich, ob der Kapitän schon öfter Anlass gehabt hatte, über die Hühnerleiter Gestürzte zu begutachten; indessen hatten Fischer und Koutensky keine Diagnose, sondern einen Befehl gehört und begannen, Sesta unter den Achseln zu fassen und ihn um- und geradzudrehen* [Balaka 2006].

В приведенных и других примерах семантический эквивалент глагола *befehlen* – существительное *Befehl* – был обнаружен только в словах автора, выступая экспликатором РА служебного поручения для комментирования косвенной стратегии выражения РА служебного поручения самостоятельно или в составе именных групп (например, „*keine Frage, sondern ein Befehl*“, „*keine Diagnose, sondern einen Befehl*“).

Глагол *beauftragen*, выступающий в системе немецкого языка номинатором типа речевого акта поручения, в перформативном употреблении в доступных примерах речевых актов служебного поручения не встретился. Экспликаторами содержания иллокутивной силы в прямой речи персонажей выступают, как правило, семантические эквиваленты данного глагола. Существительные *der Auftrag* и *die Aufgabe* в сочетании с притяжательными местоимениями (*mein* и *Ihre* соответственно) указывают в следующих и подобным им контекстах на реализацию РА служебного поручения, выступая средствами иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию иллокутивной силы РА, например:

(130) „*Und genau so lautete auch **mein Auftrag**, dass Sie mir zwei Exemplare beschaffen. Sie schulden mir eine Erklärung*“ [Weisberger 2004: 255].

(131) „*Das kann durchaus ein Vorteil sein. Verstehen Sie, **Ihre Aufgabe** wäre es, uns nach Möglichkeit auf dem Laufenden zu halten. Um im Fall der Fälle rasch reagieren zu können*“ [Imbsweiler 2008].

(132) „*Nein! Der liebe Herr, der jetzt so verzweifelt ist, weil er eigentlich gar nichts dafür kann, hat mir alles erzählt. Vielleicht fragen Sie ihn, wie es ja eigentlich Ihre Aufgabe ist*“ [Bauer 2009].

По результатам проведенного исследования данные экспликативные иллокутивные семантики служебного поручения в поверхностной структуре РА являются самыми частотными.

Наряду с этим встречаются и примеры реализации РА служебного поручения с помощью косвенных речевых стратегий, декодирование которых осуществляется адресатом, исходя из коммуникативного контекста. В этих случаях в поверхностной структуре РА служебного поручения не присутствуют языковые средства, выступающие семантическим эквивалентом перформативного глагола, номинирующего иллокутивный тип РА. Дейктические проекции компонентов инвариантной фреймовой структуры ИСПРА служебного поручения обнаруживаются в расширенном контексте.

Приведем примеры подобных случаев выражения иллокутивной семантики РА служебного поручения:

1. Речевой акт служебного поручения вводится в прямой речи посредством катафорических элементов РА констатации, предшествующих РА служебного поручения. Эти катафорические элементы выражаются, как правило, существительными, указывающими на иерархические должностные взаимоотношения коммуникантов:

(133) „*Sie sind **meine Assistentin**, Sie sind diejenige, die ich mit der Organisation für Paris betraut habe, Sie sollten mich über dergleichen auf dem Laufenden halten*“ [Weisberger 2004: 830].

(134) *Und selbst wenn es so wäre, wie Sie sagen, liebe Kollegin, es ist – ich sage es nun zum letzten Mal – **nicht Ihr Job**, das herauszufinden. Sie sind nicht beim Geheimdienst. Sie sind Beamtin im Polizeidienst ... Überlassen sie das Spekulieren um wirtschaftliche oder politische Spielereien anderen*» [Pundt 2008].

В данных примерах мы наблюдаем употребление говорящим существительных, имеющих дейктическую функцию по отношению к содержанию иллокутивной силы РА служебного поручения, в частности, терминального компонента фрейма ИСПА «im Rahmen meiner Stellenkompetenz» (выделено жирным шрифтом: *meine Assistentin, Ihr Job, nicht Ihr Job*). Являясь катафорическим элементом в расширенном контексте РА говорящего, они предвосхищают появление РА служебного поручения (выделено подчеркиванием: *сообщать о подобном, доставить домой, оставить догадки об экономических и политических махинациях другим лицам*).

2. Дейктические проекции детерминативных характеристик иллокуции находятся в плоскости самой речевой ситуации и эмплицитуются в словах автора, указывающих на иерархические служебные отношения коммуникантов, например:

(135) „*Finden Sie mir diese Spinner*», hatte ***unser neuer Chefredakteur, Adam Birnbaum***, gesagt. «*Bringen Sie mir glückliche Paare, die sich beim Chat kennen gelernt haben, erzählen Sie mir herzgreifende Geschichten über den Kick bei Klick*» [Gier 2010].

(136) *So haben wir es zumindest jahrelang gemacht, bis unser amerika-affiner Chefarzt eines Morgens aufgeregt zu uns ins Schwesterzimmer stürmte und eine große Besprechung anberaumte. «Ich möchte alle Schwestern und Pfleger im Besprechungsraum sehen! Jedenfalls alle, die gerade frei sind-sofort!»* [Tarnecke 2013: 133].

(137) *Fast wäre ich ein bisschen stolz gewesen..., hätte mein Chef diesen Auftrag nicht mit folgenden Worten übergeben: «Das ist quasi dein Bewerbungsschreiben. Wenn du es gut anpackst, bist du im Team. Wenn nicht, studierst wohl besser zu Ende»* [Stahl 2006].

В данных примерах упоминание автором социальной роли одного из коммуникантов (выделено жирным шрифтом: *unser neuer Chefredakteur, unser Chefarzt, mein Chef*) подготавливают читателя к восприятию РА

служебного поручения, средством осуществления которого выступают, как правило, побудительные и повествовательные предложения.

3. Дейктические проекции типовых характеристик иллокутивной силы находятся в плоскости самой речевой ситуации и эмплицитуются в словах говорящего и автора, указывающих на сферу служебного общения коммуникантов, например:

(138) „*Okay, was haben wir?*“ *fragte Richard Finch in der **Konferenz**...*
 „*Und jetzt sieh zu, dass du in die Gänge kommst, Bridget. Hol mir die Leute her. Ruf im Büro von der Harman an und bestell sie für morgen ins Studio, dann dasselbe bei Blair. Alles klar?*“ [Fielding 2002: 162].

(139) *So haben wir es zumindest jahrelang gemacht, bis unser amerika-affiner Chefarzt eines Morgens aufgeregt zu uns ins Schwesterzimmer stürmte und eine große **Besprechung** anberaumte. „Ich möchte alle Schwestern und Pfleger im **Besprechungsraum** sehen! Jedenfalls alle, die gerade frei sind-sofort!“* [Tarnecke 2013: 133].

(140) „*Bevor Sie wieder ins **Büro** kommen, müssen Sie noch Madelaine abholen und in die Wohnung bringen.*“ *Klick. Gespräch beendet* [Weisberger 2004: 14].

В приведенных примерах текст поручения (выделено подчеркиванием: соберите людей, позвоните Харман и пригласите ее на завтра в студию, то же самое с Блэр; я хочу видеть всех сестер и санитаров в комнате для совещаний; Вы должны забрать Мадлен и привезти ее в квартиру) содержит лексемы, указывающие на служебный характер коммуникации (выделено жирным шрифтом: *Konferenz, Besprechung, Besprechungsraum, Büro*). Это позволяет идентифицировать иллокутивную семантику данного РА как служебное поручение. Выделенные нами лексемы (*Ihr Job, meine Assistentin, unser Chef, in der Konferenz, Besprechung, Büro*) являются неотъемлемыми составляющими процесса деловой коммуникации в конкретной речевой ситуации и выступают дейктиками содержания иллокутивной силы РА служебного поручения.

Однако результаты анализа языковых фактов свидетельствуют о том, что самым распространенным средством выражения иллокуции служебного поручения является форма императива в прямой речи коммуникантов, например:

(141) „*Und sehen Sie zu, dass Sie mit der Ablage nachkommen, das sieht ja schlimm hier aus. Die arme Frau Meister wird Zustände bekommen, wenn sie wiederkommt*“ [Gier 2010: 106].

(142) „*Emily, ich bin in zehn Minuten da. Sorgen Sie dafür, dass mein Frühstück auf dem Tisch steht*“ [Weisberger 2004: 363].

(143) „*Dann rufen Sie in der Horace Mann an, und vergewissern Sie sich, dass die Mädchen pünktlich zur Schule gekommen sind*“ [Weisberger 2004: 820].

(144) „*Aan-dreh-aa. Verlegen Sie meinen Friseur und Make-up-Termin vor und sagen Sie den Leuten von Ungaro Bescheid, dass ich heute Abend verhindert bin. Ich gehe stattdessen auf eine kleine Cocktailparty, und Sie kommen mit. Halten Sie sich in einer Stunde bereit*“ [Weisberger 2004: 854].

Смысловым центром РА служебного поручения в данных примерах являются глаголы в повелительном наклонении (выделено подчеркиванием: смотрите, позаботьтесь, позвоните, убедитесь, перенесите, сообщите, будьте готовы). Именно благодаря их форме, имеющей значение побуждения, и общему коммуникативному контексту анализируемые высказывания рассматриваются как РА служебного поручения. Иллокутивные знания носителей немецкого языка, включающие, в том числе, знания о фрейме РА служебного поручения, позволяют коммуникантам «прочитывать» иллокутивную семантику косвенного РА служебного поручения, исходя из условий речевой ситуации.

Вторым по частотности средством иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию иллокутивной силы в прямой речи субъекта РА служебного поручения являются модальные глаголы:

(145) „*Gleich. Ich muss mal schnell aufs Klo. Ich habe nur auf dich gewartet. **Kannst** du einen Augenblick das Telefon hüten?*“ [Weisberger 2004: 135].

(146) „*Ich **möchte** heute Abend das BUCH sehen, Emily*“ [Weisberger 2004: 289].

(147) „*Sie **müssen** auf der Stelle ins Büro kommen und unterwegs ihren Kaffee mitbringen*“ [Löwe, Rohrbeck 2006].

(148) „*Ich rufe Sie an, um Ihnen zu sagen, dass ich mein Essen **will**. Das lässt nicht viel Interpretationsspielraum, Emily! Ich. Will. Mein. Essen. Sofort!*“ [Weisberger 2004: 405].

Каждый из модальных глаголов (выделены жирным шрифтом) несет в себе определенный оттенок служебного поручения. *Können* выражает мягкую просьбу и чаще всего используется в вопросе. *Mögen* выражает желание говорящего побудить оппонента на действие путем озвучивания желаемого результата. *Müssen* используется для выражения долженствования слушающего в соответствии с волеизъявления говорящего. Адресат говорит об обязанностях адресанта. *Wollen* выражает служебное поручение наиболее категорично, его иллокутивная сила подкрепляется контекстом (в данном примере интенсивность выражения иллокутивной силы эксплицируется паузами и на письме – парцелляцией «*Ich. Will. Mein. Essen*» и восклицательными знаками).

В процессе анализа примеров также обнаружено, что в качестве дейктика содержания иллокутивной силы в РА служебного поручения выступает также глагол *brauchen*, выражающий потребность адресанта в чем-либо, например:

(149) „*Hallo, Allison? Sind Sie das?*“, *fragte eine eisige, aber königliche Stimme. „Ich **brauche** einen Rock“* [Weisberger 2004: 121].

(150) „*Ich **brauche** Telefonnummer und Adresse des Antiquitätengeschäfts zwischen der 70. Und der 80. Straße, wo ich die Kommode gesehen habe*“ [Weisberger 2004: 353].

(151) „*Bis ich zurückkomme, **brauche** ich ein paar Schals und einen neuen Koch*“ [Weisberger 2004: 851].

(152) „*Ich **brauche** das neue Harry Potter Buch für die Zwillinge*“ [Löwe, Rohrbeck 2006].

Глагол *brauchen* (выделено жирным шрифтом) в сочетании с объектом отражает в языке волеизъявление говорящего.

Удовлетворение его потребности становится в сфере делового общения служебным заданием адресата, его профессиональной обязанностью (что следует из контекста). Однако исследование показало, что очень часто служебное поручение, оформленное таким образом, относится к личной сфере адресата, на что указывают лексемы, обозначающие каузируемый объект (выделено подчеркиванием: *Rock, Telefonnummer und Adresse des Antiquitätengeschäfts, ein paar Schals und ein Koch, Harry Potter Buch*). Эскпликатором иллокутивной семантики служебного поручения является в данном случае общий коммуникативный контекст служебного общения коммуникантов.

2.4.3. Иллокутивный дейксис в простых и сложных речевых актах служебного поручения

Исходя из имеющегося в лингвистической литературе деления речевых актов на простые, вербальным коррелятом которых является отдельное высказывание, и сложные, вербальным коррелятом которых выступает дискурс (фрагмент дискурса), при анализе примеров РА служебного поручения были отмечены определенные факты, свидетельствующие о функциональных особенностях языковых средств, имеющих в дискурсе дейктическую функцию по отношению к содержанию иллокутивной силы в рамках каждой группы.

Простые РА служебного поручения чаще всего выражаются посредством побудительного предложения, как например:

(153) „*Berichten Sie*“ [Brown 2013].

(154) „*Holen Sie mir Aizek*“ [Löwe, Rohrbeck 2006].

(155) „*Verbinden Sie mich*“ [Weisberger 2004: 850],

или утверждения в форме повествовательного предложения, как например:

(156) „*Sie begleiten mich nächste Woche zur APA – Konferenz*“ [Kinsella, Heimbürger 2009].

(157) „*Die Zwillinge brauchen neue Flipfloppe*“ [Löwe, Rohrbeck 2006].

Детерминация иллокутивной семантики РА служебного поручения осуществляется в дискурсе за счет средств коммуникативного контекста, указывающих на сферу общения и выступающих дейктическими проекциями слота «содержание иллокутивной силы», в частности, его терминального компонента „im Rahmen meiner Stellenkompetenz“.

Однако примеров простых РА служебного поручения было выявлено не так много. Анализ практического материала показал, что речевым актам служебного поручения в немецком языке свойственна сложная форма их реализации. Они состоят, как правило, из нескольких высказываний, образуя единое синтаксическое целое с иллокутивной функцией служебного поручения.

Иллокутивные функции отдельных высказываний, формирующих поверхностную структуру сложного РА служебного поручения, конкретизируют и расширяют иллокутивную семантику служебного поручения, например:

(158) „*Sagen Sie Simone, dass sie das Mädchen für das Brasilien-layout behalten kann. Und rechnen Sie aus ich komme zu Michael Kors Party - der Fahrer soll mich um halb zehn absetzen und Viertel vor wieder abholen. Pünktlich! Dann erinnern Sie meinen Ex-Mann daran, dass er heute zum Elternabend zu erscheinen hat. Danach rufen Sie meinen Mann an. Und bitten ihn heute Abend in das Restaurant zu kommen, in dem ich mit Massimo war. Noch sagen Sie Richard,*

ich habe die Photos gesehen, die für den Bericht über die Fallschirmjäger gemacht hat und sie sind durchaus unattraktiv“ [Löwe, Rohrbeck 2006].

(159) *„Dann wird sie ihre Pläne wohl geändert haben. **Los, mach voran! Lauf nach unten, hol ihre Zeitungen und leg sie ihr so hin, wie ich es dir gezeigt habe. Wenn du damit fertig bist, putzt du den Schreibtisch ab und stellst ihr auf die linke Seite ein Glas San Pellegrino hin, mit Eis und einer Limonenscheibe. Und überprüf noch mal ihr Klo, ob auch nichts fehlt, okay? Los!**“ [Weisberger 2004: 270].*

При этом экспликацию получают различные ситуативно обусловленные компоненты концептуального содержания РА служебного поручения:

- Фактор адресата, дейктическими проекциями которого в дискурсе выступают простые РА обращения, подчиненные в сложном РА служебного поручения реализации главной иллокутивной функции, например:

(160) *„**Schwester Anna**, versuchen Sie doch bitte, die Frau von dem ganzen Blut zu befreien, ja?“ [Tarnecke 2013: 165];*

(161) *„**Bridget**, du stürzt dich auf die arbeitslosen Jugendlichen“ [Fielding 2001: 90];*

(162) *„**Jeffy**, bring mir sofort ein Paar Jimmys in Größe Neuneinhalb“ [Weisberger 2004: 280];*

(163) *„**Aan-dreh-aa**, ich brauche einen neuen Schal“ [Weisberger 2004: 351].*

- Смысловые компоненты, указывающие на срок выполнения служебного поручения, например:

(164) *„**Ich möchte alle Schwestern und Pfleger im Besprechungsraum sehen! Jedenfalls alle, die gerade frei sind-sofort!**“ [Tarnecke 2013: 133];*

(165) *„**Ruf im Büro von der Harman an und bestell sie für morgen ins Studio, dann dasselbe bei Blair**“ [Fielding 2002: 165];*

(166) *„**Schaffen Sie mir den Wagen und den Hund her. Ich will in 15 Minuten fahren. Verstanden?**“ [Weisberger 2004: 26];*

(167) „*Es ist **Sonntagmorgen, neun Uhr**, und die Mädchen haben ihre Bücher noch nicht. Rufen Sie mich im Ritz zurück, um mich über die baldige Ankunft zu unterrichten*“ [Weisberger 2004: 240];

(168) „*Dann hätte ich jetzt gern einen Eisbecher, und zwar möglichst **bevor er komplett geschmolzen ist***“ [Weisberger 2004: 490].

- Смысловые компоненты, указывающие на способ выполнения служебного поручения, например:

(169) „*Bitte **einmal** Blutdruck messen*“ [Tarnecke 2013: 124];

(170) „*Und jetzt besorgen Sie mir meinen Eisbecher, Andrea, aber **zügig***“ [Weisberger 2004: 495];

(171) „*Verbinden Sie mich mit 03.55.23.56.67.89. **Unverzüglich.***“ [Weisberger 2004: 577];

(172) „*Aan-dreh-aa, mein Chanel-Kostüm muss für heute Abend **dringend gebügelt werden.***“ [Weisberger 2004: 820].

- Смысловые компоненты, указывающие на причины, побудившие говорящего совершить РА служебного поручения, например:

(173) „*Machen Sie das aus! **Ich will nicht, dass die Leute mich für einen Idioten halten!***“ [Vermes 2012: 321];

(174) „*Aan-dreh-aa, holen Sie meinen Wagen ab, und bringen Sie ihn in die Garage. Und zwar sofort. **Wir brauchen ihn heute Abend, weil wir in die Hamptons fahren***“ [Weisberger 2004: 15];

(175) „*Hier, nimm das mit, **für den Fall, dass ich dich erreichen muss oder du noch irgendwelche Fragen hast.** Schalte es niemals ab. Beantworte jeden Anruf*“ [Weisberger 2004: 125];

(176) „***Der Milchkaffee ist kalt.** Holen Sie mir einen frischen*“ [Weisberger 2004: 376].

- Смысловые компоненты, указывающие на последствия невыполнения служебного поручения, релевантные для адресата с точки зрения субъекта РА, например:

(177) „Jetzt hör deine Mailbox ab. Wenn sie angerufen hat, **bist du tot. Dann bist du erledigt**“ [Weisberger 2004: 179];

(178) „Bis dahin erwarte ich eine knappe, prägnante Ansprache, ausformuliert und leserlich getippt hier im Hotelzimmer vorgelegt zu bekommen. **Sollten Sie sich nicht dazu in der Lage sehen, dürfen Sie die Heimreise antreten. Und zwar unwiderruflich. Das wäre alles**“ [Weisberger 2004: 830];

(179) „Halten Sie sich daran, Lucia. **Etwas anderes werde ich nicht akzeptieren**“ [Weisberger 2004: 376];

(180) „Das ist quasi dein Bewerbungsschreiben. Wenn du es gut anpackst, bist du im Team. Wenn nicht, studierst wohl besser zu Ende“ [Stahl 2006].

- Аргументы для адресата в пользу необходимости выполнения служебного поручения, релевантные для адресата с точки зрения субъекта РА, например:

(181) „Gut. Dann hätte ich jetzt gern einen Eisbecher, und zwar möglichst bevor er komplett geschmolzen ist. Vanilleeis – kein Joghurt, dass das klar ist, keine geeiste Milch, und nichts Zuckerfreies oder Fettarmes – mit Schokosirup und richtiger Schlagsahne. Nicht aus der Dose, verstanden? Echte Schlagsahne. Das wäre alles“ [Weisberger 2004: 491];

(182) „Reservieren Sie einen Tisch für zwei Personen im Le Cirque, und vergessen Sie nicht, den Oberkellner daran zu erinnern, dass sie im hinteren Teil des Restaurants sitzen möchten. Nicht vorne, wo man sie sehen kann, sondern hinten. Das wäre alles“ [Weisberger 2004: 215];

(183) „Kannst du einen durchschnittlichen Wähler aufteiben, der dafür ist? Durchschnittlich heißt: Mittelengland, Mittelschicht, Hausbesitzer und über fünfzig“ [Fielding 2002: 69];

- Смысловые компоненты, указывающие на завершение говорящим РА служебного поручения и его желание получить обратную связь с адресатом, например:

(184) „Aber so geht das nicht. Schwester Anna, versuchen Sie doch bitte, die Frau von dem ganzen Blut zu befreien, **ja?** Dann nähren wir das, uns Sie bleiben zur Beobachtung hier, **okay?**“ [Tarnecke 2013: 165];

(185) „Ruf im Büro von der Harman an und bestell sie für morgen ins Studio, dann dasselbe bei Blair. **Alles klar?**“ [Fielding 2002: 165];

(186) „...und ich möchte, dass ihr euch jetzt alle etwas Zündendes überlegt...In der ersten Sendung nächste Woche muss es krachen, **verstanden?**“ [Fielding 2002: 282];

(187) „...**Das wäre alles**, Aandreh- aa. **Erledigen Sie das**“ [Weisberger 2004: 15];

(188) „Und überprüf noch mal ihr Klo, ob auch nichts fehlt, **okay? Los!**“ [Weisberger 2004: 270].

Обращение и завершающий элемент типа *ja?*, *verstanden?*, *Das wäre alles* выполняют в РА служебного поручения фатическую функцию. Устанавливая психологический контакт с адресатом, говорящий рассчитывает на наилучшее исполнение поручения. Эти два элемента часто образуют коммуникативную рамку РА служебного поручения: (189) «*Ach, und – Aandreh-aa?...Ich erwarte, dass Sie heute Abend bei der Party zugegen sind und die Gäste in Empfang nehmen. Das wäre alles*» [Weisberger 2004: 686].

Данные ситуативно обусловленные компоненты плана содержания ИСРА служебного поручения вербализуются в дискурсе по определенным моделям: обращение+поручение; поручение+причина поручения; поручение+последствия в случае невыполнения; поручение+завершающая фраза; поручение с указанием временных рамок его выполнения; поручение с указанием качества выполнения; поручение с разъяснением задания. Некоторые компоненты могут комбинироваться друг с другом, например: обращение + аргументация + поручение + завершающая фраза. Все вышеуказанные средства служат для интенсификации иллокутивной силы речевого акта служебного поручения в конкретной речевой ситуации и являются дейктиками по отношению к её содержанию, включая

иллокутивную структуру дискурса, выступающего вербальным коррелятом сложного РА служебного поручения.

В целом примеры вербализации в дискурсе концептуального содержания терминальных слотов иллокутивной составляющей фрейма РА служебного поручения свидетельствуют о многообразии внутренних и внешних параметров актуализации сложного РА служебного поручения, а также о тесной взаимосвязи средств иллокутивного и социального дейксиса в анализируемых РА.

2.4.4. Взаимодействие средств иллокутивного и социального дейксиса в речевых актах служебного поручения

Онтологическая природа речевых актов служебного поручения, заключающаяся в их конвенциональном характере и наличии заданных дискурсивных условий, определяет и способы их актуализации в дискурсе.

Анализ примеров показал, что использование носителями немецкого языка средств реализации иллокутивной семантики в анализируемых РА напрямую зависит от тематики служебного поручения, т.е. от характера поручаемого действия.

Служебные поручения могут заключаться в выполнении некоторого социального действия, например:

- позвонить:

(190) „*Ruf im Büro von der Harman an und bestell sie für morgen ins Studio, dann dasselbe bei Blair. Alles klar?*“ [Fielding 2002: 165];

- связаться с кем-либо:

(191) „*Setzen Sie sich mit Natalie von Glorious Foods in Verbindung, und sagen Sie ihr, ich ziehe das Rhabarberkompott vor*“ [Weisberger 2004: 544];

(192) „*Verbinden Sie mich mit Mr. Tomlinson in seinem Flieger* », «*Und sobald wir hier fertig sind, rufen Sie die Leute zur Features- Besprechung zusammen*“ [Weisberger 2004: 795];

- **напомнить кому-либо о чем-либо:**
(193) „*vergessen Sie nicht, den Oberkellner daran zu erinnern, dass sie im hinteren Teil des Restaurants sitzen möchten*“ [Weisberger 2004: 215];
- **доложить о чем-либо:**
(194) „*Berichten Sie*“ [Brown, 2013]; «*Rufen Sie mich im Ritz zurück, um mich über die baldige Ankunft zu unterrichten*» [Weisberger 2004: 240];
- **выяснить что-либо:**
(195) „*Klären Sie die Blumenbestellung mit Miho*“ [Weisberger 2004: 544];
- **убедиться в чем-либо:**
(196) „*Dann rufen Sie in der Horace Mann an, und vergewissern Sie sich, dass die Mädchen pünktlich zur Schule gekommen sind*“ [Weisberger 2004: 820];
- **перенести намеченную встречу:**
(197) „*Verlegen Sie meinen Friseur und Make-up-Termin vor und sagen Sie den Leuten von Ungaro Bescheid, dass ich heute Abend verhindert bin*“ [Weisberger 2004: 854];
- **позаботиться об исполнении какого-либо действия:**
(198) „*Sorgen Sie in der Zwischenzeit dafür, dass der Friseur und Make-up-Termin bestätigt wird*“ [Weisberger 2004: 550];
(199) „*Sehen Sie zu, dass Sie abends sowohl mit Caroline als auch mit Cassidy sprechen und eine Liste der anstehenden Hausaufgaben und Prüfungen erstellen*“ [Weisberger 2004: 820].

Также РА служебного поручения могут быть нацелены на выполнение адресатом некоторого физического действия, например:

- **забрать или принести что-либо:**
(200) „*Bevor Sie wieder ins Büro kommen, müssen Sie noch Madelaine abholen und in die Wohnung bringen*“ [Weisberger 2004: 14];
(201) „*Lauf nach unten, hol ihre Zeitungen und leg sie ihr so hin, wie ich es dir gezeigt habe*“ [Weisberger 2004: 270];
(202) „*Und bringen Sie mir einen Kaffee*“ [Weisberger 2004: 675];

(203) „Und bringt euer Protokoll mit“, befahl er, „dass wir vergleichen können, was eventuell angerührt wurde oder gar fehlt“ [Grossmann 2006];

- сходить куда-либо:

(204) „Lauf nach unten, hol ihre Zeitungen und leg sie ihr so hin, wie ich es dir gezeigt habe“ [Weisberger 2004: 270];

(205) „Sie müssen auf der Stelle ins Büro kommen und unterwegs ihren Kaffee mitbringen“ [Löwe, Rohrbeck 2006];

- написать или напечатать что-либо:

(206) „Bis dahin erwarte ich eine knappe, prägnante Ansprache, ausformuliert und leserlich getippt hier im Hotelzimmer vorgelegt zu bekommen“ [Weisberger 2004: 830];

(207) „Also, Chefin, morgen kommst du hier hoch, schreibst die Speisekarte und bringst sie gleich mit zum Sables d’Or!“ [Balaka, 2006];

- выполнить какое-либо конкретное действие:

(208) „Das muss genäht werden“, stellte er fest. „Aber so geht das nicht. Schwester Anna, versuchen Sie doch bitte, die Frau von dem ganzen Blut zu befreien, ja?“ [Tarnecke 2013: 165];

(209) „Wenn du damit fertig bist, putzt du den Schreibtisch ab und stellst ihr auf die linke Seite ein Glas San Pellegrino hin, mit Eis und einer Limonenscheibe“ [Weisberger 2004: 270].

РА служебного поручения, относящегося к сфере социального плана, чаще всего имеют сложную структуру. В их состав входят простые РА уточнения, аргументации и пр. Например, в сложном РА (210) „**Dann rufen Sie in der Horace Mann an, und vergewissern Sie sich, dass die Mädchen pünktlich zur Schule gekommen sind. Das machen Sie künftig jeden Morgen – ich traue dieser Annabelle nicht über den Weg**“ [Weisberger 2004: 820] простой РА поручения (выделено жирным шрифтом: позвонить в школу дочерей и убедиться, пришли ли они на учебу вовремя) комбинируется с аргументативным РА, в котором называется причина служебного поручения – недоверие к няне (выделено подчеркиванием). В другом примере (211):

„*Aan-dreh-aa, ohne Schuhe, Taschen und Schmuck kann ich mir unmöglich ein Bild davon machen, wie die Garderobe an den Models wirkt, und morgen bin ich bereits in Italien. Sagen Sie Stef, sie soll mir vorlegen, was sie da hat, und mir von dem Rest Fotos zeigen!*“ [Weisberger, 2004: 801] начальница объясняет, почему не может обойтись без консультации одной из своих сотрудниц (выделено подчеркиванием), и просит связаться с ней.

Служебные поручения в выполнении действия физического плана, как правило, более краткие и емкие по своей структуре, например:

(212) „*Los, mach voran! Lauf nach unten, hol ihre Zeitungen und leg sie ihr so hin, wie ich es dir gezeigt habe. Wenn du damit fertig bist, putzt du den Schreibtisch ab und stellst ihr auf die linke Seite ein Glas San Pellegrino hin, mit Eis und einer Limonenscheibe. Und überprüf noch mal ihr Klo, ob auch nichts fehlt, okay? Los!*“ [Weisberger 2004: 270].

Разделение действий на действия социального и физического плана относительно. При рассмотрении анализируемых речевых актов подтвердилось общественно принятое мнение, что природа социального действия подразумевает неизбежное наличие в нем и физического действия, их неразрывное сплетение. Например, действие «связаться с кем-либо» (например, (213) „*Setzen Sie sich mit Natalie von Glorious Foods in Verbindung*“ [Weisberger 2004: 544]) может означать поднятие телефонной трубки, набор номера и дальнейший разговор, или даже путь, проделанный до искомого третьего лица, чтобы лично позвать его. А просьба забрать машину из гаража (например, (214) „*Aan-dreh-aa, holen Sie meinen Wagen ab, und bringen Sie ihn in die Garage*“ [Weisberger 2004: 15]) может подразумевать, что адресат либо передаст это поручение следующему лицу, либо лично поедет за машиной. Заполнение формуляров (например, (215) „*Füllen Sie mir bitte diese Angaben aus, dann gebe ich Ihnen einen vorläufigen Ausweis*“ [Weisberger 2004: 104]) – это и процесс письма и, в то же время, задействование мыслительных процессов для внесения корректных данных. Выделение действий

социального плана предполагает, что их основу составляет именно социальная интеракция.

Каузируемые говорящим действия адресата, формирующие пропозициональное содержание РА служебного поручения, объективируют план содержания ИСРА наряду с другими смысловыми компонентами.

Вербализация концептуального содержания различных смысловых компонентов ИСРА служебного поручения осуществляется во многих случаях с помощью языковых средств, выступающих в поверхностной структуре РА средствами как иллокутивного, так и социального дейксиса.

Прежде всего, это касается лексического наполнения высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА служебного поручения.

Например, в РА служебного поручения сотрудников журнала мод часто встречаются имена модельеров и модных домов, упоминания вечеринок, показов мод, фото-съемок:

(216) „*Organisieren Sie zehn oder fünfzehn Röcke von Calvin Klein*“ [Löwe, Rohrbeck 2006];

(217) „*Kein Gegrübel, keine aggressiven Posen, keine finsternen Blicke, kein dunkles Make-up. Halten Sie sich daran, Lucia*“ [Weisberger 2004: 375].

В РА служебного поручения в профессиональной сфере медиков используются медицинские термины:

(218) „*Bitte einmal Blutdruck messen*“, sagte ich zu ihm [Tarnecke 2013: 124];

(219) „*Das muss genäht werden*“, stellte er fest. „*Aber so geht das nicht. Schwester Anna, versuchen Sie doch bitte, die Frau von dem ganzen Blut zu befreien, ja? Dann nähen wir das, uns Sie bleiben zur Beobachtung hier, okay?*“ [Там же: 165].

Кроме того, коммуникативный контекст, выступающий в РА служебного поручения средством иллокутивного дейксиса, экспицирует

иерархические социально-ролевые отношения коммуникантов и является одновременно средством социального дейксиса.

Средствами социального дейксиса выступают и гендерные особенности дифференциации используемых говорящим в РА служебного поручения вербальных средств общения, специфики невербальных поведенческих маркеров и типичных стратегий и тактик речевого поведения.

Анализ примеров показал, что РА служебного поручения женщин отличаются большей эмоциональностью. Они чаще используют восклицательные и вопросительные предложения, особый порядок слов, например:

(220) „Emily! Ich stehe im strömenden Regen auf der Rue de Rivoli, und mein Fahrer ist verschwunden! Verschwunden! Verstehen Sie? Er ist weg! Schaffen Sie ihn augenblicklich her!“ So hysterisch hatte ich sie noch nie erlebt [Weisberger, 2004: 580] – пять восклицательных предложений и одно вопросительное в одном речевом произведении, выступающем вербальным коррелятом РА служебного поручения, свидетельствуют о степени крайнего эмоционального возбуждения адресанта, это же подчеркивает и авторская ремарка.

В РА служебных поручений, субъектом которых выступают женщины, используется больше прилагательных, упор делается, в основном, на желаемые характеристики полученного результата, например:

(221) „Und sehen Sie zu, dass Sie mit der Ablage nachkommen, das sieht ja schlimm hier aus“ [Gier 2010: 106].

(222) „Aan-dreh-aa! Der Milchkaffee ist kalt. Das ist mir unbegreiflich. Sie waren schließlich lange genug fort. Holen Sie mir einen frischen“ [Weisberger 2004: 376].

(223) „Besorgen Sie mir auf der Stelle ein anständiges Putensandwich – ich kann keinen Schinken mehr sehen“ [Weisberger 2004: 918].

(224) *„Zuletzt nehmen Sie sich diesen Schwachkopf Renaud zur Brust und erklären ihm, dass ich erwarte, von ihm für die Zeit meines Aufenthalts mit kompetentem Personal versorgt zu werden“* [Weisberger 2004: 820].

При осуществлении РА служебного поручения в немецком языке женщины используют, как правило, сложные, распространенные предложениями, указывая причины поручения и уточняя его содержание, например:

(225) *„Ich rufe Sie an, **um** Ihnen zu sagen, dass ich mein Essen will“* [Weisberger 2004: 405];

(226) *„**Außerdem** möchte ich mit der Frau vom Met sprechen, und sagen Sie ihr, sie soll mir vorab das Tischarrangement faxen, **damit** ich die Sitzordnung festlegen kann“* [Weisberger 2004: 544];

(227) *„**Nachdem** Sie ganz offensichtlich nicht imstande sind, dergleichen im Vorfeld zu erledigen, werden Sie zusehen müssen, dass die Pässe rechtzeitig bis zum Abflug der Zwillinge heute Abend erneuert sind“* [Weisberger 2004: 922].

Также женщины-руководители чаще используют в РА служебного поручения обращения с именами собственными тех лиц, к которым они обращаются:

(228) *„Ich rufe Sie an, um Ihnen zu sagen, dass ich mein Essen will. Das lässt nicht viel Interpretationsspielraum, Emily! Ich. Will. Mein. Essen. Sofort!“* [Weisberger 2004: 405].

(229) *„Andrea, Sie wissen, dass ich Sie heute Abend um halb sieben an Ort und Stelle erwarte?“* [Weisberger 2004: 707].

Служебные поручения мужчин чаще всего более простые по форме и эмоционально нейтральны, например:

(230) *„Und bringt euer Protokoll mit“, befahl er, „dass wir vergleichen können, was eventuell angerührt wurde oder gar fehlt“* [Grossmann 2006].

(231) *„Hol mir die Leute her. Ruf im Büro von der Harman an und bestell sie für morgen ins Studio, dann dasselbe bei Blair“* [Fielding 2002: 165].

Как правило, служебные поручения мужчин нацелены на выполнение подчиненным определенного действия, выражаемого в РА соответствующим глаголом:

(232) *„Können Sie das hier für mich übernehmen?“, fragt er. „Am Freitag? Ich würde ja selbst hingehen, aber ich muss mich hier mit den Marketingleuten herumschlagen“ [Kinsella 2002: 238].*

(233) *„Finden Sie mir diese Spinner“, hatte unser neuer Chefredakteur, Adam Birnbaum, gesagt. „Bringen Sie mir glückliche Paare, die sich beim Chat kennen gelernt haben, erzählen Sie mir herzgreifende Geschichten über den Kick bei Klick. Und vergessen Sie nicht: Sie können nicht über etwas schreiben, was Sie nicht kennen. Also recherchieren Sie mit Fantasie, stürzen Sie sich in die Cyberwelt! Reißen Sie, wenn nötig, selber einen Mann auf!“ [Gier 2010: 6].*

РА служебного поручения мужчин чаще выражаются посредством простых неапротраненных предложений, в которых указывается лишь поручаемое действие:

(234) *„Räumt ihn weg.“ Es klang wie die Diagnose eines Arztes, der seine Kunst hier am Ende wusste und das Geschehen an den Priester übergab [Balaka 2006].*

(235) *„Machen Sie das aus! Ich will nicht, dass die Leute mich für einen Idioten halten!“ [Vermes 2012: 321].*

(236) *Er setzte sein Headset auf. „Hier ist der Provost“, meldete er sich und betonte dabei jedes Wort akribisch. „Berichten Sie“ [Brown 2013].*

Отмеченные гендерные особенности в дифференциации говорящим языковых средств при реализации РА служебного поручения свойственны лишь части примеров анализируемых РА. Большая часть примеров свидетельствует об универсальности языковых средств, используемых мужчинами и женщинами в речевой ситуации служебного поручения: чаще всего РА служебного поручения реализуется и мужчинами, и женщинами в форме побудительного высказывания с глаголом в форме императива:

(237) *“Emily, ich bin in zehn Minuten da. Sorgen Sie dafür, dass mein Frühstück auf dem Tisch steht“* [Weisberger 2004]. У мужчин, также как и у женщин, РА служебного поручения может дополняться невербальными средствами.

Наблюдения за языковыми фактами позволили говорить также о том, что средствами иллокутивного и социального дейксиса в РА служебного поручения являются средства выражения вежливости.

Категория вежливости реализуется носителями немецкого языка в РА исследуемого типа как с помощью экспликаторов вежливости, так и без их использования.

Наиболее частотным средством для выражения служебного поручения в немецком языке является *Höflichkeitsimperativ*. Его употребление в РА относительно категорично и безэмоционально:

(238) *„Denken Sie daran, die Models sollen lächeln. Ich will glückliche Girls, strahlende Girls, lachende Girls, gesunde Girls. Kein Gegrübel, keine aggressiven Posen, keine finsternen Blicke, kein dunkles Make-up. Halten Sie sich daran, Lucia“* [Weisberger 2004: 375].

(239) *„Der Milchkaffee ist kalt. Das ist mir unbegreiflich. Sie waren schließlich lange genug fort. Holen Sie mir einen frischen“* [Weisberger 2004: 376].

В связи с этим речевые акты служебного поручения могут дополняться в дискурсе определенными экспликаторами категории вежливости, что указывает на определенный социальный статус говорящего:

- Частица *bitte* смягчает категоричное требование, вписывая его в этику делового дискурса:

(240) *„Bitte einmal Blutdruck messen“* [Tarnecke 2013: 124].

(241) *„Das muss genäht werden“, stellte er fest. „Aber so geht das nicht. Schwester Anna, versuchen Sie doch bitte, die Frau von dem ganzen Blut zu befreien, ja?“*» [Tarnecke 2013: 165].

(242) „Schickt ihr mir bitte jemanden zum Abholen? Super. Danke“ [Weisberger 2004: 653].

- Использование говорящим личного местоимения *wir* вместо *Sie/du* создает единое коммуникативное пространство между начальником и сотрудниками и стирает границу ерархичности делового общения коммуникантов, например:

(243) „Dann nähen wir das, uns Sie bleiben zur Beobachtung hier, okay?“ [Tarnecke, 2013: 165].

(244) „Holen Sie mich in zehn Minuten – wir haben noch viel zu tun“ [Löwe, Rohrbeck 2006].

(245) „Na, dann wollen wir uns wieder alle an die Arbeit machen“ [Fischer 2005].

- Использование формы вопросительного предложения в косвенных РА служебного поручения. Поручение в форме вопроса звучит более дружелюбно, однако остается поручением из-за разного положения коммуникантов на карьерной лестнице:

(246) „Gleich. Ich muss mal schnell aufs Klo. Ich habe nur auf dich gewartet. Kannst du einen Augenblick das Telefon hüten?“ [Weisberger 2004: 135];

(247) „Würdest du mir vielleicht ein bisschen zur Hand gehen?“ *Keine Frage, sondern ein Befehl.* „Hier, pack was ein“ [Weisberger 2004: 165];

(248) „Könnten Sie wohl dort vorbeigehen und ihn abholen?“ [Kinsella 2002: 31].

- Использование этикетных вкраплений, в том числе средств, выражающих благодарность за выполненную работу, например:

(249) *Sie griff zum Telefon, wählte einen Hausanschluss und befahl: „Jeffy, bring mir sofort ein Paar Jimmys in Größe Neuneinhalb. Nein, sofort. Auf der Stelle. Nein, Jeff, das ist mein voller Ernst. Sofort. Andrea hat Turnschuhe an, knallrote Sneaker! Und Miranda kann jede Sekunde hier sein. Okay, danke“* [Weisberger 2004: 280].

(250) „*Hi Mario, ich bin's. Ja, weiß schon – lange nichts mehr hören lassen. Schickt ihr mir bitte jemanden zum Abholen? Super. Danke*“ [Weisberger 2004: 653].

В результате анализа практического материала было отмечено, что экспликация маркеров вежливости в служебных поручениях в немецком языке основана на стремлении говорящего добиться выполнения поручения как можно быстрее и на наиболее высоком качественном уровне.

Наличие маркеров вежливости в речевом акте необязательно, но свидетельствует об определенном уровне образования и воспитанности говорящего. Отсутствие экспликаторов не говорит о грубом или невежливом отношении адресанта к адресату. Сухое, конкретное общение является в немецкоязычном деловом дискурсе нормой.

Обобщая вышесказанное, отметим, что проведенный анализ РА служебного поручения с опорой на прототипическую фреймовую модель ИСРА позволил последовательно и достаточно полно описать концептуальное содержание РА данного иллокутивного типа в современном немецком языке и выявить дейктические проекции универсальных и ситуативно обусловленных смысловых компонентов ИСРА в дискурсе. Результаты анализа, в свою очередь, показали особенности функционирования и вербальной репрезентации концептуального пространства РА служебного поручения в современном немецком языке.

Применение установленных принципов фреймового анализа РА, базирующихся на использовании прототипической фреймовой модели ИСРА и соотнесении смысловых компонентов ИСРА с их дейктическими проекциями в дискурсе, даст возможность установить особенности концептуализации референтной ситуации общения и категоризации иллокуции в языковом сознании носителей языка в исследованиях иллокутивной семантики РА различных иллокутивных типов не только в немецком, но и в других языках.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Исследование когнитивных основ иллокутивного дейксиса, включающего указание на иллокутивный акт и его аспекты как значение или функцию языковой единицы, выражаемую посредством разноуровневых языковых средств, показывает тесную взаимообусловленность компонентов плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта и их дейктических проекций в парадигматической и синтагматической системах языка.

Дейктические проекции целевых показателей типовых иллокутивных сил (иллокутивных актов) представлены в системе современного немецкого языка в компонентах значения перформативных глаголов, выступающих номинатором вида/типа речевого акта в системе немецкого языка и соответствующего иллокутивного концепта в языковом сознании носителей немецкого языка; их семантических эквивалентов; грамматических форм предложений; дискурсивных моделей.

В дискурсе дейктические проекции целевых показателей иллокутивных сил представлены в компонентах значения конкретного иллокутивного акта, указывающих в глубинной структуре речевого акта на его интенциональный аспект, представленный в его поверхностной структуре разноуровневыми средствами языка, используемыми говорящим.

Дейктические проекции интенсивности иллокутивной силы представлены в немецком языке в компонентах значения просодических, лексических, морфологических, синтаксических и фразеологических средств, используемых говорящим в конкретной речевой ситуации.

2. Категоризационный потенциал иллокуции как прагматической категории РА обусловлен её способностью формировать категориальный/субкатегориальный план и детерминировать видовые и типовые характеристики иллокутивного акта.

Дейктические проекции уровней категоризации иллокуции в современном немецком языке представлены в парадигматической системе перформативных глаголов – номинаторов вида/типа РА, иерархическая структура которой включает лексико-семантические группы перформативов, формирующиеся на основе их инвариантного иллокутивного значения, и соответствующие субфреймам 4 порядка „Repräsentieren“, „Gefühle äußern“, „Versprechen“, „Deklarieren“, „Auffordern“ в рамках динамичного фрейма категоризации иллокуции в языковом сознании носителей немецкого языка.

3. Онтологические свойства иллокутивного дейксиса позволяют выявить инвариантные и ситуативно обусловленные компоненты концептуального содержания иллокутивного акта и построить прототипическую фреймовую модель иллокутивной составляющей речевого акта.

Фреймовое моделирование иллокутивной составляющей речевого акта предполагает выявление функционально возникающей специфической конфигурации компонентов плана содержания иллокутивного акта, инвариантные слоты которой выявляются на основе регулярности их активации в схожих ситуациях взаимодействия индивида со средой.

4. Инвариантными смысловыми компонентами плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта, формирующими его фреймовую структуру, выступают слоты «решение», «прообраз перлокутивного эффекта», «содержание иллокутивной силы», «интенсивность реализации иллокутивной силы».

Каждому компоненту прототипической фреймовой модели иллокутивной составляющей речевого акта соответствует определенный набор концептуальных признаков, конституирующих концептуальное содержание иллокутивного акта. Набор данных концептуальных признаков определяет, что делает говорящий посредством речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА.

Каждый из слотов фрейма иллокутивного акта имеет дейктическую проекцию в дискурсе, выступающем вербальным коррелятом речевого акта. Они являются его обязательным признаком, формируя прагматическое значение речевого произведения и коррелируя с остальными категориями дискурса, релевантными для вербального и невербального текста.

5. Принятие решения является центральным в цепочке ментальных актов, лежащих в основе процессов формирования и осуществления говорящим речевого акта с заданной иллокутивной силой. Ведущим в этом процессе выступает антропоцентрический фактор, определяющий необходимость/возможность осуществления речевого действия с заданной иллокутивной силой. Иллокутивная цель речевого акта определяется прообразом того идеального состояния речевой ситуации, которое представляется говорящему реальным для достижения посредством его речевого действия, т.е. прообразом перлокутивного эффекта, которого он намерен достичь реализацией соответствующей иллокутивной силы.

Необходимость/возможность осуществления речевого акта с заданной иллокутивной силой определяется говорящим как результат осуществления в сознании говорящего когнитивных механизмов оценки и интерпретации и составляет тем самым концептуальное содержание смыслового компонента «решение» в структуре иллокутивной составляющей смысла речевого акта.

Основной концептуальный признак слота «решение» представлен перформативной матрицей «Я (говорящий) считаю необходимым и возможным совершить речевой акт с заданной мною иллокутивной силой по отношению к некоторому пропозициональному содержанию».

6. РА с заданной иллокутивной силой осуществляется говорящим в зависимости от целого спектра факторов, влияющих на процесс формирования концептуального содержания и вербализации иллокутивной силы РА. Дейктической проекцией в дискурсе когнитивных механизмов и состояний говорящего в момент формирования и принятия решения об осуществлении иллокутивного акта являются речевые акты саморефлексии, в

которых говорящий признаёт факт осознанно или неосознанно осуществленного им речевого действия с заданной иллокутивной силой; переосмысляет совершенное им речевое действие; уточняет или объясняет свое интенциональное состояние в момент осуществления иллокутивного акта или степень интенсивности осуществленной им в РА иллокутивной силы.

Результаты анализа средств вербальной репрезентации речевых актов саморефлексии, выступающих в современном немецком языке дейктиками по отношению к факту реализации говорящим иллокутивного акта, показывают, что таковыми в дискурсе, в основном, являются предикаты, выраженные субъектными, субъектно-объектными и объектными глаголами (в частности, глаголами реакции; (речевого) действия, поведения; физического, ментального, эмоционального состояния; знания; мнения; восприятия; оценки) или их дериватами. Данные языковые средства выступают лексическими репрезентациями различных состояний говорящего и его когнитивных операций, лежащих в основе принятия говорящим решения о необходимости и возможности совершить речевой акт с заданной иллокутивной силой и объективируемых в речевых актах саморефлексии.

7. Выделение в концептуальном пространстве РА смысловых компонентов, связанных с принятием говорящим решения об осуществлении РА с заданной иллокутивной силой, непосредственно связано с выделением компонентов, формирующих концептуальное содержание вершинного слота фреймовой структуры иллокутивной составляющей РА «прообраз перлокутивного эффекта» с когнитивным признаком «Я (говорящий) уверен, что совершаемый мною иллокутивный акт будет иметь следствием достижение некоторого ментального акта в сознании реципиента, в результате которого может наступить идеальное состояние речевой ситуации».

8. Слот «содержание иллокутивной силы» является наряду со слотами «решение» и «прообраз перлокутивного эффекта» вершинным слотом

фреймовой структуры иллокутивной составляющей РА, концептуальное содержание которого детерминируется категориальным/субкатегориальным планом иллокутивной силы определенного типа в рамках соответствующего метафрейма. Основным когнитивный признак, определяющий содержание иллокутивной силы метафрейма, задает функциональную предназначенность всему речевому произведению, выступающему вербальным коррелятом РА с заданной иллокутивной силой по отношению к некоторому пропозициональному содержанию.

Выделение когнитивных признаков слота «содержание иллокутивной силы» на материале немецкого языка потребовало обращения к языковым сущностям, иконически соотнесенным в немецком языке с компонентами плана содержания иллокутивной силы каждого типа и вбирающими в себя весь потенциал функциональной предназначенности иллокутивных актов определенного вида и типа. Установлено, что лингвистическая метареферентация когнитивного признака, определяющего содержание иллокутивной силы в рамках каждого метафрейма, как языковой знак представляет собой перформативную матрицу, вбирающую в себя весь потенциал реализации в дискурсе иллокутивных актов соответствующего вида и типа.

Дейктическую функцию по отношению к содержанию иллокутивной силы выполняют в немецком языке эксплицитные и имплицитные средства, указывающие на наличие в глубинной структуре РА основного иллокутивного признака, конституирующего соответствующий метафрейм.

9. Основным когнитивный признак метафрейма «репрезентативная иллокутивная сила», конституирующий концептуальное пространство иллокутивного акта при его вербализации носителем немецкого языка, представлен в виде перформативной матрицы «Ich (der Sprechende) repräsentiere den Sachverhalt X, indem ich (den Angesprochenen/Rezipienten) darüber informiere».

Субкатегориальный план метафрейма «репрезентативная иллокутивная сила» детерминируется говорящим в зависимости от типа осуществляемого им репрезентативного иллокутивного акта и представлен когнитивным признаком, восходящим к основному когнитивному признаку метафрейма «репрезентативная иллокутивная сила».

Выделение основного когнитивного признака, определяющего содержание иллокутивной силы репрезентативного РА, осуществляется говорящим за счет фокусировки своего деятельностного потенциала на нозомогенной силе иллокутивного акта, в результате поляризации которой в общей структуре иллокуции РА высказывание/дискурс, выступающие вербальным коррелятом РА, не просто передают его концептуальное содержание, но являются средством выражения мыслей, мнений, убеждений говорящего, задавая общий вектор реализации иллокутивной силы в РА от слов к миру.

Языковые средства, выполняющие в дискурсе дейктическую функцию по отношению к содержанию репрезентативной иллокутивной силы, характеризуются ситуативной обусловленностью.

Эксплицитными средствами иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию репрезентативной иллокутивной силы в немецком языке выступают в простых речевых актах в их совокупности пропозициональное содержание РА, грамматическая форма предложения-высказывания и интонационные средства, а также в сложных РА жанровые формы, общая иллокутивная функция которых репрезентирует основной когнитивный признак РА с данной иллокутивной силой. ИмPLICITным средством иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию репрезентативной иллокутивной силы в немецком языке выступает контекст.

10. Основной когнитивный признак метафрейма «директивная иллокутивная сила», формирующий концептуальное пространство иллокутивного акта при его вербализации носителем немецкого языка, представлен перформативной матрицей «Ich (der Sprechende) fordere (den

Angesprochenen/Rezipienten) auf, die Einstellung X zu übernehmen / die Handlung X zu vollziehen».

При выборе говорящим директивной иллокутивной силы для реализации РА её основной когнитивный признак выделяется в общем концептуальном пространстве РА за счет фокусировки говорящим своего деятельностного потенциала на консенсогенной силе, способной посредством перехода содержания того, что сказывается, на адресанта и на адресат сказывания менять статус эмитента и реципиента, их отношение к РА, ситуации, друг к другу, побудить к совершению определенных действий.

Консенсогенная сила концентрирует потенциал иллокутивной силы речевого акта на её способности вызывать в сознании реципиента определенное ментальное состояние, имеющее следствием некоторое желаемое говорящим действие. Профилирование данного компонента иллокутивной силы РА непосредственно влияет на общую функциональную предназначенность высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА, с вектором реализации иллокутивной силы в РА от мира к словам.

Детерминация иллокуции директива происходит в РА в зависимости от её субкатегориального плана.

Эксплицитные и имплицитные языковые средства, выполняющие дейктичную функцию по отношению к содержанию директивной иллокутивной силы, имеют в немецком языке ситуативную обусловленность, указывая на наличие в глубинной структуре РА когнитивного признака, восходящего к основному когнитивному признаку директива. Их употребление говорящим в конкретном РА диктуется особенностями концептуализации им референтной ситуации общения и его ментальным и психологическим состоянием в момент принятия решения об осуществлении РА с директивной иллокутивной силой в заданной форме. Неотъемлемым средством иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию

директивной иллокутивной силы РА выступает его пропозициональное содержание.

11. Основной когнитивный признак метафрейма «комиссивная иллокутивная сила», формирующий концептуальное пространство комиссивного иллокутивного акта при его вербализации носителем немецкого языка, представлен перформативной матрицей «Ich (der Sprechende) verpflichte mich, die Handlung X zu tun».

Детерминация комиссивной иллокутивной силы происходит в РА в зависимости от коммуникативной формы комиссива и дискурсивных условий. Коммуникативные формы реализации комиссивов с иллокутивной силой большей интенсивности предполагают, как правило, её экспликацию либо через употребление говорящим соответствующего перформатива в перформативном прочтении, либо реализацию РА в заданной институциональной жанровой форме.

Основной когнитивный признак выделяется в концептуальном пространстве РА при реализации комиссивной иллокутивной силы за счет фокусировки говорящим своего деятельностного потенциала одновременно на консенсогенной и нозмогенной силах иллокутивного акта, за счет чего РА с переходом содержания сказываемого на самого адресанта меняет отношение эмитента и реципиента к ситуации и побуждает субъекта РА к совершению в будущем определенных действий. Профилирование данных компонентов иллокутивной силы РА оказывает непосредственное влияние на общую функциональную предназначенность высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом комиссивного РА, и задает вектор реализации иллокутивной силы в РА от мира к словам.

Соотношение нозмогенной и консенсогенной сил определяет степень ритуализованности комиссивного РА. Большой вес консенсогенной силы, предполагающий изменение статуса эмитента и ситуации, ведет к повышению степени ритуализованности коммуникативной формы дискурса, выступающего вербальным коррелятом комиссивного РА, предопределяя

большую ответственность эмитента по осуществлению взятого на себя обязательства «извне». Большое профилирование говорящим невозможной силы предполагает констатацию факта, что он накладывает на себя обязательства по выполнению определенного действия или линии поведения, поэтому по форме данные РА могут быть идентичными РА с репрезентативной иллокутивной силой. Однако действие комиссивной иллокутивной силы в таких РА заканчивается, как только основной когнитивный признак, указывающий на содержание комиссивной иллокутивной силы в глубинной структуре РА посредством эксплицитных или имплицитных языковых средств, исчезает, заменяясь другим.

Эксплицитные и имплицитные вербальные средства, выступающие дейктиками по отношению к содержанию комиссивной иллокутивной силы, имеют в немецком языке ситуативную обусловленность, указывая на наличие в глубинной структуре РА когнитивного признака, восходящего к основному когнитивному признаку комиссива. В качестве эксплицитных средств иллокутивного дейксиса выступают перформативный глагол в перформативном употреблении, жанровая форма реализации сложного РА с общей иллокутивной функцией комиссива, а также пропозициональное содержание РА в совокупности с эксплицитными средствами модальности, выражающими уверенность говорящего в выражении им намерения выполнить некоторое будущее действие, и/или опорой на контекст. Имплицитным средством дейксиса комиссивной иллокутивной силы выступает контекст.

12. Основным когнитивным признаком метафрейма «экспрессивная иллокутивная сила», формирующий концептуальное пространство иллокутивного акта при его вербализации носителем немецкого языка, представлен в виде перформативной матрицы «Ich (der Sprechende) äußere meine Gefühle und Einstellung in Bezug auf den Angesprochenen/ Rezipienten, indem ich dem Rezipienten zu verstehen gebe, dass es mir um die personale Beziehung zum ihm geht».

При реализации в РА иллокутивной силы данного типа говорящий фокусирует свой деятельностный потенциал одновременно на консенсогенной и okazjiокреативной силах иллокутивного акта, сочетание которых способно с переходом содержания сказываемого на самого адресанта и на адресат сказывания влиять на их отношение друг к другу и на сферу их взаимоотношений в целом. Задавая существование сферы этих взаимоотношений как отдельной ситуации, сочетание консенсогенной и okazjiокреативной сил изменяет вместе с тем и саму эту ситуацию.

Профилирование данных компонентов иллокутивной силы РА определяет функциональную природу экспрессивов, позволяя говорящему с помощью высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА, обеспечивать реализацию контактоустанавливающей функции экспрессивного РА. Приспособление при этом мира к словам или слов к миру в РА отсутствует.

Будучи тесно связанной с осуществлением социальных ритуалов, реализация в РА экспрессивной иллокутивной силы предполагает употребление говорящим ритуализованных форм, детерминирующих значение иллокутивного акта и имеющих дейктическую функцию по отношению к содержанию иллокутивной силы. Имплицитным средством дейксиса экспрессивной иллокутивной силы выступает контекст.

Содержание экспрессивной иллокутивной силы при её реализации в дискурсе всегда детерминировано иллокутивным типом РА.

13. Основной когнитивный признак метафрейма «декларативная иллокутивная сила», формирующий концептуальное пространство декларативного иллокутивного акта при его вербализации носителем немецкого языка, представлен перформативной матрицей «Ich (der Sprechende) bewirke hiermit, dass X als Y gilt, indem ich (dem Rezipienten) zu verstehen gebe, dass der Text eine neue Realität schafft».

При реализации в РА иллокутивной силы данного типа говорящий фокусирует свой деятельностный потенциал на okazjiокреативной силе

иллокутивного акта, что позволяет говорящему влиять на ситуацию и менять её статус. Это предопределяет высокую степень конвенциональности языковых средств декларативов. Концентрируя деятельностный потенциал иллокутивной силы РА на её способности задавать то измерение социуму, которое постулируется в его словах, говорящий осознает и подчеркивает употреблением декларативного РА свои полномочия для изменения статуса ситуации. Соответственно, профилирование данного компонента иллокутивной силы РА с опорой на контекст, указывающий на наличие у говорящего соответствующих полномочий для изменения статуса ситуации, определяет общую функциональную предназначенность высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом декларативного РА, и задает вектор реализации иллокутивной силы в декларативном РА от мира к словам и от слов к миру. Детерминация декларативной иллокутивной силы происходит в РА в зависимости от типовых характеристик декларатива и дискурсивных условий его реализации. Тип текста является, как правило, одним из самых характерных детерминантов декларативной иллокутивной силы РА. Экспликаторами содержания декларативной иллокутивной силы РА выступают в данном случае языковые средства, поддерживающие типовые признаки дискурса, выступающего вербальным коррелятом сложного РА с общей иллокутивной декларативной функцией. Маркером её реализации посредством данного РА служит основной когнитивный признак декларатива, представленный в глубинной структуре РА его перформативной матрицей.

Ритуализованный характер типовых коммуникативных форм декларативов в институциональном дискурсе, как правило, максимально открывает к распознаванию содержание иллокутивной силы РА, предполагая письменную фиксацию признаков «новой реальности», которая творится посредством совершаемого говорящим РА. В других типах дискурса (в частности, в служебном и обиходном) дейктическую функцию по отношению к содержанию декларативной иллокутивной силы выполняет, как

правило, контекст, выступающий имплицитным средством дейксиса декларативной иллокутивной силы.

14. Основной когнитивный признак слота «интенсивность реализации иллокутивной силы» представлен перформативной матрицей «Я (говорящий) считаю необходимым и возможным реализовать заданную мной иллокутивную силу РА некоторым образом» и включает смысловые компоненты, дополняющие ядерные (вершинные) компоненты «решение», «прообраз перлокутивного эффекта» и «содержание иллокутивной силы», формирующие терминальный компонент фреймовой структуры иллокутивной составляющей РА.

15. Выделенные вершинные и терминальные слоты формируют в их совокупности фреймовую модель иллокутивной составляющей РА в статичном (сетевом) представлении, являющуюся в свете бинарной структуры фрейма РА его неотъемлемой составной частью наряду с ядерным компонентом «пропозиция».

Константные и ситуативно обусловленные компоненты фреймовой модели иллокутивной составляющей речевого акта обнаруживаются с помощью вербальных средств, выполняющих дейктическую функцию по отношению к различным аспектам иллокутивного акта говорящего в конкретной речевой ситуации.

Высокая степень корреляции параметров фреймовой модели иллокутивной составляющей речевого акта и применение установленных принципов фреймового анализа РА в получении репрезентативных данных в исследовании плана содержания и плана выражения ИСРА на примере РА служебного поручения в немецком языке свидетельствует о надежности эмпирических данных, лежащих в основе концепции фреймового анализа речевых актов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фундаментальный принцип современного познания человека основывается на деятельностном подходе к его изучению как субъекта внешневнутренней, сознательной и целенаправленной жизнедеятельности, как субъекта общения, познания, творчества и активного преобразования мира. Способность к осуществлению деятельности любого рода определяется наличием у человека силы – физической, психической, ментальной, духовной.

Не является исключением и коммуникативная деятельность человека, которая требует физических, психических, ментальных и даже порой духовных затрат. Однако то, что рождается в результате коммуникативной деятельности человека и служит инструментом активного преобразования им реальной действительности – речевое действие, речевой акт – также обладает силой. Это – сила особого рода, получившая в теории речевых актов название иллокутивной. Она дает возможность говорящему использовать в речевых актах языковые знаки в качестве средства общения, обеспечивая перенос содержания сказываемого на сказанное, и открывает для распознавания коммуникативное намерение говорящего, создавая условия для протекания интеракции в рамках заданной говорящим коммуникативной интенции и непосредственно влияя на успешность коммуникативного акта.

Иллокутивная сила речевого акта определяется множеством ситуативно обусловленных элементов и не сводится к отождествлению её с отдельным словом или словосочетанием, служащих для обозначения данной иллокутивной силы в естественном языке.

Как и всякая векторная величина, иллокутивная сила речевого акта непосредственно связана с его производителем – говорящим. От него зависит выбор «точки приложения» силы (перлокутивного эффекта речевого акта), придание ей определенного направления (интенции) для достижения

иллокутивной цели и выбор модуля/носителя силы, который представлен совокупностью разноуровневых средств языка, способных передать содержание и интенсивность заданной говорящим в речевом акте иллокутивной силы. Немаловажным фактором её осуществления выступает также среда (речевая ситуация), в которой данная сила производится. Она может способствовать или препятствовать осуществлению говорящим заданной им иллокутивной силы.

Благодаря качествам направленности и переносимости иллокутивная сила концентрируется в семантическом фокусе речевого акта и составляет содержание одной из его симультанных составляющих – иллокутивного акта, определяющего функциональную предназначенность высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом речевого акта.

Будучи в корне отличным от других типов значения, значение иллокутивной составляющей речевого акта демонстрирует не то, что сказано, а что *сделано* говорящим в дискурсе, и неизбежно требует при его рассмотрении обращение к концептуальной системе индивида как познающего и деятельного субъекта.

Исследования когнитивных механизмов образования значения иллокутивных актов показывают, что вербальный коррелят речевого акта представляет собой отражение в языковом сознании говорящего категоризованного и субкатегоризованного, упорядоченного представления референтной ситуации общения. При формировании значения речевого акта, как и при его реконструкции, познающий и действующий субъект сканирует фрагмент действительности, представляющий конкретную референтную ситуацию общения (в соответствии с устройством его языковой картины мира), затем фокусирует в выделенном фрагменте определенные объекты, выбирая определенную стратегию и тактику речевого поведения для осуществления речевого действия как способа реализации его иллокутивной силы по отношению к данным объектам. Указанные ментальные акты формируют в сознании говорящего концепт с соответствующим окружением.

Рассмотрение речемыслительных процессов формирования речевого акта сквозь призму теории фреймов позволяет говорить о том, что при вербализации речевого акта познающий и действующий субъект оперирует не только выделенным концептом, но и его окружением, что позволяет говорить о фрейме речевого акта как о когнитивной модели многомерного концепта речевого акта, существующей в координатах заданных измерений. В частности, произвольная или непроизвольная реакция на речевую ситуацию формирует психолингвистическое измерение РА. Осмысление говорящим своего места и роли в акте коммуникации, произвольный или непроизвольный выбор говорящим типа РА и стиля речи отсылает коммуникантов к социокультурному измерению РА. Прагматическая цель РА задает его прагматическое измерение. Выбор говорящим дискурсивной стратегии и формирование когнитивной модели РА для реализации заданной коммуникативной интенции посредством языка указывает на грамматическое измерение РА. Взаимопересечение всех измерений речевого акта и большое разнообразие задействуемых говорящим когнитивных механизмов формирования интенционального смысла в процессе осуществления речевого акта позволяет передавать субъекту РА бесконечно возможное количество смыслов в рамках общего интегрированного единства.

Формирование концептуального пространства речевого акта и выделение компонентов плана содержания, подлежащих вербализации, происходит в сознании говорящего на пересечении двух миров – мира говорящего и окружающего его мира. В момент осмысления и осуществления речевого акта картина мира говорящего становится оппозитивной картине мира языкового сообщества, к которому он принадлежит, – он становится деятелем, активным преобразователем окружающего мира посредством речевого действия с заданной иллокутивной силой. Данный факт становится основополагающим при формировании плана содержания и осуществлении говорящим иллокутивного акта как симультанной составляющей речевого акта.

Исходя из постулата о бинарной структуре речевого акта, включающей иллокуцию и пропозицию, концептуальное пространство иллокутивной составляющей РА является неотъемлемой, но отдельной частью общего концептуального пространства РА.

Исследование показало, что иллокутивная составляющая речевого акта представляет дейктическую составляющую иллокутивного акта в совокупности смысловых компонентов, облигаторно представленных в любом речевом произведении, выступающем вербальным коррелятом речевого акта, и актуализируемых в речи посредством различных языковых средств.

Данный факт позволил сфокусировать внимание на феномене иллокутивного дейксиса, включающем указание на иллокутивный акт и его аспекты как значение или функцию языковой единицы, выражаемую посредством разноуровневых языковых средств.

Онтологические свойства иллокутивного дейксиса, выявленные в результате освещения когнитивных механизмов формирования концептуального пространства иллокутивного акта, указывают на тесную взаимообусловленность компонентов плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта и их дейктических проекций в парадигматической и синтагматической системах языка.

На материале современного немецкого языка установлено, что в парадигматике дейктические проекции целевых показателей иллокутивных сил (иллокутивных актов) представлены в компонентах значения перформатива, выступающего в системе немецкого языка номинатором типа речевого акта и соответствующего иллокутивного концепта в языковом сознании носителей языка, и его семантических эквивалентов; грамматических форм предложений; дискурсивных моделей. В дискурсе дейктические проекции целевых показателей иллокутивного акта обнаруживаются в компонентах иллокутивной семантики конкретного речевого акта, указывающих в глубинной структуре речевого акта на его

интенциональный аспект, представленный в его поверхностной структуре разноуровневыми средствами языка, используемыми говорящим.

Дейктические проекции интенсивности иллокутивной силы представлены в немецком языке в компонентах значения просодических, лексических, морфологических, синтаксических и фразеологических средств, используемых говорящим в конкретной речевой ситуации.

Выявление средств иллокутивного дейксиса в конкретном РА в их совокупности позволяет установить компоненты плана содержания его иллокутивной составляющей и, как следствие, компоненты его акторечевого значения.

В качестве методологического основания для выявления средств иллокутивного дейксиса может быть использован фреймовый анализ, полностью отвечающий потребностям исследования в установлении категориального плана иллокуции РА и компонентов его концептуального содержания.

Обобщение результатов анализа имеющихся в современной лингвистической литературе дефиниций фрейма позволило сформулировать уточненное рабочее определение фрейма, согласно которому фрейм, являясь принципом (способом) репрезентации опытного когнитивного знания человека, соединяет в процессе вербализации когнитивную и вербальную области, сопрягая компоненты плана содержания с соответствующими компонентами значения единицы языка/речи, актуализирующей соотносимый с нею фрейм в сознании носителей языка.

Описанный принцип вербализации когнитивной информации является общим, независимо от языка, поскольку опирается на определенные закономерности речемыслительных процессов.

Осмысление интеграционных процессов формирования концептуального пространства речевого акта в свете теории фреймов позволило описать фрейм речевого акта как совокупность концептуальных смыслов, лежащих в основе его осуществления и вербализации.

В отличие от других типов языковых фреймов он имеет бинарную структуру.

Ядерные компоненты фрейма речевого акта выступают его вершинными терминалами, которые соотносятся в языке с одноименными категориальными признаками «иллокуция» и «пропозиция». Уровневая детерминация фрейма, осуществляемая говорящим как выделение прагматически значимых смыслов РА в рамках каждого ядерного компонента, предполагает выбор субъектом речевого акта языковых единиц, компоненты значения которых соответствуют заданным компонентам смысла РА, и уточнение их категориальных характеристик. Значение РА всегда отлично от значения языковых единиц и рассматривается во взаимодействии с его иллокутивной силой.

Фреймовая структура ИСРА включает компоненты плана содержания иллокутивного акта, облигаторно представленные в высказывании/дискурсе, выступающем вербальным коррелятом РА, посредством различных средств иллокутивного дейксиса.

Анализ фреймовой структуры иллокутивной составляющей речевого акта позволил построить прототипическую фреймовую модель иллокутивной составляющей РА как совокупность универсальных смысловых компонентов, облигаторно представленных в любом речевом произведении, выступающем вербальным коррелятом речевого акта.

Фреймовое моделирование иллокутивной составляющей речевого акта проводилось путем выявления функционально возникающей специфической конфигурации концептуальных составляющих иллокутивного акта, инвариантные слоты которой устанавливались на основе регулярности их активации в схожих ситуациях взаимодействия индивида со средой.

Инвариантными смысловыми компонентами плана содержания иллокутивной составляющей речевого акта, формирующими его фреймовую структуру, признаны слоты «решение», «образ перлокутивного эффекта», «содержание иллокутивной силы», «интенсивность реализации

иллокутивной силы». Каждому компоненту фреймовой модели иллокутивной составляющей речевого акта соответствует определенный набор концептуальных признаков, составляющих концептуальное содержание иллокутивного акта. Набор данных концептуальных признаков определяет, что делает говорящий посредством речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА.

Каждый из слотов фрейма иллокутивного акта имеет дейктическую проекцию в дискурсе, выступающем вербальным коррелятом речевого акта. Они являются его обязательным признаком, формируя прагматическое значение речевого произведения и коррелируя с остальными категориями дискурса, релевантными для вербального и невербального текста.

Принятие решения является центральным в цепочке ментальных актов, лежащих в основе процессов формирования и осуществления говорящим речевого акта с заданной иллокутивной силой. Ведущим в этом процессе выступает антропоцентрический фактор, определяющий необходимость/возможность осуществления речевого действия с заданной иллокутивной силой. Говорящий оценивает общий фон коммуникативной ситуации и интерпретирует её состояние как критическое, требующее или предлагающее его участие по реализации речевого акта с заданной иллокутивной силой. Данный речевой акт призван разрешить внутренний конфликт в сознании говорящего между его мироощущением и действительным положением дел в мире и, тем самым, гармонизировать состояние внутреннего мира говорящего по отношению к окружающей коммуникативной среде. Иллокутивная цель речевого акта определяется прообразом того идеального состояния речевой ситуации, которое представляется говорящему реальным для достижения посредством его речевого действия, т.е. прообразом перлокутивного эффекта, которого он намерен достичь реализацией соответствующей иллокутивной силы.

Необходимость/возможность осуществления речевого акта с заданной иллокутивной силой определяется как результат осуществления в сознании

говорящего когнитивных механизмов оценки и интерпретации и составляет тем самым концептуальное содержание смыслового компонента «решение» в структуре иллокутивной составляющей смысла речевого акта.

Дейктической проекцией в дискурсе когнитивных механизмов и состояний говорящего в момент формирования и принятия решения об осуществлении иллокутивного акта являются речевые акты саморефлексии, в которых говорящий признаёт факт осознанно или неосознанно осуществленного им речевого действия с заданной иллокутивной силой; осмысляет или переосмысляет совершенный им речевой акт; объясняет или уточняет свое интенциональное состояние в момент осуществления иллокутивного акта или степень интенсивности осуществленной им в РА иллокутивной силы. Иллокутивный дейксис данного вида свидетельствует о том, что РА с заданной иллокутивной силой осуществляется говорящим в зависимости от целого спектра факторов, влияющих на процесс формирования концептуального содержания и вербализации иллокутивной силы РА.

Результаты анализа средств вербальной репрезентации речевых актов саморефлексии, которые выполняют в немецкоязычном дискурсе дейктическую функцию по отношению к факту реализации говорящим иллокутивного акта, свидетельствуют о том, что она осуществляется, в основном, посредством предикатов, выраженных субъектными, субъектно-объектными и объектными глаголами или их дериватами. Детерминантами данных групп глаголов выступают глаголы реакции, (речевого) действия, поведения, эмоционального, физического или ментального состояния, а также глаголы знания, мнения и оценки. Данные языковые средства выступают лексическими репрезентациями различных состояний говорящего и его когнитивных операций, лежащих в основе принятия говорящим решения о необходимости и возможности совершить речевой акт с заданной иллокутивной силой и объективируемых в речевых актах саморефлексии.

Выделение в концептуальном пространстве РА смысловых компонентов, связанных с принятием говорящим решения об осуществлении РА с заданной иллокутивной силой, непосредственно связано с выделением компонентов, формирующих концептуальное содержание вершинного слота фреймовой структуры иллокутивной составляющей РА «прообраз перлокутивного эффекта» с когнитивным признаком «Я (говорящий) уверен, что совершаемый мною иллокутивный акт будет иметь следствием достижение некоторого ментального акта в сознании реципиента, в результате которого может наступить идеальное состояние речевой ситуации».

Слот «содержание иллокутивной силы» является наряду со слотами «решение» и «прообраз перлокутивного эффекта» вершинным слотом фреймовой структуры иллокутивной составляющей РА, концептуальное содержание которого детерминируется категориальным/субкатегориальным планом иллокутивной силы определенного типа в рамках соответствующего метафрейма. Основной когнитивный признак, определяющий содержание иллокутивной силы метафрейма, задает функциональную предназначенность всему речевому произведению, выступающему вербальным коррелятом РА с заданной иллокутивной силой по отношению к некоторому пропозициональному содержанию.

Выделение когнитивных признаков слота «содержание иллокутивной силы» на материале немецкого языка потребовало обращения к лингвистическим метарепрезентациям – языковым сущностям, иконически соотношенным в немецком языке с компонентами плана содержания иллокутивной силы каждого типа и вбирающими в себя весь потенциал функциональной предназначенности иллокутивных актов определенного вида/типа. Установлено, что как языковой знак лингвистическая метарепрезентация когнитивного признака, определяющего содержание иллокутивной силы в рамках каждого метафрейма, представляет собой

перформативную матрицу, вбирающую в себя весь потенциал реализации в дискурсе иллокутивных актов соответствующего вида/типа.

Дейктическую функцию по отношению к содержанию иллокутивной силы выполняют в немецком языке эксплицитные и имплицитные средства, указывающие на наличие в глубинной структуре РА основного иллокутивного признака, конституирующего соответствующий метафрейм.

Субкатегориальный план метафрейма «репрезентативная иллокутивная сила» детерминируется говорящим в зависимости от типа осуществляемого им репрезентативного иллокутивного акта и представлен когнитивным признаком, восходящим к основному когнитивному признаку метафрейма «репрезентативная иллокутивная сила».

Выделение основного когнитивного признака, определяющего содержание иллокутивной силы репрезентативного РА, осуществляется говорящим за счет фокусировки своего деятельностного потенциала на ноэмогенной силе иллокутивного акта, в результате поляризации которой в общей структуре иллокуции РА высказывание/дискурс, выступающие вербальным коррелятом РА, не просто перенимают на себя его концептуальное содержание, но являются средством выражения мыслей, мнений, убеждений говорящего, задавая общий вектор реализации иллокутивной силы в РА от слов к миру.

Языковые средства, выполняющие в дискурсе дейктическую функцию по отношению к содержанию репрезентативной иллокутивной силы, характеризуются ситуативной обусловленностью.

Эксплицитными средствами иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию репрезентативной иллокутивной силы в немецком языке чаще всего выступают в простых речевых актах в их совокупности пропозициональное содержание РА, грамматическая форма предложения-высказывания и интонационные средства, а также в сложных РА жанровые формы, общая иллокутивная функция которых репрезентирует основной когнитивный признак РА с данной иллокутивной силой. Имплицитным

средством иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию репрезентативной иллокутивной силы в немецком языке выступает контекст.

При выборе говорящим директивной иллокутивной силы для реализации РА её основной когнитивный признак выделяется в общем концептуальном пространстве РА за счет фокусировки говорящим своего деятельностного потенциала на консенсогенной силе, способной с переходом содержания сказываемого на самого адресанта и на адресат сказывания менять статус эмитента и реципиента, их отношение к высказыванию, ситуации, друг к другу, побудить к совершению определенных действий.

Консенсогенная сила концентрирует потенциал иллокутивной силы речевого акта на её способности вызывать в сознании реципиента определенное ментальное состояние, имеющее следствием некоторое желаемое говорящим действие. Профилирование данного компонента иллокутивной силы РА непосредственно влияет на общую функциональную предназначенность высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА, с вектором реализации иллокутивной силы в РА от мира к словам.

Детерминация иллокуции директива происходит в РА в зависимости от её субкатегориального плана.

Эксплицитные и имплицитные средства, выполняющие дейктичную функцию по отношению к содержанию директивной иллокутивной силы, имеют в немецком языке ситуативную обусловленность, указывая на наличие в глубинной структуре РА когнитивного признака, восходящего к основному когнитивному признаку директива. Их употребление говорящим в конкретном РА диктуется особенностями концептуализации им референтной ситуации общения и его ментальным и психологическим состоянием в момент принятия решения об осуществлении РА с директивной иллокутивной силой в заданной форме. Неотъемлемым средством иллокутивного дейксиса по отношению к содержанию директивной иллокутивной силы РА выступает его пропозициональное содержание.

Детерминация комиссивной иллокутивной силы происходит в РА в зависимости от коммуникативной формы комиссива и дискурсивных условий. Коммуникативные формы реализации комиссивов с иллокутивной силой большей интенсивности предполагают, как правило, её экспликацию либо через употребление говорящим соответствующего перформатива в перформативном прочтении, либо реализацию РА в заданной институциональной жанровой форме.

Основной когнитивный признак выделяется в концептуальном пространстве РА при реализации комиссивной иллокутивной силы за счет фокусировки говорящим своего деятельностного потенциала одномоментно на консенсогенной и нозмогенной силах иллокутивного акта, за счет чего РА с переходом содержания сказываемого на самого адресанта меняет отношение эмитента и реципиента к ситуации и побуждает субъекта РА к совершению в будущем определенных действий. Профилирование данных компонентов иллокутивной силы РА оказывает непосредственное влияние на общую функциональную предназначенность высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом комиссивного РА, и задает вектор реализации иллокутивной силы в РА от мира к словам.

Соотношение нозмогенной и консенсогенной сил определяет степень ритуализованности комиссивного РА. Большой вес консенсогенной силы, предполагающий изменение статуса эмитента и ситуации, ведет к повышению степени ритуализованности коммуникативной формы дискурса, выступающего вербальным коррелятом комиссивного РА, налагая большую ответственность эмитента по осуществлению взятого на себя обязательства «извне». Больше профилирование говорящим нозмогенной силы предполагает констатацию факта, что он накладывает на себя обязательства по выполнению определенного действия или линии поведения, поэтому по форме данные РА могут быть идентичными РА с репрезентативной иллокутивной силой. Однако действие комиссивной иллокутивной силы в таких РА заканчивается, как только основной когнитивный признак,

указывающий на содержание комиссивной иллокутивной силы в глубинной структуре РА посредством эксплицитных или имплицитных языковых средств, исчезает, заменяясь другим.

Эксплицитные и имплицитные языковые средства, выполняющие дейктичную функцию по отношению к содержанию директивной иллокутивной силы, также имеют в немецком языке ситуативную обусловленность, указывая на наличие в глубинной структуре РА основного когнитивного признака или когнитивного признака, восходящего к основному когнитивному признаку комиссива. Как правило, в качестве эксплицитных средств иллокутивного дейксиса выступают перформативный глагол в перформативном употреблении, жанровая форма реализации сложного РА с общей иллокутивной функцией комиссива, а также пропозициональное содержание РА в совокупности с эксплицитными средствами модальности, выражающими уверенность говорящего в выражении им намерения выполнить некоторое будущее действие, и/ или опорой на контекст. Имплицитным средством иллокутивного дейксиса выступает контекст.

При реализации в РА иллокутивной силы данного типа говорящий фокусирует свой деятельностный потенциал одновременно на консенсогенной и okazjiокреативной силах иллокутивного акта, сочетание которых способно с переходом содержания сказываемого на самого адресанта и на адресат сказывания влиять на их отношение друг к другу и на сферу их взаимоотношений в целом. Задавая существование сферы этих взаимоотношений как отдельной ситуации, сочетание консенсогенной и okazjiокреативной сил изменяет вместе с тем и саму эту ситуацию.

Профилирование данных компонентов иллокутивной силы РА определяет функциональную природу экспрессивов, позволяя говорящему с помощью высказывания/ дискурса, выступающего вербальным коррелятом РА, обеспечивать реализацию контактоустанавливающей функции

экспрессивного РА. Приспособление при этом мира к словам или слов к миру в РА отсутствует.

Будучи тесно связанной с осуществлением социальных ритуалов, реализация в РА экспрессивной иллокутивной силы предполагает употребление говорящим ритуализованных форм, детерминирующих значение иллокутивного акта и имеющих дейктическую функцию по отношению к содержанию иллокутивной силы. Имплицитным средством иллокутивного дейксиса выступает контекст.

Содержание экспрессивной иллокутивной силы при её реализации в дискурсе всегда детерминировано иллокутивным типом РА. При реализации в РА иллокутивной силы данного типа говорящий фокусирует свой деятельностный потенциал на оказиокреативной силе иллокутивного акта, что позволяет говорящему влиять на ситуацию и менять её статус. Это предопределяет высокую степень конвенциональности языковых средств декларативов. Концентрируя деятельностный потенциал иллокутивной силы РА на её способности задавать то измерение социуму, которое постулируется в его словах, говорящий осознает и подчеркивает употреблением декларативного РА свои полномочия для изменения статуса ситуации. Соответственно, профилирование данного компонента иллокутивной силы РА с опорой на контекст, указывающий на наличие у говорящего соответствующих полномочий для изменения статуса ситуации, определяет общую функциональную предназначенность высказывания/дискурса, выступающего вербальным коррелятом декларативного РА, и задает вектор реализации иллокутивной силы в декларативном РА от мира к словам и от слов к миру.

Детерминация декларативной иллокутивной силы происходит в РА в зависимости от типовых характеристик декларатива и дискурсивных условий его реализации. Тип текста является, как правило, одним из самых характерных детерминантов декларативной иллокутивной силы РА. Экспликаторами содержания декларативной иллокутивной силы РА

выступают в данном случае языковые средства, поддерживающие типовые признаки дискурса, выступающего вербальным коррелятом сложного РА с общей иллокутивной декларативной функцией. Маркером её реализации посредством данного РА служит основной когнитивный признак декларатива, представленный в глубинной структуре РА его перформативной матрицей.

Ритуализованный характер типовых коммуникативных форм декларативов в институциональном дискурсе, как правило, максимально открывает к распознаванию содержание иллокутивной силы РА, предполагая письменную фиксацию признаков «новой реальности», которая творится посредством совершаемого говорящим РА. В других типах дискурса (в частности, в служебном и обиходном) дейктическую функцию по отношению к содержанию декларативной иллокутивной силы выполняет, как правило, контекст, выступающий имплицитным средством иллокутивного дейксиса.

Константные и ситуативно обусловленные компоненты фреймовой модели иллокутивной составляющей речевого акта обнаруживаются в дискурсе с помощью вербальных средств, выполняющих дейктическую функцию по отношению к различным аспектам иллокутивного акта в конкретной речевой ситуации.

Представленная в работе фреймовая модель плана содержания иллокутивной составляющей РА позволяет выявить и описать иллокутивную семантику речевых актов при их реализации в дискурсе, а также процессы концептуализации и категоризации при формировании и вербализации РА в дискурсе в моно- и полифункциональных РА, в том числе в различных дискурсивных условиях.

Совокупность теоретических обобщений в настоящей работе привела, таким образом, к решению актуальной научной проблемы, связанной с выявлением и описанием плана содержания дейктической составляющей иллокутивного акта в совокупности смысловых компонентов, obligatorно

представленных в любом речевом произведении, выступающем вербальным коррелятом речевого акта, и актуализируемых в речи посредством разноуровневых языковых средств. На примере РА служебного поручения в современном немецком языке показано успешное применение в практике исследования плана содержания ИСРА теории фреймового анализа РА, базирующегося на использовании в процессе исследования прототипической фреймовой модели ИСРА и соотнесения смысловых компонентов ИСРА с их дейктическими проекциями в дискурсе.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением вербальной репрезентации плана содержания иллокутивной составляющей отдельных типов РА в немецком и других языках, когнитивных механизмов профилирования говорящим иллокутивных и пропозициональных компонентов плана содержания в процессе вербализации РА, выявлением лингвокультурной специфики плана содержания и плана выражения иллокутивной составляющей РА в рамках сопоставительных исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдюкова, З.А. Описание пространства-вместилища через активацию объемно-пространственного фрейма во французском языке / З.А. Абдюкова // Коммуникативно-функциональное описание языка. – Уфа, 2001. – С. 12-16.
2. Абрамов, Б.А. Функционально-семантическое поле побудительности в немецком языке / Б.А. Абрамов // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Грамматика и типология повелительных предложений / ИЯ АН СССР. – М., 1990. – С. 8-12.
3. Авдосенко, Е.В. Коммуникативно-прагматическая категория назидания в поучающем дискурсе в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Авдосенко Елена Валериановна. – Иркутск, 2003. – 222 с.
4. Аганесов, В.С. Фреймовые функции союза *since* с каузальным значением / В.С. Аганесов // Когнитивная парадигма: фреймовая семантика и номинация: Межвузовский сборник научных статей. – Вып. 1. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – С. 20-29.
5. Азнабаева, Л.А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении / Л.А. Азнабаева. – Уфа: Изд-е Башкирск. ун-та, 1998. – 182 с.
6. Азнаурова, Э.С. Слово как коммуникативная единица / Э.С. Азнаурова // Всесоюзная научная конференция: коммуникативные единицы языка: тезисы докладов. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1984. – С. 10-13.
7. Айрапетова, Э.Г. К теории семантических и ситуативных фреймов (на материале сочинительных союзов русского языка) / Э.Г. Айрапетова // Когнитивная парадигма: фреймовая семантика и номинация: межвузовский сборник научных статей. – Вып. 1. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – С. 30-35.

8. Антонова, Ю.Н. Интенция говорящего в аспекте коммуникативно-целевой семантики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Антонова Юлия Николаевна. – Орел, 2006. – 21 с.
9. Александрова, О.В. О некоторых тенденциях в новом подходе к изучению языка / О.В. Александрова // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: материалы международной конференции. Москва, октябрь, 2002 г. – Калининград: Издательство Калининградского государственного университета, 2003. – С. 10-18.
10. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
11. Алимуратов, О.А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Алимуратов Олег Алимуратович. – Ставрополь, 2004. – 544 с.
12. Анисимов, Д.Г. Специфика репрезентации концепта «Желание» в конструкциях с частицей-союзом чтобы / Д.Г. Анисимов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 3. – С. 40-44.
13. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. В 2 т. Том 2: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
14. Аристов, С.А. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс / С.А. Аристов, И.П. Сусов // Лингвистический вестник. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1999. – С. 3-15.
15. Арзикулов, Х. Речевая система и её модели (на материале французского языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Арзикулов Хамдам. – Самарканд, 1994. – 294 с.
16. Арутюнова, Н.Д. Синтаксис / Н.Д. Арутюнова // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С. 259-386.
17. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

18. Арутюнова, Н.Д. Номинация, референция, значение / Н.Д. Арутюнова // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 188-206.
19. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
20. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
21. Арутюнова, Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 52-78.
22. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
23. Ахутина, Т.В. Единицы речевого общения, внутренняя речь, порождение речевого высказывания / Т.В. Ахутина // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – С. 99-116.
24. Ахутина, Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса / Т.В. Ахутина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 215 с.
25. Ахутина, Т.В. Смысловыражение [Электронный ресурс] / Т.В. Ахутина, И.Н. Горелов // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – 240 с. – Режим доступа: <http://vprosvet.ru/biblioteka/smyslovyirazhenie>.
26. Бабенко, Л.Г. Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. Платонова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Бабенко Людмила Григорьевна. – Ростов н/Д., 1980. – 17 с.

27. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
28. Баранов, А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Баранов Анатолий Николаевич. – М., 1990. – 48 с.
29. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
30. Баяртуева, Е.П. Фреймовая семантика глаголов оценочного действия в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Баяртуева Елена Петровна. – Иркутск, 2001. – 16 с.
31. Бгажноков, Б.Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения) / Б.Х. Бгажноков // Советская этнография. – 1978. – № 5. – С. 3-17.
32. Безменова, Л.Э. Функционально-семантические и прагматические особенности речевых актов (на материале комплиментов в современном английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Безменова Лариса Эдуардовна. – Самара, 2001. – 18 с.
33. Безменова, Н.А. Введение / Н.А. Безменова, В.И. Герасимов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: Сб. обзоров. – М.: АН СССР, 1984. – С. 5-24.
34. Беляева, Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е.И. Беляева. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1992. – 167 с.
35. Беляевская, Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова / Е.Г. Беляевская // Структуры представления знаний в языке. – М.: Изд-во РАН ИНИОН, 1994. – С. 87-110.
36. Белякова, О.В. Лингвокультурный аспект языковой номинации: на материале англоязычных лингвокультурных сценариев «Посещение ресторана», «Посещение кинотеатра», «Бытовое обслуживание»:

- дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Белякова Ольга Владимировна. – Самара, 2007. – 226 с.
37. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
38. Бекетова, И.В. Глаголы, активирующие фрейм «приобретение», и их семантические и синтаксические особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бекетова Ирина Валерьевна. – Белгород, 2002. – 17 с.
39. Бердникова, А.Г. Речевой жанр благодарности: Когнитивный и семантико-прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бердникова Анна Геннадьевна. – Новосибирск, 2005. – 224 с.
40. Бирюлин, Л.А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бирюлин Леонид Авраамович. – СПб., 1992. – 32 с.
41. Благий, Т.Л. Коммуникативно-прагматические классы предложений угрозы, страха и опасения в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Благий Татьяна Львовна. – Иркутск, 1994. – 161 с.
42. Бланар, В.О. О внутренне обусловленных семантических изменениях / В.О. Бланар // Вопросы языкознания. – 1971. – № 1. – С. 3-13.
43. Блинов, А.Л. Общение. Звуки. Смысл: Об одной проблеме аналитической философии языка / А.Л. Блинов. – М.: РФО, 1996. – 330 с.
44. Богданов, В.В. Деятельностный аспект семантики / В.В. Богданов // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин: КГУ, 1984. – С. 12-23.
45. Богданов, В.В. Перформативное предложение и его парадигмы / В.В. Богданов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин: КГУ, 1985. – С. 18-28.

46. Богданов, В.В. Классификация речевых актов / В.В. Богданов // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 25-37.
47. Богданов, В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Л., 1990. – 88 с.
48. Богин, Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. – Л., 1984. – 31 с.
49. Боженкова, Н.А. Текст как биактуальная субкультура: структура, содержание, способы создания возможных лингвокультурных универсумов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Боженкова Наталья Александровна. – Курск, 2006. – 495 с.
50. Болдырев, Н.Н. Концептуальный уровень языка / Н.Н. Болдырев // Понятийный аппарат и практика конкретных лингвистических исследований. – Тамбов, 1994. – С. 25-34.
51. Болдырев, Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: монография / Н.Н. Болдырев. – СПб.-Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1995а. – 139 с.
52. Болдырев, Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Болдырев Николай Николаевич. – СПб., 1995б. – 445 с.
53. Болдырев, Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения / Н.Н. Болдырев // Филология и культура. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 62-69.
54. Болдырев, Н.Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц / Н.Н. Болдырев // Проблемы современной филологии: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. – Мичуринск: МГПИ, 2000. – С. 36-45.
55. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Научное

- издание: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001а. – С. 25-36.
56. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Изд-е 2-е, стер. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001б. – 123 с.
57. Болдырев, Н.Н. Концептуальная метонимия на разных уровнях языка: система и реализация / Н.Н. Болдырев // Форма, значение и функции единиц языка и речи: Матер. докл. Междунар. науч. конф. В 3 ч. Ч. 1. – Минск: Изд-во МГЛУ, 2002. – С.11-14
58. Болдырев, Н.Н. Концептуализация отрицания в языке / Н.Н. Болдырев // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы международного симпозиума. – В 2 ч. – Ч. 1. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 189-195.
59. Болдырев, Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке / Н.Н. Болдырев // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005а. – С. 16-39.
60. Болдырев, Н.Н. Модусные категории в языке / Н.Н. Болдырев // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: сб. статей к юбилею проф. Н.А. Кобриной. – СПб.: Тригон, 2005б. – С. 31-46.
61. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-22.
62. Болдырев, Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 17-27.
63. Болдырев, Н.Н. Проблемы исследования языкового знания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка: концептуальный анализ языка. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып. 1. – С. 91-103.

64. Болдырев, Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 45-59.
65. Болдырев, Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1. – С. 5-14.
66. Болдырев, Н.Н. Категориальная система языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: коллектив. моногр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 17-120.
67. Болдырев, Н.Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 82. – № 24 (315). – 2013. – С. 7-13.
68. Болдырев, Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского университета. – 2014. – № 6 (335). – С. 118-122.
69. Болдырев, Н.Н. Когнитивный механизм формирования смысла «Приблизительность» (на материале современного английского языка) / Н.Н. Болдырев, Е.Ю. Дубовицкая // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1. С. 55-60.
70. Болдырев, Н.Н. Языковая репрезентация основных уровней познания / Н.Н. Болдырев, О.В. Магировская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 7-16.
71. Болдырев, Н.Н. Когнитивные аспекты функциональной поликатегоризации английского глагола / Н.Н. Болдырев, Л.А. Панасенко // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сборник научных трудов. – Рязань: Изд-во РГПУ, 2000. – С. 123-128.

72. Болдырев, Н.Н. Взаимодействие фреймов в процессе функциональной поликатегоризации английского глагола / Н.Н. Болдырев, Л.А. Панасенко // Материалы международной конференции, посвященной научному наследию профессора Марии Дмитриевны Степановой и его дальнейшему развитию. К 100-летию со дня рождения. – М.: МГЛУ, 2001. – С. 73-76.
73. Болотнова, Н.С. Функционирование глаголов говорения в конструкциях с прямой и косвенной речью (на материале произведений Ю.М. Нагибина) / Н.С. Болотнова // Классы глаголов в функциональном аспекте. – Свердловск, 1986. – С. 54-59.
74. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 134 с.
75. Бондарко, А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики / А.В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая вариативность / инвариантность. – СПб.: Наука, 2003. – С. 5-36.
76. Боргер, Я.В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: на материале современных драматических произведений: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Боргер Яна Викторовна. – Тюмень, 2004. – 22 с.
77. Борисов, А.А. Фреймовое моделирование эмоционального концепта «страх»: опыт концептуально-семантического анализа современной английской лексики / А.А. Борисов // Человек и языковое пространство. Аспекты взаимодействия. – Н. Новгород, 2004. – С. 179-188.
78. Бубнова, И.А. Когнитивный механизм формирования структуры субъективного значения слова / И.А. Бубнова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 3. – С. 51-56.
79. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 574 с.

80. Буркова, П.П. Фреймовая организация текста кулинарного рецепта / П.П. Буркова // Актуальные вопросы социальной теории и практики. М., 2003. – Вып. 1. – Ч. 1. – С. 297-304.
81. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.
82. Вайсман, Ф. Витгенштейн и Венский кружок / Ф. Вайсман // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / Отв. ред. А.Ф. Грязнов. – М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. – С. 40-68.
83. Вайчук, Т.В. Философско-эпистемологические аспекты теории речевых актов: автор. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Вайчук Татьяна Викторовна. – М., 2000. – 22 с.
84. Валько, О.В. Фрейм деструктивного действия и особенности его актуализации (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Валько Ольга Владимировна. – Кемерово, 2005. – 25 с.
85. Варгина, Е.И. Научный текст: функция воздействия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Варгина Екатерина Ионовна. – СПб., 2004. – 270 с.
86. Вардуль, И.Ф. К вопросу о собственно лингвистическом подходе к языку / И.Ф. Вардуль // Язык как знаковая система особого рода. – М., 1967. – С. 116-123.
87. Варзонин, Ю.Н. Когнитивно-коммуникативная модель риторики: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Варзонин Юрий Николаевич. – Тверь, 2001. – 268 с.
88. Василина, В.Н. Иллокуция как коммуникативная характеристика высказывания / В.Н. Василина // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. – 2005. – № 2 (18). – С. 44-53.
89. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

90. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 900 с.
91. Вежбицкая, А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации / А. Вежбицкая // Жанры речи: сб. науч. ст. – Вып. 5. Жанры и культура. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2007. – С. 131-159.
92. Величковский, Б.М. Современная когнитивная психология / Б.М. Величковский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 336 с.
93. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238-250.
94. Ветюгова, Л.А. Глаголы понимания в немецком, английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ветюгова Любовь Алексеевна. – Пятигорск, 2004. – 207 с.
95. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
96. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика местоимений / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1974. – 224 с.
97. Виноградов, В.В. Исследования по русской грамматике: Избранные труды / В.В. Виноградов: под ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
98. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М., 1985. – С. 79-128.
99. Воркачев, С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
100. Вронская, Ю.В. Фреймы в анализе интерпретирующих высказываний с глаголами речи / Ю.В. Вронская // III. Житниковские чтения. – Челябинск, 1999. – Ч.1. – с. 144-150.

101. Выготский, Л.С. Собрание сочинений в 6 т. / Лев Семенович Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – Т.2. – С. 6-361.
102. Выготский, Л.С. Собрание сочинений в 6 т. / Лев Семенович Выготский. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4. – 432 с.; – Т. 6. – 400 с.
103. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М., 1973. – С. 355-389.
104. Гак, В.Г. Речевые рефлексы с речевыми словами / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 6-10.
105. Герасименко, И.Е. Языковая репрезентация концепта «мужчина» средствами биоморфного кода / И.Е. Герасименко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 3. – С. 22-26.
106. Гаспаров, М.Л. Художественный мир писателя: тезаурус формальный и тезаурус функциональный / М.Л. Гаспаров // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1988. – С. 125-136.
107. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики: сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Рока Валена / Г. Гийом. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
108. Гловинская, М.Я. Русские речевые акты и вид глагола / М.Я. Гловинская // Логический анализ языка: модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 123-130.
109. Гловинская, М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения речевых актов / М.Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 158-215.
110. Гнякина, О.Н. Специфика фреймового подхода к изучению комического в лингвистике (на материале немецкого языка) / О.Н. Гнякина // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – М., 2003. – Вып. 22. – С. 77-82.

111. Голев, Н.Д. Речевой жанр ссоры и инвективные фреймы в рассказах В.М. Шукшина / Н.Д. Голев // Культура. Образование. Духовность. – Бийск, 1999. – Ч. 2. – С. 109-112.
112. Гольдин, В.Е. Речь и этикет / В.Е. Гольдин. – М.: Просвещение, 1983. – 109 с.
113. Голышкина, Л.А. Лингвистические основы интерпретации художественного текста в аспекте понимания индивидуального стиля как речевого поведения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Голышкина Людмила Александровна. – СПб., 2000. – 192 с.
114. Горбачева, Е.Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Горбачева Елена Николаевна. – Астрахань, 2015. – 401 с.
115. Горелов, И.Н. Соотношение невербального и вербального в коммуникативной деятельности / И.Н. Горелов // Исследование речевого мышления в психолингвистике / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1985. – С. 116-150.
116. Горелов, И.Н. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта / И.Н. Горелов. – Таллин: Валгус, 1987. – 196 с.
117. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
118. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // НЗЛ. – № 16. – М., 1985. – С. 217-237.
119. Гришаева, Л.И. Глаголы поведения как семантический класс глаголов антропосферы: когнитивный, семантико-структурный и функциональный аспекты описания: на материале современного немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Гришаева Людмила Ивановна. – М., 1999. – 53 с.
120. Гришаева, Л. И. О номинативных стратегиях и их варьировании / Л.И. Гришаева // Язык. Закономерности развития и функционирования:

Сборник к юбилею Н.Н. Семенюк. – М.-Калуга: Издательство «Эйдос» (ИП Кошелев А.Б.), 2010. – С. 121-134.

121. Гришина, Е.А. Структура поэтического текста с точки зрения теории речевых актов (на материале русского восьмистишия начала XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гришина Елена Александровна. – М., 1989. – 17 с.
122. Данилова, С.В. О природе словообразовательного фрейма / С.В. Данилова // Аспирантский сборник НГПУ. – Новосибирск, 2001. – Ч. 2. – С. 164-171.
123. Девкин, В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1979. – 257 с.
124. Дегтярев, В.И. Основы общей грамматики / В.И. Дегтярев. – Ростов н/Д.: Изд. Рост. ун-та, 1973. – 255 с.
125. Дейвисон, А. Лингвистическое или прагматическое описание: размышления о «Парадоксе Перформативности» / А. Дейвисон // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 235-270.
126. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
127. Дементьев, В.В. Фатические и информативные коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной интенции и типология речевых жанров / В.В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 34-44.
128. Демьянков, В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы (обзор направлений) / В.З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 223-235.
129. Демьянков, В.З. Специальные теории интерпретации в вычислительной лингвистике / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 87 с.

130. Демьянков, В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 172 с.
131. Демьянков, В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка / В.З. Демьянков // Структуры представления знаний в языке: Сб. науч.-аналитич. обзоров. – М., 1994. – С. 32-87.
132. Демьянков, В.З. Стереотип / В.З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов: под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 177-179.
133. Доброва, Т.Е. Слитные речевые акты при реализации различных установок говорящего в английской диалогической речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Доброва Татьяна Евгеньевна. – СПб., 2004. – 182 с.
134. Долинин, К.А. Спонтанная речь как объект лингвистического исследования / К.А. Долинин // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Ученые записки Горьковского педагогического института. – Горький: Изд-во ГПИ, 1983. – С. 59-68.
135. Долинин, К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина / К.А. Долинин // Русистика: Лингвистическая педагогика конца XX в. – СПб., 1998. – С. 35-46.
136. Дорошенко, А.В. Побудительные речевые акты в косвенных контекстах / А.В. Дорошенко // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 76-91.
137. Дридзе, Т.М. Язык и социальная психология: Учебное пособие / Т.М. Дридзе: под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Высшая школа, 1980. – 224 с.
138. Дубовая, Т.А. Проблема несовместимости лексических единиц в терминах лексической семантики и семантики фреймов / Т.А. Дубовая

- // Лингвистическая мозаика: наблюдения, поиски, открытия. – Волгоград, 1998. – Вып. 1. – С. 26-40.
139. Дукальская, И.В. Фреймовый метод описания английского лингвокультурного кода «Артефакты». Метаязык ARTEFACTUM / И.В. Дукальская // Вестник Ворон. гос. ун-та. Сер. Лингв-ка и межк. ком-я. – 2008. – № 2. – С. 59-63.
140. Евтушенко, О.А. Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Евтушенко Оксана Александровна. – Волгоград, 2006. – 197 с.
141. Егорова, М.А. Контрастивно-прагматический анализ способов реализации просьбы: сопоставление британской, американской и русской традиций: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Егорова Мария Александровна. – Воронеж, 1995. – 16 с.
142. Емельцова, В.А. Актуальные направления исследований в современной лингвистической прагматике / В.А. Емельцова // Сборник студенческих научных работ. – Н. Новгород, 2012. – Вып. 5. – С. 21-25.
143. Ерзинкян, Е.Л. Дейктическая семантика слова / Е.Л. Ерзинкян. – Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1988. – 171 с.
144. Жаботинская, С.А. Частеречная семантика: категориальные архетипы / С.А. Жаботинская // Вісник Черкаського університету. Серія «Філологічні науки». – Черкаси: Черкаський держ. ун-т, 1998. – Вип. 7. – С. 3-14.
145. Жаботинская, С.А. Концептуальная модель частеречных систем: Фрейм и скрипт / С.А. Жаботинская // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сборник научных трудов. – Рязань, 2000. – С. 15-21.
146. Жаботинская, С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С.А. Жаботинская // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: Материалы международной конференции. Москва, октябрь, 2002г. –

- Калининград: Издательство Калининградского государственного университета, 2003. – С. 140-159.
147. Желтухина, М.Р. Механизм воздействия: когнитивные структуры и когнитивные операции / М.Р. Желтухина // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы международного симпозиума. – Ч. 1. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 114-123.
148. Жинкин, Н.И. Механизмы речи / Н.И. Жинкин. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. – 370 с.
149. Жинкин, Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н.И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26-38.
150. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
151. Жура, В.В. Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности: на материале англоязычной художественной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Жура Виктория Валентиновна. – Волгоград, 2000. – 21 с.
152. Жура, В.В. Фреймовая репрезентация медицинского дискурсивного контекста / В.В. Жура // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 3. – С. 69-76.
153. Забавников, Б.Н. К проблеме структурирования речевого акта / Б.Н. Забавников // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 119-124.
154. Загидуллин, Р.З. Фреймовая организация информации для переводчика научно-технической литературы / Р.З. Загидуллин // Коммуникативно-стилистические аспекты переводческой деятельности. – М., 1994. – С. 130-138.
155. Зайчикова, Н.В. Концептуальный анализ фрейма «политик» / Н.В. Зайчикова // Вестник АмГУ. Серия «Гуманитарные науки». – Вып. 16. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 96-98.
156. Залевская, А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека / А.А. Залевская. – Калинин, 1977. – 328 с.

157. Залевская, А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Залевская Александра Александровна. – Калинин, 1980. – 492 с.
158. Залевская, А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека / А.А. Залевская // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1981. – С. 38-54.
159. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М., 1999. – 382 с.
160. Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 307 с.
161. Звегинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев. – М.: УРСС Эдиториал, 2001. – 248 с. – (Из лингвистического наследия). Электронная книга.
162. Землянская, Е.В. К вопросу о фреймировании афористического текста / Е.В. Землянская // Гуманитарные науки и гуманитарное образование. – СПб., 2003. – С. 268-275.
163. Землянова, Л.М. Фреймирование международных новостей (мнение современных зарубежных аналитиков) / Л.М. Землянова // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2008. – № 1. – С. 74-82.
164. Зернецкий, П.В. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе / П.В. Зернецкий // Языковое общение: единицы и регулятивы. – Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1987. – С. 89-95.
165. Зернецкий, П.В. Текстовое отражение речевой ситуации в теории фреймов / П.В. Зернецкий, А.А. Кирилкова // Текст: структура и анализ. – М., 1989. – С. 71-75.
166. Злобин, А.Н. Сопоставление немецких глаголов самостоятельного движения и их английских коррелятов на базе фреймов / А.Н. Злобин //

- Лексические единицы в различных функциях. – Саранск, 1992. – С. 4-10.
167. Злобин, А.Н. Глаголы передвижения в немецком и английском языках (синхронно-диахронное исследование): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Злобин Александр Николаевич. – Саранск, 1993. – 255 с.
168. Злобин, А.Н. Когнитивная обработка семантической информации в словаре с помощью статических фреймов и субфреймов действия / А.Н. Злобин // Вопросы лингвистики: Межвузовский сборник научных трудов. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 99-110.
169. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
170. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Филологический факультет, 1998. – 524 с.
171. Изаренков, Д.И. Обучение диалогической речи / Д.И. Изаренков. – М. Русский язык, 1986. – 154 с.
172. Ильинова, Е.Ю. Фреймовый подход к анализу информативной структуры текста / Е.Ю. Ильинова // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Филология. – Волгоград, 1997. – Вып.2. – С. 85-88.
173. Ирисханова, О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ирисханова Ольга Камалудиновна. – М., 2004. – 332 с.
174. Иссер, О.С. Анекдот и когнитивные операции рефреймирования: Лингводидактический аспект / О.С. Иссер, Н.А. Кузьмина // Miscellanea: памяти А.Б. Мордвинова. – Омск, 2000. – С. 143-154.
175. Исследование речевого мышления в психолингвистике / Т.В. Ахутина, И.Н. Горелов, А.А. Залевкая и др.; отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1985. – 239 с.

176. Калентьева, Т.Л. Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода / Т.Л. Калентьева. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1998. – 176 с.
177. Калимуллина, Л.А. Фреймовый подход к описанию эмотивной лексики в художественном тексте / Л.А. Калимуллина // Реальность, язык и сознание. – Тамбов, 2002. – Вып. 2. – С. 328-331.
178. Карабан, В.И. Сложные речевые акты как речевые единицы: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Карабан Вячеслав Иванович. – Киев, 1989а. – 465 с.
179. Карабан, В.И. Сложные речевые акты как речевые единицы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Карабан Вячеслав Иванович. – Киев, 1989б. – 39 с.
180. Карабан, В.И. Сложные речевые единицы: Прагматика английских асиндетических полипредикативных образований / В.И. Карабан. – Киев: Выща школа, 1989в. – 131 с.
181. Карандеева, Л.Г. Ситуативно обусловленная вариативность просодических характеристик директивных иллокутивов (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Карандеева Людмила Георгиевна. – Тамбов, 2006. – 25 с.
182. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
183. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2004. – 477 с.
184. Карасик, В.И. Дискурсивная персонология / В.И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 7. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 78-86.
185. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

186. Карпов, Г.В. Иллокутивная логика: логическое следование, семантика и прагматика: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.07 / Карпов Глеб Викторович. – СПб., 2009. – 183 с.
187. Карпухина, В.Н. Фреймовое структурирование текста как способ текстовой интерпретации / В.Н. Карпухина // Языковая картина мира. – Бийск, 1998. – Т. 1. – С. 224-227.
188. Карпухина, В.Н. Фрагмент анализа фрейма модальности как интерпретационной структуры для дискурса переводов стихотворения Р. Киплинга “if” / В.Н. Карпухина // Человек. Коммуникация. Текст. – Барнаул, 1999. – Вып. 3. – С. 171-178.
189. Касевич, В.Б. Труды по языкознанию. В 2 т. Том 1 / В.Б. Касевич. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 664 с.
190. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
191. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1986. – 297 с.
192. Кибрик, Е.А. Когнитивные исследования по дискурсу / Е.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126-139.
193. Кириллова, Н.Н. Поиски фрейма во фразеологии / Н.Н. Кириллова // Вопросы романского и общего языкознания. – СПб., 2002. – Вып. 3. – С. 40-50.
194. Кирьякова, О.В. Глаголы с семой перлокутивного эффекта в современном немецком языке / О.В. Кирьякова // Человек и языковое пространство. – Н. Новгород, 2010. – Вып. 4. – С. 41-48.
195. Киселева, Л.А. Вопросы теории речевого воздействия / Л.А. Киселева. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 160 с.
196. Киселева, Л.А. Коммуникативные единицы языка и единицы коммуникативного обучения языку / Л.А. Киселева // Всесоюзная научная конференция: Коммуникативные единицы языка: тезисы докладов. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1984. – С. 50-54.

197. Клепикова, Т.А. Фрейм «кажимость» и структурно-семантический тип предиката / Т.А. Клепикова // Теория языка и практика преподавания: Сб. статей, посвященных 60-летию фак-та иностр. языков Поморского гос. ун-та (1941-2001 гг.). – Архангельск, 2001. – С. 111-122.
198. Клепикова, Т.А. Лингвистические метарепрезентации: монография / Т.А. Клепикова. – СПб.: Изд-во «Астерион», 2008. – 250 с.
199. Клепикова, Т.А. Предикаты с пропозициональным компонентом в современном английском языке: предетерминация структуры и семантики придаточной части: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Клепикова Татьяна Альбертовна. – СПб., 2009а. – 491 с.
200. Клепикова, Т.А. Предикаты с пропозициональным компонентом в современном английском языке: предетерминация структуры и семантики придаточной части: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Клепикова Татьяна Альбертовна. СПб., 2009б. – 35 с.
201. Ключев, Е.В. Речевая коммуникация: учебное пособие для университетов и институтов / Е.В. Ключев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
202. Кобозева, И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986а. – С. 7-21.
203. Кобозева, И.М. Перформативность глагола и его лексическое значение [Электронный ресурс] / И.М. Кобозева // Linguistische Arbeitsberichte. – В. 54/55. – Leipzig, 1986б. – S. 176-189. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/kobozeva/imk-1986-perform.doc>.
204. Кобозева, И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И.М. Кобозева // Вестник МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – Сер.9. – Вып. 3. – С. 102-117.

205. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
206. Кобозева, И.М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) / И.М. Кобозева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Диалог'2003: под ред. И.М. Кобозевой, Н.И. Лауфер, В.П. Селегея. – М.: Наука, 2003. – С. 267-271.
207. Кобрина, Н.А. Функциональная модель языка / Н.А. Кобрина // Язык как функциональная система: Сб. статей к юбилею профессора Новеллы Александровны Кобриной. – Тамбов: изд-во Тамб. ун-та, 2001. – С. 5-21.
208. Кобрина, Н.А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике / Н.А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4. – С. 5-10.
209. Коваль, С.Л. Модель коммуникативного акта в прикладных задачах речеведения [Электронный ресурс] / С.Л. Коваль, Е.А. Прощина // Труды международной конференции «Диалог 2006». Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/pdf/Koval.pdf>.
210. Кожина, М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) / М.Н. Кожина // Жанры речи. – Саратов: Коллежд, 1999. – Вып. 2. – С. 52-61.
211. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 229 с.
212. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
213. Колшанский, Г.В. Лингвометодические аспекты речевого общения / Г.В. Колшанский // ИЯШ. – 1985. – № 1 – С. 10-14.
214. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 108 с.

215. Конюхов, Н.И. Прикладные аспекты современной психологии: термины, законы, концепции, методы [Электронный ресурс] / Н.И. Конюхов. – М., 1992. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/850/page/6>.
216. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
217. Красиков, Ю.В. Алгоритмы порождения речи / Ю.В. Красиков. – Орджоникидзе: Ир, 1990. – 240 с.
218. Красильникова, Е.А. Глаголы власти в современном немецком языке: семантика и валентностные свойства: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Красильникова Елена Александровна. – Вологда, 2007. – 238 с.
219. Красина, Е.А. Дискурс, высказывание, речевой акт / Е.А. Красина // Филология и культура: материалы III международной научной конференции. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2001. – С. 21-25.
220. Красных, В.В. В поисках «магического кристалла» (к вопросу о фрейм-структурах сознания) / В.В. Красных // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. – М., 1997. – С. 34-46.
221. Красных, В.В. К вопросу о лингвокогнитивных аспектах коммуникативного акта / В.В. Красных // Науч. доклады филол. ф-та МГУ. – М., 1998. – Вып. 2. – С. 93-99.
222. Красных, В.В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода: Коммуникативный акт, дискурс: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Красных Виктория Владимировна. – М., 1999а. – 655 с.
223. Красных, В.В. «Маски» и «роли» фрейм-структур сознания (к вопросу о клише и штампах сознания, эталоне и каноне) / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – М., 1999б. – Вып. 8. – С. 39-43.
224. Крат, М.В. Пространственный фрейм как концептуальная основа интерпретации инфинитива и герундия цели / М.В. Крат // Вопросы

- романо-германской и русской филологии. – Пятигорск, 2004. – Вып. 1. – С. 138-143.
225. Крупнов, А.И. Психологическая структура действий человека / А.И. Крупнов. – М.: УДН, 1990. – 56 с.
226. Крупнов, А.И. Целостно-функциональная модель психологического анализа речевой деятельности: Психологическая наука: традиции, современное состояние и перспективы / А.И. Крупнов. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 1997. – 156 с.
227. Кубрякова, Е.С. Теория номинации и словообразование / Е.С. Кубрякова // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 222-303.
228. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
229. Кубрякова, Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный. – М.: Наука, 1991. – 238 с.
230. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. – 327 с.
231. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М., 2004. – 560 с.
232. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 5-12.
233. Кузнецова, А.А. Иллокутивные типы вербальной эмпатии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кузнецова Анна Александровна. – Уфа, 2010. – 211 с.
234. Кулинич, М.А. Юмор в свете теории фреймов: культурно-аксиологический аспект / М.А. Кулинич // Язык и культура (исследования по германской филологии). – Самара, 1999. – С. 87-96.

235. Курбатова, С.А. Семиотическая оппозиция «свой-чужой» во фреймовом представлении / С.А. Курбатова // Актуальные проблемы современной науки. – М., 2001. – № 2. – С. 98-99.
236. Кусов, Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кусов Геннадий Владимирович. – Волгоград, 2004. – 26 с.
237. Кухаренко, В.А. Текст как коммуникативная единица / В.А. Кухаренко // Всесоюзная научная конференция: Коммуникативные единицы языка: Тезисы докладов. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1984. – С. 76-78.
238. Лагутина, Л.Л. Глагольные фреймовые структуры в тексте английской научной статьи / Л.Л. Лагутина // Актуальные проблемы современной лингвистики. – М., 1999. – С. 169-173.
239. Лазарев, В.В. Теория фрейма: интердисциплинарный подход / В.В. Лазарев, Л.В. Правикова // Когнитивная парадигма: Фреймовая семантика и номинация: межвузовский сборник научных статей. Вып. 1. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – С. 3-19.
240. Лазутова, А.А. Фрейм «средневековье» на основе историзмов немецкого языка средневекового периода / А.А. Лазутова // Человек и языковое пространство. Аспекты взаимодействия. – Н. Новгород, 2004. – С. 188-194.
241. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
242. Лайонз, Дж. Язык и лингвистика / Дж. Лайонз. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
243. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка: сост., ред. и вступ. статья В.В. Петрова, В.И. Герасимова. – М., 1988. – С. 12-51.

244. Левицкий, Ю.А. От высказывания – к предложению. От предложения – к высказыванию / Ю.А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 196 с.
245. Левус, Г.П. Логическое содержание категории побудительности / Г.П. Левус // Функционально-семантический анализ языковых единиц. – Алма-Ата, 1986. – С. 91-101.
246. Лейтес, Н.С. Об умственной одаренности / Н.С. Лейтес. – М.: АПН РСФСР, 1960. – 215 с.
247. Лендвай, Э. Прагматическая сущность русского анекдота / Э. Лендвай // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы международного симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г. – Часть 1. Научные статьи. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 13-24.
248. Леонтьев, А.А. Психолингвистические проблемы порождения фразы. Современное состояние проблемы / А.А. Леонтьев // Теория речевой деятельности. – М.: Наука, 1968. – С. 77-90.
249. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969а. – 214 с.
250. Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1969б. – 307 с.
251. Леонтьев, А.А. Предисловие / А.А. Леонтьев // Психолингвистика. – М., 1976. – С. 3-16.
252. Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд-е 3-е, стереотипное / А.А. Леонтьев. – М.: КомКнига, 2005. – 312 с.
253. Леонтьев, А.Н. Основы теории речевой деятельности / А.Н. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1974. – 574 с.
254. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.

255. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – 391 с.
256. Липская, Е.Л. Перформативные высказывания в современном немецком языке: семантический и когнитивно-прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Липская Евгения Леонидовна. – Черновцы, 2010. – 168 с.
257. Ломтев, Т.П. Общее и русское языкознание / Т.П. Ломтев. – М.: Наука, 1976. – 381 с.
258. Луев, Г.В. Фреймы-сценарии для описания смысловой структуры слова / Г.В. Луев // Теория верификации лингвистических отношений. – М., 1988. – С. 93-103.
259. Лузина, Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания / Л.Г. Лузина // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания: редкол.: Е.С. Кубрякова, Е.Г. Лузина (отв. ред.) и др. – М., 2006. – С. 41-51.
260. Лурия, А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов / А.Р. Лурия. – М., 1974. – 271 с.
261. Лурия, А.Р. Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 253 с.
262. Ляхова, Е.В. Когнитивные процессы мыслительной деятельности и понимание иронии реципиентом / Е.В. Ляхова // Когнитивная парадигма: Фреймовая семантика и номинация: межвузовский сборник научных статей. Вып. 1. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – С. 91-96.
263. Мазанова, Е.Ю. Метафора и символ как сопряженные понятия в рамках когнитивного подхода / Е.Ю. Мазанова // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сборник научных трудов. – Рязань, 2000. – С. 129-133.

264. Макаров, М.Л. Диалог с целью принятия решения. Опыт дискурсивной психологии / М.Л. Макаров // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С.153-162.
265. Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров. – Тверь: ТГУ, 1998. – 199 с.
266. Макеева, И.Е. Фреймы полемического дискурса / И.Е. Макеева // Филология и культура: Материалы III-й междунар. науч. конф. 16-18 мая 2001 г.: в 3 ч. – Тамбов, 2001. – Ч. 1. – С. 65-67.
267. Манерко, Л.А. Предметноцентрический фрейм в динамике пространственного дискурса / Л.А. Манерко // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. – М., 2002а. – Вып. 1. – С. 60-69.
268. Манерко, Л.А. Когнитивно-дискурсивный аспект исследования номинативных единиц в современном английском языке / Л.А. Манерко // Когнитивная парадигма: Фреймовая семантика и номинация: Межвузовский сборник научных статей. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002б. – Вып. 1. – С. 97-111.
269. Манерко, Л. А. Фрейм речи Нобелевского лауреата в сценарии события (на материале языка физики) / Л.А. Манерко // Вопросы филологии. – 2004. – № 3. – С. 6-15.
270. Маринин, Ю.Н. Речекомплекс «поздравления» (на материале текста поздравительной открытки): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Маринин Юрий Николаевич. – Волгоград, 1996. – 24 с.
271. Маринин, Ю.Н. Фреймовая организация этикетной речи / Ю.Н. Маринин // Семантика языка и текста: Сб. науч. статей. – Волгоград, 1998. – С. 121-125.
272. Масленникова, Е.М. Фреймовое представление семантики текста / Е.М. Масленникова // Лингвистический вестник. – Ижевск, 2000. – Вып. 2. – С. 114-124.

273. Маслова, А.Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках: на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.03, 10.02.01 / Маслова Алина Юрьевна. – СПб., 2009. – 40 с.
274. Мендыгалиева, А.А. Дополнение в классификацию иллокутивных актов: пассивные декларативы / А.А. Мендыгалиева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – 2009. – № 3 (7). – С. 55-59.
275. Мецлер, А.А. Структурные связи в тексте / А.А. Мецлер. – Кишинев: Штииница, 1987. – 143 с.
276. Милосердова, Е.В. Прагматика речевого общения: Учебное пособие / Е.В. Милосердова. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2001. – 122 с.
277. Минаева, Н.В. Фреймовый подход к одной группе логоэпистем / Н.В. Минаева // Русский язык за рубежом. – 2003. – № 3. – С. 70-74.
278. Минина, Н.М. Лексико-семантическая глагольная система современного немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Минина Надежда Михайловна. – М.: Энергия, 1979. – 52 с.
279. Минский, М. Структура для представления знаний / М. Минский // Психология машинного зрения. – М.: Мир, 1978. – С. 250-338.
280. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский: пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
281. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 281-309.
282. Михайлов, В.А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности / В.А. Михайлов. – СПб., 1992. – 200 с.

283. Моррис, Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика. – М., 1983. – С. 37-89.
284. Мосейчук, А.М. Опыт семантического анализа глаголов отношения в немецком языке: автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.04 / Мосейчук Анастасия Михайловна. – Минск, 1973. – 24 с.
285. Муратова, К.В. Структура коммуникативного акта с точки зрения риторики / К.В. Муратова // Реализация системы языка в речи: сб. науч. тр. – М., 1986. – С. 78-86.
286. Мукаржовский, Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский. – М.: Искусство, 1994. – 606 с.
287. МЯДИС – Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни. – М., 1987. – 368 с.
288. Мянъчжу, И. Фреймовое представление семантической структуры предложения / И. Мянъчжу // Русский язык за рубежом. – М., 1994. – № 1. – С. 70-72.
289. Найссер, У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии / У. Найсер. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
290. Насырова, Г.Н. Текстотипы «телефакс», «меморандум», «телеграмма» и их интегральные и дифференциальные характеристики / Г.Н. Насырова // Предложение и текст. – Рязань, 1998. – С. 73-76.
291. Натяженко, Е.В. Базовые когнитивные модели развертывания локутивного акта в дискурсе: на материале современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Натяженко Елена Владимировна. – Н. Новгород, 2008. – 203 с.
292. Нгуен, М.Ч. Описание эпистемических речевых актов (мнение, предположение и мнение-предположение) во вьетнамском языке в сопоставлении с английским и русским языками: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Нгуен Мин Чи. – М., 1984. – 18 с.

293. Нефедова, Л.А. Когнитивно-деятельностный аспект имплицативной коммуникации / Л.А. Нефедова. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2001. – 151 с.
294. Нефедова, Л.А. Когнитивный подход к интерпретации текста: учебное пособие / Л.А. Нефедова. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. – 70 с.
295. Неустроев, К.С. Способы выражения побуждения и воздействия: на материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Неустроев Кирилл Сергеевич. – Ростов н/Д., 2008. – 22 с.
296. НЗЛ – Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика / Под общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – 504 с.
297. НЗЛ – Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов / Под общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – 424 с.
298. Низеева, Д.Р. Структура фрейма речевого акта поздравления в современном немецком языке: на материале письменных текстов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Низеева Дания Рузалиновна. – Н. Новгород, 2010. – 212 с.
299. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб., 1997. – 194 с.
300. Никитина, К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ: на материале газет США: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Никитина Ксения Валерьевна. – Уфа, 2006. – 197 с.
301. Никонова, Ж.В. Функциональный потенциал инфинитива в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Никонова Жанна Викторовна. – Н. Новгород, 1995а. – 216 с.
302. Никонова, Ж.В. Функциональный потенциал инфинитива в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Никонова Жанна Викторовна. – Н. Новгород, 1995б. – 17 с.

303. Никонова, Ж.В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях: монография / Никонова Жанна Викторовна. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 144 с.
304. Никонова, Ж.В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка): монография / Никонова Жанна Викторовна. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. – 309 с.
305. Никонова, Ж.В. Этнокультурная специфика организация системы речевых актов в современном немецком языке / Ж.В. Никонова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – Вып. 10. – Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2010. – С. 79 - 87.
306. Никонова, Ж.В. Иллокутивный дейксис: лингвистический статус и вербальная репрезентация (на материале немецкого языка) / Ж.В. Никонова // Перспективы науки, 2013. – Вып. 10 (49). – С. 129 - 134.
307. Никонова, Ж.В. Речевые акты саморефлексии как средство иллокутивного дейксиса / Ж.В. Никонова // European Social Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). – М.: Международный исследовательский институт, 2014. – Вып. 5 (44). Том 2. – С. 266 - 272.
308. Новиков, А.И. Семантика текста и её формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 214 с.
309. Норман, Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. Простое предложение: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Норман Борис Юрьевич. – Минск, 1983. – 28 с.
310. Овакимян, Л.Б. Когнитивные аспекты семантики производного слова (на материале англоязычной художественной прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Овакимян Лусик Бахтиаровна. – М., 1995. – 21 с.

311. Огнева, Е.А. Степень искажения фреймовой структуры текста-источника при переводе / Е.А. Огнева // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2008. – № 1. – С. 39-53.
312. Олешков, М.Ю. Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / М.Ю. Олешков (ред.). – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – 496 с. – (Язык и дискурс. Вып. 1).
313. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 22-130.
314. Остин, Дж. Три способа пролить чернила: Философские работы / Дж. Остин. – СПб, 2006. – 354 с.
315. Павленис, Р.И. Язык. Логика. Философия / Р.И. Павленис. – Вильнюс, 1981. – 286 с.
316. Павленис, Р.И. Понимание речи и философия языка / Р.И. Павленис // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 380-388.
317. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
318. Падучева, Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и видов в русском языке. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1986. – 464 с.
319. Падучева, Е.В. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации / Е.В. Падучева // НТИ. Сер. 2. – 1997. – № 1. – С. 18-30.
320. Падучева, Е.В. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты / Е.В. Падучева, С.А. Крылов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М.: ИНИОН АН СССР, 1984. – С. 25-96.

321. Палевская, М.Ф. Проблемы синонимического ряда, его границ и возможности выделения доминанты / М.Ф. Палевская // Лексическая синонимия. – М., 1967. – С. 94-104.
322. Панасенко, Л.А. Функциональная поликатегоризация глагола в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Панасенко Людмила Александровна. – Тамбов, 2000. – 186 с.
323. Пассов, Е.И. Уровни механизма порождения речевого высказывания / Е.И. Пассов // Материалы 5-го Всесоюз. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1975. – Ч. 1. – С. 47-50.
324. Пескова, Н.А. Когнитивная основа изоморфизма некоторых синтаксических конструкций (на материале предложных конструкций и придаточных предложений времени) / Н.А. Пескова // Когнитивная парадигма: Фреймовая семантика и номинация: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 1. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – С. 133-139.
325. Петрова, Е.И. Речевая деятельность и речевое поведение носителей немецкого языка (на материале идиом в речевом жанре детектив): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Петрова Екатерина Игоревна. – Пятигорск, 2004. – 18 с.
326. Плешакова, А.В. Исследование фреймов «происшествие» на материале русских и английских газетных текстов жанра «информационное сообщение»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Плешакова Анна Владимировна. – Саратов, 1998. – 22 с.
327. Поляк, О.Е. Когнитивная модель иллокутивной составляющей дискурсной аргументативной единицы: на материале рус. полит. дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / Поляк Ольга Ефимовна. – М., 1998. – 181 с.
328. Пономарёва, Е.Ю. Фреймовый анализ структуры концепта-оппозиции «Жизнь – смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова) / Е.Ю. Пономарева // Сопоставительная лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – № 7. – С. 103-112.

329. Попов, Ю.В. Система языка и система текста / Ю.В. Попов // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1980. – С. 66-73.
330. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Изд. 1. – Воронеж: Истоки, 2001. – 192 с.
331. Пospelова, А.Г. Функциональный аспект изучения речевых актов: иллокутивно-интерактивная характеристика / А.Г. Пospelова // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка): Сб. ст. – СПб.: СпбГУ, 1992. – С. 68-85.
332. Пospelова, А.Г. Речевые приоритеты в английском диалоге: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Пospelова Александра Георгиевна. – СПб., 2001. – 76 с.
333. Почепцов, Г.Г. О коммуникативной типологии адресата / Г.Г. Почепцов // Речевые акты в лингвистике и методике: Межвуз. сб. науч. тр. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. – С. 10-17.
334. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. 2-е изд. – М.: СмартБук, 2008. – 652 с.
335. Правикова, Л.В. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы: монография / Л.В. Правикова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – 300 с.
336. Приходько, Л.П. Норма и узус в сфере действия фрейма / Л.П. Приходько, Е.А. Шингарева // Система, норма, узус в романогерманских языках. – Л., 1987. – С. 78-84.
337. Проскуряков, М.Р. Концептуальная структура текста: лексико-фразеологическая и композиционно-стилистическая экспликация: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Проскуряков Максим Русланович. – СПб., 2000. – 330 с.
338. Пушкин, А.А. Речеповеденческий фрейм как основа для типологии языковых личностей / А.А. Пушкин // Логико-семантические и прагматические проблемы текста. – Красноярск, 1990. – С. 26-33.

339. Пьянкова, В.С. Фрейм рекламного текста / В.С. Пьянкова // Вестник молодых ученых. Гуманитарные науки. – СПб., 1998. – № 3. – С. 42-47.
340. Ревзин, И.И. Структура языка как моделирующей системы / И.И. Ревзин. – М.: Наука, 1978. – 287 с.
341. Ревина, Е.Д. Речевой акт, диалогизация / Е.Д. Ревина // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб., 1999. – С. 120-124.
342. Реферовская, Е.А. Лингвистическая концепция Гюстава Гийома / Е.А. Реферовская // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 36-41.
343. Романов, А.А. Иллокутивные индикаторы прямых и косвенных речевых актов / А.А. Романов // Речевые акты в лингвистике и методике: Межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. – С. 195-200.
344. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М.: ИЯ АН СССР, 1988. – 183 с.
345. Романов, А.А. Представление иллокутивных знаний в статье автоматического словаря / А.А. Романов // Международный семинар по машинному переводу «ЭВМ и перевод 89». – М.-Тбилиси: ВЦП, 1989а. – С. 258-261.
346. Романов, А.А. Роль коммуникативных стратегий в обучении диалогу / А.А. Романов // Лингвистика и преподавание языка: Тезисы Всесоюзного семинара-совещания. – Кострома, 1989б. – С. 130-131.
347. Романов, А.А. О статусе неориторической парадигмы в лингвистике / А.А. Романов // X Международная конференция по функциональной лингвистике «Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации»: Сб. науч. докладов. – Симферополь: Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, 2003. – С. 283-285.
348. Романов, А.А. Лингвистическая мозаика: Избранное. Серия «Динамическая модель диалога» / А.А. Романов. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, «Агросфера», 2006. – 436 с.

349. Романов, А.А. Перформативный дискурс в парадигме социального конструктивизма / А.А. Романов, Л.А. Романова // Культура как текст. Вып. 7. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. – С. 81-96.
350. Ромашина, О.Ю. Формирование фрейма эмоционального звучания и его репрезентация в глагольных лексемах современного английского языка: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ромашина Ольга Юрьевна. – Белгород, 2004. – 18 с.
351. Ромашко, С.А. Язык как деятельность и лингвистическая прагматика / С.А. Ромашко // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: Сб. обзоров. – М., 1984. – С. 137-145.
352. Россолова, О.А. Перформатив как координатор коммуникативного взаимодействия и средство адресованности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Петропавловск-Камчатский, 2008 / Россолова Оксана Анатольевна. – 194 с.
353. Руди, Е.В. Этикетные речевые акты в современном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Руди Елена Владимировна. – Н. Новгород, 2011. – 213 с.
354. Русова, И.А. Когнитивное исследование концептуальных метафор в «Сонетах» В. Шекспира и их переводах на русский язык: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Русова Ирина Александровна. – Сургут, 2008. – 247 с.
355. Рябинская, Н.С. Речь как социальное действие: основные понятия дискурсивного анализа / Н.С. Рябинская // Социологический журнал. – 2002. – № 4. – С. 78-91.
356. Рябков, С.С. Фреймовая структура речевого акта «Vertrag» в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Рябков Сергей Семенович. – Н. Новгород, 2008. – 192 с.
357. Садиков, А.В. О представлении лексических фреймов в двуязычном словаре употребления / А.В. Садиков // Сборник научных трудов / Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 1999. – № 447. – С. 93-99.

358. Сальникова, О.Е. Комбинированные речевые акты в англоязычном дискурсе (функционально-семантический и лингвокультурный аспекты): автореф. дис. канд. ... филол. наук: 10.02.04 / Сальникова Ольга Евтихиевна. – М., 2003. – 24 с.
359. Седова, Т.С. Пронаминализация абстрактных существительных в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Седова Татьяна Степановна. – Н. Новгород, 1992. – 185 с.
360. Селиванова, Е.А. Когнитивная ономаология: монография / Е.А. Селиванова. – Киев, 2000. – 237 с.
361. Серль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986а. – Т. 17. – С. 170-194.
362. Серль, Дж.Р. Косвенные речевые акты / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986б. – Т. 17. – С. 195-222.
363. Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт? / Дж.Р. Серль // Философия языка: ред.-сост. Дж.Р. Серль; пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 56-74.
364. Симонов, К.И. Повествовательный текст в свете теории фреймов / К.И. Симонов // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. – Оренбург, 2001. – № 4. – С. 66-81.
365. Сковородина, С.В. Прагматика реактивных речевых актов в немецком диалогическом дискурсе: Концепты «благодарность» и «извинение»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сковородина Светлана Валерьевна. – СПб., 2004. – 219 с.
366. Смиренский, В.Б. Фреймовый способ представления сюжетных стереотипов / В.Б. Смиренский // Труды международного семинара «Диалог'97 по компьютерной лингвистике и приложениям». Ясная Поляна, 10-15 июня 1997 г. – М., 1997. – С. 244-247.
367. Смолина, К.П. Синонимический ряд как объект исторической лексикологии / К.П. Смолина // Известия АН СССР. – Серия литературы и языка. – 1973. – № 1. – С. 29-39.

368. Солдатова А.В. Директивные речевые акты в средневерхненемецком языке (на материале «Песни о Нибелунгах», «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха, «Тристана» Готфрида Страсбургского): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Солдатова Анастасия Владимировна. – СПб., 2004. – 227 с.
369. Соловьева, Е.В. Функционально-прагматический потенциал речевого акта возмущения в современном немецком политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Соловьева Екатерина Вячеславовна. – Н. Новгород, 2013. – 182 с.
370. Сребрянская, Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте / Н.А. Сребрянская // Филологические науки. – 2004. – № 5. – С. 58-68.
371. Старостина, Е.В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения: на материале ассоциативных реакций: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Старостина Евгения Владимировна. – Саратов, 2004. – 269 с.
372. Стернин, И.А. К проблеме дейктических функций слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Стернин Иосиф Абрамович. – М., 1973. – 32 с.
373. Стронсон, П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П.Ф. Стронсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 131-150.
374. Сусов, И.П. Семантика и прагматика предложения: учебное пособие / И.П. Сусов. – Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1980. – 51 с.
375. Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и её единицы / И.П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин, 1984. – С. 3-12.
376. Сусов, И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И.П. Сусов // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 7-13.

377. Сусов, И.П. История языкознания: учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов / И.П. Сусов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. – 276 с.
378. Сусов, И.П. Лингвистическая прагматика: учебник для студентов, магистрантов и аспирантов (докторантов) / И.П. Сусов. – М.: Восток-Запад, 2006. – 200 с.
379. Сухарева, Н.П. Глаголы социальных отношений в современном немецком языке: Семантика, валентностные свойства: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сухарева Наталия Павловна. – Череповец, 2005. – 188 с.
380. Сыркина, Е.Н. Фреймовая структура репрезентативных речевых актов / Е.Н. Сыркина // Аспирант. – Н. Новгород, 2002. – Вып. 4. – Ч. 2. – С. 10-18.
381. Сыркина, Е.Н. Способы выражения репрезентативных речевых актов в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сыркина Екатерина Николаевна. – Н. Новгород, 2004. – 185 с.
382. Тарасов, Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики / Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1987. – 168 с.
383. Тарасов, Е.Ф. Проблематика изучения, описания и моделирования речевого общения / Е.Ф. Тарасов // Лингвистическая прагматика и общения с ЭВМ. – М.: Наука, 1989. – С. 5-34.
384. Тарасова, И.А. Фреймовый анализ в исследовании идеостилей / И.А. Тарасова // Филол.науки. – М., 2004. – № 4. – С. 42-49.
385. Теория речевых актов: начальный этап: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. статья Л.А. Азнабаевой. – Уфа: БашГУ, 2001. – 192 с.
386. Тикунова, С.Г. Развертывание фрейма заглавия в романе С. Крейна «Алый знак доблести» / С.Г. Тикунова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. – М., 2002. – Вып.1. – С. 138-143.

387. Тищенко, С.В. К проблеме категоризации в рамках грамматики конструкций / С.В. Тищенко // Вопросы романо-германской и русской филологии. – Пятигорск, 2004. – Вып. 1. – С. 257-266.
388. Торопова, Н.А. Фреймы, смысл, оценка (на материале немецкого языка) / Н.А. Торопова // Высказывание и его аспекты. – Иваново, 1991. – С. 16-21.
389. ТРА-ЭК: Речевой акт [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кругосвет: универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVO_AKT.html.
390. Трошина, Н.Н. Коммуникативный контекст и стилистические фреймы / Н.Н. Трошина // Лексика и стиль. – Тверь, 1993. – С. 87-92.
391. Трофимова, Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: монография / Н.А. Трофимова. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.
392. Трофимова, Н.А. Актуализация компонентов смысла высказывания в экспрессивных речевых актах (на материале современного немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Трофимова Нэлла Аркадьевна. – СПб., 2009. – 420 с.
393. Трухтанова, Е.В. Использование когнитивной теории фрейма в сопоставительном переводческом анализе художественного текста / Е.В. Трухтанова // Язык, культура и межкультурная коммуникация. – М., 2001. – С. 125-132.
394. Уланова, С.Б. Фрейм как структура репрезентации знаний / С.Б. Уланова // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сборник научных трудов. – Рязань, 2000. – С. 133-141.
395. Ушакова, Е.А. Глаголы речи немецкого и русского языков в функциональном аспекте (употребление в конструкциях с прямой речью) / Е.А. Ушакова // Наука. Университет. 2005. Материалы шестой научной конференции. – Новосибирск, 2005. – С. 187-190.

396. Ушакова, Т.Н. Актуальные проблемы психологии речи / Т.Н. Ушакова // Психологические и психолингвистические исследования речи. – М.: Наука, 1985. – С. 3-13.
397. Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Фанян Нэлли Юрьевна. – Краснодар, 2000. – 354 с.
398. Федорова, Л. Об определении функций речевых актов [Электронный ресурс] / Л. Федорова // Речевой акт в педагогической коммуникации. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Fedorova.htm>.
399. Федосюк, М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М.Ю. Федосюк // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 66-88.
400. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 52-92.
401. Фирсова, Н.М. Испанский речевой этикет / Н.М. Фирсова. – М.: Инфра-М, 2000. – 183 с.
402. Формановская, Н.И. Речевой этикет и культура общения / Н.И. Формановская. – М.: Высшая школа, 1989. – 159 с.
403. Формановская, Н.И. Прагматика побуждения и логика языка / Н.И. Формановская // РЯЗР. – № 5. – 1994. – С. 8-16.
404. Формановская, Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения: учебное пособие / Н.И. Формановская. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. – 291 с.
405. Франк, Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов: сб. пер. с англ. / Сост. и вступит. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – С. 363-373.

406. Фреге, Г. Мысль. Логическое следование / Г. Фреге // Готтлоб Фреге. Логика и логическая семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова; под ред. З.А. Кузичевой. – М., 2000. – С. 326-342.
407. Фридман, Л.Г. О статусе текста и его компонентов / Л.Г. Фридман // Всесоюзная научная конференция: Коммуникативные единицы языка: Тезисы докладов. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1984. – С. 125-128.
408. Фурер, О.В. Семантическое представление агентивных глаголов и их дериватов в категориях теории фреймов / О.В. Фурер // Вестник Самарской гос. экон. академии. – Самара, 2004. – № 1. – С. 348-352.
409. Хайруллин, В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Хайруллин Владимир Иханович. – М., 1995. – 46 с.
410. Хващевская, Л.Д. Некоторые условия успешности коммуникативного процесса / Л.Д. Хващевская // Теория и практика преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: Сб. науч. ст. Вып. 1 / Под общ. ред. д-ра пед. наук Л.В. Хведчени. – Мн.: БГУ, 2009. – С. 84-91.
411. Хельбиг, Г. Проблемы теории речевого акта / Г. Хельбиг // ИЯШ. – 1978. – № 5. – С. 11-21.
412. Хомякова, Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности / Е.Г. Хомякова. – 2-е изд., перераб. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 187 с.
413. Храковский, В.С. Семантика и типология императива. Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – Л.: Наука, 1986. – 272 с.
414. Храковский, В.С. Повелительность. Превентивные предложения / В.С. Храковский // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 184-243.
415. Храмова, Н.А. Глаголы одобрения и согласия в английском языке (семантический, синтагматический, морфологический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Храмова Нина Анатольевна. – СПб., 2003. – 22 с.

416. Худснуряр, Ф. Основы, развитие и перспективы анализа диалога / Ф. Худснуряр // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 38-50.
417. Чаплыгина, Ю.С. Различные аспекты техники анализа комического вербального и невербального плана в литературе / Ю.С. Чаплыгина // Вестник Самарской гос. экон. академии. – Самара, 2003. – № 3. – С. 298-302.
418. Чахоян, Л.П. Коммуникативная интенция в структуре речевого произведения / Л.П. Чахоян, Г.Д. Невзорова // Речевые акты в лингвистике и методике: межвузовский сб. научных трудов. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. – С. 17-21.
419. Чахоян, Л.П. Взаимодействие интенций как фактор, определяющий типы межличностного общения / Л.П. Чахоян, Ш.А. Паронян // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 67-75.
420. Чеботарева, Е.Ю. Психолингвистический анализ речевых действий: учебное пособие / Е.Ю. Чеботарева, В.Н. Денисенко и др. – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1998. – 72 с.
421. Черняховская, Л.А. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Черняховская Леонора Александровна. – М., 1983. – 34 с.
422. Четыркина, И.В. Перформативность речевых практик как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Четыркина Инна Валерьевна. – Краснодар, 2006. – 287 с.
423. Числова, Е.А. Пропозитивно-ассоциативный фрейм концепта ЗВЕЗДА в русском языке / Е.А. Числова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы международного симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г. Часть 1. Научные статьи. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 155-162.

424. Шабес, В.Я. Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности (событие и текст): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Шабес Владимир Яковлевич. – Л., 1990. – 456 с.
425. Шаймиев, В.А. Иллокутивные ситуации текста, иллокутивные фреймы и метатекст / В.А. Шаймиев // Давлетшинские чтения: Язык, культура, традиции, новаторство. – Бирск, 1997. – С. 29-32.
426. Шалина, И.В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии / И.В. Шалина; науч. ред. Н.А. Купина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 444 с.
427. Шакирова, Э.Р. Интенция говорящего и аспекты ее реализации: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шакирова Эльвира Рамиловна. – Уфа, 2003. – 26 с.
428. Шарадзенидзе, Т.С. Проблема взаимоотношения языка и речи / Т.С. Шарадзенидзе // Язык и речь. – Тбилиси: Мецниереба, 1977. – С. 5-29.
429. Шардакова, М. Фреймы культуры и языковое сознание: Проблемы нормы литературного языка и атрибуции текста / М. Шардакова // Рус. филология. – Тарту, 1996. – № 7. – С. 294-299.
430. Шатуновский, И.Б. 6 способов косвенного выражения смысла / И.Б. Шатуновский // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог-2004». – М.: Наука, 2004. – С. 666-670.
431. Шведова, И.Р. Фрейм-когнитив «деловое письмо»: на материале корреспонденции на английском языке / И.Р. Шведова // V Житниковские чтения: Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте. – Челябинск, 2001. – С. 109-113.
432. Шевченко, Е.В. Коммуникативные особенности английских и русских юридических речевых актов, речевых стратегий и тактик (на материале языка художественных и публицистических произведений): автореф.

- дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шевченко Елена Владимировна. – Краснодар, 2003. – 24 с.
433. Шейгал, Е.И. Фрейм «политик»: серьёзное и комическое / Е.И. Шейгал, М.Р. Желтухина // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сборник научных трудов. – Рязань, 2000. – С. 145-150.
434. Шеловских, Т.И. Речевой акт совет: функционально-прагматический анализ: на материале французского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шеловских Татьяна Ивановна. – Воронеж, 1995. – 217 с.
435. Шестак, Л.А. Фреймовая семантика языка и текста / Л.А. Шестак // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. – Волгоград, 2003. – Ч. 1. – С. 163-171.
436. Шиленко, Р.В. Опыт фреймовой интерпретации экспрессивных высказываний / Р.В. Шиленко // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. – Калинин, 1986. – С. 137-141.
437. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М., 1973. – 230 с.
438. Шмелева, Т.В. Синтаксис простого предложения / Т.В. Шмелева // Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1974-1978 гг. Синтаксис. – М., 1982. – С. 66-72.
439. Шмелева, Т.В. Речевой жанр: возможности описания и использования в преподавании языка / Т.В. Шмелева // Russistik. Русистика: науч. журн. актуальных проблем преподавания рус. языка. – Berlin, 1990. – № 2. – С. 24-41.
440. Шпунтова, И.Е. Фреймы как основа функционирования немецкого отрицания *kein* / И.Е. Шпунтова // Теория языка и речи: история и современность. – Иваново, 1999. – С. 130-133.
441. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1974. – 428 с.

442. Юрьева, Т.В. Эволюция лингвистических пространственных представлений: к вопросу лингвистической сущности информационной единицы – фрейма / Т.В. Юрьева // Вестник Кемеровского гос. университета. – Кемерово, 2003. – № 4. – С. 88-90.
443. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: за и против. – М., 1975. – 158 с.
444. Якобсон, Р. Речевая коммуникация / Р. Якобсон // Избранные работы. – М., 1985. – С. 306-318.
445. Яковлева, Г.Г. Директивный дискурс в диалогическом пространстве разных языков (строевые и функциональные аспекты описания) / Г.Г. Яковлева. – М., 2005. – 187 с.
446. Яскевич, Т.В. Репрезентация фрейма «выбор» в современном английском языке (на материале глагольной лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Яскевич Татьяна Владимировна. – Иркутск, 1998. – 16 с.
447. Alba, J.W. Is Memory Schematic? / J.W. Alba, L. Hasher // Psychological Bulletin. – 1983. – № 93. – P. 203-231.
448. Anscombe, J.C. Interrogation et argumentation Text / J.C. Anscombe, O. Ducrot // Langue française. – Paris, 1981. – № 52. – P. 5-22.
449. Anderson, St., Keenan, E. Deixis / St. Anderson, E. Keenan // Language typology and syntactic description / Ed. by T. Shopen. – Cambridge: University Press, 1985. – S. 259-308.
450. Andor, J. On the psychological relevance of frames / J. Andor // Quaderni di semantica. – 1985. – Vol. VI. – No. 2. – P. 212-221.
451. Ariel, M. Accessing Noun-Phrase Antecedents / M. Ariel. – London: Routledge, 1990. – 265 p.
452. Austin, J.L. Zur Theorie der Sprechakte / J. Austin / Deutsche Bearbeitung von Eike von Savigny. – Stuttgart: Reklam, 1972. – 213 S.
453. Austin, J.L. How to do things with words / J. Austin. – New York, 1973. – 156 p.

454. Auvera, I. van der. What do we talk about when we talk: Speculative Grammer and the Semantics and Pragmatics of Focus / I. Auvera. – Amsterdam, 1981. – 113 p.
455. Bach, K. Performatives are statements too / K. Bach // Philosophical Studies. – Vol. 28. – 1975. – P. 229-236.
456. Bachman, L.F. Fundamental Considerations in Language Testing / L. Bachman. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – 408 p.
457. Ballmer, T. Zur Klassifikation von Sprechakten / T. Ballmer // Sprechakttheorie und Semantik. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979. – S. 274-274.
458. Ballmer, Th. Speech act classification: a study in the lexical analysis of Engl. speech activity verbs / Th. Ballmer, W. Brennenstuhl. – Berlin-Heidelberg-New York: Springer, 1980. – 274 S.
459. Ballmer, Th. Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs / Th. Ballmer, W. Brennenstuhl. – Berlin-Heidelberg: Springer-Verlag, 1981. – 274 P.
460. Bartlett, F. Remembering / F. Barlett. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1932. – X. – 317 p.
461. Bergner, H. The pragmatics of medieval texts // Cooperating with written texts. The Pragmatics and Comprehensions of written Text / H. Bergner / Ed. by D. Stein. – Berlin: Gruyter, 1992. – P. 163-177.
462. Bolinger, D. The Imperatives in English / D. Bolinger // To Honor Roman Jakobson. – Vol. 1. – The Hague-Paris: Mouton, 1967. – P. 335-363.
463. Bownan, E. The Classification of Imperative Sentences in English / E. Bownan // Studies in Linguistics. – 1963. – V. 17. – P. 23-28.
464. Brandt, M. Satztyp, Satzmodus und Illokution / M. Brandt, M. Reis, I. Rosengren, I. Zimmermann // Satztyp und Illokution. Bd. 2. – Tübingen, 1992. – S. 1-90.
465. Brinker, K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / K. Brinker. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1988. – 151 S.

466. Brinker, K. Linguistische Gesprächsanalyse. Eine Einführung. 3., durchges. und erg. Aufl. / K. Brinker, S.F. Sager. – Berlin: Erich-Schmidt-Verlag, 2001. – 215 S.
467. Brinkmann, H. Der deutsche Satz als sprachliche Gestalt / H. Brinkmann // Wirkendes Wort, 1.Sonderheft, S. 12-26, wiederaufgenommen in: Das Ringen um eine neue dt. Grammatik, hrsg. v. H. Moser. – Darmstadt, 1962. – S. 333-359.
468. Broadie, A. Imperatives / A. Broadie // Mind. – 1972. – Vol. 81. – № 322. – P. 179-190.
469. Burkhardt, A. Speech acts, Meaning and Intentions: Critical Approaches to the Philosophie of John R. Searle / A. Burkhardt. – Berlin-New York: de Gruyter, 1990. – 241 S.
470. Chomsky, N. Language and mind / N. Chomsky. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1968. – 238 S.
471. Chomsky, N. Knowledge of language: its nature, origin and use / N. Chomsky. – New York: Praeger, 1986. – 411 S.
472. Cohen, L. Do Illocutionary Forces exist? / L. Cohen // The Philosophical Quarterly – Vol. 14. – No. 55. – 1964. – P. 118-137.
473. Dehn, N. Artificial and Human Intelligence / N. Dehn & R. Schank // Handbook of Human Intelligence / Ed. by R.J. Sternberg. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 352-391.
474. Dowty, D.R. Thematic Proto-Roles and Argument Selection / D.R. Dowty // Language. – № 67. – 1991. – P. 547-619.
475. Davies, E. The English Imperative / E. Davies. – L., 1986. – 36 p.
476. Dijk, T.A. van. Some aspects of text grammars. A study in theoretical linguistics and poetics / T.A. Dijk. – The Hague-Paris, 1972. – 287 p.
477. Dijk, T.A. van. Studies in Pragmatics of Discourse / T.A. Dijk. – Hague: Mouton, 1981. – 285 p.
478. Dijk, T.A. van. Prejudice in Discourse / T.A. Dijk. – Amsterdam: John Benjamins, 1984. – 182 c.

479. Dörge, F.C. Illocutionary Acts – Austin’s account and what Searle made out of it: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie / F.C. Dörge. – Tübingen: Eberhard-Karls-Universität Tübingen, 2004. – 280 S.
480. Doll, B. Zur Konventionalität institutioneller Sprechhandlungen: Das Interview. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn / B. Doll. – Bonn, 1979. – 518 S.
481. Dölling, J. Semantik und Pragmatik [Electronic resource] / J. Dölling. – Leipzig: Universität Leipzig. URL: <http://home.uni-leipzig.de/doelling/veranstaltungen/semprag1.pdf>.
482. Dowty, D.R. Word Meaning and Montague Grammar: The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and Montague’s PTQ / D.R. Dowty. – Netherland, 1979. – 448 S.
483. Eggs, E. Vertextungsmuster Argumentation: Logische Grundlagen (Textualisation Pattern Argumentation: Logical Foundations) / E. Eggs // Text- und Gesprächslingustik (Linguistics of Text and Conversation). Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. – 2000. – B. 1. – S. 397-414.
484. Ehrhardt C. Pragmatik / C. Ehrhardt, H. Heringer. – Paderborn: Fink, 2011. – 156 S.
485. Eyer, P. Perlokutionen / P. Eyer. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1987. – 144 S.
486. Félix-Brasdefer, C. Speech act perception in interlanguage pragmatics: exploring the minds of foreign language learners / C. Félix-Brasdefer. – Essen: LAUD, Linguistic Agency; Universität Duisburg-Essen, 2006. – 27 S.
487. Fillmore, C.J. Types of Lexical Information / C.J. Fillmore // Semantics / Ed. by D. Steinberg, J. Jakobovits. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – P. 370-392.

488. Fillmore, Ch.J. An alternative to checklist theories of meaning / C.J. Fillmore // Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society / Ed. by C. Cogen et. al. – Berkeley-Calif.: Berkeley Linguistic Society. – 1975. – Vol. 1. – P. 123-131.
489. Fillmore, Ch.J. Frame Semantics / C.J. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm / Linguistic Society of Korea (Ed.). – Seoul: Hanshin, 1982. – P. 111-138.
490. Fillmore, Ch.J. Frames and the semantics of understanding / C.J. Fillmore // Quaderni di semantica. – 1985. – Vol. VI. – No. 2. – P. 222-254.
491. Fillmore, Ch.J. “U”-semantics, second round / C.J. Fillmore // Quaderni di semantica. – 1986. – Vol. VII. – No. 1. – P. 49-58.
492. Fodor, J.A. The modularity of mind: An essay on faculty psychology / J.A. Fodor. – Cambridge-MA: The MIT Press, 1983. – 368 S.
493. Frank, D. Zur Analyse indirekter Sprechakte / D. Frank // Beiträge zur Grammatik und Pragmatik / Hrsg. V. Ehrich, P. Finke. – Kronberg, 1975. – S. 219-231.
494. Fritz, G. Kohärenz: Grundfragen der linguistischen Kommunikationsanalyse / G. Fritz. – Tübingen: Narr, 1982. – 374 S.
495. Geeraerts, D. Cognitive Linguistics: Basic Readings / D. Geeraerts (ed.). – Berlin-NY: Mouton de Gruyter, 2006. – 485 p.
496. Gloning, Th. Modalisierte Sprechakte mit Modalverben: Semantische, pragmatische und sprachgeschichtliche Untersuchungen / Th. Gloning // Untersuchungen zur semantischen Entwicklungsgeschichte der Modalverben im Deutschen / Hrsg. von G. Fritz. – Tübingen: Niemeyer, 1997. – (Germanistische Linguistik; 187). – S. 307-437.
497. Götz, R. Sprechakte und Sprachfunktion / R. Götz. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – 308 S.
498. Grewendorf, G. Fortschritte der Sprechakttheorie / G. Grewendorf // Probleme der sprachlichen Bedeutung / Hrsg. E.v. Savigny. – Kronberg, 1976. – S. 101-123.

499. Grewendorf, G. Sprechakttheorie / G. Grewendorf // Lexikon der germanistischen Linguistik / Hrsg. von H.P. Althaus. – 2., vollst. neu bearb. und erw. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – S. 275-286.
500. Grice, P. Meaning / P. Grice // Studies in the Way of Words. – Cambridge-Massachusetts-London: Harvard University Press, 1989. – S. 213-223.
501. Goffman, E. Frame analysis: An essay on the organisation of experience / E. Goffman. – N.Y., 1974. – 156 p.
502. Greenbaum, S. University Grammar of English / S. Greenbaum, R.A. Quirk. – London, 1979. – 354 p.
503. Gruber, J.S. Lexical, conceptual and encyclopedic meaning / J.S. Gruber // Quaderni di semantica. – 1985. – Vol. VI. – No. 2. – P. 254-267.
504. Gruber, J.S. Frame information and lexically-based inference / J.S. Gruber // Quaderni di semantica. – 1986. – Vol. VII. – No. 1. – P. 58-78.
505. Guillaume, G. Langage et science du langage / G. Guillaume. – Paris-Québec, 1974. – 223 p.
506. Gülich, E. Vertextungsmuster Narration (Textualisation Pattern Narration) / E. Gülich, H. Hausendorf // Text- und Gesprächslinguistik (Linguistics of Text and Conversation). Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. – 2000. – B. 1. – S. 369-385.
507. Haiman, J. Dictionaries and Encyclopedias / J. Haiman // Lingua. – 1980. – N 50. – P. 329-357.
508. Halliday, M.A. Language structure and language function / M.A. Halliday // New horizons in linguistics / Ed. by J. Lyons. – Harmondsworth: Penguin, 1970. – S. 140-165.
509. Handl, D. HotFlow und StAdT: sprechakt-theoretische Konzepte für die dynamische Steuerung und Unterstützung dokumentbasierter Geschäftsvorgänge / D. Handl. – 2003. – 162 S.
510. Hansen, H. Sprachliches Handeln und Transaktionsanalyse: die Psychologie im Sprechakt / H. Hansen. – Hamburg: Diplomica-Verl., 2008. – 170 S.

511. Harras, G. Handlungssprache und Sprechhandlung. Eine Einführung in die handlungstheoretischen Grundlagen / G. Harras. – Berlin, 1983. – 198 S.
512. Harras, G. Handbuch deutscher Kommunikationsverben. Teil 1., Wörterbuch / G. Harras. – Berlin-NY: de Gruyter, 2004. – 534 S.
513. Harras, G. Handbuch deutscher Kommunikationsverben. Teil 2., Lexikalische Strukturen / G. Harras. – Berlin-NY: de Gruyter. – 2007. – 445 S.
514. Harris, Z. Structural Linguistics / Z. Harris. – Chicago: The University of Chicago Press, 1961. – 225 p.
515. Heinemann, W. Vertextungsmuster Deskription (Textualisation Pattern Description) / W. Heinemann // Text- und Gesprächslingustik (Linguistics of Text and Conversation): Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. – 2000. – B. 1. – S. 356-369.
516. Heinemann, W. Textlinguistik: eine Einführung / W. Heinemann, D. Viehweger. – Tübingen: Niemeyer, 1991. – 310 S.
517. Hengeveld, K. Layers and Operators in Functional Grammar / K. Hengeveld // Journal of Linguistics. – Vol. 25. – 1989. – P. 127-157.
518. Henne, H. Einführung in die Gesprächsanalyse / H. Henne, H. Rehbock. – 4., durchges. und bibliogr. erg. Aufl. – Berlin-NY: Gruyter, 2001. – 336 S.
519. Hinderlang, G. Einführung in die Sprechakttheorie / G. Hinderlang. – Tübingen, 1994. – 119 S.
520. Hindelang, G. Aufforderungen und Handlungsabsprachen / G. Hinderlang // Sprachtheorie und Pragmatik / Hrsg. von H. Weber u. H. Weydt. – Tübingen: Niemeyer, 1976. – (Akten des 10. Linguistischen Kolloquiums; Bd.1) (Linguistische Arbeiten; 31). – S. 327-336.
521. Hoffmann, L. Thema, Themenentfaltung, Makrostruktur: Topic, Topic Development, Macro-Structure / L. Hoffmann // Text- und Gesprächslingustik: Linguistics of Text and Conversation: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. – 2000. – B. 1. – S. 344-356.

522. Hofmann, Th.R. Semantic frames and content representation / L. Hoffmann // *Quaderni di semantica*. – 1985. – Vol. VI. – No. 2. – P. 267-284.
523. Hofmann, Th.R. Frames in comprehension: Automatic or not / Th.R. Hoffmann // *Quaderni di semantica*. – 1986. – Vol. VII. – No. 1. – P. 78-106.
524. Hudson, R. Frame semantics, frame linguistics, frame...? / R. Hudson // *Quaderni di semantica*. – 1986. – Vol. VII. – No.1. – P. 85-101.
525. Hudson, R. Some basic assumptions about linguistic and non-linguistic knowledge / R. Hudson // *Quaderni di semantica*. – 1985. – Vol. VI. – No. 2. – P. 284-287.
526. Jackendoff, R. *Semantics and cognition* / R. Jackendoff. – Cambridge-Mass.: MIT Press, 1983. – 283 p.
527. Jahr, S. Zur Vagheitsproblematik und Prototypentheorie / S. Jahr // *Deutsch als Fremdsprache. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer*. – 1992. – B. 3. – S. 167-172.
528. Jahr, S. Vertextungsmuster Explikation (Textualisation Pattern Explication) // *Text- und Gesprächslinguistik: Linguistics of Text and Conversation: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung* / S. Jahr. – 2000. – B. 1. – S. 385-397.
529. Kasher, A. Cognitive Aspects of Language Use. Special issue of *Journal of Pragmatics* 12 / A. Kasher (ed.). – Nos. 5-6, republished under the same title. – Amsterdam: North-Holland, 1989. – 306 p.
530. Kasher, A. Pragmatics and the modularity of mind / A. Kasher // *Pragmatics: A Reader* / Ed. by S. Devis. – NY: Oxford University Press, 1991a. – P. 567-582.
531. Kasher, A. Pragmatics and the Chomsky's Research Programm / A. Kasher // *The Chomskyan Turn* / Ed. by A. Kasher. – Cambridge: Blackwell, 1991b. – P. 122-149.
532. Kasher, A. Pragmatics, modular / A. Kasher // *Concise Encyclopedia of Pragmatics* / Ed. by J.L. Mey. – Amsterdam: Elsevier, 1998. – P. 738-739.

533. Katz, B. From Sentence Processing to Information Access on the World Wide Web / B. Katz, K. Mahesh // Natural Language Processing for the World Wide Web. – Menlo Park, 1997. – S. 77-83.
534. Kerger, H. Wille als Sprechakt und Entscheidung: die psycho-physischen Grundlagen des Handelns bei Nietzsche / H. Kerger. – Würzburg: Königshausen und Neumann, 2004. – 401 S.
535. Kiefer, F. How to account for situational meaning? / F. Kiefer // Quaderni di semantica. – 1985. – Vol. VI. – No. 2. – P. 288-295.
536. Kneip, R. Der Kommentarschritt – eine Analysekategorie der Gesprächstheorie / R. Kneip // Papers from the Fifth Scandinavian Conference of Linguistics. Part II / Ed. by T. Petterson. – Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1979. – Acta Universitatis Lundensis sectio I Theologica Juridica humaniora 31. – S. 53-69.
537. Konerding, L. Linguistische Theorie und lexikographische Praxis. Symposiumsvorträge / L. Konerding. – Heidelberg, 1996. – Tübingen: Niemeyer, 1997. – 248 S.
538. Krämer, S. Sprache, Sprechakt, Kommunikation: sprachtheoretische Positionen des 20. Jahrhunderts / S. Krämer. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006. – 250 S.
539. Krause, B. Zur Problematik sprachlichen Handelns: Der Gruoz als Handlungselement / B. Krause // Karlsruher kulturwissenschaftliche Arbeiten. Stauferzeit / Hrsg. von R.Krohn. – Stuttgart, 1978. – S. 396-406.
540. Krifka, M. Sprechakte und Satztypen: Hauptseminar: Institut für deutsche Sprache und Linguistik, Humboldt-Universität zu Berlin / M. Krifka. – Berlin, 2004. – 36 S.
541. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things. What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago-L.: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
542. Langacker, R.W. Space Grammer, Analyzability, and the English Passive / R.W. Langacker // Language. – 1982. – N 58. – P. 22-80.

543. Langacker, R.W. Active Zones / R.W. Langacker // Berkeley Linguistic Society. – 1984. – N 10. – P. 172-188.
544. Langacker, R.W. Abstract Motion / R.W. Langacker // Berkeley Linguistic Society. – 1986. – N 12. – P. 455-471.
545. Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical Prerequisites / R.W. Langacker. – Vol. 1. – Stanford-California: Stanford Univ. Press, 1987. – 516 p.
546. Langacker, R.W. A View of Linguistic Semantics / R.W. Langacker // Topics in Cognitive Linguistics / Ed. by B. Rudzka-Ostyn. – Amsterdam-Philadelphia: J. Benjamins Pub. Com., 1988a. – P. 91-125.
547. Langacker, R.W. A Usage-Based Model / R.W. Langacker // Topics in Cognitive Linguistics / Ed. by B. Rudzka-Ostyn. – Amsterdam-Philadelphia: J. Benjamins Pub. Com., 1988b. – P. 127-161.
548. Leech, J. Principles of Pragmatics / J. Leech. – London-NY, 1983. – 481 p.
549. Levinson, S.C. Pragmatik / S.C. Levinson. – 3. Aufl. neu, übers. von Martina Wiese. – Tübingen: Niemeyer Verlag, 2000. – 476 S.
550. Liedtke, F. Grammatik der Illokution: über Sprechhandlungen und ihre Realisierungsformen im Deutschen / F. Liedtke. – Tübingen: Narr, 1998. – 136 S.
551. Linke, A. Studienbuch Linguistik / A. Linke, M. Nussbaumer, P. Portmann. – 5., erw. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 2004. – 544 S.
552. Maas, U. Pragmatik und sprachliches Handeln. Mit einer Kritik am Funkkolleg „Sprache“ / U. Maas, D. Wunderlich. – Frankfurt, 1972. – 258 S.
553. Mandler, J.M. Stories, Scripts and Scenes: Aspects of Schema Theory / J.M. Mandler. – Hillsdale-NJ-London: Lawrence, Erlbaum Ass., 1994. – 132 p.
554. Mc Cawley, J.D. What price the performative analysis? / J.D. Mc Cawley // University of Chicago Working Papers in Linguistics. – Chicago, 1985. – I. – S. 43-64.

555. Meibauer, J. Pragmatik / J. Meibauer. – Tübingen: Stauffenburg-Verl., 1999. – 208 S.
556. Meyer, P. Sprachliches Handeln ohne Sprechsituation: Studien zur theoretischen und empirischen Konstitution von illokutiven Funktionen in „situationslosen“ Texten / P. Meyer. – Tübingen: Niemeyer, 1983. – 248 S.
557. Morgan, J.L. Two types of convention in indirect speech acts. Syntax and semantics. Vol. 9. Pragmatics / J.L. Morgan. – NY: Academic Press, 1979. – P. 261-280.
558. Morris, H. Imperatives and orders / H. Morris // Theoria. – Vol. 26. – № 3. – 1960. – P. 183-209.
559. Motsch, W. Sprache als Handlungsinstrument / W. Motsch // Kontexte der Grammatiktheorie. – Berlin, 1978. – S. 11-49.
560. Motsch, W. Sprachhandlung. Satz und Text / W. Motsch, D. Viehweger // Sprache und Pragmatik. Lunder Symposium 1980. – Malmoe, 1981. – S. 125-153.
561. Motsch, W. Handlungsstrukturen von Texten (Illocutionary Structures of Texts) / W. Motsch // Text- und Gesprächslinguistik (Linguistics of Text and Conversation). Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. – 2000. – B. 1. – S. 414-422.
562. Mynsky, M. The Society of Mind / M. Minsky. – NY-L.: Simon&Schuster, 1986. – 339 p.
563. Ossner, J. Konvention und Strategie: die Interpretation von Äusserungen im Rahmen einer Sprechakttheorie / J. Ossner. – Tübingen: Niemeyer, 1985. – 208 S.
564. Ottmers, C. Rhetorik / C. Ottmers. – Stuttgart: Metzler, 1996. – 253 S.
565. Parret, H. History of linguistic thought and contemporary linguistics / H. Parret (ed.). – Berlin-NY: de Gruyter, 1976. – 816 S.
566. Recanati, F. Meaning and Force: the Pragmatics of Performative Utterances / F. Recanati. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 281 p.

567. Rosch, E. Cognitive Representations of Semantic Categories / E. Rosch // Journal of Experimental Psychology. – 1975. – General 104. – P. 192-233.
568. Rosengren, I. Expressive Sentence Typist. – A Contradiction in Terms. The Case of Exclamation / I. Rosengren // Sprache und Pragmatik. – Lund, 1994. – N 33. – S. 38-68.
569. Roulet, E. L'articulation du discours en français contemporain / E. Roulet. – Bern: Peter Lang, 1985. – 272 p.
570. Sadock, M. Toward a linguistic theory of speech acts / M. Sadock. – NY, 1974. – 306 p.
571. Sander, T. Redesequenzen. Untersuchungen zur Grammatik von Diskursen und Texten / T. Sander. – Paderborn: Mentis, 2002. – 323 S.
572. Sanford, A.J. Cognition and Cognitive Psychology / A.J. Sanford. – NY: Basic Books Inc., Pub. – 1985. – 435 p.
573. Schank, R.C. Dynamic Memory / R.C. Schank. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982a. – 234 p.
574. Schank, R.C. Reading and Understanding: Teaching from the Perspective of Artificial Intelligence / R.C. Schank. – Hillsdale-NY: Lawrence Erlbaum Ass., 1982b. – 196 p.
575. Schank, R.C. Scripts, Plans, Coals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures / R.C. Schank, R.P. Abelson. – Hillsdale-NJ: Lawrence Erlbaum Ass., 1977. – 248 p.
576. Schendels, E. Deutsche Grammatik = Практическая грамматика немецкого языка: для I-III курсов ин-тов и фак-тов иностр.яз. / E. Schendels. – 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1982. – 400 с.
577. Scherner, M. Sprache als Text. Ansätze zu einer sprachwissenschaftlich begründeten Theorie des Textverstehens. Forschungsgeschichte – Problemstellung – Beschreibung / M. Scherner. – Tübingen. – 1984. – 372 S.

578. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik: eine Einführung in die funktionale Sprachlehre / W. Schmidt. – 4., verb. Aufl. – Berlin: Volk und Wissen, VEB, 1973. – 332 S.
579. Schneider, H.J. Phantasie und Kalkül / H.J. Schneider. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. – 595 S.
580. Schwab, M. Redehandeln: e. institutionelle Sprechakttheorie / M. Schwab. – Königstein / Ts.: Hain, 1980. – 160 S.
581. Schwarz, A. Text als Handlung / A. Schwarz // Alte Texte lesen: Textlinguistische Zugänge zur älteren deutschen Literatur / Hrsg. von A. Schwarz. – Bern-Stuttgart: Haupt, 1988. – S. 125-166.
582. Searle, J.R. Speech acts: An essay in the philosophy of language / J.R. Searle. – Cambridge University Press, Cambridge, 1969. – 205 p.
583. Searle, J.R. Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay / J.R. Searle. – Frankfurt, 1971. – 280 S.
584. Searle, J.R. A taxonomy of Illocutionary Acts in Gunderson / J.R. Searle // Language, Mind and Knowledge, Minnesota Studies in the Philosophy of Science. – Vol. VII. – Minneapolis, 1975a. – P. 344-369.
585. Searle, J.R. Indirect speech acts / J.R. Searle // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech acts / Ed. by P. Cole P, J.L. Morgan. – NY-San Francisco-London: Academic Press, 1975b. – P. 59-82.
586. Searle, J.R. Expression and Meaning / J.R. Searle // Studies in the Theory of Speech Acts. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – P. 30-57.
587. Searle, J.R. Ausdruck und Bedeutung. Untersuchungen zur Sprechakttheorie / J.R. Searle. – Frankfurt, 1982. – 168 S.
588. Searle, J.R., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic / J.R. Searle. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 230 p.
589. Smith, B. Towards a History of Speech Act Theory / B. Smith // Speech Acts, Meanings and Intentions. Critical Approaches to the Philosophy of John R. Searle / Ed. by A. Burkhardt. – Berlin-NY: de Gruyter, 1990 – S. 29-61.

590. Sommerfeldt, K.-E., Schreiber H., Starke G. Grammatisch-semantische Felder: Einführung und Übungen / K.-E. Sommerfeldt, , H. Schreiber, G. Starke. – 2. Aufl. Leipzig; – Berlin-München-Wien-Zürich-NY: Langenscheidt, Verl. Enzyklopädie, 1994. – 128 S.
591. Speech Act and Sachverhalt: Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology / Hrsg. K. Mulligan. – 1. Ed. – Berlin: Springer Netherland, 1987. – 360 S.
592. Sperber, D. Relevance: Communication and cognition / D. Sperber, D. Willson. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986. – 338 p.
593. Staffeldt, S. Einführung in die Sprechakttheorie: ein Leitfaden für den akademischen Unterricht / S. Staffeldt. – Tübingen: Stauffenburg-Verl., 2008. – 180 S.
594. Stenius, E. Mood and language game / E. Stenius. – Synthese, 1967. – V. 17. – S. 254-274.
595. Taylor, J.R. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory / J.R. Taylor. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 312 p.
596. Tannen, D. Framing in discourse / D. Tannen. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – 137 p.
597. Ueding, G. Moderne Rhetorik: Von der Aufklärung bis zur Gegenwart / G. Ueding. – München: Beck, 2000. – 134 S.
598. Ulkan, M. Zur Klassifikation von Sprechakten. Eine grundlagentheoretische Fallstudie / M. Ulkan. – Tübingen, 1993. – 243 S.
599. Vanderveken, D. Meaning and Speech Acts. Vol. 1: Principles of Language Use / D. Vanderveken. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 224 p.
600. Welsh, C.K. Putnam's stereotypes and compositionality / C.K. Welsh // CLS. – 1983. – Vol. 19. – P. 396-407.
601. Wright, R.A. Meaning and conversational implicature Text / R.A. Wright // Syntax and Semantics 3: Speech acts / Ed. by P. Cole, J. Morgan. – NY: Acad. Press, 1975. – P. 363-382.

602. Wierzbicka, A. Acts of speech / A. Wierzbicka // *Semantic primitives*. – Frankfurt-am-Main, Athenäum, 1972. – P. 122-146.
603. Wieske, T. Sprechausdruck und Erbcharakter: Untersuchungen über die Ausdrucksarten der verbcharakterkundlichen Typen fester und fließender Gehalte im Sprechakt / T. Wieske // *Zeitschrift für angewandte Psychologie und Charakterkunde*. – Bd. 65. – H. 1. – Leipzig: J.A. Barth, 1943. – S. 51-168.
604. Wilks, Y. Text structures and knowledge structures / Y. Wilks // *Quaderni di semantica*. – 1985. – Vol. VI. – No. 2. – P. 335-344.
605. Witczak-Plisiecka, I. Cognitive and pragmatic aspects of speech actions / I. Witczak-Plisiecka (ed.). – Frankfurt, M.: Lang-Ed., 2014. – 271 S.
606. Wittgenstein, L. Philosophische Untersuchungen / L. Wittgenstein. – London: Basil Blackwell, 1958. – 232 p.
607. Wunderlich, D. Sprechakte / D. Wunderlich // *Pragmatik und sprachliches Handeln*. – Frankfurt, 1972. – S. 69-188.
608. Wunderlich, D. Studien zur Sprechakttheorie/ D. Wunderlich. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976a. – 416 S.
609. Wunderlich, D. Sprechakttheorie und Diskursanalyse / D. Wunderlich // *Sprachpragmatik und Sprachphilosophie* / Hrsg. K.O. Apel. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976b. – S. 463-488.
610. Wunderlich, D. On problem of speech act theory / D. Wunderlich // *Basic problems in methodology and linguistics*. – Dordrecht, 1977. – P. 243-258.
611. Wunderlich, D. Was ist das für ein Sprechakt? / D. Wunderlich // *Sprechakttheorie und Semantik* / Hrsg. von G. Grewendorf. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979. – S. 275-324.
612. Wunderlich, D. Methodological remarks on speech acts theory/ D. Wunderlich // *Speech Acts Theory and Pragmatics*. – Dordrecht, 1980. – P. 291-312.

613. Zecher, R. Die Sprache der Sprache: Untersuchung zur Klärung des Informationssprachbegriffes / R. Zecher. – Würzburg: Königshausen und Neumann, 1999. – 370 S.
614. Ziem, A. Frames und sprachliches Wissen: kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz / A. Ziem. – Berlin-NY: de Gruyter, 2008. – 485 S.
615. Zilling, W. Bewerten. Sprechakttypen der bewertenden Rede / W. Zilling. – Tübingen: Niemeyer, 1982. – 317 S.
616. Zvegincev, V.A. Remarks on situational semantics / V.A. Zvegincev // Quaderni di semantica. – 1985. – Vol. VI. – No. 2. – P. 344-352.
617. Zvegincev, V.A. Further remarks on situational semantics / V.A. Zvegincev // Quaderni di semantica. – 1986. – Vol. VII. – No. 1. – P. 115-117.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с.
2. Жмуров, В.А. Большая энциклопедия по психиатрии [Электронный ресурс] / В.А. Жмуров. – М., 2012. Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/978>.
3. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
4. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., дополненное. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац и др.: под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 408 с.
6. Кондаков, И.М. Психологический словарь [Электронный ресурс] / И.М. Кондаков. – М., 2000. Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/478/word/deistvie>.
7. Москальская, О.И. Большой немецко-русский словарь в 2 томах / О.И. Москальская. – 2-е издание. – М.: Русский язык, 1980. – Т. 1. – 760 с. Т. 2. – 656 с.
8. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
9. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>.
10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1987. – 797 с.

11. Педагогическое речеведение: словарь-справочник / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской. – М.: Флинта, Наука, 1998. – 312 с.
12. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
13. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.).
14. Даум, Э. Русско-немецкий и немецко-русский учебный словарь = Schulwörterbuch Russisch / Э. Даум, В. Шенк. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 1749 с.
15. Brockhaus Enzyklopädie: in 24 Bänden. Neunter Band. – völlig neu bearb. Aufl. – Mannheim: Brockhaus, 1989. – 720 S.
16. Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft / H. Bußmann. – 2., völlig neu bearbeitende Auflage / H. Bußmann. – Stuttgart: Kröner, 1990. – 904 S.
17. Conrad, R. Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini / R. Conrad. – 2., unveränd. Aufl. Leipzig: Bibliogr. Inst., 1988. – 281 S.
18. Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache / David Crystal. übers. und bearb. der dt. Ausg. von Stefan Röhrich. – Studienausg. – Frankfurt am Main-NY: Campus-Verl., 1995. – IX. – 478 S.
19. Der Sprach-Brockhaus: dt. Bildwörterbuch von A – Z. – 9., neu bearb. u. erw. Aufl. – Wiesbaden: Brockhaus, 1984. – 972 S.
20. Deutsches Wörterbuch / Gerhard Wahrig. Mit einem "Lexikon der Deutschen Sprachlehre" / [von Walter Ludewig. Erw. von Gerhard Wahrig. Neu bearb. von Petra Kürten]. – 6., neu bearb. Aufl., auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreibregeln / Neu hrsg. von Renate Wahrig-Burfeind. – Gütersloh: Bertelsmann-Lexikon-Verl., 1997. – 1420 S.
21. Dornseiff, F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / F. Dornseiff. – 7., unveränd. Aufl. – Berlin; New York: de Gruyter, 1970. – 924 S.

22. Duden, Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von Günter Drosdowski. – 2., völlig neu bearb. u. star. erw. Aufl. – Mannheim-Wien-Zürich: Dudenverlag, 1989. – 1817 S.
23. Duden, Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. von der Dudenred. – 6., überarb. und erw. Aufl. – Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverl., 2007. – 2016 S.
24. Duden, Das Synonymwörterbuch / Hrsg. von der Dudenredaktion. [Red. Bearb. Christine Beil ...]. – [Rheda-Wiedenbrück; Gütersloh]: RM-Buch- und Medien-Vertrieb [u.a.], 2007. – 826 S.
25. Duden, Sinn- und sachverwandte Wörter / Hrsg. u. bearb. von Wolfgang Müller. – Mannheim-Wien-Zürich: Bibliographisches Institut, 1986. – 802 S.
26. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Erarb. unter d. Leitung von W. Pfeifer. – 7. Auflage. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 2004. – 1666 S.
27. Kleine Enzyklopädie – deutsche Sprache / Wolfgang Fleischer ... (Hrsg.). – Frankfurt am Main-Berlin-Bern-Bruxelles-NY-Oxford-Wien: Lang, 2001. – 845 S.
28. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. Bearb. von Elmar Seebold. – 24., durchges. und erw. Aufl. – Berlin-NY: de Gruyter, 2002. – 1023 S.
29. Küpper, H. Pons Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – Stuttgart-Dresden: Klett-Verl. für Wissen und Bildung, 1993. – 959 S.
30. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Hrsg. Dieter Götz ... in Zusammenarbeit mit der Langenscheidt-Redaktion. – Berlin-München-Wien-Zürich-NY: Langenscheidt, 1997. – 1182 S.
31. Lewandowski, T.T. Linguistisches Wörterbuch / T.T. Lewandowski. – 5. Aufl. in 3 Bänden. – Heidelberg: Wiesbaden, 1990. – 415 – S.

32. Lexikon der germanistischen Linguistik / Hrsg. von H.P. Althaus ... – 2., vollst. neu bearb. und erw. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – 870 S.
33. Meyers Großes Taschenlexikon: in 24 Bänden / Hrsg. u. bearb. von Meyers Lexikonred. – Bd. 21. – Mannheim-Wien-Zürich: BI – Taschenbuch-Verl., 1990. – 360 S.
34. Metzler-Lexikon Sprache / Hrsg. von Helmut Glück. unter Mitarb. von Friederike Schmoe. – 3., Neubearb. Aufl. – Stuttgart-Weimar: Metzler, 2005. – 782 S.
35. Müller, W. Das Gegenwart-Wörterbuch: ein Kontrastwörterbuch mit Gebrauchshinweisen / W. Müller. – unveränd. Nachdr. der Ausg. von 1998. – Berlin-NY: de Gruyter, 2000. – 580 S.
36. Paul, H. Deutsches Wörterbuch / H. Paul. – 9., vollst. neu bearb. Aufl. / Hrsg. von Helmut Henne und Georg Objartel unter Mitarb. von Heidrun Kämper-Jensen. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – 1130 S.
37. Sachwörterbuch zur Sprachwissenschaft / Hrsg. von Dietrich Homberger. – Stuttgart: Reclam, 2000. – 666 S.
38. Schemann, H. Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten / H. Schemann: unter Mitarb. von Renate Birkenhauer. – Stuttgart-Dresden: Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1991. – 428 S.
39. Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Hrsg. von Günter Kempcke. unter Mitarb. von Barbara Seelig ... – Berlin-NY: de Gruyter, 2000. – 1329 S.
40. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch / Hrsg. von E. Agricola. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1988. – 818 S.
41. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. von R. Klappenbach und W. Steiniz. – 6., durchges. Aufl. – Berlin, 1970. – 880 S.
42. Verben in Feldern. Valenzwörterbuch zur Syntax und Semantik deutscher Verben / Hrsg. von H. Schuhmacher. – Berlin-NY: Walter de Gruyter, 1986. – 882 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Aachener Zeitung: Интернет-версия печатного издания. Режим доступа: <http://www.aachener-zeitung.de/>.
2. Adams, W. Ich war nie, wie ich hätte sein sollen: Roman / W. Adams. – Basel: Schabe AG, Verlag Johannes Petri, 2014. – 224 S.
3. Balàka, B. Eisflüstern. Eisflüstern / B. Balàka. – Graz: Literaturverlag Droschl, 2006. – 387 S.
4. Beile, W. Sprechintentionen in Auswahl / W. Beile, A. Beile. – Modelle 4. Übungsbuch. – Berlin: Internationes, 1985 – 63 S.
5. Born, J. Reden und Ansprachen von A-Z / J. Born. – Planegg-München, 1992. – 116 S.
6. Brown, D. Inferno / D. Brown. – Rheda-Wiedenbrück: RM-Buch-und-Medien-Vertrieb, 2013. – 684 S.
7. Chapman, J. Der Club der Traumfrauen: Roman / J. Chapman. – München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2009. – 368 S.
8. Christie, A. Selected Defective Prose / A. Christie. – Moscow: Raduga Publishers, 1989. – 247 P.
9. Ellmer, E. Die Bettelfrau von Buhinga: Arztroman mit politischen Hintergedanken / E. Ellmer. – Föritz: Amicus – Verlag, 2003. – 350 S.
10. Emme, P. Ballsaison: Palinskis siebter Fall / P. Emme. – Meßkirch: Gmeiner, 2008a. – 329 S.
11. Emme, P. Florentinerpakt: Palinkis achter Fall / P. Emme. – Meßkirch: Gmeiner, 2008b. – 277 S.
12. Fielding, H. Bridget Jones: Am Rande des Wahnsinns / H. Fielding. – München: Goldmann Verlag, 2002. – 448 S.
13. Fink, T. Drachensturm: Roman / T. Fink. – Orig.-Ausg., 1. Aufl. – München: Blanvalet, 2011. – 781 S.
14. Fuhrmann, O. Großes Buch der Glückwünsche / O. Fuhrmann. – Niederhausen: Falken – Verlag, 1999. – 240 S.

15. Gelich, J. Chlor: Roman / J. Gelich. – Graz: Literaturverl. Groschl, 2006. – 211 S.
16. Gier, K. Lügen, die vom Herzen kommen / K. Gier. – Köln: Lübbe Digital, 2010. – 289 S.
17. Gilbert, M. Kammerflimmern. Lenz' zweiter Fall / M. Gilbert. – Meßkirch: Gmeiner, 2008. – 326 S.
18. Greil, B. Lilly und die Suche nach dem Lichtkönig / B. Greil. – Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2010. – 153 S.
19. Grossmann, K.-H. Rattengift und Bimbis / K.-H. Grossmann. – Föritz: Amicus Verlag, 2006. – 216 S.
20. Imbsweiler, M. Schlussakt: Max Kollers zweiter Fall / M. Imbsweiler. – Meßkirch: Gmeiner, 2008. – 467 S.
21. Yalom, I.D. Das Spinoza-Problem: Roman / I.D. Yalom, L. Prugger (Übers.). – München: btb, 2012. – 475 S.
22. Hagn, C. Macht's gut, Ihr Trottel!: ich zieh dann mal ins Paradies / C. Hagn. – 1. Aufl. – Hamburg: Eden Books, 2013. – 318 S.
23. Heyking von, E. Ille mihi / E. von Heyking. – 1. Aufl. – Paderborn: Books on Demand, 2011. – 260 S.
24. Huellen van, M. Cilly: Stalkinggeschichte / M. van Huellen, M. Hinerhältig, Albert et Mme. – Berlin: Druck und Verlag: epubli GmbH, 2011. – 324 S.
25. Kinsella, S. Die Schnäppchenjägerin / S. Kinsella. – München: Goldmann Verlag, 2002. – 416 S.
26. Kinsella, S. Shopaholic. Die Schnäppchenjägerin / S. Kinsella, M. Heimburger. – München: Goldmann, 2009. – 409 S.
27. Krahl, A. Und was gibt's noch? Roman / A. Krahl. – 1. Aufl. – Föritz: Amicus, 2004. – 267 S.
28. Krause, W. Geschäftskontakte / W. Krause, A.C. Bayard. – Berlin-München-Wien-Zürich-NY: Langenscheidt, 2000. – 128 S.
29. Lehmann, V: Linguistik des Russischen [Elektronische Ressource] / V. Lehmann. URL: http://web.mac.com/vl_hh/Website/Linguistik_des_Russischen.html.

30. Lehmkuhl, K. Raffgier: Kriminalroman / K. Lehmkuhl. – 1. Aufl. – Meßkirch: Gmeiner, 2008. – 277 S.
31. Lennartz, A. Titel, Anschriften, Anreden und Grußformen im Geschäftsleben und für offizielle Anlässe / A. Lennartz. – 2., durchgesehene Auflage. – Landsberg-Lech: Verl. Moderne Indusirie, 1990. – 100 S.
32. Lennarzt, A. Schreiben zu offiziellen Anlässen / A. Lennartz. – Landsberg-Lech: Verl. Moderne Indusirie, 1988. – 116 S.
33. Ludlum, R. Die Borowski-Herrschaft / R. Ludlum. – 13. Aufl. – München: Heyne, 1996. – 761 S.
34. Manekeller, W. Gutes Deutsch: schreiben und sprechen / W. Manekeller, G. Reinert-Schneider. – Niedernhausen-Ts.: Falken, 1989. – 416 S.
35. Neumayer, G. Musterbriefe von A – Z / G. Neumayer, U. Rudolph. – Planegg-München: WRS, Verlag Wirtschaft, Recht und Steuer, 1993. – 142 S.
36. Noll, I. Kalt ist der Abendhauch: Roman / I. Noll. – Zürich: Diogenes, 1996. – 246 S.
37. Pawlowski, M. Meo: Das Ende vom Anfang: eine prophetische Novelle / M. Pawlowski. –Füritz: Amicus Verlag, 2005. – 110 S.
38. Pundt, H. Deichbruch/ H. Pundt. – Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2008. – 326 S.
39. Rainy, T. Das Herz von Albenhain / T. Rainy. – Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2013. – 300 S.
40. Schmöe, F. Spinnefeind. Katinka Palfys achter Fall / F. Schmöe. – Meßkirch: Gmeiner, 2008. – 371 S.
41. Schünemann, M. Uriel: Ausgesetzt / M. Schünemann. – Neckenmarkt: Novum publishing gmbh, 2011. – 479 S.
42. Stahl, S. Das lautlose Abtauchen des Florian Grünenberger / S. Stahl. – Frankfurt: Amicus-Verlag, 2006. – 180 S.
43. Süskind, P. Die Taube / P. Süskind. – Zürich: Diogenes, 1987. – 99 S.

44. Szrama, B. Die Giftmischerin / B. Szrama. – Meßkirch: Gmeiner, 2009. – 324 S.
45. Tarnecke, A. Spritzenmäßig: Kurioses, Krasses und Komisches aus der Notaufnahme / A. Tarnecke. – Köln: Bastei Lübbe Taschenbuch, 2013. – 240 S.
46. Taylor, A. Denn niemand wird dir glauben / A. Taylor. – Stuttgart: Neckarufer-Verl., 2013. – 331 S.
47. Trumpf, J. Eins: Ein Stuttgart-Thriller / J. Trumpf. – Stuttgart: Neckarufer-Verl., 2013. – 331 S.
48. Walser, R. Der Räuber: Roman / R. Walser. – Frankfurt am M.: Suhrkamp, 1986. – 223 S.
49. Vermes, T. Er ist wieder da: der Roman / T. Vermes. – Köln: Eichborn Verlag, 2012. – 396 S.
50. Vertacnik, H.-P. Ultimo: Ein Fall für Peter Zoff / H.-P. Vertacnik. – München: dotbooks Verlag. 2013. – 373 S.
51. Walden, C. Der Medicus von Konstantinopel: Roman / C. Walden. – 1. Aufl. – München: Goldmann, 2012. – 443 S.
52. Walser, R. Die Rose / R. Walser. – Zürich-Frankfurt am Main: Suhrkamp taschenbuch, 1986. – 128 S.
53. Walser, R. Der Spaziergang: Prosastücke und kleine Prosa // R. Walser. – 7 Aufl. – Zürich-Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002. – 284 S.
54. Weisberger, L. Der Teufel trägt Prada / L. Weisberger. – München: Goldmann, 2004. – 475 S.
55. Wernike, U. Das neue Sprachwissen / U. Wernike. – Hamburg: Verlag Zandwerk und Technik, 1995. – 300 S.
56. Westerhoff, R. Raue See / R. Westerhoff. – Köln: Emons, 2013. – 239 S.
57. Wolff, I. Der moderne Brief: Mut zum persönlichen Stil / I. Wolff. – Berlin: Urania – Ravensburger, 1998. – 256 S.

58. Wühle, M. London. Kein Fall für Wachsfiguren: oder: Wie zwei Berliner zwischen Multikultur und Manchesterkapitalismus bestanden / M. Wühle, S.-P. Faber. –Föritz: Amicus-Verlag, 2005. – 460 S.
59. Интернет-ресурс 1-1:
<http://www.festgestaltung.de/hochzeit/gratulation1.shtml#allgemein>.
60. Интернет-ресурс 1-2: Kurzgeschichte: Brief an Zuhälter /
home.arcor.de/blogger-kiel/briefaneinanderzuaelter.html.
61. Интернет-ресурс 1-3:
www.duesseldorf.de/fluechtlingsbeauftragte/kontakt_unterstuetzung/
62. Интернет-ресурс 1-4: <https://ostseite.wordpress.com/2011/04/04/gebote-gelobnisse-und-eide-in-der-ddr>.
63. Интернет-ресурс 1-5:
<http://www.hamsterkiste.de/D050/23/Rumpelstilzchen.htm>.
64. Интернет-ресурс 1-6:
http://www.jurarat.de/sites/default/files/muster_vorlage_generalvollmacht_fuer_hausverkauf.pdf.
62. Интернет-ресурс 1-7:
http://rabenuetter.blogspot.ru/2011_12_01_archive.html
63. Интернет-ресурс 1-8:
<https://www.tagesschau.de/inland/kuenstliches-koma100.html>
64. Интернет-ресурс 1-9:
<http://www.berliner-kurier.de/newsarchive/archiv/2013-06-26>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИА – иллокутивный акт

ИСРА – иллокутивная составляющая речевого акта

РА – речевой акт

ТРА – теория речевого акта

Схема. Структурные компоненты иллокутивной силы (по Дж. Серлю).

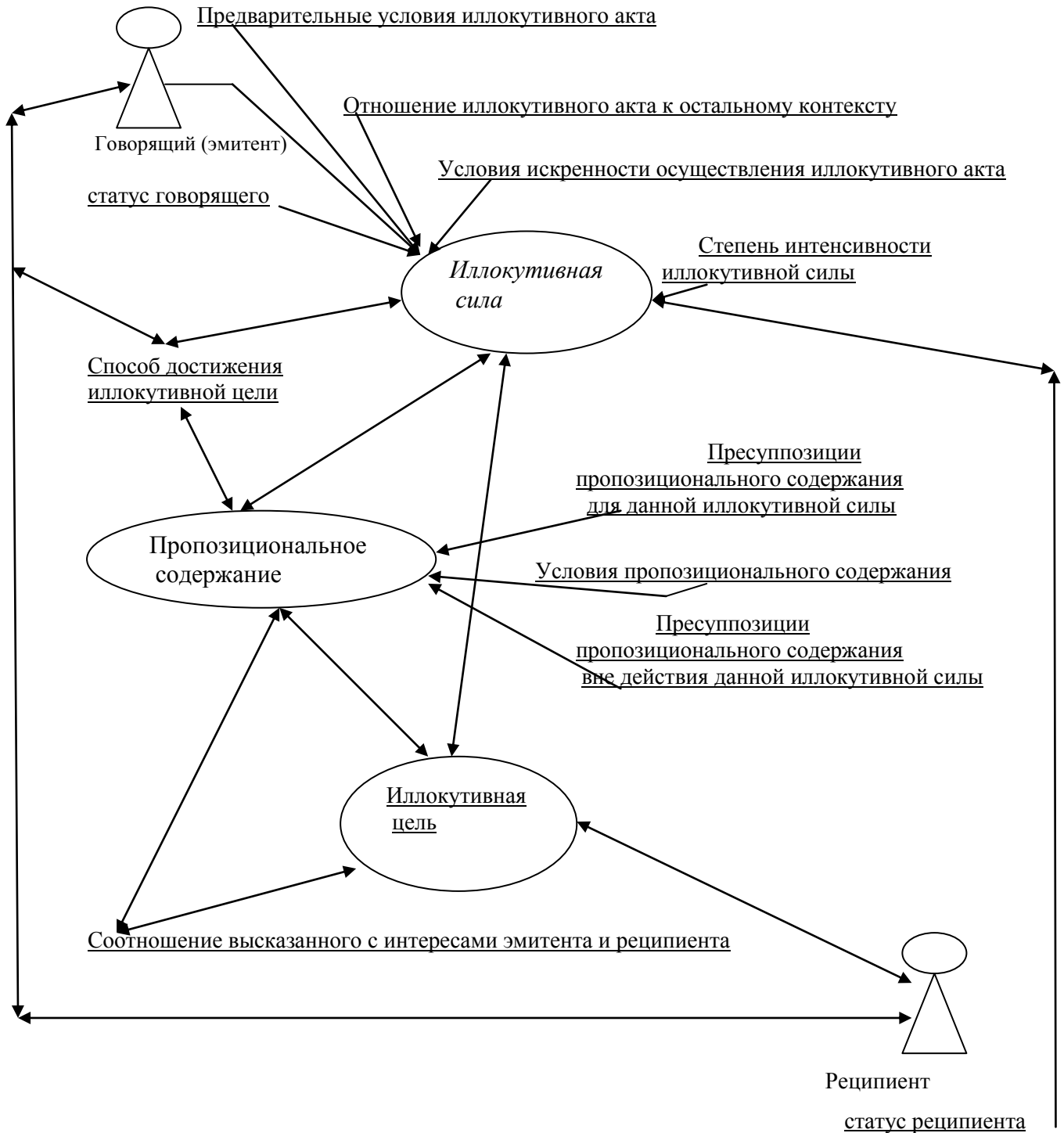
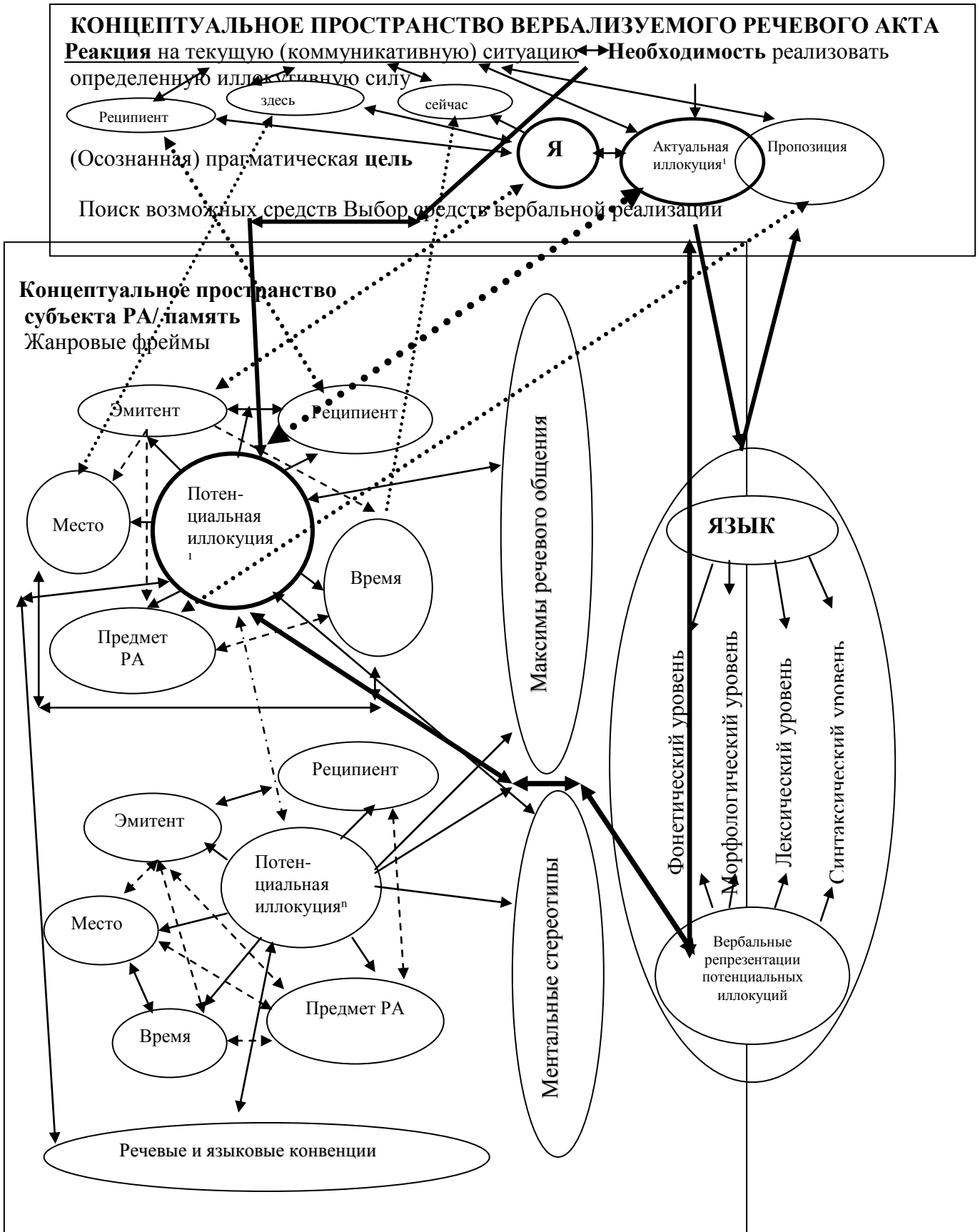

Схема. Концептуальное пространство вербализуемого речевого акта

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ
ГЛАГОЛОВ-НОМИНАТОРОВ ВИДОВ И ТИПОВ РЕЧЕВЫХ АКТОВ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

1. Вид речевой деятельности – репрезентация (Repräsentieren)

+aussprechen¹

*hervorbringen
+aufsagen
*leiern
*herunterleitern
Durchsagen
Rundfunken
Radebrechen
+kauderwelschen

***(sich) äußern**

sich ausdrücken
+(sich) aussprechen
+ausreden
+heraussagen
*+herausstellen
+bezeichnen
*auftrumpfen
*aufstehen
*begutachten
+behandeln
*+detaillieren

+behaupten

*bestärken
*bekräftigen
+bestätigen
*bestehen
*beharren
*insistieren

+beweisen

+darlegen
*erweisen

reden

+sagen
+anreden
+aussprechen
+aussagen
quasseln
quatschen
*herantreten
*+sich richten
*anbahnen
*ausgreifen
+orakeln
*losplatzen
irrereden
+herleiern
lallen
*grunzen
plaudern
plappern
plauschen
durchplaudern
*labern
sabbern
parlieren

+ergänzen

*hinzufügen
*hinzusetzen

erzählen

+hersagen
+(sich) offenbaren

erwähnen

*betreffen
*berühren
belangen

unterstreichen

*+herausstellen
hervorheben
*markieren
+betonen

+merken

*anmerken
*ansehen
*aufzeigen

fortsetzen

*fortführen
fortreden

***feststellen**

*festsetzen
*feststehen
*festlegen

meinen

+glauben
*finden
*dafürhalten
*+anzeigen
*+annehmen
*befinden

¹ Номинаторы речевых актов, отмеченные:

- знаком * - включают в себе потенции номинации локутивных и иллюкутивных / перлокутивных актов;
- знаком + - иллюкутивных и перлокутивных актов.

+melden

*+anmelden
 *+abstatten
 +referieren
 +reportieren
 +abmelden
 +ankündigen
 *+kommunizieren

***abkommen**

*abweichen
 *ausschweifen
 Abschweifen
 Verlassen

Enden

Beenden
 Beendigen
 Schließen

Nachsprechen

+nachreden

Einsprechen

+besprechen
 besingen

singen

anheben
 anstimmen
 *flöten
 jodeln
 fisteln
 +herleiern
 aussingen

***aufschieben**

*verlegen
 *hinausschieben
 +*aussetzen
 *hinhalten

+bezeichnen

*designieren
 bestimmen

***beschreiben**

schildern

***+aufstellen**

*herausstellen
 +nominieren

zweifeln

anzweifeln
 bezweifeln

komentieren

+erläutern
 *+glossieren

gedenken

*(sich) besinnen
 +sich erinnern

vorsagen**verraten**

ausplaudern
 *ausbreiten
 *ausbringen
 *ausblasen
 auspauken
 *aussprengen
 *austrommeln
 *austrompeten
 *ausstreuen
 ausposaunen

flüstern

zuflüstern
 fispeln
 *hauchen
 *raunen

+zeugen

+besagen
 bezeugen
 *+bestärken
 bekunden
 +besiegeln
 bescheinigen
 *+legitimieren

+bestimmen

definieren
 determinieren
 festlegen

üben

einüben
 pauken
 einpauken

+vorhersagen

+anzeigen
 +orakeln
 +prophezeien

hexen

+beschwören
 +zaubern
 +bezaubern
 *+besprechen
 +bannen

***gleichstellen**

*gleichsetzen
 *gleichmachen

***sich irren**

*irregehen
 *sich täuschen
 *sich verrechnen

charakterisieren

+bezeichnen
 *kennzeichnen

+nennen

benennen
betiteln
denominieren
+heißen
+nominieren
+beinennen
*beilegen
benam(s)en

***fußen**

+gründen
*sich stützen
*berühren
*bauen

zählen

herzählen
+nennen
*+detaillieren
+benennen

quatschen

*+quackeln
faseln
*salbadern
*käsen
*fabeln
+kauderwelschen

klügeln

klug reden

+deuten

+ausdeuten
*auslegen
+interpretieren
+kommentieren
deuteln
philosophieren

mitteilen**argumentieren**

+*beibringen
+bezeugen
*erbringen
+*gründen

bewerten

*einschätzen
+schätzen
Schätzen lernen
+beurteilen
*auswerten

lügen

*erlügen
+anlügen
belügen
*aufbinden
*+aufschneiden
*+aufbauschen
+dichten
+hinzudichten
*schönfärben
*fabulieren

differenzieren

*gegenüberstellen
*entgegenstellen
*entgegenhalten
ausgleichen
*ergleichen

analysieren

***eingreifen**
hineinreden
sich hineinmischen
sich hineinmengen
sich einmischen
+dazwischenreden
dareinreden
*dazwischenfunken
*+einwerfen

urteilen**schlussfolgern**

*folgern
*entnehmen
*schließen
resümieren
generalisieren

zitieren

*+anführen
*+angeben
*anziehen
*aufführen
+hinweisen

+rufen

+schreien
ausschreien
aufkreischen
+ausrufen
+beschreien
*hervorstößen
*nachscreien
*jaulen
+kreischen
johlen
nachrufen

vorlesen

lesen
ableiern
+dozieren
rezitieren
lautieren

hinzuzählen

(hin)zurechnen
zuzählen

annotieren**einschätzen**

*berichten
 +*bemerken
 *erläutern
 *erzählen
 *äußern

+befinden
 +denken
 +*einschätzen

+halten für
 +ansehen als
 +auffassen als
 +erachten für
 +*zählen zu
 +betrachten als

1.2. Вид речевой деятельности – выражение чувств (Äußern der Gefühle)

prahlen

*anmaßen
 +sich affen
 *sich aufplustern
 *+aufschneiden
 (sich) brüsten
 *(sich) dicktun
 *sich großmachen
 protzen

+bedauern

+bereuen
 +leiden

scherzen

+schäkern
 +albern
 +kaspern
 +narren
 +neckern
 +tollen
 +tändeln

+schimpfen

+schelten
 +fluchen
 ausschimpfen

(sich) freuen

(sich) erfreuen
 *(sich) ergötzen
 *erheitern

+klagen

+(sich) beklagen
 *sich beschweren
 *+jammern
 einklagen
 lamentieren

+sich demütigen

sich erniedrigen
 *krümmen
 *katzbuckeln
 *herumschwänzeln

verflachen

banalisieren
 *profanieren

brummen

anbrüllen
 anbrummen
 anmurren
 +nörgeln
 +quengeln
 *schikanieren
 *schlittenfahren
 *knurren

Jubeln

*jubilieren
 jauchzen
 frohlocken

ironisieren

*+glossieren

beweinen

+beklagen
 bejammern
 *jammern
 +klagen
 nachjammern
 nachweinen
 betrauern

(sich) grämen

+sich härmern

bereuen

bedauern
 beklagen
 beweinen
 büßen
 reuen
 sich bekehren
 sich schämen
 verfluchen

(sich) empören

+ärgern
 (sich) entrüsten

wüten

*+aufbrausen
 (sich) ergrimmen
 *kollern

***(sich) ärgern**

zürnen
 +fluchsen
 *grollen

1.3. Вид речевой деятельности – обязательство (Versprechen).

versprechen

*garantieren
 bürgen
 *einstehen
 *gewährleisten
 *haften
 zusichern
 versichern
 verheißen
 schwören
 beschwören

1.4. Вид речевой деятельности – декларация (Deklarieren)

***erklären**

+deklarieren
 *+bezeichnen
 *angeben
 *abkündigen
 *annoncieren
 +ansagen
 *+ausgeben
 *ausrufen

+beschwören

einreden
 überzeugen
 versichern
 beeiden

benedeien

+einsegnen

schwören

beschwören
 bezeugen
 garantieren
 geloben
 versichern
 verheißen
 zusichern

+ernennen

+inaugurieren

+betiteln*+künden*****bekehren****+*einweihen**

+*erklären
 +*inaugurieren

+geloben

beteuern
 schwören

+inaugurieren

+erklären

+deklamieren

+deklarieren

+einsegnen

+einweihen
 +ernennen

2.1. Вид речевой деятельности – воздействие на мысли реципиента (Beeinflussen der Gedanken)

beweisen

*+nachweisen
 *erweisen

+anweisen

+andeuten
 *anleiten

+besprechen

+besingen
 +einsprechen

+darlegen
*bezeichnen

+hinweisen

*aufweisen
*+angeben
+bezeichnen
+hindeuten
+hinweisen
*+nachweisen
+einweisen

erläutern

deuten

+mahnen

+anmahnen
aufkündigen
präventieren

+mahnen

+gemahnen
+erinnern
*ermahnen

nötigen

+abnötigen
+bemüßigen
*pressen
+hereinholen

+einreden

insinuieren
*+beibringen
+einsprechen
*+inspirieren
einschärfen
eintrichtern

+anmahnen

+aufreden
*bedingen
beschwatzen
+breitschlagen

+ermahnen
*+angeben
*institutieren
Belehren

lehren

einschulen
+dozieren
+hofmeistern
*+einpauken

***konsultieren**

+konferieren
+besprechen

+andeuten

+hindeuten
*anspielen
+hinweisen

abraten

+abreden
*+abhalten
*+zurückhalten
*+abbringen

erpressen

*abpressen
*abringen
+abnötigen
*auspressen
ergaunern

verabreden

+abreden
+absprechen
+besprechen
abkartieren
*abstimmen
konzedieren

***aufzwingen**

aufnötigen
*aufhalsen
*aufdringen

+behandeln
+beraten
+bereden
+beurteilen

instruieren

+*unterrichten
*informieren

parlamentieren

***abhalten**

*+zurückhalten
*+abbringen
*abraten
*abreden
*ausreden

diskutieren

disputieren
*dissertieren
debattieren

+anrechnen

berechnen

predigen

*+verbreiten
*+verfechten

examinieren

*prüfen

***andrängen**

*andringen

***ablocken**

abschwätzen
*abknöpfen
*abknüpfen
*ablisten
+abmeiern
*abschmeicheln
*auslocken
*abschwindeln

herumbekommen
aufschwätzen

rezensieren

besprechen
beurteilen
kritisieren
urteilen

promovieren

habilitieren

*aufzwingen

beurteilen

+bewerten
+begutachten
+diagnostizieren
+einordnen
+empfinden
+erachten
+feststellen

überzeugen

überreden
+einsprechen
hineinsprechen

***abdingen**

abfeilschen
+abhandeln

2.2. Вид речевой деятельности – воздействие на чувства реципиента
(Beeinflussen der Gefühle)

+beschimpfen

abkanzeln
heruntermachen
herunterputzen
+schelten
*anfahen
beschelten
*angeifern
anherrschen
*anlassen
*andonnern
*anpfeifen
*anschnauzen
+anschreien
anwüten
ausgeifern
*ausschmieren
auszanken
*schmähen
*schnauzen
schimpfen
beschmähen
schlechtmachen

narren

nasführen
anulken

+kränken

*beleidigen
+infamieren
*insultieren
*treffen

+richten

urteilen
beschuldigen
+anklagen
anschuldigen
*belasten
*bezeihen
bezichtigen
inkriminieren

jagen

freisprechen

*+beschönigen
+ausreden

***vertrauen**

*anvertrauen

beschämen

hänseln

+bespötteln
*aufziehen
ätschen
*toppen
necken
*reizen

spotten

+auslachen
*erspotten
höhnern
aushöhnern
ausspotten
*anpflaumen
bespotten
+bewitzeln
*hochnehmen
+spötteln

spötteln

belachen
verhöhnern
hohnsprechen

tadeln

*ansauseln

vorwerfen

*aufmutzen

kritisieren

kritteln

bekritteln

kujonieren

*+aussetzen

*+sich aufhalten

+beklügeln

parodieren

persiflieren

***aufhetzen**

+aufstacheln

***+aufheitern**

belustigen

erlustigen

***kennenlernen**

(sich) bekanntmachen

***abmühen**

*abmüden

*abmatten

+anöden

betrüben

bekümmern

belasten

beunruhigen

ärgern

***entbieten**

*übermitteln

*senden

*darbitten

loben

+belob(ig)en

*herausstreichen

demütigen

*erniedrigen

*entwürdigen

*herabziehen

denunzieren

anpetzen

*+angeben

*+antragen

+anzeigen

*+ausschmieren

hinterbringen

*petzen

*querulieren

+beruhigen

bezähmen

beschwichtigen

*bändigen

+kalmieren

*+befrieden

*begünstigen

*besänftigen

einlullen

+einsingen

lullen

befriedigen

schmeicheln

+schönreden

schöntun

(sich) einschmeicheln

*kajolieren

*kitzeln

lobhudeln

abschmeicheln

bauchkitzeln

***ermuntern**

*anfeuern

*anfrischen

+*aufmuntern

+ermuntern

*auffrischen

drohen

androhen

dräuen

gefährden

***ängstigen**

*abschrecken

einschüchtern

intimidieren

***+erpressen**

*herausbringen

aussöhnen

*+befrieden

***entflammen**

*beseelen

*+inspirieren

+betrügen

*+anführen

*anschwindeln

beschummeln

betören

+breitschlagen

düpieren

+fuchsen

*hineinlegen

*hintergehen

neppen

+hochnehmen

*lackieren

*prellen

*reinlegen

ansohlen

belemmen

bemogeln

bluffen

ehren

ausloben
 +anpreisen
 +anrühmen
 lobpreisen
 *preisen
 +nachrühmen
 rühmen

+heucheln
 *+duckmäusern

danken
 danksagen
 *+abstatten

entschuldigen
 verzeihen
 *+beschön(ig)en
 +begnadigen
 vergeben

***irreleiten**
 *beirren
 *irremachen
 *irreführen
 *irritieren

+liebeln
 *buhlen
 liebäugeln
 +schäkern

*anpeitschen
 *anmuntern
 +*zuraten
 +*raten
 +*bekräftigen
 +begeistern
 aufrütteln
 *auffordern
 +*aktivieren
 *anraten
 *anregen
 *anreizen
 *anspornen
 *anstacheln
 *anstiften
 *beflügeln

+zusammenreden
 +bereden
 +nachreden
 +nachsagen

+rühmen
 +besingen
 +benedeien
 *hochpreisen
 Lobsingen

***bewundern**
 wundern
 +komplementieren

fettieren
 *+feiern
 würdigen

gratulieren
 beglückwünschen

begrüßen
 grüßen
 bewillkommen
 +ansingen
 +komplementieren

kompromittieren
 *bloßstellen
 +blamieren

verdammern
 *verfluchen
 *verwünschen
 +fluchen

schmähen
 *+lastern
 +verleumden
 *bemängeln
 *bemäkeln
 +beschreien

bemitleiden
 kondolieren

2.3. Вид речевой деятельности – воздействие на поступки реципиента (Beeinflussen der Taten)

+auffordern
 *animieren
 *anregen
 +anreizen
 *+anspornen
 +bestimmen
 *bewegen

befehlen
 *anordnen
 gebieten
 +einschärfen
 *heranziehen
 *austeilen
 herrschen

+einladen
 +laden
 *+bestellen
 +auffordern
 invitieren
 +engagieren
 +nötigen

hervorrufen

+herbestellen
 *herbeiholen
 heraussufen
 +herausbitten
 hinbestellen
 +(ein)laden
 herbeifunken
 +fordern
 +anrufen
 +anschreien

***anstacheln**

*anstechen
 *anstiften
 aufhetzen
 aufriegeln
 *aufwühlen
 +bereden
 *+inspirieren
 +revoltieren

fragen

anfragen
 ausfragen
 *herausholen
 *aushorchen
 erfragen
 *forschen
 +fordern
 antoppen
 interpellieren
 *(sich) erkundigen
 *+nachlesen
 rückfragen

+vorschreiben

+anordnen
 +verordnen
 +entbieten
 fortbeordnen

*regieren

herbeirufen

+herrufen
 +ermahnen
 +auffordern
 +mahnen

beauftragen

*auftragen
 *+aufgeben
 beordnen
 betrauen

***freien**

*+anhalten
 *kuppeln

beeilen

*pressieren

***+beilegen**

*bereinigen
 *erledigen

befragen

abfragen
 abhören
 durchfragen
 *inquirieren

abbetteln

anbetteln
 abflehen
 +beschwören

+abschneiden**+einstellen**

*anwerben
 *anheuern
 +engagieren
 *aufnehmen

agitieren

*+aufklären
 *bearbeiten
 insurgieren

werben

+anpreisen
 +anrühmen

mobilisieren

*+auffordern

+bestellen*abberufen**

+abfordern
 +reklamieren

abjagen*+befürworten**

*+eintreten
 +behaupten

+fordern

+abfordern
 abverlangen
 anfordern
 bedürfen
 +erfordern
 erheischen
 *heischen
 +schreien
 ausbitten
 einfordern
 begehren
 nachverlangen

***+einrechnen**

*einreihen
 +einstellen
 immatrikulieren

***abschaffen**

+absagen
 *aufheben
 widerrufen
 +kündigen
 *+entkräften
 +abbestellen

***festsetzen**

+bestimmen
 *aussetzen
 *ausschreiben
 +beamten
 +denominieren
 *einsetzen
 +interdizieren

***entziehen**

*abnehmen
 *entsprechen
 *enterben
 *disqualifizieren

***ausschließen**

*ausschalten
 relegieren
 exmatrikulieren

beurlauben**+begnadigen**

*amnestieren

appellieren

+anflehen
 +*aufrufen
 +erflehen
 +flehen
 *bitten

verbieten

+untersagen
 +aussprechen
 inhibieren
 +interdizieren

benachrichtigen

+künden
 *+anzeigen
 avisieren
 +entbieten

+berechtigen

ermächtigen
 +befugen
 bevollmächtigen

+lossprechen

*entbinden
 *lostürmen
 *losstürzen

beschließen

+verordnen
 +bestimmen
 *erlassen

***+einstellen**

*+aufnehmen

***+befördern**

+hochbringen

erlauben

gestatten
 *+bewilligen
 genehmigen
 *zulassen
 *dispensieren
 +gutheißen
 sanktionieren
 *+legitimieren

+kündigen

*ablassen
 +aussperren
 *ausstoßen
 *austreiben
 *entlohnen
 *abmustern
 *ausbooten
 ausmustern

rügen

+tadeln
 +hochnehmen
 +verweisen

+kommandieren

*aussiedeln
 *übersiedeln
 exmittieren
 ausweisen

2.4. Вид речевой деятельности – ответная реакция на воздействие реципиента (Gegenreaktion)

+ablehnen

*absagen
 +abdizieren
 *abkommen
 *+ablassen
 *abläuten
 *abschlagen
 *+aufgeben
 +aufsagen
 (sich) entäußern
 *fallenlassen
 *fortweisen
 +lossagen
 *niederlegen
 resignieren
 +abschwören
 +absprechen
 +abtreten

sich widersetzen

*aufsetzen
 *aufmucken
 dawiderreden
 *sich anstemmen
 *+sich aufbäumen

+absprechen

aberkennen
 +ableugnen
 bestreiten
 dementieren
 *entkräften
 leugnen
 +abschwören
 *abweichen
 *+anfechten

+erlauben

+genehmigen
 +belob(ig)en
 *gestatten
 +gutheißen

gehorschen

*gut tun

revanchieren**+reagieren**

*erwidern

protestieren

*sich auflehnen
 *aufbegehren
 rekkurieren

zustimmen

*+annehmen
 beipflichten
 +bestimmen
 *+beitreten
 billigen
 dareinwilligen
 +einstimmen
 +einwilligen
 *herbeilassen
 *konzedieren
 *assentieren
 +eingestehen
 *einsehen

beantworten

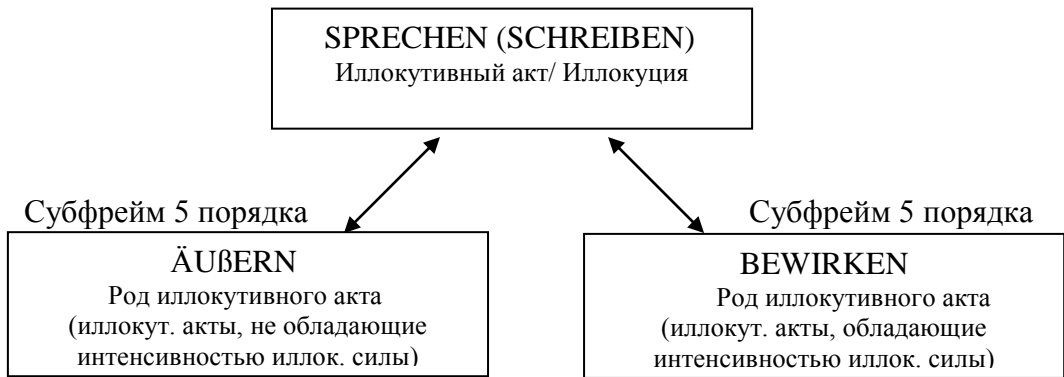
antworten
 +erwidern
 +danken

***sich anschließen**

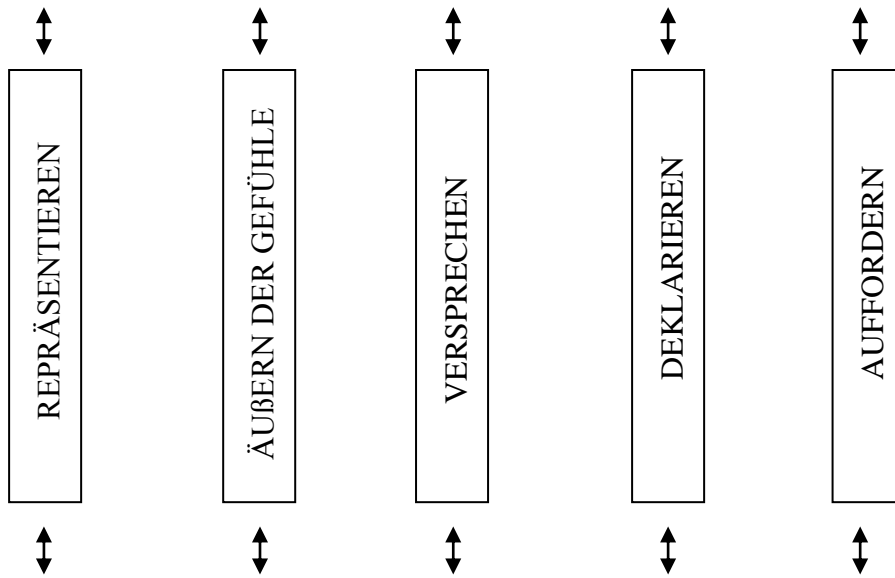
*sich anreizen
 *aufgreifen
 zustimmen
 *beigesollen
 *dazukommen
 *sich gesellen

**Схема. Структура динамичного фрейма категоризации иллокуции
в немецком языке**

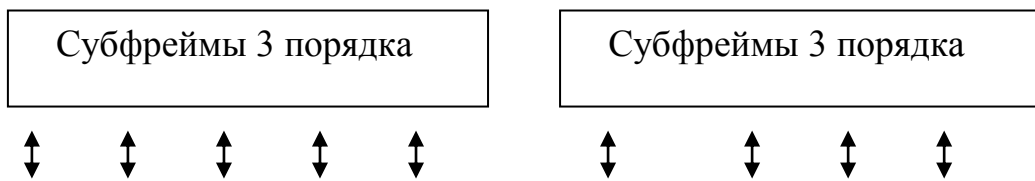
Вершинный слот

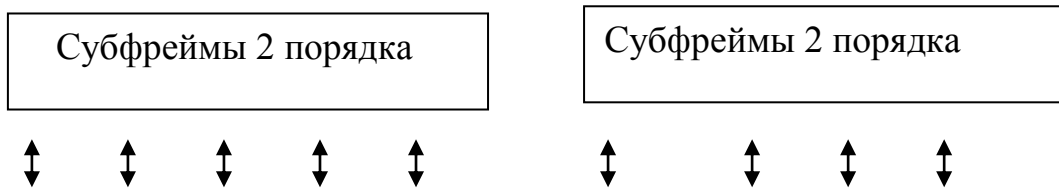
Субфреймы 4 порядка – вид иллокутивного акта

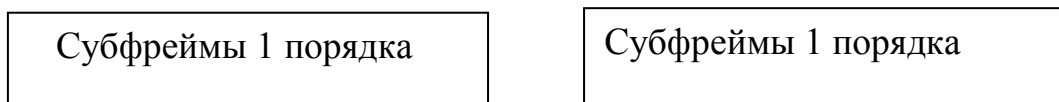
Подвид речевого акта

Тип иллокутивного акта

Отдельные иллокутивные акты

АРХИВ ТЕКСТОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ ДЛЯ АНАЛИЗА**Текст № 1***Generalvollmacht für Hausverkauf*

Ich¹, (Name, Vorname, Anschrift, PLZ, Geburtsdatum, Geburtsort) erteile hiermit (Name, Vorname, Anschrift, PLZ, Geburtsdatum, Geburtsort) eine Generalvollmacht.

Die Bevollmächtigte ist mit dieser Generalvollmacht berechtigt, sämtliche Angelegenheiten für mich vor Privatpersonen, Unternehmen und Behörden wahrzunehmen, um den Verkauf des Hauses (Anschrift, PLZ, Bundesland des Hauses; besonderen Merkmale des Hauses) vorzunehmen. Ferner ist sie befugt, für mich in der gesetzlichen Art und Weise ohne Einschränkungen jede rechtlich notwendig und gebotene Handlung vorzunehmen, die von mir und mir gegenüber nach den gesetzlichen Bestimmungen vorgenommen werden kann, nämlich mit denselben Folgen, wie wenn ich selbst gehandelt hätte. Die Generalvollmacht beinhaltet folgende Rechte: Die oben genannte Bevollmächtigte, folglich die Vertrauensperson, hat das Recht mich gegenüber Gerichten, Behörden und sonstigen öffentlichen Stellen und Privatpersonen gerichtlich und außergerichtlich zu vertreten. Sie hat das Recht für mich – folglich in meinem Namen – Prozesshandlungen wahrzunehmen. Ferner hat sie das Recht bewegliche Sachen, Grundstücke, und Rechte für mich zu erwerben/kaufen oder zu veräußern/verkaufen. Sie hat das Recht Zahlungen oder Wertgegenstände für mich anzunehmen und Zahlungen für mich vorzunehmen. Auch hat sie das Recht dingliche Rechte jeglicher Art und Weise an Grundstücken oder anderen Rechten zu bestellen, zu übertragen, zu kündigen oder aufzugeben. Diese Generalvollmacht schließt die Befreiung des oben genannten Bevollmächtigten von allen Beschränkungen des § 181 BGB ein. Weiterhin ist der Bevollmächtigte befugt, im Einzelfall eine Untervollmacht gegenüber anderen Personen zu erteilen. Diese

¹ Имена собственные заменены в тексте на соответствующие нарицательные лексемы.

Vollmacht gilt über meinen Tod hinaus und ist gültig bis zu meinem Widerruf – bestenfalls bis zur Erledigung der Angelegenheit, folglich des Verkaufs des Hauses. Nach meinem Ableben kann diese Vollmacht von meinen Erben widerrufen werden.

Ort, Datum Unterschrift (Name, Vorname) [Интернет-ресурс 1-6].

Тексты № 2-1 и 2-2

Текст № 3

[Aachener Zeitung 23.08.12]

Text № 4

Anschrift

Datum

*„Liebe ist ein Glas, das zerbricht,
wenn man es zu unsicher oder zu fest fasst.“
(Russisches Sprichwort)*

Lieber Herr Klöters,

ich habe mich gefreut, als ich Ihre Karte erhielt, in der Sie Ihre Vermählung ankündigen. Es ist für mich immer wieder beruhigend zu sehen, dass es in diesen

unruhigen Zeiten, in denen so vieles im Umbruch ist, doch immer wieder junge Menschen gibt, die den Wunsch nach Beständigkeit dagegensetzen.

Zu Ihrem mutigen Schritt gratuliere ich Ihnen und Ihrer Braut sehr herzlich. Da ich Sie als äußerst zuverlässigen und vorausschauenden Geschäftspartner kenne, bin ich ganz sicher, dass auch Ihre private Planung erfolgreich sein wird und dass Sie dies sensible „Glas“ genau richtig anfassen werden.

Noch einmal alle guten Wünsche für Ihre gemeinsame Zukunft von

Ihrer

Unterschrift [Neumayer 1993: 50]

Text № 5
Anschrift

Datum

*„Es dürfte keine Steuer geben,
kein Zahnweh, keine Schützengräben,
dann wär' auf dieser Welt das Leben
vielleicht noch schöner als wie eben!“*
Heinz Erhardt

Lieber Herr Meisenkaiser,

zu Ihrem 70. Geburtstag gratuliere ich Ihnen mit einem Spruch von Heinz Erhardt, weil ich Sie in den vielen Jahren, die wir uns nun schon kennen, als nachdenklichen und gleichzeitig lebensfrohen Menschen schätzengelernet habe.

Deshalb bin ich sicher, dass Sie Ihren heutigen Ehrentag genießen werden und all die großen und kleinen Einschränkungen der Lebensfreude, die Heinz Erhardt nennt und über die wir so oft bei einem Gläschen ... gesprochen haben, für heute vergessen werden.

Da ich Sie auch als Liebhaber eines guten Tropfens kenne, erlaube ich mir, Ihnen als Geburtstagspräsent einen Kasten ... durch meinen Fahrer bringen zu lassen.

Für die Zukunft wünschen meine Mitarbeiter und ich Ihnen alles Gute, besonders Gesundheit und weiterhin die Energie und Schaffenskraft, um die viele Jüngere Sie beneiden.

Herzliche Grüße

Ihr

Unterschrift [Neumayer 1993: 49].

Text № 6

Anschrift

Datum

Lieber Geschäftsfreund,

ein ereignisreiches Jahr ist zu Ende gegangen, neben Kriegen und Dürrekatastrophen hat es doch auch erfreuliche Dinge gegeben, die Hoffnung für die Zukunft wecken.

Es ist höchste Zeit, die Weihnachtszeit als Zeit der Besinnung, des Friedens und der Liebe wieder in unser Bewusstsein zu nehmen.

In diesem Sinne wünschen wir Ihnen friedvolle und besinnliche Festtage und ein erfolgreiches Jahr 19...

Ihr

Unterschrift [Neumayer 1993: 53].